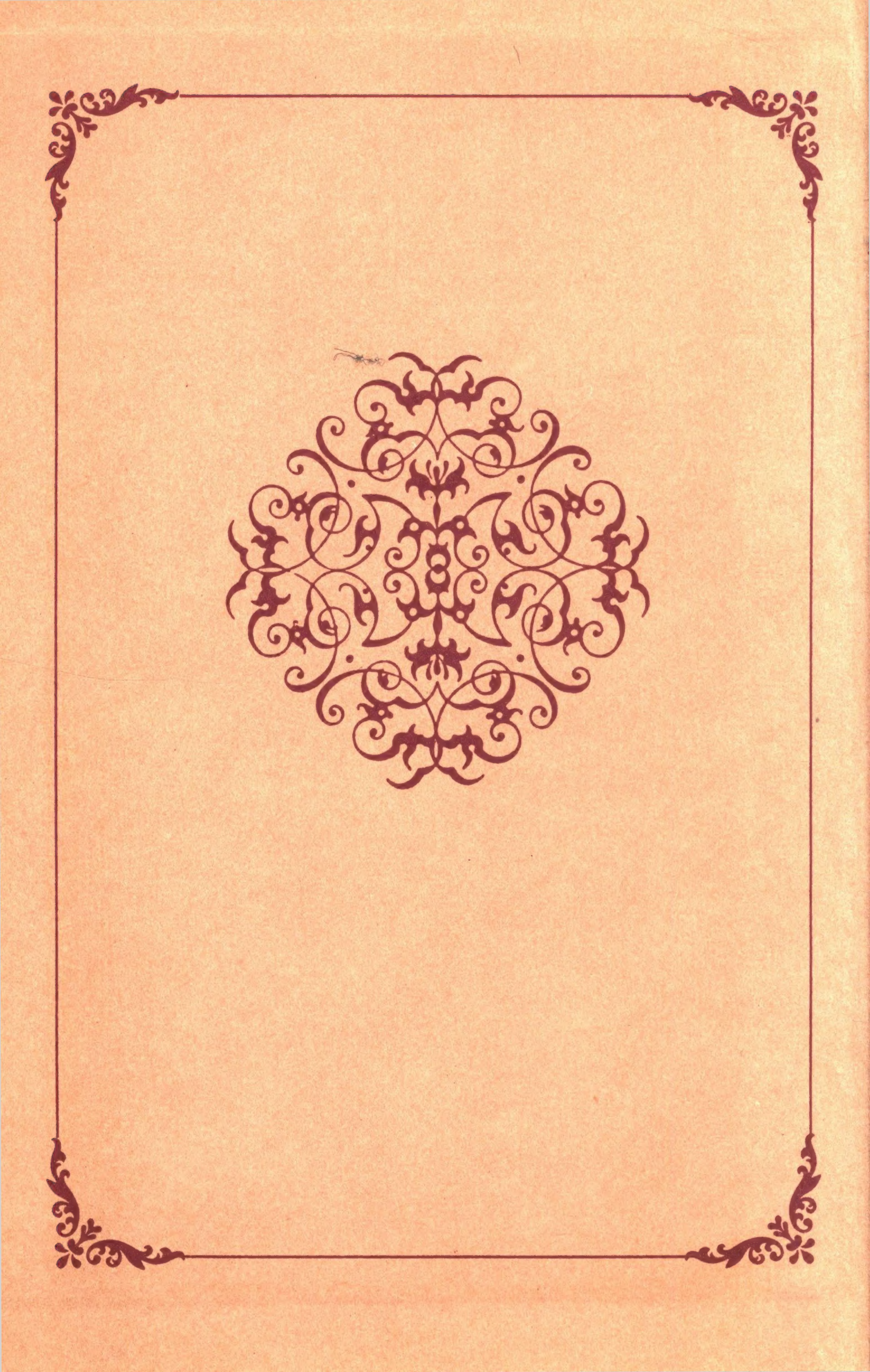
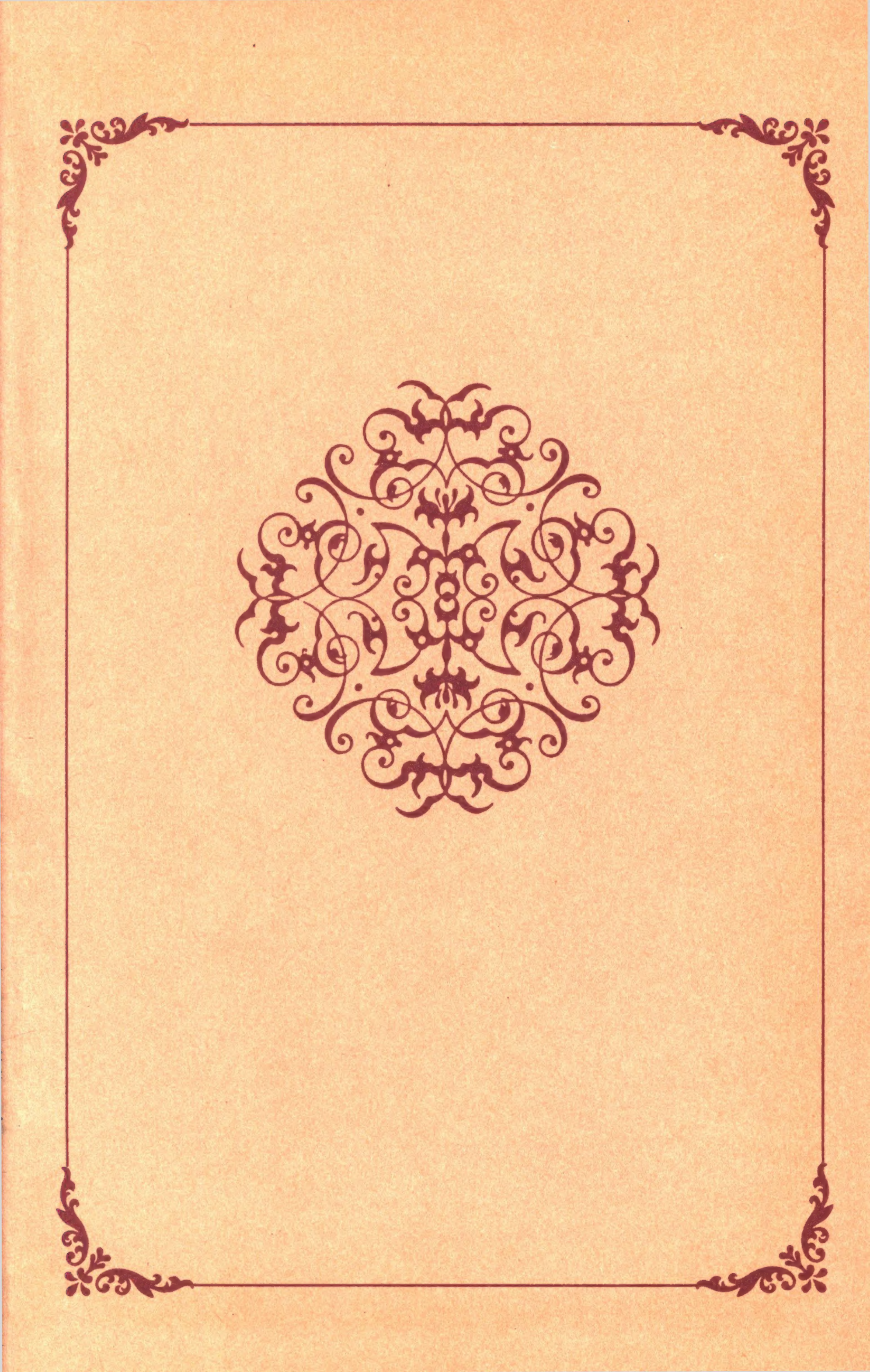

К. Валишевский

ПРЕЕМНИКИ ПЕТРА

К. Валишевский

ПРЕЕМНИКИ ПЕТРА

Репринтное воспроизведение издания 1912 года

МОСКВА СП "ИКПА" 1990

К · ВАЛИШЕВСКIЙ ·
ПРЕЕМНИКИ ПЕТРА
К^во^
СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ

ПРОИСХОЖДЕНІЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССІИ. Т. V.

Преемники Петра.

К. ВАЛИШЕВСКАГО.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО
Н. ВАСИНА.

Книгоиздательство „СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ“.
МОСКВА.—1912

Типографія Тор. Дома „Моск. Изд. Копѣйка, Б. Дмитровка, д. 26.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Порядокъ, въ которомъ эти изслѣдованія являются на судъ публики, не имѣетъ въ себѣ ничего произвольнаго, несмотря на то, что такъ кажется съ виду. Онъ опредѣляется, откровенно сознаюсь въ этомъ, предполагаемымъ чувствомъ любопытства, которымъ авторъ не можетъ претендовать завладѣть ни своимъ талантомъ, ни сюжетомъ. Въ малоизслѣдованныхъ странахъ точки наиболѣе близкія, а также наиболѣе возвышенныя имѣютъ шансы привлекать прежде всего путешественниковъ. Въ этой книгѣ будутъ затронуты промежуточныя пространства. Но пойдутъ ли за проводникомъ?

Совѣтую моимъ читателямъ припомнить русскую поговорку: *Громада—великій человѣкъ*. Самъ Петръ I, какъ я старался доказать это, былъ только выраженіемъ коллективнаго цѣлаго, развитіе котораго не сохранило послѣ него той головокружительной быстроты, но характеръ и внутренняя сила котораго выяснились именно тогда. Поглощая эти элементы въ своей могучей личности, онъ сдавливалъ ихъ и маскировалъ. Вотъ когда они появились наружу и съ какой отчетливостью! Съ точки зрѣнія политическаго и соціальнаго движенія, эпоха, въ которую мы собираемся вступить, соотвѣтствуетъ одному изъ періодовъ застоя, регресса, можно даже подумать, который въ развитіи русскаго народа, кажется, составляетъ часть непреложнаго закона. Это было какъ бы возвращеніе къ хаосу. Однако, подъ неопредѣленной, странной, часто чудовищной внѣшностью жизнь трепещетъ.

Мнѣ сдѣлали уже упрекъ въ исключительномъ пристра-

стіи къ живописной сторонѣ историческихъ событій. На этотъ разъ я рискую заслужить его еще въ большей степени. Я остаюсь убѣжденнымъ, что въ этомъ отношеніи между моими критиками и мною—только простое непониманіе и смѣшеніе дѣйствія съ причиной. Этотъ споръ похожъ на то, что житель Боціи могъ бы сдѣлать упрекъ жителю Бернскаго кантона: „Вы показываете мнѣ только горы!" Къ тому же, исторія Россіи XVIII вѣка—не швейцарскій пейзажъ. Скорѣе пейзажъ эпохи мірозданія. Вы присутствуете при возникновеніи міра. Все здѣсь показывается вдругъ, внезапно, въ страшныхъ контрастахъ. Изъ содержанія всѣхъ этихъ главъ можно дѣлать романы и драмы, и надо очень мало воображенія, чтобы отыскать ихъ въ этой книгѣ. И незачѣмъ было бы вносить въ нихъ вымыселъ! Простая дѣйствительность ихъ превосходитъ воображеніе всѣхъ Дюма.

Такой романтическій отпечатокъ само *царство женщинъ* должно было наложить на эпоху, въ теченіе которой продолжалось оно, въ теченіе трехъ четвертей столѣтія. Тѣмъ болѣе, что никакой законъ престолонаслѣдія не старался ни установить, ни поддержать его. Страна добровольно создала эту теорію управленія, какъ и серію царицъ. Она такъ же и пользовалась ими. Освободившись отъ деспотизма создателя національнаго величія, духъ анархіи и духъ приключеній, составляющіе основу всякаго общества въ періодъ его образованія, заявили свои права въ самыхъ различныхъ формахъ. Женовластіе было одной изъ нихъ, а правленіе фаворитовъ—другой.

И та и другая сильно способствовали возникновенію тѣхъ легендъ и анекдотовъ, въ особенной любви къ которымъ обвиняли меня. Я люблю ихъ, когда они забавны, но не отказываю себѣ въ правѣ относиться къ нимъ критически, когда они ложны. Это случается девять разъ изъ десяти. Но и тогда я считаю возможнымъ придать имъ настоящій смыслъ. Какъ? Впрочемъ, объ этомъ я уже говорилъ. Дополненіемъ и согласованіемъ. Во всякомъ случаѣ количество гарантировало мнѣ качество! Мнѣ возражали на это. Возраженіе не убѣдило меня. Спросите двоихъ людей, бѣгущихъ по улицѣ. Одинъ изъ нихъ заявитъ вамъ, что пожаръ въ театрѣ, а другой, что пожарные въ думѣ. Вы не слишкомъ ошибетесь, если

заключите, что гдѣ-то былъ виденъ дымъ. Женщинѣ, которой молва приписываетъ двадцать любовниковъ, трудно казаться въ моихъ глазахъ безупречной, хотя бы у меня не было никакихъ другихъ указаній. А подобныхъ фактовъ масса даже въ исторіи.

По мнѣнію же другихъ критиковъ, я вообще слишкомъ остороженъ въ своихъ заключеніяхъ. На самомъ дѣлѣ я не считаю себя торговцемъ непреложными истинами. Легко уловить только одинъ звукъ, слушая только одинъ колоколъ. Я же въ свой звонъ стараюсь ввести какъ можно больше колоколовъ.

Между документами, которыми я пользовался, очень мало совершенно неизданныхъ. Другіе я постарался свѣрить съ источниками, и эта предосторожность была небезполезна для меня. Приношу глубокую благодарность моему молодому другу, Зихель-Дюлонгу, любезно помогавшему мнѣ въ дрезденскихъ архивахъ для этой части моей работы. Особенной благодарностью я обязанъ его свѣтлости, князю Гогенлоэ, канцлеру Германской имперіи, и г-ну Козеру, директору государственнаго архива въ Берлинѣ, изъ которыхъ одинъ открылъ мнѣ доступъ, а другой облегчилъ возможность пользоваться этими драгоцѣнными сокровищницами, гдѣ я нашелъ для своей книги нѣсколько указаній и нѣсколько новыхъ текстовъ, и еще больше драгоцѣнныхъ матеріаловъ для слѣдующей книги.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЖЕНА И ВНУКЪ.

ГЛАВА I.

Время переворотовъ.—Екатерина I.

I. Наслѣдіе Петра Великаго.—Ни завѣщанія, ни династіи, ни закона о престолонаслѣдіи.—Тогдашнія партіи.—Екатерина, хорошо направляемая, дѣйствуетъ ловко.—28 января 1725 года.—Импровизированное избирательное собраніе.—Вмѣшательство гвардіи.—Избраніе Екатерины I.—II. Періодическіе государственные перевороты.—Военная диктатура.—Политическія и общественныя послѣдствія.—Свобода сословій.—Женовластіе.—Его историческіе элементы.—Женщина въ славянской старинѣ.—Женскіе типы въ Россіи.—III. Нравственная физіономія новой государыни.—Окружающіе дворъ.—Приближенные.—Семья.—Голштинскій домъ.—Герцогиня Курляндская.—Наперсники и любовники.—Нѣмецкіе авантюристы и польскіе перебѣжчики.—Левенвольде.—Сапѣга.—Домашніе нравы.—Постоянныя оргіи.—Видимое отсутствіе правительства.—Ключъ загадки.

I.

Легендарный проектъ революціоннаго декрета въ двухъ параграфахъ: „Пар. 1. Больше нѣтъ ничего. Пар. 2. Никто не обязанъ исполнять этотъ декретъ", нашелъ буквальное примѣненіе въ Россіи на другой же день смерти ея великаго мужа. Нѣтъ больше государя въ странѣ, гдѣ государь всю власть заключаетъ въ самомъ себѣ, и не кѣмъ его замѣстить. Ни наслѣдника, ни династическаго закона. Законъ въ этотъ моментъ выражался съ слѣдующихъ словахъ, написанныхъ Петромъ слабѣющей рукой въ агоніи: „Отдайте все..." Онъ

не смогъ кончить, и отъ его воли, составлявшей все, такимъ образомъ не осталось ничего.

Въ древнемъ Московскомъ государствѣ этотъ вопросъ разрѣшался на основаніи обычая. Онъ состоялъ въ естественномъ законѣ наслѣдованія въ нисходящей линіи, и въ концѣ XVI столѣтія этотъ принципъ, казалось, утвердился. Но въ 1598 г., послѣ смерти послѣдняго сына Ивана Грознаго, онъ не могъ быть примѣненъ, такъ какъ родъ Рюриковичей прекратился. Первый изъ Романовыхъ (1613) занялъ власть въ силу избранія. Онъ былъ избранъ всей землей—или тѣми, кого тогда называли всей землей—собраніемъ мѣстныхъ бояръ. Потомъ, казалось, прежній принципъ возобновился, такъ какъ Алексѣй наслѣдовалъ своему отцу, Михаилу Ѳеодоровичу, а Ѳеодоръ Алексѣевичъ такъ же наслѣдовалъ своему отцу. Но послѣ смерти Ѳеодора снова перерывъ и произволъ. Былъ избранъ Петръ I, но онъ раздѣлялъ тронъ со своимъ старшимъ братомъ, Іоанномъ, и оба въ теченіе нѣкотораго времени уступали значительную часть своего наслѣдія сестрѣ Софіи. Въ свою очередь, въ 1722 году Петру вздумалось ввести въ этотъ законъ, столько претерпѣвшій, новый принципъ: право государя назначать себѣ преемника. На самомъ дѣлѣ онъ воспользовался имъ при отправленіи въ персидскую кампанію: въ завѣщаніи онъ назначилъ Екатерину. Но тутъ случилось дѣло Монса *), и завѣщаніе было разорвано. Итакъ, возвратъ къ пустотѣ.

Чтобы объяснить, какъ былъ найденъ выходъ изъ этого тупика, мы должны обратиться къ эволюціонистской теоріи о созданіи органовъ ихъ фракціями. По донесенію императорскаго посла Рабутина **), въ то время въ Петербургѣ было три главныхъ партіи. Кромѣ дѣтей, рожденныхъ отъ Екатерины (Анны и Елизаветы), послѣ Петра остались ихъ двоюродныя сестры, дочери его старшаго брата, Іоанна (герцогиня

---

*) См. Валишевскій, *Петръ Великій.*—Ср. депешу датскаго посла Вестфаля, Москва 24 апрѣля (5 мая) 1729 г. въ *Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества*, LXVI, 81. То же свидѣтельство о завѣщаніи въ запискахъ Кампредона (1724), Иностр. Дѣла, Россія, т. XIX.

**) *Buschings Magazin*, XI, 437.

Мекленбургская, герцогиня Курляндская и Прасковья Ивановна), права которыхъ могли казаться большими, и внукъ, сынъ несчастнаго Алексѣя, рожденнаго женой Преобразователя, Евдокіей. Мальчику было только девять лѣтъ, и онъ не могъ править. Тѣмъ не менѣе завязалась борьба между его приверженцами и приверженцами его мачехи, второй жены Петра. Бояре сгруппились около Петра Алексѣевича, который являлся въ ихъ глазахъ отместкой Преобразователю и его преобразованіямъ. Къ несчастью, Петръ разрѣдилъ вокругъ трона ряды этой аристократіи. Здѣсь было только нѣсколько Голицыныхъ да нѣсколько Долгорукихъ съ двумя старыми военными, княземъ Репнинымъ и Борисомъ Шереметевымъ. И самый отважный изъ Голицыныхъ, Михаилъ, былъ съ войскомъ въ Украйнѣ. Остальные изъ высшаго персонала управленія состояли изъ массы выскочекъ, выведенныхъ въ люди Преобразователемъ, смерть котораго угрожала имъ обратнымъ возвращеніемъ въ тѣ низы, откуда онъ извлекъ ихъ. Продолжить великое царствованіе—вотъ былъ ихъ единственный выходъ спасенія. Такимъ образомъ, естественно ихъ взоры обратились на подругу царя, съ которой они чувствовали себя связанными стремленіями и интересами. Она была ровня имъ, выскочка и креатура, какъ и они. Меншиковъ имѣлъ особенныя причины считать ее своей. Но и Девьеры и Ягужинскіе также отдавали ей преимущество. За неимѣніемъ завѣщанія, они обращали въ ея пользу загадочныя слова Петра, сказанныя имъ наканунѣ коронаціи его жены, на праздникѣ у одного голландскаго купца *).

Третья партія мечтала объ ограниченіи неограниченной власти, въ духѣ шведской конституціи, и готова была стоять за того кандидата, который охотнѣе согласился бы на это.

Но Петръ поразилъ всѣхъ, умеревъ, какъ онъ жилъ и дѣйствовалъ, съ молніеносной быстротой. Ни у кого ничего не было подготовлено. Никакой организаціи. Только одна Екатерина располагала дѣйствительными средствами. За нее были также и всѣ иностранцы, которые боялись возвращенія

---

*) Herrmann, *Geschichte d. russ. Staats*, 1849, VI, 470, по разсказу Бассевича. Также *Buschings Magazin*, XI, 290 и сл.

къ прежнимъ московскимъ традиціямъ, которымъ, казалось имъ, угрожалъ сынъ Алексѣя. Также и во всѣхъ *коллегіяхъ*, гдѣ преобладали иностранцы. На ея сторонѣ былъ синодъ, плодъ преобразованій Петра, а изъ помощниковъ Петра—самые энергичные и вліятельные. Даже нѣсколько представителей аристократіи: Толстой, потому что былъ палачомъ Алексѣя, и контръ-адмиралъ Апраксинъ, потому что онъ тѣсно былъ связанъ съ Толстымъ и Меншиковымъ *). На ея сторонѣ былъ герцогъ Голштинскій, женихъ одной изъ ея дочерей, и черезъ него симпатіи завоеванныхъ у Швеціи провинцій, Ливоніи, Эстоніи, Кареліи, которыя смутно ждали отъ этого герцога возврата къ своему отечеству. Наконецъ, у нея были ключи отъ казны.

Съ хорошими совѣтниками она сумѣла хорошо воспользоваться ихъ указаніями. Въ теченіе двадцати четырехъ часовъ, предшествовавшихъ катастрофѣ, она часто покидала изголовье умирающаго и запиралась въ своемъ кабинетѣ, гдѣ вела искусный торгъ. Здѣсь поочереди дефилировали маіоры и капитаны гвардіи, уходя съ обѣщаніями, съ прибавленіемъ задатковъ: немедленную уплату жалованья, задерживавшагося въ теченіе 18 мѣсяцевъ, и тридцать рублей награды на каждаго солдата. Однимъ изъ подполковниковъ былъ Меншиковъ. Другой, Иванъ Бутурлинъ, всѣми своими семейными связями принадлежалъ къ оппозиціонной партіи. Но у него былъ личный споръ съ княземъ Репнинымъ, президентомъ военной коллегіи, онъ также посѣтилъ Екатерину.

Такъ приготовлялся день 28 января 1725 года. Петръ умеръ въ 5 часовъ. Въ 8 часовъ сенатъ, синодъ и такъ называемый *генералитетъ*—чиновники, принадлежавшіе къ четыремъ первымъ классамъ по табели о рангахъ, установленной Петромъ I—собрались во дворцѣ. Кто созвалъ ихъ? Никто. Существовалъ обычай, что въ моментъ великихъ кризисовъ лица, составляющія естественную опору трона, немедленно отправляются къ мѣсту пребыванія правительства.

---

*) Соловьевъ, *Исторія Россіи*, 1868, XVIII, стр. 272 и сл. Также Herrmann указ. соч. Соловьевъ основывается главнымъ образомъ на письмахъ французскаго посла Кампредона.

Тотчасъ же начались споры о престолонаслѣдіи, и споры эти были бурные, при чемъ первымъ заговорилъ Дмитрій Голицынъ, предложившій наслѣдникомъ маленькаго Петра Алексѣевича съ регентствомъ между императрицей и сенатомъ. По собственному почину это импровизированное собраніе обратилось въ избирательную коллегію. Толстой горячо возражалъ. Регентство Софіи оставило плохія воспоминанія. Екатерину рекомендовали ея способности, ея добродѣтели—и корона, которую самъ Петръ предназначалъ для нея. Въ то время, какъ онъ говорилъ, одобрительный шопотъ, раздавшійся изъ одного угла залы, обратилъ вниманіе на собравшуюся тамъ группу низшихъ офицеровъ, присутствіе которыхъ ничѣмъ не оправдывалось въ такомъ высокомъ собраніи. Репнинъ вскочилъ, сурово крикнувъ на нихъ. Вмѣсто всякаго отвѣта Бутурлинъ подошелъ къ окну, сдѣлалъ знакъ рукой, и тотчасъ же раздался рѣзкій барабанный бой. Внутренніе дворы и входы во дворецъ были заняты войсками. Оба полка гвардіи находились здѣсь въ полномъ составѣ. „Кто осмѣлился... безъ моего приказа?"—снова крикнулъ Репнинъ.—„Я получилъ приказъ отъ ея высочества императрицы",—невозмутимо возразилъ Бутурлинъ.

Послѣ этихъ словъ спорили только для формы. Для формы Апраксинъ спросилъ статсъ-секретаря Макарова, существуетъ ли завѣщаніе. Какъ онъ и зналъ, завѣщанія никакого не было. „Идемъ заявить наши вѣрноподданическія чувства царствующей императрицѣ!"—заявилъ адмиралъ. И всѣ пошли. Екатерина вступила на престолъ.

По какому праву? Опубликованный въ тотъ же день манифестъ также ссылается на коронацію 1724 года какъ на указаніе новой правительницы. Но всѣ понимали, что она обязана властью выбору нѣсколькихъ своихъ подданныхъ, поддержанному этой военной демонстраціей, которая положила конецъ спорамъ. Репнинъ, Дмитрій Голицынъ и Долгорукіе, повидимому, хотѣли, чтобы сдѣланное такимъ образомъ дѣло получило по крайней мѣрѣ санкцію коллективнаго выбора, въ которомъ приняли бы участіе всѣ сословія. Но гвардейскіе офицеры ничего не хотѣли слышать. Они говорили, что изрубятъ въ куски всякаго, кто откажется признать *ихъ*

императрицу *). Было нѣсколько отдѣльныхъ протестовъ. Отказывались принести присягу два раскольника: „Если баба сдѣлалась царемъ, такъ пусть ей цѣлуютъ крестъ бабы". Но послѣ двухъ допросовъ въ застѣнкѣ ихъ сопротивленіе было побѣждено **). Масса выказала себя вполнѣ покорной.

II.

Такимъ образомъ былъ созданъ новый способъ передачи верховной власти. Онъ продолжался, съ нѣкоторыми измѣненіями, до восшествія на престолъ Павла I въ 1796 году. Хотя Екатерина I оставила завѣщаніе, назначивъ своимъ преемникомъ Петра Алексѣевича, но съ новымъ нарушеніемъ закона 1722 года она хотѣла установить постоянный порядокъ наслѣдованія, съ возвращеніемъ къ старому принципу наслѣдованія по нисходящей линіи. И когда Петръ Алексѣевичъ умеръ послѣ четырехъ лѣтъ царствованія, не было даже и вопроса объ исполненіи этого завѣщанія. Послѣдовательно Анна I, Іоаннъ VI, Елизавета и Екатерина II обязаны своимъ воцареніемъ государственнымъ переворотамъ, подобнымъ тому, который я охарактеризовалъ и въ которыхъ гвардія всегда фигурировала въ роли древняго хора. За авторами переворота 1762 года не было даже и тѣни какого-либо принципа, и Орловы, чтобы достигнуть цѣли съ женой Петра III, пошли самой короткой дорогой,—той, которой пользуются всѣ солдаты, когда они сильнѣе другихъ ***).

Эта военная диктатура сначала была только орудіемъ въ рукахъ нѣкоторыхъ начальниковъ. Позже, въ полку, изъ котораго она произошла, возникли идеи независимости, на которыхъ отразилось ея возникновеніе. Тамъ даже простыми солдатами служилъ цвѣтъ гвардіи. И результатомъ этого были важныя послѣдствія съ точки зрѣнія политической и соціальной. Выпавшая такимъ образомъ на долю одной изъ его

---

*) Брюкнеръ, *Вѣстникъ Европы*, 1894, I, 124; по донесенію вѣнскаго резидента Гогенгольца.

**) Костомаровъ, *Историческія монографіи и изслѣдованія*, XIV, 319.

***) Дитятинъ, *Статьи по исторіи русскаго права*, 1895, 621—26 стр.

частей роль дала всему дворянству сознаніе, что оно правящій классъ въ странѣ. Попытки олигархіи, потомъ конституціонной реформы, которыя оно самонадѣянно предприняло, были осуждены на быструю неудачу. Но, выбираясь изъ этого мрака, оно имѣло шансы оставаться не съ пустыми руками—характерная черта эпохи, послѣдовавшей со смерти Петра Великаго до воцаренія Александра I,—это постепенное освобожденіе сословій отъ всевозможныхъ тормазовъ, которые ставила организація древняго Московскаго государства и даже организація современной Россіи. И дворянство освободилось первымъ. Петръ подчинилъ его значеніе держательницы главнаго богатства страны, земли, его значенію служительницы государству. Міръ, при его преемникахъ, заставилъ отойти на второй планъ эту послѣднюю функцію, въ то же время, какъ значеніе, пріобрѣтенное правящимъ сословіемъ, заставило само правительство поддерживать его въ собственныхъ своихъ экономическихъ интересахъ. Ничего не теряя изъ своихъ правъ и даже пріобрѣтя новыя, дворянство понемногу освободилось отъ военной службы, которая являлась самой тяжелой изъ всѣхъ повинностей. Сначала отъ этого пострадали другія сословія, потомъ, по естественному ходу общественной солидарности, они сами воспользовались выгодами такого освобожденія. Мы прослѣдимъ успѣхъ этой эволюціи.

Съ режимомъ государственныхъ переворотовъ женовластіе укрѣпилось въ странѣ на цѣлыхъ 70 лѣтъ. Явленіе—вполнѣ естественное въ славянской землѣ. Въ Россіи, какъ въ Богеміи и даже въ Польшѣ, женщина въ древности часто проявляла черты амазонки. Козьма Пражскій говоритъ объ основаніи женскаго города, Дѣвина, на сосѣдней со столицей скалѣ. Легендарная служанка знаменитой Любуши, Власта, мечтала, съ помощью одной суровой мѣры, отдать во власть женщинъ управленіе всей Богеміи. Дѣло шло о томъ, чтобы отнять у всѣхъ дѣтей мужского пола правый глазъ и два пальца на каждой рукѣ, указательный и большой. Но эта операція встрѣтила сопротивленіе, и Власта погибла въ борьбѣ. Въ русской былинѣ одинъ изъ героевъ кіевскаго цикла, Добрыня, попадаетъ въ плѣнъ къ поленицѣ, которая, схвативъ его за

русые волосы, приподнимаетъ отъ земли. Въ такихъ частыхъ побѣдахъ побѣжденные, случается, берутъ реваншъ любовью. Но горе измѣнившимъ! Измѣнившій тогда выслушиваетъ такую рѣчь: „У меня два меча, два кинжала; я сяду на твои руки, на ноги; наварю себѣ пива изъ твоей крови; надѣлаю свѣчей изъ твоего сала". И обманутая героиня сдерживаетъ свое слово. Она приглашаетъ на пиръ родителей измѣнника и предлагаетъ имъ такую загадку: „Сижу на любимомъ, пью его и свѣчу себѣ имъ". Самъ Илья Муромецъ, самый непобѣдимый изъ богатырей, находитъ достойнаго себѣ противника въ Палькѣ, дочери Соловья-разбойника. Жена Дуная тягается со всѣми кіевскими стрѣлками.

Это превосходство зависитъ не только отъ физической силы или ловкости. Древній славянскій міръ охотно видѣлъ въ женщинѣ волшебницу, находящуюся въ сношеніяхъ съ сверхъестественнымъ міромъ и обладающую могучими тайнами. Любовь, внушаемая ею, казалось, тоже приписывалась колдовству. На самомъ дѣлѣ первыми великими государями, законодателями, судьями, устроителями славянской земли были женщины: Любуша въ Богеміи, Ольга въ Россіи—великій человѣкъ своего вѣка, какъ женою Петра III будетъ *Екатерина Великій* *). — Народная традиція разбилась только подъ вліяніемъ Византіи и татарскаго ига. Патріархальная организація, наконецъ, нанесла ей рѣшительный ударъ, создавъ новый порядокъ вещей, сущность котораго краснорѣчиво выражается слѣдующимъ народнымъ разговоромъ: „Кто долженъ носить воду?"—„Баба".—„Кому надо быть битой?"—„Бабѣ".—„А почему ей надо быть битой?"—„Потому что она баба". Среди алтайскихъ племенъ презрѣніе къ женщинѣ составляло основаніе общественной жизни, а въ странѣ Ольги патріархальный принципъ, несмотря на предшествовавшее, нашелъ такую благопріятную почву для своего развитія, что русское общество XVI—XVII вѣковъ съ этой точки зрѣнія кажется близкимъ Японіи, Китаю и патриціанскому Риму. Личная индивидуальность здѣсь не играетъ никакой роли.

---

*) Такъ Екатерину II называлъ Вольтеръ. *Прим. перев.*

Однако традиція пустила глубокіе корни. Въ Новгородѣ, несмотря на Византію, женщины еще появляются на народныхъ собраніяхъ. Марія Борецкая въ этой республикѣ, великія княгини Евдокія и Софія въ Москвѣ, Евдокія и Анастасія въ Твери, Анна въ Рязани, Елена въ Суздали принимали участіе въ общественной жизни, принимали на аудіенціяхъ пословъ, показывались на пирахъ. Кое-что изъ этого осталось посреди худшаго паденія современнаго времени. Убѣгая отъ жестокостей домашняго очага, женщины XVII вѣка организовали вооруженныя шайки. Легендарныя *поленицы* доходятъ до совсѣмъ недавняго времени и попадаютъ въ исторію. Во главѣ одной изъ шаекъ, слѣдовавшихъ за счастіемъ Стеньки Разина (1671 г.), Григорій Долгорукій находитъ какую-нибудь женщину и не очень любезно заставляетъ сжечь ее.

Даже въ теремѣ, до преобразованій Петра Великаго, русская женщина не совсѣмъ еще носила восточную физіономію. Правда, здѣсь ее держали взаперти, красоту ея расцѣнивали на вѣсъ, пріемлемымъ минимумомъ были 5 пудовъ. Любили ли ее? Физически и грубо, не больше. И эта черта сказывается даже въ поэтической легендѣ, гдѣ грубая чувственность занимаетъ мѣсто всегда отсутствующаго чувства. Тургеневъ говоритъ объ этомъ: „Наша, такъ называемая, эпическая литература одна между всѣми другими, европейскими и азіатскими, одна, замѣтьте, не представляетъ никакой типической пары любящихъ существъ“ *). Возьмите легенду о князѣ Петрѣ и женѣ его Февроніи. Изгнанные изъ Москвы, они ѣдутъ внизъ по рѣкѣ на лодкѣ. Одинъ изъ спутниковъ князя хочетъ поухаживать за княгиней. Она велитъ ему зачерпнуть воды справа, потомъ слѣва и выпить ее. „Слаще ли вода съ одной стороны, чѣмъ съ другой?“—„Одинакова“.—„Ну, вотъ и женщина одинакова, откуда бы вы ее ни взяли“. Но, терзаемая и унижаемая, въ сферѣ домашней жизни женщина сохраняетъ нѣкоторую власть. Законъ и обычай соглашаются отвести ей здѣсь въ извѣстномъ смыслѣ все же привилегированное положеніе. Она управляетъ своимъ домомъ.

*) „Дымъ“.

Она можетъ, наравнѣ съ мужчиной и вполнѣ независимо, владѣть помѣстьемъ, крѣпостными и распоряжаться ими по своему усмотрѣнію. Типъ барыни-хозяйки получаетъ при такихъ условіяхъ достаточную полноту. И этотъ типъ ясно обозначается, когда женское вліяніе торжествуетъ и женщина призывается къ почестямъ и тяготамъ высшаго сана. Мы видимъ такой типъ съ начала героической эпохи и до рубежа XIX вѣка. Анна и Елизавета, послѣ Екатерины I, не представляютъ ничего другого на тронѣ, съ той же патріархальной простотой, какъ первая попавшаяся дворянка во времена Алексѣя Михайловича, управлявшая своей вотчиной. И съ тою же строгостью. Герцогиня Мекленбургская, Екатерина Ивановна, присутствовавшая на представленіи трагедіи вмѣстѣ съ однимъ иностраннымъ дипломатомъ (Бергольцъ) и съ улыбкой во время реплики сказавшая ему, что актеръ, игравшій царя и бывшій однимъ изъ ея крѣпостныхъ, передъ выходомъ на сцену получилъ двѣсти палокъ, можетъ дать намъ точное понятіе о личности.

Съ сестрой Петра Великаго, Наталіей Алексѣевной, появляется другой типъ женщины: артистки, писательницы, провозвѣстницы женщины-доктора въ будущемъ. И въ быстромъ развитіи, которое мы видимъ въ наше время, несомнѣнно есть часть исторической предшественницы. Но вообще исторія, какъ и традиція, были скорѣе неблагопріятны для развитія части интеллектуальныхъ способностей въ этой сферѣ. На пятьсот портретовъ, собранныхъ со сказочнаго Баяна, въ словарѣ Бантышъ-Каменскаго женскихъ находится только двѣнадцать, очень сомнительнаго достоинства *). И не въ такого рода качествахъ надо искать секрета необыкновеннаго счастья, выпавшаго на долю *маріенбургской плѣнницы*.

III.

„Допетровская Русь прошла къ новой Россіи черезъ публичный домъ“,—сказалъ Герценъ. Характерный штрихъ;

---

*) См. Михневичъ, *Русскія женщины XVIII стол.*, 1895, стр. 288 и сл.

того, что я уже сказалъ *) о происхожденіи и правахъ странной наслѣдницы, призванной продолжать царствованіе Преобразователя, достаточно, однако, чтобы защитить ядовитаго публициста отъ обвиненій въ несправедливости. Сомнѣваются въ цѣнности нѣкоторыхъ свидѣтельствъ, на которыя я ссылался. Вотъ одно, которое исключаетъ всякія сомнѣнія. Я беру его изъ офиціальнаго сочиненія, содержащаго въ избранныхъ отрывкахъ переписку русскихъ государей. Понятно, что въ выборѣ не могло быть никакого недоброжелательства. 18 іюня 1717 года, въ письмѣ къ женѣ изъ Спа, гдѣ онъ лѣчился, Петръ посылаетъ письмо своей любовницѣ, которую онъ отослалъ отъ себя по совѣту докторовъ, запретившихъ ему въ данный моментъ „всякую домашнюю забаву". Вотъ отвѣтъ Екатерины: „Что же вы изволите писать, что вы метреску свою отпустили сюда для своего воздержанія, что при водахъ невозможно съ нею веселитца и тому вѣрю; однакоже больше мню, что вы оную изволили отпустить за еѣ болѣзнью, въ которой она нынѣ пребываетъ, и для леченія изволила поѣхать въ Гагу, и не желала бы (о чемъ Боже сохрани!), чтобъ и галанъ тей метресишки таковъ здоровъ пріѣхалъ, какова она пріѣхала". Въ письмѣ злой намекъ, но безъ злопамятства, потому что дальше слѣдуетъ: „А что изволите въ другомъ своемъ писаніи поздравлять именинами старика (т.-е. самого Петра) и шишечкиными (т.-е. маленькаго Петра Петровича, вскорѣ умершаго), и я чаю, что если бы сей старикъ былъ здѣсь, то бъ и другая шишечка на будущій годъ поспѣла" **). Мы, очевидно, далеки отъ Людовика XIV и Маріи Терезіи, даже отъ m-lle Ла-Вьеръ и менѣе скромныхъ образчиковъ, завѣщанныхъ любовными приключеніями тѣхъ временъ западнымъ странамъ. И я убѣжденъ, что я подошелъ ближе всѣхъ къ истинѣ въ описаніи портрета, который я постарался начертить, этой самой невѣроятной изъ императрицъ, и къ которому я больше не вернусь. Боюсь, что пробѣлы и неясныя мѣста всегда

*) См. *Петръ Великій.*

**) *Письма русскихъ государей.* Изд. Комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ, 1861, I. 70, 166.

будутъ существовать на немъ. Герценъ говоритъ еще объ одной лубочной картинѣ, которую онъ видѣлъ въ гостиницѣ. Она представляетъ Петра, сидящаго передъ уставленнымъ закусками и бутылками столомъ, и Меншикова, приводящаго ему для десерта красивую женщину. Внизу слѣдующая подпись: „Вѣрный подданный уступаетъ любимому имъ царю самое, что у него ни на есть драгоцѣнное“. Эта картина, если она существуетъ, заключаетъ въ сбѣ все, что можно открыть достовѣрнаго въ прошломъ Екатерины Первой, до ея возвышенія въ рангъ супруги и царицы. Въ 1702 году ее было звать Мартой, и отъ дома пастора Глюка до лагеря завоевателя Ливоніи она была простой дѣвушкой-нѣмкой, занятой самыми грубыми домашними работами и услугами интимнаго характера, которыми подобныя ей имѣютъ обыкновеніе заниматься во всякое время. Въ концѣ слѣдующаго года Петръ поселилъ ее въ Москвѣ, гдѣ родились внѣ брака двѣ дочери, Анна и Еизавета, и гдѣ ее крестилъ въ православную вѣру попъ Василій Антипьевъ, сдѣлавшійся потомъ архимандритомъ Варлаамомъ *). Только тогда она приняла имя Екатерины. Ея бракъ съ Петромъ относится къ 1712 году. Здѣсь я буду говорить о томъ, чѣмъ она была, сдѣлавшись повелительницей всей Россіи.

По словамъ Кампредона, она не умѣла ни читать, ни писать, но послѣ трехъ мѣсяцевъ упражненій могла порядочно подписывать государственныя бумаги **). Вы можете недовѣрять дипломатическимъ свѣдѣніямъ, и не ошибетесь. Но вотъ другое доказательство, и уже неопровержимое. Это расходная книга императрицы съ 1722 по 1725 г. ***). Весь ея нравственный портретъ выступаетъ здѣсь во весь ростъ. Здѣсь я съ удовольствіемъ нахожу даже поощреніе, данное наукѣ: пять червонцевъ одному преображенскому солдату, отправляющемуся учиться въ Амстердамъ, и двадцать чер-

---

*) *Біографія архимандрита Варлаама* въ *Русскомъ Архивѣ*, 1874, I, 568.

**) Документъ, представленный въ августѣ 1726 г. Иностранный Архивъ. Записки и документы, Россія, т. V.

***) *Русскій Архивъ*, 1874, I, 513 и сл.

вонцевъ составителю французской грамматики. Вотъ и все. Большинство императорскихъ щедротъ изливается на псарей, садовниковъ, выращивающихъ рѣдкіе и ранніе салаты, шутовъ. Одинъ изъ послѣднихъ, ходившій головою внизъ, получилъ тридцать червонцевъ, тогда какъ царевна Наталія Алексѣевна получила только восемь червонцевъ въ новомъ кошелькѣ по случаю своихъ именинъ. Въ мартѣ 1724 г. княжна Голицына получила почти столько же, сколько и тутъ: двадцать четыре червонца, *чтобы плакала по поводу смерти сестры*. И, какъ говоритъ книга расходовъ, *она плакала въ этотъ день*. Кое-гдѣ нѣкоторые штрихи жалости и состраданія. Русская женщина XVIII вѣка была сострадательна и помогала несчастнымъ. Во „Всякой Всячинѣ“ Екатерины II поучительна въ этомъ отношеніи одна сцена—визитъ племянника къ теткѣ, отъ которой онъ ждетъ наслѣдства. Чтобы дойти до нея, онъ долженъ перепрыгивать черезъ ноги массы нищихъ, слѣпыхъ, увѣчныхъ. Переднія Екатерины I, когда онѣ появились у нея, представляли подобное же зрѣлище. Солдаты, матросы, рабочіе ежедневно являлись туда: кто просилъ помощи, кто просилъ царицу быть крестной матерью его ребенку. Она никогда не отказывала и давала по нѣсколько червонцевъ каждому своему крестнику. Она давала приданое сиротамъ, назначала пенсіи ветеранамъ Шведской войны, раздавала милостыню священникамъ, монахамъ, рождественскимъ славельщикамъ. Я нахожу два червонца мужику, который жаловался, что не можетъ уплатить податей; но тамъ же я нахожу и десять червонцевъ для другого мужика, который оказался способнымъ въ восемьдесятъ четыре года взлѣзть на дерево. Вы понимаете разницу. Одинъ только большой расходъ въ сто тридцать два червонца, уплаченныхъ въ 1724 году (Екатерина тогда располагала еще довольно скромными средствами) за грузъ данцигской водки. Краснорѣчивая характеристика заключается въ слѣдующихъ записяхъ: 25 сентября 1725 г., когда Петръ уже умеръ, десять червонцевъ княгинѣ Анастасіи Голицыной (*княгинѣ-игуменьѣ* оргій предшествовавшаго царствованія), за то, что она выпила за столомъ ея величества два стакана

англійскаго пива. 12-го октября двадцать червонцевъ ей же за то, что она выпила два стакана краснаго вина. Черезъ недѣлю княгиня Голицына, несомнѣнно, уже послѣ порядочной выпивки, выпила добавочный стаканъ съ пятнадцатью червонцами на днѣ. Положили пять червонцевъ въ другой стаканъ, но на этотъ разъ она отказалась отъ сдѣлки, и деньги достались мундшенку.

Гдѣ мы? Эти страницы указываютъ какъ бы на дурной притонъ. И здѣсь не при чемъ дипломаты, ни разсказчики анекдотовъ. Но они изобилуютъ разсказами въ такомъ же духѣ. Вотъ какъ секретарь саксонскаго посольства, Фрексдорфъ, описываетъ сцену утреннихъ визитовъ Меншикова къ своей прежней служанкѣ, которую находитъ еще въ постели. Разговоръ неизмѣнно начинается вопросомъ: „Чего бы намъ выпить?“ Потомъ опоражнивается нѣсколько стаканчиковъ водки, и круговая продолжается до вечера, при чемъ вино перемѣшивается съ простой водкой и заграничными ликерами *). Кампредонъ вводитъ въ свои записки отъ 1726 г. слѣдующій смѣшной разсказъ: „Нѣсколько времени тому назадъ, послѣ ужина, разговоръ, по обыкновенію не серьезный, перешелъ на маленькую княжну Наталію **), умершую черезъ нѣсколько дней послѣ царя. Царица заплакала. Ея горе нагнало мрачное молчаніе на все общество. Это было тотчасъ же послѣ ужина, и,—раньше чѣмъ приглашенные удалились, предоставивъ полную свободу маленькой ночной вечеринкѣ, которая въ теченіе шести мѣсяцевъ ежедневно затягивалась до шести часовъ утра,—графъ Сапѣга, порядочный вѣтренникъ, гонявшійся только за весельемъ, взялъ въ руку большой стаканъ и громко воскликнулъ: „Масса, кто заговоритъ! ***). Царица отвѣтила: „Топъ!“ И, вытеревъ слезы, выпила стаканъ вина“.

О томъ, каковы были эти вечеринки, и о присутствовавшихъ на нихъ, *Мемуары* даютъ большія подробности.

---

*) Herrmann, *указ. соч.*, IV, 487.

**) Дочь Екатерины I.

***) Во время игры въ кости платили штрафъ, напримѣръ, такъ: „Масса въ десять пистолей“.

„Меншиковъ только для совѣта. Ягужинскій—все... Баронъ Левенвольде, кажется, пользуется большимъ успѣхомъ... Девьеръ еще въ числѣ явныхъ фаворитовъ... Графъ Сапѣга тоже занимаетъ свой постъ. Это красивый дѣтина, хорошо сложенный, въ полной силѣ молодости. Ему часто посылаютъ букеты и драгоцѣнности... Есть еще другіе фавориты второго разряда, но ихъ знаетъ только Іоганна, старая горничная царицы, вѣдающая ея развлеченіями“.

Эти мемуары только резюмируютъ древнюю переписку, которая съ 1725 по 1727 годъ изобилуетъ подобными черточками:

14 октября 1725 г.—„Эта княгиня (Екатерина I) продолжаетъ усиленно предаваться развлеченіямъ, что отражается на ея здоровьѣ“.

22 декабря 1725 г.—„Царица чувствовала себя довольно плохо послѣ кутежа, происходившаго въ день Св. Андрея... Кровопусканіе исправило все; но такъ какъ она необыкновенно полна и ведетъ очень неправильную жизнь, думаютъ, что съ ней можетъ произойти какой-нибудь случай, который сократитъ ея дни“ *).

Датскій посолъ, Вестфаль, въ свою очередь подсчиталъ общее количество венгерскаго вина и данцигской водки, выпитой при дворѣ за два года царствованія, и насчиталъ около милліона рублей **)—приличная цифра для страны, общіе доходы которой не превышаютъ десяти милліоновъ!

Пристрастные свидѣтели? Пусть. А расходная книга? Я согласенъ держаться ея. Впрочемъ, и Кампредонъ ничуть не непріязненный соглядатай. Онъ въ данный моментъ мечталъ о франко-русскомъ союзѣ и къ своимъ отчетамъ примѣшивалъ самые лестные отзывы о „талантахъ“ и „умѣ“ государыни, все-таки добавляя, какъ она собственноручно пытала одну изъ своихъ горничныхъ, виновную въ томъ, что она „разболтала и выгнала изъ-подъ ея кровати (то-есть императрицы) одного камергера, который, притворившись

*) Иностр. Дѣла, Россія.

**) Корсаковъ, *Воцареніе Анны I*, приложеніе, стр. 75.

пьянымъ, хотѣлъ дождаться тамъ разсвѣта“. Онъ воздавалъ справедливость мужеству и хладнокровію храброй подруги, которой Петръ приписывалъ свое спасеніе во время злосчастной Прутской кампаніи. Онъ представлялъ ее присутствующей на ученіи своихъ гвардейцевъ и не поморщившейся при залпѣ, которымъ, случайно или умышленно, былъ убитъ человѣкъ въ четырехъ шагахъ отъ нея. „Эта пуля была предназначена не для того бѣдняги“,—просто сказала она, въ то же время подозвавъ командира и вырвавъ у него шпагу*). Но на французскаго посла, какъ и на всѣхъ его коллегъ, общій строй новаго царствованія производилъ впечатлѣніе вѣчнаго праздника, который инстинкты императрицы и даже самыя традиціи предыдущаго царствованія превращали въ оргію.

Приближенныхъ императрицы, какъ прежнихъ, такъ и новыхъ, было бы достаточно, чтобы придать ему этотъ характеръ. Прежде всего камеръ-фрау. Это были три нѣмки: во главѣ Анна Крамеръ, старая знакомая моихъ читателей, плѣненная, какъ ея госпожа, при взятіи Нарвы и сосланная со всей семьей въ Казань. Мѣстный губернаторъ, Апраксинъ, оцѣнивъ ее,—какъ говоритъ въ своихъ *Запискахъ* **) князь Долгоруковъ, — послѣдовалъ примѣру Меншикова, уступивъ ее Петру, который сначала помѣстилъ ее у m-lle Гамильтонъ (одной изъ своихъ любовницъ), потомъ у самой Екатерины, у которой она была фрейлиной, прежде чѣмъ управлять ея домомъ, а впослѣдствіи сдѣлалась гофмейстериной у великой княжны Наталіи Алексѣевны. Юстина Грюнвальдъ и Іоганна Петрова, скрытую нѣмецкую фамилію которой мнѣ не удалось узнать, составляли тріо въ 1725 году. Черезъ два года Крамеръ въ компаніи четвертой нѣмки, Каро, вырвавшейся, какъ увѣряютъ, изъ гамбургскаго публичнаго дома— вотъ почти буквальное подтвержденіе словъ Герцена!—должна была попасть въ тюрьму за кражу драгоцѣнностей. Послѣ смерти великой княжны Наталіи одинъ изъ ея перстней

*) 12 февраля 1726. Иностр. Дѣла, Россія.
**) 1867—71, I, 10.

очутился на пальцѣ нѣмца, секретаря молодого князя Долгорукаго, фаворита Петра II *).

Изъ русскихъ только двѣ женщины были удостоены близости: m-lle Толстая и вышеназванная княгиня Голицына, подвиги которыхъ мы видѣли.

Прекрасная компанія! И семейка стоила слугъ. 21-го мая 1725 года происходила свадьба старшей дочери императрицы, Анны Петровны, съ герцогомъ Голштинскимъ, Карломъ-Фредерикомъ. Черезъ три дня саксонскій резидентъ доносилъ своему двору:

„Меня увѣряютъ, что послѣ свадьбы герцогъ Голштинскій три ночи не ночевалъ дома, по отказу ли, или изъ-за московской, находящейся здѣсь, гризетки. Мать въ отчаяніи пожертвованіемъ своей дочерью". Пожертвованная молодая женщина ничуть не отчаивалась. Черезъ годъ, по свидѣтельству того же дипломата, она отплатила, проводя ночи „то у одного, то у другого" въ компаніи со своей кузиной, будущей императрицей Анной I **).

Введеніе этой голштинской вѣтви въ домъ Романовыхъ и въ исторію Россіи было послѣдней мыслью Петра Великаго. Единственный сынъ старшей сестры Карла XII, Гедвиги-Софіи, и Фридриха IV, герцога Голштинскаго, супругъ Анны Петровны, казалось, долженъ былъ со временемъ получить наслѣдство отъ своего дяди. Побѣжденный при Полтавѣ, увлекъ и его въ своемъ паденіи. Собственныя владѣнія несчастнаго князя сдѣлались добычей Даніи, такъ что, лишившись всего, онъ наконецъ рѣшилъ искать убѣжища въ Россіи, гдѣ его ждало неожиданное счастье. Болѣзненный, неизящный, малоинтеллигентный,—въ немъ не было ничего, чтобы нравиться. Однако, онъ достаточно понравился Екатеринѣ, которая пожелала сдѣлать его своимъ зятемъ, а Петръ одобрилъ ея выборъ. Съ двухъ сторонъ, какъ претендентъ на корону Швеціи и какъ законный владѣлецъ земли, захваченной Даніей, молодой человѣкъ согласился на комби-

---

*) *Сборникъ*, V, 328. См. Есиповъ, *Горничная Екатерины I*; *Историческій Вѣстникъ*, 1880, мартъ.

**) Herrmann, IV, 476, 488.

націи высшей политики. Екатерина, не занимавшаяся политикой, сохранила секретъ своей симпатіи къ нему, но можно догадываться. Симпатія порокамъ—одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ законовъ природы. Анна Петровна нѣсколько времени отказывалась. Она, казалось, заслуживала лучшей партіи. Самъ Шантро, котораго нельзя было заподозрить въ лести, говоритъ, что она была „необыкновенная красавица", а анекдотъ, который онъ приводитъ по поводу графа Апраксина, отъ навязчивыхъ ухаживаній котораго она уклонялась, показываетъ, что она не лишена была ума. Когда этотъ слишкомъ предпріимчивый ловеласъ подалъ ей шпагу, заявивъ, какъ увѣряютъ, что онъ предпочтетъ смерть отъ ея руки за неимѣніемъ другой милости, она сдѣлала видъ, что хочетъ воспользоваться оружіемъ, и обратила нахала въ бѣгство *). Послѣ свадьбы, которая была отсрочена смертью Петра, она, какъ мы видѣли, совсѣмъ не отказывалась отъ развлеченій, въ то же время, какъ восшествіе Екатерины I выдвинуло ея мужа въ первые ряды, сдѣлавъ его довѣреннымъ и ближайшимъ совѣтникомъ его тещи. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ достигъ какъ бы званія регента, вмѣстѣ со своимъ посланникомъ, Бассевичемъ.

Подруга ночныхъ похожденій, которыя онъ рарѣшалъ своей женѣ, Анна Курляндская, дочь старшаго брата Петра, Ивана, осталась вдовой въ 1710 году, т.-е. на другой же день послѣ своего брака. Петръ устроилъ этотъ союзъ, между двумя поѣздками по Германіи, не безъ задней мысли, которая оказалась мыслью геніальной. Связанная съ Польшей вассальными отношеніями, которыя съ теченіемъ времени ослабѣвали, Курляндія давно уже сдѣлалась лакомымъ кусочкомъ для другихъ, болѣе сильныхъ сосѣдей. Герцогъ Курляндскій даже не имѣлъ времени отвезти туда жену, такъ какъ умеръ дорогой, опившись на своей свадьбѣ. Я какъ будто опять разсказываю пьяный бредъ! Тѣмъ не менѣе Петръ пожелалъ, чтобы вдова жила въ Митавѣ. Она скучала тамъ и находила частые предлоги навѣщать берега

*) Voyage en Russie, 1794 г., I, 76.

Невы, гдѣ она также умѣла утѣшиться. Рейнгольдъ Левенвольде былъ ея агентомъ въ Петербургѣ.

Происходя изъ семьи, родиной которой былъ Люнебургъ, но уже съ тринадцатаго вѣка жившей въ Ливоніи, онъ служилъ въ шведской арміи, но послѣ Полтавы рѣшилъ перейти на сторону побѣдителя. Очень любившій интригу, онъ воспользовался герцогиней Курляндской, чтобы пристроиться ко двору, и служилъ ей, составивъ для нея даже цѣлую партію, центръ которой составляла княгиня Волконская, урожденная Бестужева, очень живая и очень вліятельная особа. Анна Ивановна, которую герцогство Курляндское совсѣмъ не кормило, постоянно и сильно нуждалась въ деньгахъ, и ея друзья удовлетворяли ея требованія, обирая ея сестеръ, которыя готовы были кричать отъ этого *). Получивъ за эти заслуги право являться ко двору запросто, ловкій куртизанъ сумѣлъ воспользоваться имъ для собственной выгоды. Типичный представитель тѣхъ нѣмцевъ, которые при Петрѣ держались „тише травы, ниже воды“ и которые при послѣдующихъ царствованіяхъ выказали такія высокія и громкія притязанія, онъ старался всѣми силами устроить свою карьеру. Красивый мужчина, но ничтожный, съ прекрасными манерами, расточительно разбрасывавшій на игру и другія прихоти деньги, получаемыя отъ женщинъ, опытный организаторъ праздниковъ и интимныхъ прогулокъ, онъ, конечно, съ радостью былъ принятъ въ кружокъ, въ которомъ Екатерина вознаграждала себя за лишенія минувшихъ дней. Она взяла его себѣ въ любовники вмѣстѣ съ Петромъ Сапѣгой.

Послѣдній, вышедшій изъ одной изъ самыхъ знаменитыхъ семей Польши, привилъ въ Россіи другой видъ авантюристовъ, перебѣжчиковъ, которые, при ближайшемъ разгромѣ ихъ отечества должны были искать спасенія собственнаго ихъ достоянія цѣной, которой вообще расплачиваются при такихъ компромиссахъ. Назначенный раньше на самую высшую должность въ республикѣ, его отецъ умеръ въ чинѣ русскаго фельдмаршала и секретнаго агента на службѣ своихъ новыхъ

---

*) Хмыровъ, *Графиня Головкина и ея время*, 1867, стр. 133.

повелителей *). Судьба еще болѣе выгодная, но еще менѣе славная ожидала сына. По разсказамъ, Екатерина раньше была крѣпостной въ имѣніи, принадлежащемъ двумъ дворянамъ, что объясняетъ ихъ прибытіе въ Петербургъ послѣ возвышенія прежней крѣпостной.

Таковъ былъ дворъ! Не извинительно ли, что дипломатическій корпусъ, знавшій только его и видѣвшій, что онъ предавался своимъ естественнымъ наклонностямъ, судилъ о правительствѣ по лицамъ, составлявшимъ его? Такъ, Лефортъ писалъ:

14 іюля 1725 г.—„Нѣтъ возможности опредѣлить поведеніе этого двора. День превращается въ ночь, онъ не въ состояніи позаботиться обо всемъ. Все стоитъ; ничего не дѣлается... Никто не хочетъ взять на себя никакого дѣла... Дворецъ становится недоступнымъ; всюду интриги, искательство, распадъ...

26 мая 1726 г.—„Боюсь прослыть за враля, если опишу придворную жизнь... Кто повѣритъ, что ужасныя попойки превращаютъ здѣсь день въ ночь... О дѣлахъ позабыли; все стоитъ и погибаетъ...

15 марта 1727 г.—„Казна пуста; денегъ не поступаетъ, никому не платятъ... Однимъ словомъ, не нахожу красокъ, чтобы описать этотъ хаосъ“ **).

Это былъ только наружный видъ. Екатерина выказала себя вполнѣ неспособной заниматься большимъ хозяйствомъ, которое выпало ей теперь и которое ничуть не походило на то, въ которомъ она блистала раньше, когда стирала бѣлье Меншикова, или даже тогда, когда потомъ приготовляла новому хозяину блюда по его вкусу. Она вполнѣ могла присутствовать на маневрахъ нѣсколькихъ полковъ и любоваться этимъ зрѣлищемъ. Она здѣсь снова жила той лагерной жизнью, которую она вела когда-то давно А потомъ, здѣсь была возможность увидѣть красивыхъ мужчинъ и сдѣлать выборъ. Но заботы императрицы, такъ же, какъ и ея способности, не

---

*) Иностр. Дѣла, Россія. Переписка Маньяна, а позднѣе Берни. Именно письма отъ 28 декабря 1728 г. и отъ 1 октября 1758 г.

**) *Сборникъ*, III, 433, 440, 463.

шли дальше этого. Вполнѣ очевидно, она ни одного мгновенія не думала объ управленіи. Однако, существовало правительство, которое, правда, боролось въ хаосѣ, о которомъ говоритъ саксонскій агентъ, но которое не погибло въ немъ,—иначе это царствованіе и слѣдующія, сильно походившія на него, были бы концомъ Россіи. Женовластіе въ этой странѣ, какъ впрочемъ и вездѣ, имѣло естественную противную партію, гибельную и спасительную въ то же время: фаворитизмъ, физіономію и историческую цѣнность котораго теперь я и постараюсь обрисовать. Явленіе это не даетъ полнаго ключа къ загадкѣ, сбивавшей всѣхъ современныхъ писателей: поддержаніе и развитіе огромной державы въ такихъ условіяхъ существованія, которыя по всей видимости должны были привести къ разрушенію. Россія имѣла другія причины жить и расти, которыя я постараюсь также выяснить. Но участіе во власти Меншиковыхъ и Потемкиныхъ было однимъ изъ элементовъ этого изумительнаго явленія.

ГЛАВА II.

Фаворитизмъ. — Меншиковъ.

I. Историческое происхожденіе фаворитизма.—Меншиковъ борется со своими соперниками.—Острый конфликтъ.—Учрежденіе Верховнаго Совѣта.—Характеръ и послѣдствіе реформы.—Періодическія колебанія самодержавія.—Обезличеніе Екатерины.—Самодержавіе и фаворитизмъ въ опасности.—Реваншъ Меншикова.—II. Наслѣдники Екатерины.—Агитація въ пользу Петра Алексѣевича.—Проектъ брака.—Вмѣшательство Даніи и Австріи.—Графъ Рабутинъ.—M-lle Крамеръ.—Петръ Алексѣевичъ—женихъ Меншиковой.—Тріумфъ фаворита.—Смерть Екатерины.—Ея завѣщаніе.—Восшествіе Петра II.—III. Общіе итоги царствованія.—Участіе Екатерины.—Ничтожество и грязь.—Какъ Россія не послѣдовала за ней въ этомъ паденіи.—Страна и ея естественныя богатства.—Элементы силы и причины слабости.—Реформа безъ реформатора.—Безсиліе страны поддержать ее.—Финансовыя затрудненія.—Невольная экономія.—Спасаютъ внѣшность.—Академія Наукъ.—Внѣшній престижъ.—Дипломатія Петра Великаго.—Европейское положеніе.—Французскій союзъ.—Причины его неудачи.—Людовикъ XV и Елизавета.—Угрозы войны.—Австрійскій союзъ.—Присоединеніе Пруссіи.—Первый тройственный союзъ.—Основаніе его и виды на будущее.—Резюме.—Внутреннее и внѣшнее развитіе замедлилось, но не прекратилось.—Эволюція продолжается.

I.

Естественное дополненіе, въ его окончательной формѣ, женскаго правленія, фаворитизмъ имѣетъ въ Россіи двойной видъ. Левенвольды и Сапѣги показываютъ только одну его сторону, наиболѣе непригляднуго. Съ Меншиковымъ, впослѣдствіи съ Потемкинымъ, этотъ типъ поднимается до ранга политической и общественной силы и становится необходимымъ колесомъ правительственной машины. Уже самодержав-

ный режимъ стремился создать это колесо. Я указывалъ *) на, такъ сказать, раздвоеніе личности, къ которому, отчасти по фантазіи, отчасти по необходимости, прибѣгалъ Петръ, назначая то Ромодановскаго, то Меншикова своими замѣстителями въ исполненіи нѣкоторыхъ основныхъ обязанностей правленія. Благодаря отсутствію государственнаго учрежденія, способнаго взять на себя часть многочисленныхъ обязанностей, которыя повсюду налагаются на него, изолированное и сосредоточенное само въ себѣ, высшее правительство здѣсь рушилось подъ ихъ тяжестью, хотя бы оно было представлено даже исключительно сильной личностью. Екатерина и ея непосредственные преемники даже и не пробовали нести тяжесть, и она сама пала на плечи наиболѣе приближенныхъ. Послѣ смерти Петра Меншиковъ долженъ былъ дѣлать только то, что онъ уже столько разъ дѣлалъ во время отсутствія или развлеченій покойнаго государя. На другой день, какъ и наканунѣ, административные органы, сенатъ, коллегіи, всевозможныя конторы, всѣ оказались неспособными къ какой бы то ни было иниціативѣ. Меншиковъ замѣнилъ ихъ и правилъ, какъ и раньше. Онъ сдѣлался хозяиномъ положенія.

По какому праву? Какъ постоянный замѣститель воли и царскаго авторитета, хотя такая замѣна абсолютной власти не написана ни въ какомъ законѣ. Такова сущность фаворитизма всегда, когда онъ появляется въ исторіи.

Примѣненіе на практикѣ этого режима прошло не безъ затрудненій. Когда былъ живъ Петръ, фаворитъ исполнялъ обязанности государя, при чемъ послѣдній стоялъ за нимъ и скрѣплялъ своей подписью всѣ распоряженія своего alter ego. Екатерина, казалось, была расположена подражать своему супругу въ этомъ отношеніи, но у нея не было желѣзной руки Преобразователя и вокругъ нея собрались люди, гдѣ Меншиковъ нашелъ себѣ соперниковъ. Герцогъ Голштинскій съ первыхъ же дней выказалъ себя противникомъ и былъ мало расположенъ согласоваться со все увеличивавшимся аппетитомъ бывшаго пирожника. Бассевичъ дѣятельно ста-

*) *Петръ Великій.*

рался раззадорить честолюбіе и подозрительность своего повелителя, Меншикова, портретъ котораго я не могу передѣлать и который не обладалъ ни гибкостью, ни тактомъ, чтобы противиться ему. Когда онъ представлялъ герцогу своего восьмилѣтняго сына, мальчикъ всталъ во время аудіенціи, и всѣ присутствовавшіе у герцога послѣдовали его примѣру, а Меншиковъ и не подумалъ найти излишнимъ подобное выраженіе почтенія. Инцидентъ вызвалъ скандалъ. Окрѣпли другіе недовольные. Побѣжденные 28 января, но не примирившіеся, Голицыны и Долгорукіе не покидали своей мечты о конституціонной олигархіи. Исторія внутренней жизни страны отчасти происходитъ въ перипетіяхъ этой борьбы.

Въ концѣ 1725 года она привела къ острому столкновенію. Одинъ изъ послѣднихъ нѣмцевъ—сотрудниковъ Петра, инженеръ Минихъ, предназначенный въ ближайшемъ будущемъ къ великой роли, въ тотъ моментъ скромно занимался постройкой Ладожскаго канала. За недостаткомъ другихъ рабочихъ рукъ ему дали солдатъ, и на 1726 г. онъ потребовалъ ихъ 15.000 человѣкъ. Сенатъ готовъ уже былъ удовлетворить эту просьбу, когда Меншиковъ рѣшился заявить высокому собранію, что оно не можетъ располагать ни однимъ человѣкомъ, какое бы рѣшеніе оно ни приняло. Такой способъ рѣшенія вопросовъ былъ вполнѣ согласенъ съ прецедентами; но такъ какъ не было Петра, чтобы санкціонировать его, дѣйствіе на этотъ разъ было совсѣмъ другое. Сенатъ сдѣлалъ недовольную мину. Нѣкоторые изъ его членовъ говорили, что больше не будутъ ѣздить на засѣданія, и по городу пронесся слухъ, что движеніе такимъ образомъ вызваннаго волненія не остановится на этомъ. Кампредонъ считалъ, что Россія находится наканунѣ революціи. Онъ въ перспективѣ видѣлъ правленіе, „отчасти напоминающее англійское", и слышалъ, что проектъ въ этомъ смыслѣ уже выработанъ и посланъ въ украинскую армію, „откуда будетъ нанесенъ первый ударъ". Дѣйствительно, въ воздухѣ носилась мысль о реформѣ въ конституціонномъ духѣ, голштинская партія и партія олигархическая старались осуществить ее, каждая по-своему. Въ самомъ сенатѣ остатки старой знати, ослабленной преобразованіями, соединились съ нѣкоторыми выскочками, какъ,

напр., Ягужинскій, находя невыносимымъ деспотизмъ фаворита.

Меншиковъ испугался и довольно ловко приготовился къ компромиссу, который, какъ и большинство перемѣнъ подобнаго рода, опирался на засѣданіе, первую причину конфликта. 3 февраля 1726 г. появился указъ объ учрежденіи *Верховнаго Тайнаго Совѣта* изъ девяти членовъ, который отнынѣ бралъ въ свои руки самыя важныя государственныя дѣла, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія. Иностранцы сначала едва улавливали смыслъ этого учрежденія. Кампредонъ видѣлъ въ немъ дѣло самого Меншикова и Толстого, предназначенное упрочить поколебавшійся авторитетъ Екатерины и свое собственное могущество, но не безъ нѣкоторыхъ оговорокъ; онъ въ этомъ также продолжалъ предугадывать переходъ къ англійскому или шведскому режиму *). Это былъ только переходный компромиссъ **). Старая знать въ этомъ новомъ учрежденіи имѣла, съ Апраксинымъ и Дмитріемъ Голицынымъ, представительство, дававшее возможность удовлетворить ея стремленія и ненависть, а герцогъ Голштинскій сидѣлъ тамъ рядомъ съ Меншиковымъ и Толстымъ. Власть раздѣлили, не позаботившись, впрочемъ, точно опредѣлить границы. Отсюда отчасти неувѣренность современнаго мнѣнія, которое еще и теперь находитъ откликъ въ ученыхъ полемикахъ.

Но вообще только перемѣнили имена и лица. Учрежденіемъ новаго органа у сената отнимались три функціи— законодательная, исполнительная и судебная, которыя до того времени принадлежали ему, и ему остались только однѣ крохи. Такимъ образомъ, реформа носила характеръ простой замѣны. При организаціи, которую онъ получилъ отъ Петра, самъ сенатъ существовалъ уже въ состояніи скорѣе отвѣтственнаго совѣта, чѣмъ палаты. Онъ насчитывалъ только одиннадцать членовъ, а такъ какъ большинство исполняло другія функціи, число дѣйствительно присутствовавшихъ не превышало трехъ или, самое большее, пяти ***). Онъ и

*) Телеграмма отъ 26 февраля 1726 г., Иностр. Дѣла, Россія.

**) См. Трачевскій, *Русская исторія*, 1895, II, 153. Ключевскій, *Курсъ русской исторіи*.

***) Филиппов, *Исторія сената*, 1895, 215 стр. и слѣд.

теперь еще теоретически сохранилъ нѣкоторую инициативу по дѣламъ законодательства; но ему уже приходилось предлагать свои проекты на разсмотрѣніе сената, вмѣсто того, какъ дѣлалось это раньше, на утвержденіе императрицы. Точно также въ области администраціи и административной юстиціи, гдѣ его права оставались въ принципѣ очень обширными, совѣтъ отнималъ у него только главенство въ этой обширной компетенціи. Впрочемъ, никакой текстъ не регулировалъ распредѣленія, такъ что въ первыя же минуты возникло сомнѣніе, даже среди непосредственно заинтересованныхъ, о дѣйствительности этого *diminutio cajitis*. Послѣдующій указъ, датированный 9 февраля, увеличилъ неувѣренность, приказавъ сенату „требовать въ прежнемъ состояніи и достоинствѣ“; а въ официальной перепискѣ собраніе сохранило названіе „Правительствующаго Сената“. Переходъ совершался постепенно, мало-по-малу: указъ отъ 7 іюня 1727 года уничтожилъ компетенцію сенаторовъ въ уголовныхъ дѣлахъ; указъ отъ 27 іюня 1727 г. отнялъ у нихъ управленіе Малороссіей. И такъ далѣе.

На самомъ дѣлѣ, въ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ открытію и развитію новаго органа, дѣйствительно крылся зародышъ вообще важной реформы и почти революціи. При болѣе близкомъ взглядѣ, совѣтъ и его дѣятельность являются слѣдствіемъ внутренней работы, происходившей въ продолженіе вѣковъ въ автократическомъ режимѣ подъ двойнымъ вліяніемъ его теоретическаго всемогущества и дѣйствительной слабости—антагонизма между личной властью и принципомъ представительства, вызвавшаго въ немъ самомъ постепенное разложеніе; настоящій конфликтъ и его исходъ служитъ только примѣромъ, какъ и созданіе въ прошломъ различныхъ специальныхъ совѣтовъ, которые во всѣ времена заступали мѣсто абсолютизма въ его періодическихъ паденіяхъ *). И абсолютизмъ, представляемый Екатериной, готовъ былъ окончательно погибнуть въ этой многовѣковой борьбѣ. Протоколы засѣданій новаго совѣта содержатъ въ

---

*) Сергѣевичъ, *Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права*, 1883, стр. 840.

этомъ отношеніи поучительныя указанія. 23 декабря 1725 года, послѣ засѣданія въ отсутствіе государыни, члены совѣта прошли въ аппартаменты императрицы и тамъ сначала прослушали бой только что пріобрѣтенныхъ стѣнныхъ часовъ. Потомъ ея величество соблаговолила познакомиться съ докладомъ, чтеніе котораго продолжалось полчаса, и она пошла обѣдать, пригласивъ къ своему столу и совѣтниковъ. Она отдавала дѣламъ то, на что была способна. Въ слѣдующемъ году, съ 1-го января по 6 мая, день ея смерти, она ни разу не присутствовала на собраніяхъ совѣта *).

Такимъ образомъ примѣняемое, *самодержавіе* сдѣлалось самой полной фикціей. И даже эту самую фикцію совѣтъ скоро ограничилъ въ томъ, что дольше всего сохраняется въ осужденныхъ на исчезновеніе проявленіяхъ власти: ни въ формулѣ приносимой совѣтниками присяги, ни въ исходившихъ отъ нихъ указахъ Екатерина никогда не именовалась *самодержицей.*

Потому что они имѣли или захватили право законодательной дѣятельности. Вопросъ былъ, правда, и еще до сихъ поръ есть, спорнымъ; но указъ отъ 4 августа 1726 года, *измѣненный* совѣтомъ послѣ того, какъ онъ былъ подписанъ государыней, казалось, разрѣшаетъ споръ. Мѣра была принята въ отсутствіе Меншикова и направлена противъ него, именно противъ практикованія устныхъ распоряженій, имѣвшихъ силу закона, привиллегію которыхъ присвоилъ себѣ фаворитъ. Отъ этого она еще болѣе знаменательна. Согласно буквы, указы совѣта всегда были *именные*, изданные отъ имени императрицы, которая, подразумѣвалось, присутствуетъ на всѣхъ засѣданіяхъ, но мы видѣли, что значило это предположеніе **).

---

*) Протоколы, опубликованные въ *Сборникѣ*, LV, 586, XXIII, 1—473. Ср. Филиппов, *указ. соч.*, стр. 49—50.

**) Взгляды Филиппова, которыхъ я придерживаюсь въ этомъ пунктѣ, оспаривались Алексѣевымъ, который сначала, казалось, раздѣлялъ ихъ въ своей *Исторіи русскаго политическаго права*, 1895, но который потомъ сталъ держаться противоположнаго мнѣнія. См. его брошюру: *Легенда объ олигархическихъ стремленіяхъ Верховнаго Совѣта*, 1896.

Осуществленный, такимъ образомъ, захватъ власти получилъ окончательно полное и неопровержимое подтвержденіе въ завѣщаніи Екатерины, утверждавшей за совѣтомъ регентство, во время малолѣтства Петра II, „съ полной властью самодержавнаго государя". И первое употребленіе, которое сдѣлали члены совѣта изъ этой власти, заключалось въ слѣдующемъ: не обращать никакого вниманія на другія высшія распоряженія императрицы. Но со временемъ борьба, которая, казалось, повернулась противъ самого фаворитизма, какъ прямое слѣдствіе личной власти, и, казалось, должна была совсѣмъ исключить его изъ будущей судьбы страны, предоставила Меншикову самый блестящій случай къ реваншу; такъ хорошо, что онъ одно время могъ играть судьбой своихъ противниковъ и обратить имъ во вредъ всѣ ихъ прежнія преимущества.

II.

Выборъ, который сдѣлали приверженцы Екатерины, доставивъ ей высшую власть, не замедлилъ скоро предстать передъ ихъ глазами въ настоящемъ своемъ видѣ, т.-е. въ видѣ поступка очень необдуманнаго. Ей было подъ пятьдесятъ лѣтъ, и ея здоровье, уже сильно пошатнувшееся, требовало осторожности, о которой она отказывалась и думать, предаваясь удовольствіямъ и дебошамъ во всѣхъ видахъ. Скоро стало очевиднымъ, что при такой жизни она не протянетъ долго, и очевидность такой близкой смерти ставила виновниковъ ея возвышенія въ очень критическое положеніе. Если бы наслѣдіе вдругъ перешло къ сыну Алексѣя или къ одной изъ дочерей Петра, Меншиковымъ и Толстымъ одинаково угрожала бы опасность. Герцогиня Голштинская имѣла мужа, который не предвѣщалъ имъ ничего хорошаго. Ея сестра, Елизавета, послѣ того, какъ ее тщетно старались выдать замужъ во Францію,—я вернусь еще къ этому эпизоду,—нашла въ 1726 году безконечно менѣе блестящую партію, и тоже въ Голштинскомъ домѣ. Ея женихъ, двоюродный братъ ея деверя, братъ одного изъ многочисленныхъ

кандидатовъ на курляндскій тронъ и любекскій епископъ, умеръ до свадьбы, и задача оставалась нетронутой. Человѣкъ, за котораго она въ концѣ-концовъ выйдетъ замужъ, можетъ тоже вполнѣ быть врагомъ. Остерманъ, будущій великій государственный человѣкъ, начинавшій выдвигаться, причинилъ вскорѣ сильное безпокойство фавориту и его друзьямъ, предложивъ соединить вмѣстѣ обѣ соперничествующія вѣтви потомства Петра бракомъ между теткой и племянникомъ, между Елизаветой и сыномъ Петра. Церковь была противъ этого; но уже само возникновеніе подобнаго проекта при всей его невыполнимости указывало, что права молодого принца не могутъ быть не признаны во второй разъ. Какъ и духовенство, народъ видѣлъ въ немъ законнаго наслѣдника. Нижегородскій архимандритъ Исаія поминалъ на эктеніяхъ „благочестивѣйшаго великаго государя нашего Петра Алексѣевича“, а когда спрашивали его по этому поводу, отвѣчалъ: „Хотя мнѣ голову отсѣките, буду такъ поминать, а по присланной мнѣ формѣ (благовѣрнаго великаго князя) поминать не буду, потому что онъ нашъ государь и наслѣдникъ“. Въ тайную полицію то и дѣло доставляли мужчинъ и женщинъ, виновныхъ въ томъ, что они высказывали подобные же взгляды *).

Предписаніе, отданное церквамъ, именовать на общественныхъ молитвахъ обѣихъ царевенъ раньше царевича и предпочтеніе, оказываемое герцогу Голштинскому передъ маленькимъ Петромъ въ офиціальныхъ церемоніяхъ, только служили къ раздраженію умовъ, которымъ постоянно мерещилась мысль о вмѣшательствѣ военной силы, которая на этотъ разъ выставлялась съ хорошей цѣлью. Снова заговорили объ украинской арміи. Говорили, что она въ пути.

Ударъ, благодаря которому въ 1726 году Меншиковъ рѣшился возстать противъ Морица Саксонскаго въ Курляндіи и устроиться на его мѣстѣ, вѣроятно, имѣлъ причиной это тревожное положеніе. Я скажу потомъ, какъ авантюра окончилась неудачей для обоихъ претендентовъ. Но

---

*) Соловьевъ, *Исторія Россіи*, XIX, 87.

Меншиковъ не замедлилъ найти для себя болѣе выгодную долю.

Возможное вступленіе на русскій тронъ одной изъ дочерей Екатерины было также угрожающе и для Даніи, благодаря шлезвигскому спору. Не будучи въ силахъ отклонить опасность собственными своими силами, датскій министръ-резидентъ, Вестфаль, обратился къ своему австрійскому коллегѣ. Петръ Алексѣевичъ былъ племянникомъ германской императрицы, что создавало представителю императора привиллегированное положеніе. Принадлежавшій къ одной старинной бургундской фамиліи, находившійся въ родствѣ по матери съ Голштинскимъ домомъ (она была принцессой Голштейнъ-Визенбургской, изъ одной вѣтви этого дома, поселившейся въ Саксоніи и Силезіи), графъ Рабутинъ имѣлъ подъ собою твердую почву въ обоихъ лагеряхъ и поэтому пользовался большимъ вліяніемъ. Онъ, чтобы уладить все, выдумалъ планъ еще болѣе странный, чѣмъ планъ Остермана.

У Меншикова было двѣ дочери, для которыхъ онъ лелѣялъ самыя высокія мечты. Онъ отказалъ въ рукѣ младшей принцу Ангальтъ-Дессау подъ предлогомъ, что мать жениха была слишкомъ низкаго происхожденія. Говорили, что она дочь какого-то аптекаря. Старшая, Марія Александровна, настолько же красивая и изящная, насколько и скромная, по свидѣтельству современниковъ, была съ 1726 года обѣщана Петру Сапѣгѣ. Она обожала своего жениха, что не входило въ разсчеты Екатерины и заставляло ее оттягивать свадьбу. Вдругъ императрица рѣшила порвать эту связь, назначивъ жениха для своей племянницы Скавронской, которая, несомнѣнно, будетъ меньше держаться за своего мужа. Сапѣга принялъ это съ полнѣйшей покорностью, но Меншиковъ ворчалъ, говорилъ о вознагражденіи, которое должны дать ему, а Рабутинъ подвернулся какъ разъ кстати, чтобы указать ему просить себѣ такое вознагражденіе, о которомъ фаворитъ, какъ онъ ни былъ экстравагантенъ въ своихъ амбиціяхъ, не додумался бы. Проектъ во всякой другой странѣ былъ бы признанъ безумнымъ; но ловкій дипломатъ зналъ людей. M-lle Крамеръ получила

30,000 дукатовъ, чтобы расположить императрицу въ пользу этого проекта *), и въ мартѣ 1727 г. по Петербургу разнеслась вѣсть, что Петръ Алексѣевичъ по завѣщанію императрицы назначенъ наслѣдникомъ и что онъ женится на m-lle Меншиковой, отецъ которой по этому поводу получилъ отъ императора Карла VI инвеституру на герцогство Козель, въ Силезіи, съ принятіемъ въ число владѣтельныхъ европейскихъ князей.

Обѣ царевны сколько хотѣли могли валяться въ ногахъ матери, умоляя не наносить такого оскорбленія роду Романовыхъ. Меншиковъ одержалъ верхъ, сильно поддерживаемый главой аристократической партіи, Дмитріемъ Голицынымъ, который другимъ способомъ не могъ обезпечить восшествіе на престолъ сына Алексѣя. Можно себѣ представить гнѣвъ и ужасъ Толстого, который увидѣлъ, что ему измѣнилъ его другъ и теперь онъ можетъ подвергнуться извѣстнымъ преслѣдованіямъ. Онъ попробовалъ отчаянное сопротивленіе. Обманутый всегда малодушнымъ Апраксинымъ, лишенный поддержки Ягужинскаго, котораго Меншиковъ имѣлъ благоразуміе удалить подъ предлогомъ какого-то порученія въ Польшу, онъ нашелъ только малоцѣнныхъ союзниковъ: Бутурлина и Девьера *). Да и они еще не сходились между собой. Девьеръ склонялся на сторону Анны Петровны, которая, говорилъ онъ, походила на своего отца, а Толстой предпочиталъ Елизавету, упрекая герцогиню Голштинскую ея мужемъ, который, несомнѣнно, смотрѣлъ на русскій тронъ только какъ на ступеньку къ шведскому трону. Стокгольмъ еще хранилъ престижъ въ Петербургѣ! Никто не отваживался сдѣлать у Екатерины рѣшительный шагъ. Они передавали порученія другъ другу. Прошло нѣсколько дней и недѣль въ бездѣйствіи, когда 10 апрѣля 1727 г. Екатерина заболѣла. Уже 8 марта Лефортъ писалъ своимъ ужаснымъ французскимъ языкомъ: „Царица, должно быть, серьезно

---

*) Щербатовъ, *Сочиненія*, 1898, II, 172; Долгоруковъ, *Записки*, I, 10.

**) Настоящее имя этого авантюриста-португальца было, кажется, де-Віейра. В. Бильбасовъ. *Примѣчаніе къ русскому изданію книги Гельбига,* 1899, стр. III.

больна опухолью въ ногахъ, которая поднимается къ бедрамъ и не означаетъ ничего хорошаго. Это приписываютъ спиртнымъ напиткамъ“ *).

Сила, которую вывелъ будущій тесть будущаго императора изъ своего положенія, выказалась въ этомъ случаѣ какъ полное ничтожество, въ какомъ оказались здѣсь и правительственныя учрежденія, какія бы они ни были, какъ только выходящія изъ ряда вонъ обстоятельства потребовали ихъ вмѣшательства. Меншиковъ забралъ верховный совѣтъ въ свои руки, онъ диктовалъ ему свою волю. Было рѣшено, что Петръ Алексѣевичъ будетъ несовершеннолѣтнимъ до 16-ти лѣтъ и что до тѣхъ поръ на дѣлѣ будетъ его тесть управлять регентствомъ, которое по праву должно бы принадлежать совѣту. При совершеннолѣтіи ихъ племянника обѣ царевны, Анна и Елизавета, получатъ каждая по 1.800.000 рублей и раздѣлятъ бриллiанты своей матери.

Толстой считалъ дѣло проиграннымъ и притихъ. Но Меншикову были извѣстны всѣ его закулисные происки, и онъ воспользовался нѣкоторой нескромностью, вырвавшейся у Девьера, чтобы поразить всѣхъ участниковъ заговора. Впрочемъ, ему еще надо было подвести старые счеты съ португальцемъ, которому онъ, защищая себя, сталъ шуриномъ **). Онъ велѣлъ арестовать его. Обвинительный актъ, на который несчастный долженъ былъ отвѣчать, былъ образцомъ криминальной процедуры того времени. Его обвиняли: въ томъ, что онъ въ присутствіи царевны не выказывалъ сильнаго огорченія по поводу болѣзни ея величества; въ томъ, что вздумалъ лукаво развеселить племянницу императрицы, которая плакала, уговаривалъ ее вытереть слезы и заставлялъ ее танцовать. Онъ еще позволилъ себѣ необычную фамильярность съ царевичемъ, сѣвъ на его кровать и шепча ему на ухо. Онъ даже шутилъ съ нимъ надъ его невѣстой, говоря, что онъ ухаживаетъ за ней, и заставилъ его ревновать. Когда въ этотъ моментъ въ комнату вошла одна изъ царевенъ, онъ

---

*) Herrmann, *ук. соч.*, IV, 487.

**) *Петръ Великій.*

не всталъ, а сказалъ ей: „О чемъ плачешь? Выпей стаканчикъ водки“.

Всѣ эти обвиненія служили только предлогомъ, вполнѣ понятно, чтобы начать розыскъ съ обычными пріемами— пыткой и кнутомъ. Отвезенный въ застѣнокъ, Девьеръ сознался въ своемъ сообщничествѣ съ Толстымъ и Бутурлинымъ. Этотъ послѣдній, имѣвшій могущественныхъ родственниковъ, былъ только отправленъ въ ссылку въ свои помѣстья. Двое другихъ, лишенные званія, чиновъ и имущества, должны были прогуляться въ Сибирь; кромѣ того, Девьеръ получилъ по особому приказу Меншикова нѣсколько добавочныхъ ударовъ кнутомъ *).

Но и участіе обѣихъ царевенъ въ заговорѣ, казалось, тоже было установлено. Испуганный герцогъ Голштинскій постарался поскорѣе вступить въ переговоры съ временщикомъ черезъ Бассевича, и Меншиковъ оказался уступчивымъ, согласившись на то, что царевны сейчасъ же получатъ для раздѣла два милліона и не будутъ забыты въ установленіи порядка престолонаслѣдія въ будущемъ. Герцогъ даже получилъ обѣщаніе, что будутъ соблюдены старыя условія, по которымъ Петръ обязывался постоянно поддерживать его права на шведскую корону. Все это должно было очутиться въ завѣщаніи Екатерины, новую редакцію котораго взялъ на себя Бассевичъ, а Меншиковъ взялся дать его подписать императрицѣ. Наконецъ, изъ милліона, назначеннаго герцогинѣ Голштинской, фаворитъ выговорилъ для себя 60.000 рублей, не предполагая, что ему вскорѣ придется отвѣчать за это мелкое мошенничество.

Эти событія произошли въ первыхъ числахъ мая. 6-го Екатерина умерла, и тотчасъ же завѣщаніе, на самомъ дѣлѣ гарантирующее права Анны и Елизаветы въ томъ случаѣ, если Петръ Алексѣевичъ умретъ безъ наслѣдниковъ, было прочитано въ присутствіи императорской фамиліи, верховнаго совѣта, сената, синода и генералитета. Оно открыто нару-

---

*) *Дѣло Девьера въ государственномъ московскомъ архивѣ*. Ср. Соловьевъ, *ук. соч.*, XIX, 95; Костомаровъ; *Монографіи*, XIV, 353; Алабинъ, *Біографія Бутурлина* въ *Русской Старинѣ*, 1878, XXIII, 162.

шало законъ, установленный Петромъ Великимъ, о назначенiи наслѣдника, какъ и законъ естественный, ничуть даже не упоминая о законныхъ дочеряхъ Ивана, *старшаго брата*, которымъ были предпочтены *незаконныя дочери младшаго брата*. Сапѣга, не покидавшiй изголовья умирающей императрицы, кромѣ того, утверждалъ, что она ничего не подписывала *). Но въ глазахъ большинства достаточно было того, что права сына Алексѣя были, наконецъ, признаны. Новаго императора поздравляли, какъ поздравляли Екатерину, и народъ призналъ это новое царствованiе, какъ онъ призналъ предыдущее, не спрашивая о причинахъ. Секретарь императорскаго кабинета, Макаровъ, сообщилъ о восшествiи на престолъ самому важному лицу въ Москвѣ, старому графу Мусину-Пушкину, любопытнымъ письмомъ, въ которомъ Петръ II являлся избраннымъ одновременно и согласно завѣщанiю, и по избранiю, и по праву наслѣдства: „По ея величества *тестаменту*, учинено *избранiе* на престолъ Россiйскiй новымъ императоромъ *наслѣдственному* государю, его высочеству великому князю Петру Алексѣевичу“ **).

Царствованiе Екатерины продолжалось два года и два мѣсяца. Теперь я попробую вкратцѣ подвести общiй итогъ его съ двойной точки зрѣнiя: внутренней политики и внѣшней.

III.

Личное участiе Екатерины здѣсь было невелико, какъ я уже указалъ, ограничившись въ первые мѣсяцы раздачею наградъ, а также рядомъ мѣръ, предпринятыхъ въ пользу многочисленныхъ главарей большихъ или малыхъ ролей въ драмахъ предыдущаго царствованiя. Такимъ образомъ въ Петербургѣ появилась цѣлая толпа выходцевъ съ того свѣта: Шафировъ, Скорняковъ-Писаревъ, Лестокъ и монахи Суздальскаго монастыря, скомпрометированные въ дѣлѣ Евдокiи, и друзья несчастной принцессы и родственники несчастнаго

*) *Сборникъ*, III, 473.

**) Соловьевъ, XIX, 98.

Глѣбова *). Ушакову, палачу Монса и его сообщниковъ, теперь было поручено вернуть изъ Сибири повѣренную преступной любви, въ которой Екатерина рисковала своей судьбой, Матрену Балкъ и ея дѣтей. Секретарь казненнаго любовника, Соловьевъ, шутъ Балакиревъ, запутанный въ трагическомъ процессѣ, оставили каторжныя работы, въ то же время, какъ документы, относившіеся къ этому знаменитому дѣлу, были запечатаны, за исключеніемъ одного письма, несомнѣнно особенно компрометирующаго, которое было сожжено **).

Одна Евдокія не воспользовалась милостями императрицы. Правда, ее заставили оставить монастырь, въ которомъ она была заключена, но только чтобы дать ей болѣе надежную тюрьму въ Шлиссельбургской крѣпости. Правда, на ея содержаніе были ассигнованы достаточныя средства; но они не мѣшали ей голодать. Они расходились по рукамъ тюремщиковъ, а Екатерина не желала понаблюдать за ихъ употребленіемъ.

Она веселилась. А когда она даже вмѣшивалась въ дѣла правленія, послѣднія немного выигрывали отъ этого. Мы уже видѣли, что она присутствовала на ученіи своихъ солдатъ; она также вздумала инспектировать флотъ и даже руководить морскими маневрами. Но тѣмъ не менѣе генералъ-адмиралъ не замѣчалъ, что у его матросовъ нѣтъ одежды, а у нѣкоторыхъ даже рубашекъ. Суда старѣлись и не смѣнялись. Во все время царствованія на воду спустили только два линейныхъ корабля. Въ 1726 году было назначено перевооруженіе, но, чтобы произвести его, не было денегъ. Адмиралъ долженъ былъ на самыя неотложныя нужды выдать изъ своего кармана 2.000 рублей ***). Петръ нашелъ въ *маріенбургской плѣнницѣ* подругу, которая подходила къ его вкусамъ и привычкамъ; но она рядомъ съ нимъ всегда была только вьющимся растеніемъ на могучемъ стволѣ. Когда дубъ упалъ, она превратилась въ ничтожество.

---

*) *Петръ Великій.*

**) Семевскій, *Екатерина Алексѣевна*, 1884, стр. 245.

***) Веселаго, *Исторія флота*, 1893, I, 78.

Воображая, что Россія послѣдуетъ за ней въ ея паденіи, современные наблюдатели ошиблись насчетъ того, что составляло сущность и величіе предыдущаго царствованія. Необузданная энергія и героическая мощь Преобразователя работали надъ могучимъ организмомъ уже самомъ по себѣ и способномъ существовать и даже еще рости, извлекая изъ собственныхъ запасовъ элементы силы и роста. Импульсивъ, который заставилъ страну однимъ скачкомъ перешагнуть этапы прогресса, измѣряющіеся вѣками, здѣсь, казалось, дѣйствительно отсутствовалъ. Масса народа, ничего не понимавшая въ реформахъ, не имѣла ни желанія, ни возможности итти тѣмъ же путемъ, цѣли котораго она не видѣла, итти шагомъ, который началъ утомлять самого Петра. И, чтобы продолжать личное дѣло Преобразователя, его естественные наслѣдники, за исключеніемъ Екатерины, съ Меншиковымъ во главѣ, не имѣли ни руководящей мысли, ни даже техническихъ познаній. Онъ приставилъ ихъ къ работѣ, какъ сталъ онъ самъ, безъ подготовки, но не согласовалъ поставленную задачу съ возможностью ея исполненія; онъ даже не заботился знакомить своихъ сотрудниковъ съ общимъ планомъ постройки, которую онъ собирался возвести. Большинство не знало ни дѣйствительнаго смысла, ни окончательной цѣли мелкихъ деталей, поручаемыхъ имъ для выполненія. Наконецъ, большая часть была авантюристами, видѣвшими въ этомъ дѣлѣ только заработокъ или средство къ богатству. Предоставленные сами себѣ, они шли къ тому, что ихъ интересовало больше всего, и въ особенности занимались придворной политикой.

Такимъ образомъ, царствованіе Екатерины I означало застой въ начавшемся развитіи. Но, можетъ быть, это еще не было несчастіемъ. На самомъ дѣлѣ, кажется, своими колоссальными размѣрами, своимъ блескомъ генія, Петръ замаскировалъ неспособность страны выдержать на время въ общемъ эту навязываемую ей цивилизацію. Къ тому же при введеніи новаго порядка вещей нѣкоторые недостатки слишкомъ быстрой постройки не были замѣчены и потомъ вдругъ предстали. У этой страны, какъ я это говорилъ и какъ показало будущее, были огромные рессурсы, но еще мало при-

годные для утилизаціи ихъ по ученымъ формуламъ западной экономіи; масса человѣческихъ жизней, которыми можно было располагать; не было недостатка въ людяхъ преданныхъ и мужественныхъ, но богатыхъ было немного; больше людей, готовыхъ на смерть за государя, чѣмъ подданныхъ, способныхъ отдать хотя бы только нѣсколько рублей въ его казну. Крѣпкая вѣра Преобразователя въ быстрое развитіе только что созданныхъ промышленности и торговли потерпѣла жестокій ударъ. Вмѣсто того, чтобы увеличиваться, доходы, казалось, уменьшались въ ужасныхъ размѣрахъ. Въ 1725 году съ трудомъ собрали десять милліоновъ рублей—мелочь для большого европейскаго государства, которое должно было держаться на извѣстной высотѣ. А въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ эта сумма упала до восьми милліоновъ! Явленіе легко объяснимое, если обратить вниманіе на тогдашнее соотношеніе общественныхъ и экономическихъ силъ. Промышленный торговый классъ составлялъ въ 1722 году, время первой ревизіи, только 2,9%, то-есть 172.000 душъ на приблизительно 6.000.000, составлявшихъ населеніе губерній Великороссіи. Слѣдующее пятилѣтіе показало въ этомъ отношеніи только незначительный прогрессъ, такъ какъ соотвѣтствующія цифры поднялись до 195.000 и 6.400.000. Для всей имперіи эта статистика, составленная по даннымъ, собраннымъ однимъ современнымъ дипломатомъ, Викеродомъ *), даетъ еще менѣе утѣшительный результатъ. Если дворянство, чиновники и духовенство составляли 3,8%, 1,5% и 2,3% въ общемъ количествѣ 15,135.000 жителей, то на состоятельную часть буржуазіи приходится 2,6%. А остальное? Остальное, т.-е. около 90% составляли крестьяне. Однако этотъ послѣдній классъ, и только онъ одинъ и производительный, оказался слишкомъ обремененнымъ новымъ ходомъ жизни, навязаннымъ странѣ, и былъ не въ состояніи вынести его тяжести. Уже въ 1724 году оказался милліонъ недоимокъ отъ невзноса подушной подати, т.-е. 25%. Административная система, введенная Петромъ I, сама была созда-

---

*) *Russland unter Peter der Grossen*, 1872. Историческій этюдъ, опубликованный Геррманномъ.

на, чтобы сдѣлать болѣе тяжелой непропорціональную тяжесть налоговъ, лежавшую на этихъ единственныхъ плательщикахъ. Эта система имѣла въ основаніи два элемента, очень различныхъ по происхожденію и значенію: коллегіальная организація и привлеченіе къ содѣйствію мѣстныхъ силъ, при чемъ первый явился изъ-за границы, а второй вышелъ изъ національной традиціи. Первый оказался совершенно неприложимымъ на практикѣ, и, уничтожая его, наслѣдники великаго человѣка только повиновались инстинкту самосохраненія; второй могъ и долженъ былъ дать хорошіе результаты въ будущемъ, но, въ отсутствіе Петра, сдѣланныя съ нимъ примѣненія оказались преждевременными. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, преобразованіе безъ Преобразователя походило на машину, изъ которой вынули двигатель.

Вмѣстѣ съ геніемъ, Петръ имѣлъ вѣру, которая двигаетъ горами. Эти чудеса никогда не бываютъ продолжительны. Предполагалось, что постепенная національзація административныхъ учрежденій, занятыхъ извнѣ, составляла часть общаго плана, задуманнаго Преобразователемъ *), и я согласенъ признать это, хотя онъ и не выказывалъ своихъ намѣреній въ этомъ отношеніи; но сама по себѣ эта задача превосходила способности его преемниковъ. Они довольно вѣрно представляли, какое наслѣдство они получили. Была организована комиссія, подъ предсѣдательствомъ Дмитрія Голицына, для разсмотрѣнія состоянія селъ и городовъ и устраненія недостатковъ мало поднимающагося фиска, которые толкали его къ разоренію. Слишкомъ большое количество чиновниковъ, занимающихся распредѣленіемъ податей, суровость взысканія, жестокость, проявляемая мѣстными властями, неудобства отъ постоя войскъ въ округахъ, все это было указано ею, какъ причины все увеличивающагося истощенія. Лѣкарство было найти труднѣе, и не было времени искать его. Придворныя интриги, борьба существовавшихъ партій захватили умы. Сражались за или противъ Меншикова, и между двумя битвами, чтобы выйти изъ затрудненія, не выдумали ничего

*) М. Милюковъ, *Финансы Россіи*, 1892, стр. 672, 730.

лучшаго, какъ мало почетное возвращеніе къ практикѣ XVII вѣка, когда воеводы были въ своихъ областяхъ одновременно администраторами, судьями и сборщиками податей. Въ разсказахъ того времени они, правда, носили имя „волковъ лютыхъ“; но эти вещи легко забываются въ минуты возврата къ старымъ порядкамъ, что обычно во всѣхъ странахъ. Прибавили лѣстницъ для лихоимцевъ и вымогателей и думали, посредствомъ этой предосторожности, избѣгнуть злоупотребленій. Положеніе не улучшилось, сборы продолжали понижаться, рѣшили уменьшить расходы. Не только отказались заканчивать домъ по широко задуманному плану геніальнаго архитектора, но склонялись даже пожертвовать нѣкоторыми уже воздвигнутыми частями или находившимися въ постройкѣ. Даже въ области народнаго образованія, этомъ краеугольномъ камнѣ цивилизаторскаго зданія, былъ положенъ принципъ самой строгой экономіи, и въ октябрѣ 1726 года указъ постановилъ слить свѣтскія школы съ духовными семинаріями, уничтожая однимъ почеркомъ пера одно изъ самыхъ важнѣйшихъ созданій реформы *).

Одинъ только фасадъ, выстроенный Петромъ Великимъ нѣсколько напоказъ, остался нетронутымъ съ его декоративнымъ видомъ. Въ этомъ отношеніи даже казалось, что Екатерина I хочетъ оправдать гордыя слова, которыми она начала свое царствованіе, говоря, что съ помощью Божіей она надѣется закончить все, что началъ ея супругъ. Она закончила созданіе Академіи Наукъ, которую великій человѣкъ оставилъ только въ проектѣ, и въ странѣ, гдѣ девять десятыхъ жителей не умѣли читать, она послала научную экспедицію Беринга, намѣченную въ предыдущее царствованіе. Берингъ былъ датчанинъ, а Блументростъ, президентъ Академіи, былъ нѣмецъ, и, пользуясь славой отъ ихъ работъ и изобрѣтеній, Россія какъ бы красовалась въ чужихъ перьяхъ, въ то время, какъ отвращала отъ менѣе показного, но болѣе полезнаго употребленія средства, которыхъ, какъ мы видѣли, не хватало на самыя насущныя потребности, но

*) Соловьевъ, *ук. соч.*, XVIII, 298. Ср. Нилъ Поповъ, *Татищевъ и его время*, 1861, стр. 91.

крайности, кажется, подо всѣми видами и во всѣхъ направленіяхъ, составляютъ часть законовъ, управляющихъ развитіемъ этой страны.

Задыхаясь и нищая, снаружи она казалась въ то же время способной поддерживать съ внѣшней стороны политическое наслѣдіе Петра. Соратники героя, Долгорукій, Матюшкинъ, Левашовъ, защищали его завоеванія въ Персіи. Голицынъ наблюдалъ за новыми укрѣпленіями имперіи со стороны Украины, Менгденъ—со стороны Австріи, Бухгольцъ—со стороны Сибири. Алексѣй Головнинъ—въ Берлинѣ, его братъ Иванъ—въ Гаагѣ, Куракинъ—въ Парижѣ, Лапчинскій—въ Вѣнѣ, Головинъ—въ Стокгольмѣ, Неплюевъ и Румянцевъ—въ Константинополѣ сохранили только-что народившейся дипломатіи весь престижъ, который она была уже способна завоевать. Даже въ Китаѣ графъ Савва Владиславовичъ Рагузинскій добился успѣха у мандариновъ благодаря іезуитамъ, у которыхъ онъ не поколебался попросить помощи съ дальнозоркостью, примѣръ которой подалъ Петръ, обѣщавъ ордену свободу въ приходѣ по Россіи его корреспонденцій и миссіонеровъ *). Успѣвъ, съ другой стороны, взять на свое жалованье несчастнаго владѣльца Грузіи, Вахтанга, эта дипломатія выказала обиліе и разнообразіе средствъ, которыми она обладала для рѣшенія великаго восточнаго вопроса.

Однако, и ей Петръ завѣщалъ полное затрудненій и опасностей положеніе. Европа, какъ извѣстно, вскорѣ по восшествіи на престолъ Екатерины, оказалась раздѣленной на два лагеря. Австрія присоединилась къ Испаніи, чтобы отнять у Англіи Гибралтаръ. Существовалъ проектъ брака между Маріей-Терезіей и Донъ-Карлосомъ, старшимъ сыномъ второй жены Филиппа V. Императорскій скипетръ, очутившійся, такимъ образомъ, въ рукѣ одного испанскаго принца, долженъ былъ бы обезпечить гегемонію Австріи въ Италіи, гдѣ Парма, Піаченца и Тоскана, обезпеченныя за Донъ-Карлосомъ, присоединились бы къ его неаполитанскимъ и сицилійскимъ владѣніямъ. На вѣнскій договоръ, подписан-

*) Бантышъ-Каменскій, *Дипломатическія сношенія съ Китаемъ*, 1882, стр. 117.

ный 30 апрѣля 1725 г. императоромъ и Испаніей съ такими задними мыслями, Англія въ слѣдующемъ сентябрѣ отвѣтила сопернической ганноверской конференціей, въ которую, несмотря на оппозицію Вальполя, она привлекла Пруссію и Францію *). Пруссія фигурировала на ней недолго. На поляхъ доклада, который его министры представили ему о выгодахъ этого союза, король Фридрихъ-Вильгельмъ написалъ: „Я невѣста, за которой гонятся. И я хочу имѣть за то нѣчто реальное, иначе никто меня не получитъ". Онъ до безконечности варьировалъ это желательное реальное. То это были претензіи Пруссіи на Юлихъ и Бергъ, то гарантія въ мекленбургскомъ престолонаслѣдіи, то сумма въ 300.000 экю въ мѣсяцъ, безъ которыхъ, онъ говорилъ, онъ не можетъ вступить въ компанію. Наконецъ, всѣ отвернулись отъ него, заставивъ его перемѣнить позицію. Но положеніе Россіи много вліяло на его колебанія.

Въ политическое наслѣдіе Петра входили отношенія съ Англіей хотя и не враждебныя, но по меньшей мѣрѣ очень натянутыя. На самомъ дѣлѣ дипломатическія сношенія были порваны. Кампредонъ старался возстановить ихъ. Подготовлялся франко-русскій союзъ, а онъ повлекъ бы примиреніе съ Англіей. Къ несчастію, это была постройка, воздвигаемая на иллюзіи. Екатерина, послѣ Петра, въ основаніе ея положила слѣдующее невозможное дѣло: бракъ Людовика XV съ Елизаветой. Я считаю, что, даже этой цѣной, пожертвованіе естественными интересами Россіи повсюду, гдѣ они приходили съ соприкосновеніе и, слѣдовательно, въ конфликтъ съ интересами Франціи, въ Турціи, въ Даніи, въ Швеціи, въ Польшѣ, ничѣмъ не оправдывалось. Вопросъ объ обладаніи Шлезвигомъ, гарантированномъ Даніи Франціей и Англіей, уже создавалъ пропасть съ этой стороны. И цѣна даже никогда серьезно не обсуждалась въ Версалѣ. Въ этомъ отношеніи полный отчетъ объ этихъ переговорахъ, которые вели бы къ многочисленнымъ недоразумѣніямъ, не оставляетъ никакого сомнѣнія. 11-го апрѣля 1725 г., давая аудіенцію Кам-

---

*) Лекки, *Исторія Англіи въ XVIII в.*, 1878, I, 350. Объ оппозиціи Вальполя см. Lord Hervey's Memoirs, I, 140—141.

предону и разговаривая съ нимъ по-шведски, чтобы не быть понятой окружающими, Екатерина заявила французскому посланнику, что „дружба и союзъ Франціи были бы для нея предпочтительнѣе союза со всѣми другими державами континента“, и въ тотъ же день, когда императрица отказалась дать болѣе точныя объясненія, Меншиковъ отправился къ Кампредону и открыто поднялъ вопросъ о бракѣ, выказывая большую уступчивость въ условіяхъ: Елизавета приняла бы католичество! Посланникъ могъ только сказать, что онъ очень польщенъ этимъ предложеніемъ, и просилъ отсрочки, чтобы послать его въ Версаль и получить оттуда предписаніе. Прежде чѣмъ вернулся его курьеръ, въ Петербургѣ разнесся слухъ о бракѣ, предлагаемомъ Людовику XV съ одной англійской принцессой. Страшное волненіе! Но такъ велико было желаніе смѣшать кровь ливонской крестьянки съ самой благородной кровью въ Европѣ, что тотчасъ же пошли на уступки. На этотъ разъ посредникомъ Екатерины былъ герцогъ Голштинскій, и Кампредонъ былъ увѣдомленъ, что она удовлетворится герцогомъ Орлеанскимъ. Новый курьеръ. Двойственный отвѣтъ, привезеный имъ изъ Версаля 21 мая,—увы!—сразу разбилъ всѣ надежды. Въ немъ перемѣшивались выраженія безконечной признательности съ самымъ категорическимъ отказомъ, едва облеченнымъ въ нѣсколько вѣжливую форму: побаивались „неудобства, которое могло бы быть для царицы въ глазахъ всѣхъ ея подданныхъ по поводу перемѣны религіи ея дочери... кромѣ того, герцогъ Орлеанскій уже принялъ другія предложенія“...

Союзъ былъ похороненъ въ тотъ же день, когда въ Петербургѣ сдѣлался извѣстенъ смыслъ, а не содержаніе, этой депеши. Переговоры по этому поводу, которые наружно какъ будто продолжались, проекты и контръ-проекты договора, которые Кампредонъ какъ будто принималъ въ серьезъ, никого не обманывали во Франціи. Такъ что 8-го ноября 1725 года предписали посланнику прекратить переговоры, а такъ какъ онъ стоялъ на своемъ, ему дали знать въ декабрѣ, что ему рѣшительно нечего дѣлать около царицы. Русскіе дипломаты только старались замаскировать свою неудачу—и даже переговоры, уже веденные съ вѣнскимъ дворомъ. Кампредонъ

зналъ о нихъ. Ягужинскій публично говорилъ о нихъ за столомъ посла императора, обѣщая „скоро заставить трепетать англичанъ и ихъ друзей“. Въ январѣ 1726 года самъ англійскій посолъ передавалъ тревожный слухъ, носившійся по этому поводу: царица и ея совѣтъ рѣшили напасть на Данію, какъ только растаетъ ледъ. Въ Версалѣ уже не колебались, какъ слѣдовало принять эту угрозу. Кампредону тотчасъ же поручили отвѣтить на это „самыми смѣлыми представленіями“, сопровождаемыми заявленіемъ, что король не можетъ не принять участія въ такимъ образомъ вызванныхъ враждебныхъ дѣйствіяхъ. Дѣло шло уже не о союзѣ! Вызванная на борьбу, Франція показала мечъ. Кампредонъ просилъ аудіенціи у императрицы, не могъ добиться ея и просилъ прислать себѣ приказаніе уѣхать, не откланявшись государынѣ. Дѣло шло къ войнѣ *).

Къ счастію, до нея не дошли. Въ маѣ 1726 года англійскій флотъ изъ 23 судовъ и датская эскадра, соединенные подъ командой адмирала Уоджера, появились въ водахъ Ревеля. Суть этой демонстраціи, которая не принесла никакой пользы союзникамъ, осталась загадкой. Очень благоразумно Россія удержала свои суда подъ естественной защитой негостепріимнаго берега и отвѣтила на вызовъ двумя мирными манифестами (въ іюнѣ и августѣ 1726 года), дававшими англичанамъ право свободной торговли въ ней. Когда, въ сентябрѣ, англичане и датчане рѣшились сняться съ якоря, отплыть на западъ, не сдѣлавъ ни одного пушечнаго выстрѣла, она могла посмѣяться и имѣла всѣ выгоды побѣдительницы.

Данное 6-го августа 1726 года, ея согласіе на Вѣнскій трактатъ сначала казалось менѣе разумнымъ и еще нынѣ вызываетъ рѣзкую критику. Что она собиралась дѣлать въ этой каторгѣ? Зачѣмъ ей нужно было посылать тридцать тысячъ человѣкъ на службу императору? Ей столько же обѣщали противъ Турціи. Но новый конфликтъ съ Турціей былъ въ очень отдаленномъ будущемъ, между тѣмъ боевые полки Германіи грозили со дня на день потребовать присутствія

*) По этому дѣлу я слѣдилъ по перепискѣ Кампредона въ Русскомъ Архивѣ Иностр. Дѣлъ.

русскихъ союзныхъ силъ. Въ этомъ отношеніи считали, что интересы герцога Голштинскаго и Меншикова заняли мѣсто выгодъ, которыя могла бы Россія извлечь изъ этого трактата. На самомъ дѣлѣ императоръ въ то же время согласился присоединиться къ русско-шведскому договору 1724 года, обѣщавшему герцогу Голштинскому возвращеніе ему наслѣдія, и секретная статья въ томъ же смыслѣ была введена въ самый австрійско-русскій трактатъ. Съ другой стороны, и у Меншикова были извѣстныя причины относиться доброжелательно къ Австріи. Но все это были второстепенныя и эфемерныя комбинаціи. Швеція должна была скоро отстать отъ союза съ Россіей, и ея присоединеніе къ ганноверской лигѣ, состоявшееся въ маѣ 1727 года, было дѣломъ самого Меншикова. Получивъ 5.000 дукатовъ англійскими деньгами, фаворитъ не колебался сообщить шведамъ, что верховный совѣтъ слишкомъ разно смотритъ на вопросъ объ интересахъ герцога Голштинскаго, Екатерина очень больна, а самъ онъ, Меншиковъ, очень расположенъ предоставить Швеціи право вступить въ союзъ съ какой угодно партіей *).

Что зять Екатерины не сумѣлъ самъ отъ себя завоевать на берегахъ Невы вполнѣ опредѣленныхъ симпатій,—вотъ то, что, кажется, явствуетъ изъ всѣхъ документовъ, которые я могъ просмотрѣть по этому поводу. Въ совѣтѣ и среди приближенныхъ Екатерины склонялись скорѣе отдѣлаться отъ него за денежное пожертвованіе.

Такимъ образомъ Швеція съ Франціей оказались въ одномъ лагерѣ, а Россія—въ другомъ, хотя притязанія молодого принца на наслѣдіе Карла XII и его еще болѣе неоспоримыя права на владѣніе Шлезвигомъ не играли здѣсь никакой роли. Съ другой стороны, Меншиковъ былъ безсиленъ, я думаю, связать вмѣстѣ судьбу своей страны съ судьбой Австріи, если бы естественная склонность ихъ историческаго развитія не вела ихъ къ этому. Этотъ союзъ составлялъ также часть наслѣдія Петра Великаго, страстно желавшаго его, чтобы отомстить за свое пораженіе при Прутѣ, и огорчавшагося, что не можетъ его добиться. Онъ былъ есте-

*) Соловьевъ, *ук. соч.*, XIX, 72.

ственнымъ послѣдствіемъ отношеній, созданныхъ имъ между Россіей и ея западными сосѣдями.

Ничуть не вмѣшиваясь въ бракъ Меншиковой, Пруссія скоро послѣдовала примѣру Австріи. Лавируя и торгуясь направо и налѣво, Фридрихъ-Вильгельмъ былъ незамѣтно увлеченъ въ эту сторону. Послѣ смерти Петра, его посолъ въ Петербургѣ, Мардефельдъ *), спросилъ его, какъ онъ долженъ носить трауръ по царю. „Какъ по мнѣ",—отвѣчалъ онъ. И при его дворѣ былъ наложенъ трауръ на три мѣсяца, когда его, впрочемъ, сокращали до шести недѣль. Даже съѣздивъ въ Ганноверъ, онъ сумѣлъ убѣдить Головкина, что интересы Россіи не пострадали бы отъ этого, и началъ придумывать проектъ присоединенія ея къ лигѣ, къ которой онъ самъ временно примкнулъ. Вопросъ о Шлезвигѣ, казалось, служилъ препятствіемъ къ этой комбинаціи, тогда онъ мужественно предложилъ Головкину въ обмѣнъ Курляндію!..

— Но Курляндія вамъ не принадлежитъ, государь!..

— Все равно! Только бы вырвать ее у Польши и Саксоніи!

Польскій вопросъ уже видѣлся въ основаніи всѣхъ переговоровъ, ведшихся между сѣверо-восточными европейскими сосѣдями. Также когда, въ іюлѣ 1726 года, заставили Морица Саксонскаго убраться изъ Митавы, Фридрихъ-Вильгельмъ поспѣшилъ засвидѣтельствовать свою благодарность, а 10-го слѣдующаго августа Мардефельдъ подписалъ отъ его имени въ Петербургѣ конвенцію, которая, подъ видомъ возобновленія древнихъ связей съ Россіей, на самомъ дѣлѣ служила началомъ новой политической системы **). Дѣло снова шло о Польшѣ, такъ какъ подписавшія условіе державы согласились поддерживать тамъ, послѣ смерти Августа II, избраніе мѣстнаго кандидата. Конвенція была дополнена 12-го слѣдующаго октября въ Вурстерхаузенѣ австро-прусскимъ союзомъ, и оказался связаннымъ пучокъ,

---

*) Баронъ Густавъ де-Мардефельдъ—онъ былъ представителемъ Пруссіи въ Петербургѣ до 1728 г., когда его преемникомъ сдѣлался его племянникъ, Аксель Мардефельдъ, который пробылъ здѣсь до 1746 года.

**) Дройзенъ, *ук. соч.*, ч. I, 411.

который, несмотря на различныя случайныя превратности и перевороты, долженъ былъ привести къ нарушенію европейскаго равновѣсія, благодаря разрушенію турецкаго могущества и уничтоженію польской самостоятельности.

Я уже имѣлъ случай высказать свою мысль о важности, даже чисто политической, этого перваго тройственнаго союза. Я продолжаю думать, что Россія лучше бы сдѣлала въ Польшѣ, если бы не стала присоединять тамъ къ своимъ собственнымъ пожеланіямъ германскихъ домогательствъ. Но Петръ упорно стремился ввести свою страну въ игру европейскихъ комбинацій; онъ хотѣлъ, чтобы его дипломатія фигурировала и дѣлала ставки во всѣхъ дипломатическихъ играхъ континента, хотя бы, чтобы спасти отступленіе въ критическіе моменты, приходилось опрокидывать столъ и валить игроковъ. Наслѣдіе ужаснаго человѣка еще въ этомъ пунктѣ предстало передъ наслѣдниками, а чтобы продолжать партію, ничѣмъ не рискуя, у нихъ не было ни его высокомѣрной рѣшимости, ни его смѣлости, ни его счастія.

Однако, несмотря на всю свою несостоятельность, Россія, этого нельзя отрицать, осталась въ выигрышѣ, благодаря сцѣпленію благопріятныхъ обстоятельствъ, гдѣ многіе склонны видѣть или вмѣшательство какого-либо свѣтлаго Провидѣнія, или какого-либо мрачнаго рока,—но гдѣ легко понять дѣйствіе вполнѣ естественныхъ причинъ: неизсякаемое могущество національнаго инстинкта, несоизмѣримые взрывы силъ, накопившихся въ огромной имперіи, и вытекающія отсюда попытки вступить на путь, гдѣ, за отсутствіемъ такого высшаго рѣшенія, которое, быть можетъ, пришло бы въ голову великому человѣку, жизненныя задачи, оставленныя имъ преемникамъ, рѣшились, если и не вполнѣ, то во всякомъ случаѣ безъ ущерба для себя.

Мои польскіе читатели должны хорошо понять меня: я говорю здѣсь какъ историкъ, и я отказался бы писать исторію, если бы замѣтилъ, что я позволилъ примѣшаться къ этому своимъ личнымъ симпатіямъ. Я не хочу высказываться ни за, ни противъ раздѣла Польши, но хочу вы нить элементы превосходства, которые позволяли Россіи, дѣйствуя при раздѣлѣ, меньше, чѣмъ она могла и должна была, взять

себѣ часть славянской земли, но занять завидное положеніе въ сѣверной Европѣ.

Непосредственные преемники Петра не умѣли всегда и повсюду выдвигать эти элементы въ ихъ страшной силѣ; они ни одного изъ нихъ не погубили. Они сохранили и даже улучшили въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ранѣе завоеванныя положенія. Какъ? Съ помощью какихъ таинственныхъ силъ, замѣстившихъ такой очевидный недостатокъ рессурсовъ и способностей? Я не сумѣю лучше отвѣтить на вопросъ, какъ войдя въ нѣкоторыя подробности по поводу этого Курляндскаго дѣла, которое Лефортъ ядовито назвалъ „бабьей войной" и которое можно разсматривать какъ большое дѣло царствованія, мало способнаго предпринять что-либо болѣе важное. Пружины, приводившія въ движеніе иностранную политику Екатерины I, являются здѣсь въ полномъ свѣтѣ, и мои читатели выиграютъ еще и оттого, что получше познакомятся съ нѣкоторыми главными дѣйствующими лицами, призванными фигурировать въ новыхъ драмахъ, театромъ которыхъ въ скоромъ времени послѣ смерти государыни пришлось быть Петербургу и Москвѣ.

ГЛАВА III.

Бабья война.—Морицъ Саксонскій.

I. Курляндское наслѣдство.—Причины кандидатуры Морица Саксонскаго.—Проектъ брака съ Анной Іоанновной и Елизаветой Петровной.—Морицъ въ Польшѣ.—Его успѣхи у варшавскихъ дамъ.—Августъ II покровительствуетъ его предпріятію.—Оппозиція польскаго дворянства.—Охлажденіе короля.—Тайный отъѣздъ Морица въ Митаву.—Онъ увлекаетъ Анну Іоанновну и пріобрѣтаетъ симпатіи курляндцевъ.—Его избраніе.—II. Борьба партій въ Петербургѣ.—Юбки—за Морица.—Кандидатура Меншикова.—Его пріѣздъ въ Митаву.—Свиданіе съ Морицемъ.—Ложныя легенды.—Морицъ остается хозяиномъ положенія.—III. Проектъ договора въ его пользу между Августомъ II и Россіей.—Неудача.—Польскій сеймъ высказывается противъ избранника курляндцевъ.—Изгнаніе.—Новыя брачныя комбинаціи и любовныя похожденія Морица.—Онъ добивается союза герцогини Курляндской.—Двойное вмѣшательство Россіи и Польши.—Бѣгство Морица.—IV. Онъ возобновляетъ переговоры.—Шансы на успѣхъ у Елизаветы.—Окончательное разочарованіе.—V. Эпилогъ.—Десять лѣтъ спустя.—Возобновленіе иллюзій.—Елизавета коронуется въ Москвѣ.—Морицъ приглашенъ туда.—Пріемъ, полный обѣщаній.—Романъ сразу обрывается.—Судьбы Курляндіи и судьбы Россіи.

I.

Курляндское герцогство было леннымъ владѣніемъ Польши, отданнымъ въ срединѣ шестнадцатаго вѣка на наслѣдственныхъ правахъ подъ протекторатъ республики послѣднимъ гроссмейстеромъ тевтонскаго ордена, Готтардомъ фонъ-Кеттлеръ. Въ 1698 году одинъ изъ его наслѣдниковъ, Фридрихъ-Казиміръ, умеръ, оставивъ вдову, прусскую принцессу, и шестилѣтняго сына, Фридриха-Вильгельма, опекуномъ котораго былъ его дядя, Фердинандъ. Въ 1709 году этотъ на-

слѣдникъ получилъ власть при содѣйствіи Петра Великаго и умеръ въ слѣдующемъ году, какъ я говорилъ уже выше, вскорѣ послѣ того, какъ сдѣлался мужемъ Анны Іоанновны. Наслѣдіе перешло къ Фердинанду; но старый, преданный набожности, въ вѣчной ссорѣ съ курляндскимъ правительствомъ или съ Польшей, герцогъ оставался въ Данцигѣ, предоставивъ митавскій дворецъ Аннѣ, а управленіе—тому, кто хотѣлъ или могъ его взять. Польскій король, республика, курляндское правительство и Россія яростно спорили изъ-за него. Послѣдняя добилась въ спорѣ верховенства, благодаря Бестужеву, помѣщенному къ Аннѣ Іоанновнѣ Петромъ Великимъ въ качествѣ гофмейстера. Анна сдѣлала его своимъ любовникомъ, до Бирона, и онъ, какъ могъ, помогалъ ей править несчастными курляндцами. Что касается поляковъ, всегда способныхъ выпустить добычу за ея тѣнь, они особенно разсчитывали на будущее, мечтая объ аннексіи, предлогъ къ которой могла бы имъ дать смерть Фердинанда *). Это рѣшеніе не могло нравиться ни Россіи, ни Пруссіи, ни даже польскому королю, который смутно желалъ получить герцогство для одного изъ своихъ сыновей. Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ избѣжать этого было вторично выдать замужъ Анну Іоанновну, а такъ какъ она лучшаго и не желала, начали послѣдовательно выдвигаться различныя кандидатуры. Въ декабрѣ 1717 года Петръ даже подписалъ съ саксонскимъ дворомъ условіе, которое отдавало руку принцессы и непринадлежавшее ей наслѣдство герцогу Іоанну-Адольфу Саксенъ-Вейсенфельдскому **). Когда этотъ проектъ разстроился, Берлинъ предложилъ въ 1722 г. принца Карла Прусскаго. Потомъ слѣдовала очередь князя Карла-Александра Вюртембергскаго, который уже два года тому назадъ старался задобрить русскаго посла въ Вѣнѣ, подаривъ ему драгоцѣнный перстень. Этимъ посломъ былъ именно Ягужинскій, и неудачнѣе претендентъ не могъ сдѣлать выбора. Въ вѣчномъ соперничествѣ съ Меншиковымъ и вытѣсненный имъ, этотъ авантюристъ свободно говорилъ за чаркой вина, что

*) Шуйскій, *Исторія Польши,* 1866, IV, 279.

**) Cruse, *Curland unter den Herzogen*, 1833, p. 278.

Россія ему надоѣла; онъ думалъ поселиться въ Польшѣ и сохранялъ пріятелей въ Варшавѣ и Дрезденѣ *). Онъ получилъ перстень, а о дѣлѣ и не думалъ. По порядку еще фигурировали одинъ изъ князей Гессенъ-Гомбургскихъ, котораго Петръ привезъ въ 1723 г. въ Петербургъ, чтобы посмотрѣть, не подойдетъ ли онъ одной изъ его племянницъ, и, наконецъ, одинъ владѣтельный князь Ангальтъ-Цербтскій, Іоганнъ-Фридрихъ.

Мысль о кандидатурѣ Морица, кажется, родилась въ плодородномъ мозгу саксонскаго агента въ Петербургѣ, Лефорта. Она появилась на свѣтъ въ 1725 году, со смертью Петра I, которая, казалось, открыла болѣе свободное поле для всевозможныхъ интригъ. Незаконный сынъ Августа II и красавицы Авроры фонъ-Кёнигсмаркъ имѣлъ въ это время двадцать девять лѣтъ и пользовался репутаціей самаго блестящаго и самаго легкомысленнаго офицера. Ведя въ Парижѣ разсѣянную жизнь, предаваясь безумной игрѣ, онъ однако нашелъ средства получить нѣмецкій пѣхотный полкъ, находившійся на службѣ Франціи, и по тому, какъ онъ командовалъ имъ, легко было предугадать въ немъ будущаго полководца. Когда Анна Іоанновна находилась въ Петербургѣ въ сентябрѣ 1725 года, одна изъ ея пріятельницъ, наученная Лефортомъ, заговорила съ ней о прекрасномъ кавалерѣ, галантныя похожденія котораго снабжали матеріаломъ хронику отъ Парижа до Варшавы. Не требовалось большого труда, чтобы возбудить воображеніе, жаждавшее пищи. Предупрежденный Морицъ не колебался съ этой стороны ни одной минуты и, вырвавшись изъ объятій Андріены Лекуврёръ, поспѣшилъ отправиться въ Польшу. Онъ одинъ разъ уже женился по разсчету на Викторіи фонъ-Лёбенъ и, запутавшись въ долгахъ послѣ громкаго развода, уже давно мечталъ о другой богатой невѣстѣ.

Онъ встрѣтилъ въ Варшавѣ депутацію курляндскаго дворянства, которая, казалось, уже получила предписаніе отъ вдовствующей герцогини и которая немедленно предложила ему корону. Но въ Петербургѣ Лефортъ измѣнилъ вдругъ свое

---

*) Weber, *Moritz, graf von Sachsen*, 1863, p. 91.

мнѣніе. Окружающіе Екатерину какъ разъ въ это время занимались прісканіемъ мужа для Елизаветы, и мысль замѣнить красивой дочерью Петра некрасивую дочь Іоанна понравилась изобрѣтательному дипломату. Онъ поспѣшилъ послать Морицу ея портретъ, снабдивъ его соблазнительными комментаріями: „хорошо сложенная и прекраснаго средняго роста, съ очень милымъ круглымъ личикомъ, съ искрящимися глазками, съ красивымъ цвѣтомъ лица и красивой шейкой“. Онъ увѣрялъ его, что она, какъ и та, „безъ ума“ отъ него и ждетъ его „съ нетерпѣніемъ“, и ранѣе m-me де-Сталь сказалъ, „что желанія русской женщины достаточно, чтобы взорвать городъ“.

Очутившись, такимъ образомъ, между двумя одинаково соблазнительными по различнымъ причинамъ партіями, молодой герой сначала чувствовалъ нѣкоторое затрудненіе сдѣлать выборъ. Елизавета имѣла въ себѣ болѣе очарованія, но Анна владѣла Митавой. Наконецъ, онъ нашелъ, что вѣрнѣе всего будетъ сначала устроиться здѣсь при ея содѣйствіи, чѣмъ возвращаться потомъ. Его глазъ стратега, такимъ образомъ, указалъ ему, что база задуманнаго предпріятія въ данный моментъ скорѣе находится въ Варшавѣ, чѣмъ въ Петербургѣ, и начало кампаніи доказало справедливость его предположеній.

Въ апрѣлѣ 1726 года совѣтъ саксонскихъ министровъ рѣшилъ, что его надо назначить помощникомъ стараго герцога Курляндскаго. Этотъ фактъ, отрицаемый позднѣе графомъ Флеммингомъ, первымъ министромъ Августа II, установленъ. Король пошелъ дальше, назначивъ декретомъ созваніе саксонскаго сейма, который долженъ былъ произвести это избраніе. Что касается согласія Россіи, Морицъ, по увѣреніямъ Лефорта, не сомнѣвался въ его полученіи, явившись въ Петербургъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ, какой обѣщалась для него выдумать мать. Она уже нѣсколько лѣтъ судилась на берегахъ Невы по поводу нѣкотораго владѣнія, которое она желала получить въ Эстляндіи, какъ наслѣдство по братѣ. Все, казалось, сначала шло хорошо. Одинъ изъ курляндскихъ депутатовъ, который въ то же время былъ комиссаромъ польской арміи въ Литвѣ и который, по приказу

командующаго войсками, поддерживалъ сношенія между Варшавой и Митавой, вполнѣ увѣрялъ въ расположеніи своихъ соотечественниковъ. Самъ литовскій главнокомандующій, Поцѣй, подъ вліяніемъ своей жены, выказывалъ желаніе поддерживать кандидатуру всѣмъ своимъ вліяніемъ. „Его завлекли въ это дѣло, какъ Адама въ паденіе“, говоритъ о немъ Флеммингъ. Жена королевскаго великаго маршала, Бѣлинская, побочная сестра Морица, естественно проявляла столь же большое рвеніе. „Она одолжила графу свои сервизы и даже самого графа д'Астеля, чтобы немного слѣдить за нимъ“, писалъ маіоръ Глазенкампъ, одинъ изъ компаньоновъ будущаго герцога *). Даже недостатка въ деньгахъ не было у этого баловня судьбы. Г-жа Кёнигсмаркъ, правда, напрасно старалась уговорить польскаго короля выкупить три большихъ жемчужины, вѣсившихъ каждая до двухсотъ гранъ и стоившихъ двѣнадцать тысячъ золотыхъ, которыя были заложены у одного ювелира за семь тысячъ. Больше у ней нечего было дать сыну! Августъ, уже одинъ разъ заплатившій за нихъ, обѣщалъ и не сдержалъ слова **). Но Адріена Лекувреръ продала часть своихъ драгоцѣнностей и прислала сорокъ тысячъ ливровъ; г-жа Поцѣй позаимствовала изъ кассы своего мужа, и Морицъ былъ прекрасно снабженъ.

Онъ собирался ѣхать, когда его отецъ вдругъ почувствовалъ сомнѣніе и тревогу, которыя вполнѣ оправдывались настроеніемъ умовъ въ Варшавѣ. Вполнѣ понятно, что, когда въ это дѣло вмѣшались г-жи Поцѣй и Бѣлинская, оно не замедлило вызвать возбужденіе. Оно вызвало также и всеобщее негодованіе. Значитъ, не удовольствовавшись тѣмъ, что онъ ввелъ своихъ незаконныхъ дочерей въ самыя знатныя семьи страны, Августъ теперь собирается надѣлить своихъ незаконныхъ сыновей кусками, оторванными отъ національнаго достоянія! Поднялся крикъ. Великій канцлеръ Шембекъ, отказавшійся приложить свою печать на декретѣ о созывѣ сейма, разразился суровыми упреками; всѣ саксонскіе министры единодушно совѣтовали своему государю отка-

*) Іюля 1726 г. Дрезденскій Архивъ.
**) Weber, *ук. соч.*, p. 102.

заться отъ этого дѣла, и 21 мая 1726 года, въ назначенный для отъѣзда Морица день, графъ Мантейфель явился къ нему и смущенно сказалъ, что король желаетъ, чтобы его сынъ остался въ Варшавѣ.

Совершенно готовый, графъ ждалъ только рекомендательнаго письма, которое отецъ обѣщалъ ему дать къ русской императрицѣ.

— Это приказъ?—спросилъ онъ.

— Мнѣ кажется, да.

— Я не хочу ослушаться короля; но если я не поѣду, все пропало.

Мантейфель понялъ, что молодой человѣкъ рѣшился пойти на все, и побѣжалъ предупредить короля, который, будучи уже въ постели, не могъ его принять. Русскіе историки склонны думать, что въ этотъ день Августъ нарочно раньше легъ спать и, можетъ быть, они не ошибаются. На самомъ дѣлѣ Морицъ уѣхалъ ночью, простившись съ нѣкоторыми дамами, увѣривъ ихъ, „что слишкомъ легокъ былъ бы тотъ, кто догналъ бы его“. Поцѣй далъ ему конвой изъ литовскихъ драгунъ.

Какъ разъ въ этотъ моментъ покидалъ Россію Кампредонъ и, проѣзжая черезъ Митаву, узналъ о пріѣздѣ графа. Ему сказали, „что онъ остановился въ домѣ барона Бера, рядомъ съ домомъ, гдѣ герцогиня Курляндская проводила лѣто; что онъ уже сдѣлалъ два визита этой герцогинѣ и что его бракъ, равно какъ и избраніе, не подлежитъ сомнѣнію“.

На самомъ дѣлѣ Морицъ не терялъ времени. Отказавшись на-время отъ Петербурга, онъ рѣшилъ упрочить свое положеніе въ Курляндіи. Съ деньгами Адріены Лекувреръ и г-жи Поцѣй онъ образовалъ милицію; своими воинственными манерами онъ восхитилъ мѣстное дворянство, въ то же время его галантное обращеніе и красивое лицо заставляли таять отъ восторга толстую Анну. 1 іюля, со своимъ героическимъ презрѣніемъ къ орѳографіи, которое составляло часть его легендарной физіономіи, онъ могъ написать графу Фризену, прежнему жениху m-lle Лебенъ, а потомъ мужу графини Козель, второй побочной дочери Августа: „Я васъ слишкомъ люблю, дорогой графъ, чтобы не подѣлиться съ вами всѣмъ,

что со мною было. Я избранъ наслѣднымъ герцогомъ Курляндскимъ, и мнѣ поручено управленіе, пока герцогъ Фердинандъ не получитъ увѣдомленіе отъ короля".

II.

Онъ воображалъ, что въ Петербургѣ, какъ въ Варшавѣ, спокойно признаютъ совершившійся фактъ. Однако, происшествія, совершавшіяся въ этотъ промежутокъ, не носили въ себѣ ничего успокоительнаго. Подъ давленіемъ возмущенія польской шляхты, Августъ, котораго сынъ непочтительно называлъ „королемъ на картинкѣ", долженъ былъ послать по слѣдамъ послѣдняго цѣхановскаго старосту Наиваскаго съ новымъ декретомъ, возбранявшимъ созваніе сейма *). Курляндцы, которые, увѣрялъ Морицъ, „такъ же вспыльчивы, какъ французы", собирались было бросить въ рѣку королевскаго посланца, но ихъ рвеніе вылилось только въ демонстраціяхъ. „Они открыли выбранному ими государю свои сердца, но не кошельки",—говоритъ одинъ нѣмецкій историкъ **). Когда позже Морицъ обратился съ призывомъ къ ихъ преданности, чтобы составить себѣ гвардію, ему не удалось собрать и ста человѣкъ. Въ Петербургѣ дѣла приняли еще худшій оборотъ. Анна, сильно влюбленная, поспѣшила написать Меншикову и Остерману, чтобы ей позволили выйти замужъ за графа ***). Въ маленькомъ женскомъ кружкѣ, который Лефортъ сумѣлъ привлечь на сторону своего протеже, всѣ были полны радости. „Наши друзья, и особенно женщины,—писалъ саксонскій агентъ,—не могутъ уснуть... Если онъ (Морицъ) не скоро явится, я боюсь, какъ бы онѣ сами не побѣжали къ нему навстрѣчу. Столько тысячъ червонцевъ, сколько нашъ герой собралъ въ Аксонѣ, вполнѣ устроили бы меня" *†). Но уже 16

---

*) Шуйскій, *ук. соч.*, IV, 280.

**) Forster, *Fridrich-August II*, 1839, I, 217. Ср. Weber, *ук. соч.*, p. 142.

***) Переписка русскихъ государей, IV, 141—3.

*†) Weber, *ук. соч.*, p. 108.

мая 1726 г. верховный совѣтъ остановился на другомъ рѣшеніи, выбравъ епископа Любекскаго, Карла-Августа Голштинскаго, двоюроднаго брата Анны Петровны, подходящимъ кандидатомъ на Курляндское наслѣдіе, и, слѣдовательно, Бестужевъ долженъ былъ заранѣе протестовать противъ избранія Морица. Меншиковъ, правда, оставался въ сторонѣ и относился враждебно къ этому рѣшенію; но герцогу саксонскому не много было пользы отъ основаній, которыми руководился фаворитъ. Потерявъ въ настоящій моментъ свое вліяніе, какъ я уже говорилъ, благодаря могущественнымъ проискамъ, Меншиковъ подумывалъ о томъ, какъ бы устроить себѣ отступленіе и, подъ рукой, съ помощью генерала Роппа, курляндца на службѣ Россіи, старался создать себѣ партію въ герцогствѣ. Его планы, на которые онъ сумѣлъ добиться одобренія Екатерины, сразу выступили на сцену въ іюнѣ, когда императрица появилась въ совѣтѣ, чтобы заявить, что она измѣнила свое намѣреніе и хочетъ предложить курляндскимъ избирателямъ самого Меншикова, который получилъ предписаніе немедленно отправиться въ Митаву въ сопровожденіи Василія Лукича Долгорукова, дипломата петровской школы, посылавшагося съ трудными порученіями. Если курляндцы не пожелаютъ его, имъ будетъ предоставлено выбирать между епископомъ Любекскимъ и однимъ изъ принцевъ Гессенъ-Гомбургскихъ, находившихся на службѣ у Россіи.

Такимъ образомъ, когда сеймъ открылся, на немъ была открыто выставлена кандидатура Меншикова однимъ изъ депутатовъ, который долго распространялся о рессурсахъ, которыми располагаетъ этотъ кандидатъ, чтобы поддерживать свои претензіи такъ же, какъ защищать интересы свои и Курляндіи противъ всѣхъ противниковъ. Морицъ одержалъ верхъ, но все-таки со стороны Петербурга горизонтъ оставался грознымъ. Тотчасъ же въ Митаву одинъ за другимъ прибыли курьеры, сообщавшіе одинъ—о близкомъ прибытіи забаллотированнаго кандидата, другой—о вступленіи на курляндскую территорію двѣнадцати тысячъ русскихъ. 8 іюля Долгоруковъ былъ уже въ Митавѣ и выражалъ предсѣдателю сейма неудовольствіе императрицы. Она не признавала вы-

бора неправильно происходившаго сейма, безъ распоряженія польскаго короля, и требовала новаго созыва.

— Но польскій король больше его не разрѣшитъ!

— Это дѣло императрицы.

Меншиковъ ждалъ въ Ригѣ результата этихъ первыхъ переговоровъ. Анна поспѣшила туда и со слезами просила за Морица. Фаворитъ былъ неумолимъ. Россія не желаетъ такого герцога, и царевна не можетъ выйти за незаконнорожденнаго. 10 іюля онъ присоединился къ Долгорукому въ Митавѣ и ночью велѣлъ занять городъ отрядомъ русскихъ войскъ. На другой день состоялось знаменитое свиданіе двухъ соперниковъ, породившее фантастическіе разсказы, и подробности его до сихъ поръ неизвѣстны. Очень бурное вначалѣ, оно, кажется, приняло потомъ очень мирный оборотъ. Грубое вступленіе Меншикова: „Кто ваши отецъ и мать?“ и возраженіе сына Авроры Кёнигсмаркъ: „А ваши?“—намъ извѣстны отъ графа Рабутина, который въ то время находился въ постоянной перепискѣ съ Морицомъ и который имѣлъ въ своихъ рукахъ подробный дневникъ событій, театромъ которыхъ была Митава въ іюнѣ и іюлѣ *). Наоборотъ, Морицъ никогда ни словомъ не обмолвился о вызовѣ, сдѣланномъ имъ Меншикову, рѣшить споръ поединкомъ на выбранномъ имъ самимъ оружіи. Когда фаворитъ сказалъ, что онъ палкой докажетъ курляндцамъ, что онъ здѣсь хозяинъ, будущій побѣдитель при Фонтене, „чтобы избѣгнуть лично этого показыванія“, предпочелъ менѣе героически,—если ему надо вѣрить, а это вѣроятнѣе всего,—предложить этому ужасному противнику поединокъ... въ сто тысячъ рублей. Тотъ изъ двухъ, кто останется герцогомъ Курляндскимъ и сумѣетъ добиться признанія въ этомъ званіи отъ польскаго короля, заплатитъ эту сумму другому. Тотчасъ же разговоръ сдѣлался дружелюбнымъ, Меншиковъ принялъ предложеніе и наивно попросилъ рекомендательное письмо къ королю. Просьба показалась Морицу такой забавной, что онъ тотчасъ же исполнилъ ее. Копія письма сохранилась, и Меншиковъ позже могъ воспользоваться оригиналомъ какъ актомъ отреченія. На самомъ дѣлѣ

*) Дрезденскій Архивъ. Курляндскія дѣла. Письма и документы.

Екатерина Первая.

тамъ есть слѣдующая двусмысленная фраза: „Онъ (Меншиковъ) желаетъ, Государь, чтобы я представилъ вамъ его интересы, и такъ какъ я хотѣлъ бы показать ему, какъ они касаются меня, я умоляю В. В. обратить на нихъ вниманіе“.

Каковъ бы выводъ ни истекалъ изъ такого страннаго разрѣшенія столь важнаго спора, онъ все-таки противорѣчитъ остальнымъ драматическимъ эпизодамъ, приписываемымъ борьбѣ двухъ соперниковъ. Неель по д'Алаксону, де-ля-Баръ-Дюпаркъ по барону д'Эспаньякъ разсказывали объ осадѣ, выдержанной Морицомъ противъ драгунъ Меншикова, съ помощью личной стражи Анны Іоанновны. Самъ Германнъ *) воспроизвелъ эту сказку, примѣшавъ къ ней дочь одного митавскаго жителя, которая находилась въ эту критическую минуту около Морица и помогла ему выбраться цѣлымъ и невредимымъ. Смущеніе, слезы, переодѣваніе въ платьѣ красиваго офицера, бѣгство въ окно, радость осаждающихъ, которые, схвативъ бѣглянку, думали, что держатъ героя, гнѣвъ, потомъ нѣжное чувство начальника осаждающихъ, который стережетъ бѣглянку и женится на ней,—все это, вѣроятно чистѣйшая выдумка въ разсказѣ о приключеніи, о которомъ Морицъ не преминулъ бы сообщить своимъ друзьямъ, если бы онъ въ немъ участвовалъ. Однако, онъ ограничивается тѣмъ, что сообщаетъ, что онъ считалъ, что его атакуютъ въ ночь съ 11 на 12 іюля, и держался насторожѣ со своими товарищами, проводя время за выпивкой и игрой въ карты. Но ничто не потревожило эту мирно проведенную ночь, и на другой же день Меншиковъ покинулъ Митаву съ tanto di naso, писалъ Морицъ графу фонъ-Фризену, нарисовавъ длинный носъ на поляхъ своего письма. „Мое положеніе,—добавляетъ онъ,—становится день ото дня рискованнѣе; но я на это“...

Фаворитъ въ этотъ моментъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи только нѣсколько сотъ драгунъ, силу, которую онъ, разумѣется, считалъ недостаточной, чтобы начать борьбу съ такимъ рѣшительнымъ человѣкомъ, какимъ казался его противникъ. Онъ набросился на курляндцевъ, говорилъ, что

*) Geschichte d. R. S. IV. 485.

сошлетъ въ Сибирь председателя сейма, канцлера, а также дюжину депутатовъ и вернется съ двадцатью тысячами человѣкъ, если они не соберутъ сеймъ въ десять дней и не заставятъ сеймъ выбрать его. Онъ схватилъ за шиворотъ одного изъ секретарей Бестужева, приказалъ опечатать всѣ бумаги Анны Іоанновны и велѣлъ наказать кнутомъ нѣкоторыхъ изъ ея слугъ. Но такъ какъ, несмотря на угрозы и грубости, Морицъ и не думалъ, повидимому, сдаваться, онъ рѣшилъ вернуться въ Петербургъ, куда за нимъ послѣдовала герцогиня Курляндская со своими жалобами и просьбами. Курляндцы жаловались со своей стороны; Польша протестовала; самъ Верховный Совѣтъ рѣшилъ, что Меншиковъ зашелъ слишкомъ далеко; и въ августѣ Бестужевъ былъ увѣдомленъ, что императрица оставила мысль заставить избрать фаворита, но что онъ долженъ выдвинуть впередъ другихъ русскихъ кандидатовъ, а если польскій король не одобритъ ихъ, предоставить выборъ курляндцамъ, за исключеніемъ Морица. Послѣдній тѣмъ не менѣе былъ хозяиномъ положенія въ ожиданіи новой грозы, которая на этотъ разъ должна была явиться изъ Польши.

III.

Въ Петербургѣ, къ концу года, его шансы, казалось, улучшились. Кромѣ Лефорта, онъ тамъ имѣлъ теперь защитника, менѣе изобрѣтательнаго, но болѣе сдержаннаго и ловкаго, французскаго полковника де-Фонтене, который въ тишинѣ подготовлялъ комбинацію, способную примирить интересы большинства, если не всѣхъ существовавшихъ соперниковъ. Теперь она можетъ показаться довольно фантастической, но въ октябрѣ 1726 года Маньянъ, французскій уполномоченный, оставленный въ Петербургѣ Кампредономъ, считалъ ее близкой къ осуществленію. Петръ расширилъ здѣсь границы дѣйствительнаго и возможнаго, и его преемники терялись въ нихъ. Здѣсь дѣло шло не менѣе, какъ о раздѣлѣ Литвы между Поцѣемъ, Меншиковымъ и графомъ Саксонскимъ, который такимъ образомъ округлилъ бы свои курляндскія вла-

дѣнія. Августъ отнесся къ такому соглашенію благосклонно, какъ отецъ, но не какъ король Польши, и считалъ его слишкомъ выгоднымъ, чтобы не протянуть къ нему руки *). Извѣстно, что вообще онъ ничего не имѣлъ противъ сдѣлокъ, касавшихся нераздѣльности территоріи Польши.

Но Лефортъ со своей стороны упорно держался своей мысли замѣнить Анну Елизаветой и такимъ образомъ препятствовалъ хлопотамъ влюбленной герцогини. Онъ сообщалъ гувернанткѣ прекрасной царевны самыя подробныя свѣдѣнія „обо всѣхъ качествахъ курляндскаго избранника, до самыхъ тайныхъ“. А такъ какъ Екатерина больше не знала, кого слушать, Меншиковъ, казалось, вошелъ въ интересы Фонтене, самъ Морицъ далъ себя убѣдить, чтобы ему дали Елизавету съ Курляндіей съ помощью договора въ хорошей и должной формѣ между императрицей и польскимъ королемъ, при чемъ республика должна была нести расходы по соглашенію. „Дѣло было покончено“,—писалъ онъ позже, объясняя, какъ произошло паденіе его надеждъ: „Курьера, прибывшаго изъ Петербурга, я послалъ къ королю, который принялъ его въ Бѣлостокѣ, у Браницкой. По поводу этого прекраснаго извѣстія выпили, и король, который всегда рекомендуетъ другимъ молчать, былъ добръ сообщить объ извѣстіи этой нескладной обезьянѣ (женѣ королевскаго знаменоносца), которая разболтала объ этомъ всѣмъ. Ему сказали о конфедераціи, и на него напалъ страхъ. Остальное вы знаете“.

Возможно, что, всегда поддающійся иллюзіямъ, пылкій герой преувеличивалъ бывшіе у него шансы на успѣхъ, и что дѣла были не такъ блестящи, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ. Но болтливость Августа вѣроятна, такъ какъ достовѣрно обнаружена интрига именно въ это время, также, какъ и послѣдствія, на которыя намекаетъ Морицъ. Это рѣшеніе, принятое 11-го октября 1726 года саксонскими министрами, не поддерживать больше дѣла, которое угрожало поднять всю Польшу. Напрасно г-жа Поцѣй уговаривала Флемминга по-французски, въ то время, какъ ея мужъ говорилъ ему по-латыни. Уступая настояніямъ польскаго сейма, собравшагося

*) Депеша Маньяна отъ 18 марта 1727. Иностр. Дѣла, Россія.

въ Гродно въ сентябрѣ 1726 года, король тогда же подписалъ декретъ, отзывающій Морица, а 9-го числа слѣдующаго ноября сеймъ, который напрасно старался сорвать представитель Россіи, Ягужинскій *), объявилъ о присоединеніи Курляндіи къ Республикѣ, послѣ смерти Фердинанда, отвергая избраніе графа Саксонскаго, объявляя его врагомъ страны и назначивъ комиссію для временнаго управленія дѣлами. Поднимался даже вопросъ послать депутацію къ французскому посланнику, чтобы добиться отнятія у отверженца полка, какъ у человѣка *публично опозореннаго*.

Морицъ еще не собирался оставить Митаву. Безъ денегъ, по свидѣтельству графа Кронхіельма, шведскаго дворянина, приставленнаго къ нему его матерью, проводя большую часть дня въ постели и заставляя себѣ читать Донъ-Кихота, онъ ждалъ поворота судьбы. Онъ не совсѣмъ ошибался. Возбудивъ подозрительность Россіи и Пруссіи, постановленія гродненскаго сейма создали Саксонскому графу новые шансы. Въ концѣ 1726 года изъ Петербурга въ Митаву былъ посланъ Девьеръ, чтобы узнать о положеніи дѣлъ. Онъ видѣлъ Морица и больше не уговаривалъ его отказаться отъ избранія. Онъ доложилъ императрицѣ, что нѣсколько разъ при произнесеніи ея имени у графа на глазахъ появлялись слезы, и Екатерина, все еще занятая „бабьей войной“, казалось, смягчилась. Новыя инструкціи предписывали Девьеру предоставить дѣла ихъ собственному теченію. Въ январѣ, неутомимый Лефортъ пустилъ въ ходъ новую комбинацію и новый котильонъ. Анна Іоанновна была въ ссорѣ съ Меншиковымъ, Елизавета скомпрометирована въ послѣднихъ переговорахъ съ Августомъ, прося руки Софіи Скавронской, которая охотно промѣняла бы польскаго князя на владѣтельнаго герцога, Морицъ вѣрно задѣлъ бы царицу за самое чувствительное мѣсто ея сердца и добился бы, такимъ образомъ, предмета своихъ исканій.

Морицъ съ негодованіемъ отвергъ предложеніе. Онъ лучше возьметъ толстую *Nan*, какъ Лефортъ фамильярно назы-

---

*) Соловьевъ, *указ.*, XIV, 58.

валъ герцогиню Курляндскую. Но, спустя мѣсяцъ, онъ не удержался, чтобы не испортить своихъ шансовъ и съ этой стороны. По крайней мѣрѣ происшествіе, которое его біографы относятъ къ этому времени кажется, еще правдоподобнымъ, какъ въ виду обстоятельствъ, такъ и по характеру героя. Анна отвела ему аппартаментъ въ своемъ дворцѣ, гдѣ ему приходилось принимать самую очаровательную фрейлину герцогини. Однажды ночью, когда онъ провожалъ красавицу, которую его разсказы удержали до поздняго часа, неся ее на рукахъ по случаю толстаго снѣга, покрывавшаго дворцовый дворъ, на его пути попалась старуха, державшая фонарь. Она подумала, что видитъ привидѣніе о двухъ головахъ, и въ ужасѣ начала кричать. Желая потушить пинкомъ ноги выроненный ею фонарь, Морицъ поскользнулся и упалъ со своей ношей на злосчастную сторожиху, которая отъ этого закричала только еще сильнѣе, такъ что всѣ проснулись и Анна узнала, по шуточному выраженію Карлейля, что ея претендентъ „не любитъ вестфальской колбасы въ такомъ видѣ" или по крайней мѣрѣ отдыхаетъ отъ нея на другихъ лакомыхъ кусочкахъ *). Она поспѣшила послать въ Петербургъ выраженіе своего гнѣва и разочарованія, и вскорѣ Морицъ былъ извѣщенъ Лефортомъ, что его дѣла приняли дурной оборотъ. Въ то же время, правда (въ февралѣ 1727 года), курляндскій сеймъ утвердилъ свой первый выборъ, и Морицъ могъ поздравить себя съ побѣдой надъ этимъ чудовищемъ, и баронъ Медемъ былъ уполномоченъ его соотечественниками отправиться въ Варшаву и заставить тамъ признать ихъ выборъ. Но поляки укрѣпились, и посланникъ былъ остановленъ на пути. Въ апрѣлѣ 1727 года Морицъ отправился въ Дрезденъ только съ двумя слугами, потомъ въ Парижъ, въ поискахъ поддержки и денегъ. Онъ безуспѣшно велъ переговоры о займѣ въ Англіи, наконецъ, сговорился съ парижскимъ евреемъ Леманомъ, который одолжилъ ему 20.000 экю, вернулся въ Саксонію, гдѣ его отецъ отказался

---

*) Carlyle, Story of Frederic the Great, II, 37. Сходство принцессы съ вестфальской колбасой поразило англійскаго историка. Ср. *Исторія Морица Саксонскаго*, 1752, I, 199.

разговаривать съ нимъ о Курляндіи, и, тайкомъ покинувъ Дрезденъ, чтобы добраться до Митавы черезъ Польшу, онъ въ дорогѣ узналъ о смерти Екатерины, которая отнимала у него всякую надежду *).

Меншиковъ опять сдѣлался всемогущимъ. Въ Митавѣ Морицъ очутился передъ генераломъ Ласси, который, имѣя въ своемъ распоряженіи два полка русской пѣхоты и два полка кавалеріи, заставилъ его убраться, „если онъ не желаетъ отправиться въ мѣста отдаленныя“. Онъ поселился на одномъ островѣ Усмайтенскаго озера, которое и теперь еще называется *Морицъ-Гольмъ*, и пробовалъ вести переговоры. Но у него было только около трехсотъ человѣкъ—рекрутовъ, привезенныхъ по большей части моремъ изъ Нидерландіи,— Ласси ничего не хотѣлъ слушать и, 19-го августа, свергнутый герцогъ принялъ рѣшеніе отступить, переплылъ озеро на рыбачьей лодкѣ, потомъ добрался до ближайшей гавани, тогда какъ его маленькая армія сдалась съ оружіемъ и обозомъ. Русскіе обращались съ плѣнниками хорошо, потомъ тѣ были отданы полякамъ, которые оставили солдатъ у себя на службѣ и отпустили офицеровъ. Гардеробъ Морица былъ возвращенъ ему благодаря подарку, предложенному польскому комиссару, Красинскому. Его лакей, Бове, спасъ въ шкатулкѣ указъ объ избраніи. Но серебряная посуда г-жи Бѣлинской исчезла во время разгрома.

Спасшись въ Данцигъ, Морицъ еще не считалъ игру проигранной. Въ то время, какъ онъ требовалъ отъ Ласси свой багажъ, заявляя, что у него отобрали вещей на 74960 экю, онъ вручилъ русскому генералу записку къ самому Меншикову съ условіями соглашенія: 40.000 экю въ обмѣнъ за отказъ фаворита отъ его претензій на Курляндію. Но посолъ прибылъ въ Петербургъ въ моментъ катастрофы, которая на этотъ разъ окончательно разрушила счастье фаворита **), и, вслѣдъ за Ласси, появились теперь польскіе комиссары во главѣ съ епископомъ Кристофомъ Чембекомъ и съ ты-

*) Weber, *указ. соч.*, 142—3.

**) Бантышъ-Каменскій, *Дипломатическія сношенія*, 1882, III, 25.

сячью литовскихъ драгунъ. Посреди неурядицъ, произведенныхъ въ Петербургѣ смертью Екатерины, русскій генералъ, хотя и располагавшій сильной властью, не могъ итти противъ комиссіи, представлявшей право. Она снова созвала курляндскій сеймъ, и въ декабрѣ 1727 года были признаны постановленія польскаго гродненскаго сейма.

Но, вполнѣ понятно, это было только временное рѣшеніе вопроса и, каково бы оно ни было, не нарушало отношенія Россіи. При помощи Анны, постоянно жившей въ Митавѣ, и полковъ Ласси, всегда готовыхъ доказать свое превосходство количествомъ и дисциплиною, петербургское правительство сохраняло средство предписывать условія и могло въ ближайшемъ будущемъ напомнить объ этомъ. Одинъ Морицъ не былъ убѣжденъ въ этомъ, выказывая до самаго конца то упорство, которое на другомъ полѣ битвы должно было сослужить хорошую службу.

IV.

Въ ноябрѣ 1727 года новый эмиссаръ, посланный имъ въ Петербургъ, Баконъ, выставлялъ его, какъ единственнаго человѣка, способнаго воспрепятствовать аннексіи Курляндіи Польшей. Управляя страной при поддержкѣ Россіи, Морицъ былъ бы ея вассаломъ, обязывался уплачивать 40.000 рублей налоговъ и содержать столько войска, сколько она захочетъ. Бакона выслушали краемъ уха и въ январѣ 1728 года отпустили его. Польша не одна враждебно относилась къ его планамъ. Безпокоили они и Австрію, которая намекала, что Морицъ способенъ открыть Англіи одинъ изъ курляндскихъ портовъ. Но по отъѣздѣ Бакона Лефортъ сильно заволновался, посылалъ посланіе за посланіемъ въ Дрезденъ, увѣряя, что ему дали уѣхать, чтобы онъ поскорѣе привезъ Морица. Вверху опять остановились на мысли выбрать этого мужа для Елизаветы, которая хотѣла только посмотрѣть, „понравится ли ей товаръ“. И сообщеніе было не совсѣмъ невѣрно. Въ то время испанскій посланникъ, герцогъ де-Лиріа, кото-

рый близко присматривался къ придворнымъ интригамъ, самъ считалъ, что у Морица есть шансы на успѣхъ. Преемникъ Екатерины, Петръ II, выказывалъ къ своей теткѣ нѣжность, которая, выдвигая на очередь старые проекты Остермана, сильно всѣхъ безпокоила. Олигархическая партія видѣла въ этомъ угрозу ея планамъ и желала держать подъ опекой новаго императора. Новый австрійскій посланникъ, Вратиславъ, предвидѣлъ, что дочь Петра Великаго, если она выйдетъ замужъ за своего племянника, заставитъ Россію вернуться къ своему прежнему варварскому состоянію и помѣшаетъ ей вмѣшаться въ дѣла Европы, откажетъ въ посылкѣ тридцати тысячъ человѣкъ въ помощь своимъ союзникамъ. И тѣ, и другіе думали только о томъ, какъ бы заставить царевну покинуть отечество, выйдя замужъ, и Петербургъ въ это время видѣлъ настоящій конкурсъ претендентовъ, даже самъ старый герцогъ Фердинандъ выставилъ въ рядъ свою малопривлекательную особу. Ему совѣтовали лучше посвататься за *толстую Нанъ*, о чемъ онъ не заставилъ просить себя два раза. Но герцогиня отклонила его предложеніе, а въ началѣ 1729 года Елизавета уже не хотѣла никого больше. Петръ II покинулъ ее, а она утѣшалась такъ, что обезкураживала самыхъ храбрыхъ жениховъ. Самъ Лефортъ признавался, что поведеніе принцессы отнимаетъ у друзей графа Саксонскаго возможность желать для него подобнаго брака *).

На этотъ разъ Морицъ сдался и вернулся во Францію, гдѣ его ждала такая блестящая отплата. Однако, онъ не совсѣмъ разстался ни съ Курляндіей, ни съ Елизаветой, и я сейчасъ напомню, чтобы покончить со всѣмъ этимъ, романическій эпилогъ этой странной авантюры.

---

*) Письмо отъ 7 февраля 1729 г. Дрезденскій Архивъ. См. Saint-René Taillandier, Maurice de Jaxe, 1865, стр. 172. Ср. Depeches de Liria „*Восемнадцатый вѣкъ*“ (изд. Бартенева, II, 34—118); Magnan, Депеша отъ 30 декабря 1728. Иностр. Дѣла. Россія.

V.

Прошло десять лѣтъ. Курляндія послѣдовательно перемѣнила нѣсколько хозяевъ послѣ того, какъ на русскій тронъ вступила *толстая Нанъ*, такъ долго терпѣвшая неудачи и такъ мало подходившая, по наружному виду, къ подобному счастію. Какой-то темный авантюристъ занялъ въ Митавѣ мѣсто, такъ страстно желанное Морицомъ. Все, казалось, окончательно загородило съ этой стороны путь къ его прежнимъ планамъ, какъ вдругъ, въ 1741 году, паденіе Бирона и воцареніе Елизаветы перевернуло все, поставивъ на очередь вопросъ о несчастномъ графствѣ. И Морицъ, тотчасъ же отдыхая отъ потерь, вернулся къ своей давнишней прекрасной мечтѣ. 12 іюля 1741 года онъ писалъ изъ Парижа графу де-Брюль: „Я не питаю особенныхъ иллюзій; однако, если бы вы смогли затянуть дѣло надолго, можетъ быть, счастіе и всеобщая сумятица могли бы помочь мнѣ въ нѣкоторомъ родѣ. Мнѣ не на что больше надѣяться со стороны русскихъ, а, слѣдовательно, нечего и терять“ *). Какъ и въ началѣ неудавшагося предпріятія, онъ снова вообразилъ, что самый кратчайшій путь изъ Парижа въ Митаву лежитъ черезъ Варшаву. Извѣстія, приходившія изъ отдаленной Москвы, въ которой короновалась Елизавета, скоро указали ему другой путь и даже иную цѣль. Елизавета все еще была не замужемъ, и его дѣятельные друзья, Ла-Шетарди, очень энергичный французскій посланникъ, и Лестокъ, самый отважный интриганъ, оба въ перепискѣ съ графомъ Саксонскимъ старались открыть передъ его глазами ослѣпительный горизонтъ. Онъ далъ соблазнить себя. Побѣдитель при Прагѣ (1741 г.), побѣдитель при Эгрѣ (1742 г.), онъ получилъ отпускъ и въ то время, когда французская армія покидала столицу Богеміи, онъ углублялся въ негостепріимныя равнины Россіи. 11-го іюня 1742 года онъ видитъ, наконецъ, Елизавету, которая въ тотъ же день приглашаетъ его танцовать съ ней контрдансъ. Черезъ два дня Ла-Шетарди даетъ званый обѣдъ въ честь

*) Vitzthum, *Maurice de Saxe*, 1867, стр. 379.

знатнаго путешественника. Императрица заѣзжаетъ туда съ прогулки верхомъ. На ней мужское платье, вѣрный признакъ—мы вернемся къ этой чертѣ,—что она готова пококетничать. Она обращается съ Морицомъ по-товарищески съ очаровательной фамильярностью и долго сидитъ въ его обществѣ. 18 іюня снова встрѣчаются у Воронцова за завтракомъ по-русски, который продолжается девять часовъ. Вставъ изъ-за стола, гости садятся на лошадей сопровождать царицу, галопомъ мчащуюся по иллюминованнымъ московскимъ улицамъ. Гроза заставляетъ веселую кавалькаду скрыться въ Кремлѣ, гдѣ Елизавета сама показываетъ Морицу принадлежности коронованія. Потомъ снова садятся въ сѣдла, и императрица какъ бы невзначай спрашиваетъ Шетарди, не хочетъ ли онъ угостить ее ужиномъ. Посланникъ былъ уже предупрежденъ. Пріѣхавъ къ его дому въ часъ ночи, нашли великолѣпную иллюминацію, на площади фонтаны бѣлаго и краснаго вина для народа, собиравшагося толпами. Два стола на двадцать и на тридцать кувертовъ, блестяще сервированныхъ, ожидали ужинающихъ. Елизавета перемѣнила костюмъ—она промокла—и, какъ говоритъ саксонскій посолъ Пецольдъ, „было около шести часовъ утра, когда ея величество, затмевая солнце блескомъ своей красоты, довольная, удалилась“ *).

Но завязавшійся романъ сразу обрывается на этой, такъ много обѣщающей главѣ, такъ какъ Морицъ не замедлилъ замѣтить, что для него нѣтъ мѣста около императрицы иначе, какъ только во время такихъ кутежей. Онъ скоро покидаетъ Москву, а вскорѣ за нимъ слѣдуетъ и Шетарди.

Я остановился на этомъ эпизодѣ, потому что въ немъ рельефно обрисовывается общая физіономія русской исторіи за вторую четверть восемнадцатаго вѣка. Здѣсь, видимо, царитъ полнѣйшая неурядица, прихоть и бурныя столкновенія личныхъ честолюбій и страстей. Въ зависимости отъ плановъ Морица и „влюбчивости“ петербургскихъ красавицъ, судьба

---

*) Депеша отъ 25 іюня 1742 г., Дрезденскій Архивъ; депеша Шетарди отъ того же числа, Иностр. Дѣла, Россія; Веберъ, *указ. соч.*, 185 стр.

Курляндіи, кажется, предоставлена игрѣ любви и случая, при чемъ политическій интересъ Россіи въ этомъ не принимаетъ никакого участія. Однако, впослѣдствіи только этотъ интересъ и преобладаетъ. Морицъ, Меншиковъ, Биронъ по очереди исчезаютъ, во всякомъ случаѣ русская гегемонія прогрессируетъ на берегахъ Балтійскаго моря, русскій протекторатъ все сильнѣе укрѣпляется въ Митавѣ и, когда наступаетъ моментъ, Екатеринѣ II надо только протянуть руку, чтобы овладѣть добычей, которую всѣ эти соперники, даже не думая объ этомъ или даже не желая этого, отдали въ ея руки.

ГЛАВА IV

Императоръ забавляется.—Петръ II.

I. Воспитаніе молодого императора.—Многообѣщающее начало.—Стремленіе къ ученію и благородные инстинкты.—Выборъ воспитателя.—Остерманъ.—Водвореніе въ домѣ Меншикова.—Искусная политика фаворита.—Онъ старается помириться съ Долгорукими и удаляетъ фамилію Голштинскую.—Полный тріумфъ.—II. Болѣзнь временщика.—Либеральныя мѣры Верховнаго Совѣта.—Освобожденіе Евдокіи.—Новыя вѣянія.—Сестра и тетка.—Наталія и Елизавета.—Соперникъ.—Иванъ Долгорукій.—Его семья возвращается къ прежнимъ чувствамъ.—Петръ пріобрѣтаетъ вкусъ къ независимости и разсѣянной жизни.—Удовольствія охоты и удовольствія любви.—Участіе въ кутежахъ.—Марія Меншикова забыта.—Выздоровѣвшій временщикъ пытается реагировать.—Конфликты.—Ораніенбаумскій праздникъ.—Немилость.—Ссылка Меншикова въ Ораніенбаумъ.—Разрывъ помолвки.—III. Новыя соперничества.—Борьба Остермана и Наталіи Алексѣевны съ Долгорукими.—Отъѣздъ въ Москву.—Надежда Остермана на Евдокію.—Мать и внукъ.—Разочарованіе.—Торжество Долгорукихъ.—Коронованіе.—Ссылка Меншикова въ Сибирь.—Березовъ.—Плачевная судьба семьи.—IV. Петръ II продолжаетъ забавляться.—Напрасно стараются заинтересовать его дѣлами.—Его увлеченіе охотой и страсть къ кутежамъ усиливаются.—Кровосмѣсительная любовь.—Эгерія, превратившаяся въ вакханку.—Кочевая жизнь.—Новая склонность.—Немилость Елизаветы.—Смерть Наталіи.—V. Екатерина Долгорукая.—Романтическое прошлое.—Искусное кокетство.—Бродячая жизнь.—Нѣтъ болѣе правительства.—Въ Горенкахъ.—Разочарованіе и недовѣріе.—Попалъ въ ловушку.

I.

Заглавіе, которое я далъ этой книгѣ, кажется мало подходящимъ на первый взглядъ къ новому двухлѣтнему періоду, къ которому я перехожу, потому что въ теченіе его на тронѣ не императрица, а императоръ. Если же вглядѣться поближе,

то оно великолѣпно подходитъ. Въ это время женщины царили на самомъ дѣлѣ больше, чѣмъ когда-либо, и если въ это время не всегда правили временщики, такъ это потому, что иногда совсѣмъ не было правительства.

Преемникъ Екатерины II былъ только трехъ лѣтъ, когда умерла его мать, несчастная Шарлотта Вольфенбюттельская. Двѣ женщины изъ народа, необразованныя и грубыя, одна—вдова портного, другая—кабатчика, замѣнили ее при немъ. Одинъ нѣмецъ, по профессіи учитель танцевъ, научилъ его читать и писать, а такъ какъ онъ нѣкоторое время служилъ матросомъ, онъ также захотѣлъ давать ему уроки мореплаванія. Въ 1719 году, по смерти его отца, двое болѣе серьезныхъ воспитателя, русскій Мавринъ и венгерецъ Заикинъ *), были приставлены къ ребенку; но Петръ совсѣмъ не интересовался его успѣхами, которые оставались очень неудовлетворительными. Когда Заикинъ попросилъ царя присутствовать на экзаменѣ его ученика, онъ съ гнѣвомъ прогналъ его.

Соединяя свои интересы и свои успѣхи въ будущемъ съ интересами царевича, реакціонная партія съ удовольствіемъ смотрѣла на такую заброшенность. Къ мысли возстановить въ его лицѣ естественный порядокъ престолонаслѣдія примѣшивалась съ этой стороны надежда на возможный возвратъ къ традиціямъ національной жизни, когда обходились безъ школъ. Не менѣе заманчивая перспектива ограниченія самодержавной власти, чего легче достигнуть при государѣ невѣжественномъ, тоже дразнила воображеніе многихъ, и Петръ II, при своемъ восшествіи на престолъ, казался вполнѣ созданнымъ для того, чтобы оправдать всѣ эти разсчеты.

Ему шелъ двѣнадцатый годъ и онъ ничѣмъ не обѣщалъ походить на своего дѣда. Физически и нравственно онъ больше походилъ на мать. Нѣжная душа Шарлотты, казалось, перешла въ его широко раскрытые глаза и въ его пріятное лицо, какъ ея грація перешла въ изящную фигуру юнаго князя. Иностранные дипломаты единодушно восторгались его при-

---

*) Я не смогъ узнать его настоящаго имени, которое, должно быть, было передѣлано на русскій ладъ.

вѣтливостью, а народъ съ удовольствіемъ приписывалъ ему черты великодушія, доброты, снисходительности, которыя сдѣлали бы изъ него примѣрнаго государя. Приводили письмо, написанное имъ сестрѣ, въ которомъ онъ говоритъ, что онъ обѣщаетъ подражать императору Веспасіану, который желалъ, чтобы никто никогда не уходилъ отъ него съ печальнымъ лицомъ.

Нравственная физіономія одиннадцатилѣтняго ребенка не можетъ быть точно опредѣлена. Въ ней еще нѣтъ ничего опредѣленнаго. Возможно, что сынъ Алексѣя носилъ въ себѣ зачатки всѣхъ качествъ, которыми его надѣляли; воспитаніемъ хотѣли ихъ развить, но, къ несчастію, едва начавшись, задача Мавриныхъ и Заикиныхъ была оборвана, уступивъ мѣсто всевозможнымъ увлеченіямъ, всевозможнымъ искушеніямъ, всѣмъ отравамъ неограниченной власти. Сначала ребенокъ, правда, покорно принялъ положеніе, созданное силою обстоятельствъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе называть Меншикова „батюшкой", и такъ и продолжалъ. Онъ даже позволилъ увезти себя изъ царскаго дворца, такъ какъ временщикъ боялся, что тамъ ему нельзя будетъ поближе смотрѣть за нимъ. Подъ предлогомъ, что тѣло покойной императрицы должно быть тамъ выставлено въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, будущій тесть помѣстилъ своего будущаго зятя въ собственномъ домѣ, на Васильевскомъ островѣ. Онъ отпустилъ обоихъ его воспитателей, которыхъ онъ справедливо находилъ недостаточными, и доказалъ свою прозорливость, если не мудрую предусмотрительность, замѣнивъ ихъ Остерманомъ. Уже возведенный въ рангъ вице-канцлера и доказавъ на этомъ посту выдающіяся качества, хитрый вестфалецъ, дипломатическій талантъ котораго признавалъ Петръ, выказалъ себя очень хорошимъ педагогомъ. Расписаніе занятій, составленное имъ по-нѣмецки и опубликованное позже въ русскомъ переводѣ будущимъ воспитателемъ Екатерины II, Ададуровымъ, выставляетъ его въ этомъ отношеніи въ очень благопріятномъ свѣтѣ. Короткіе и искусно варьируемые уроки, очень широкій методъ, дававшій предпочтеніе дружескимъ разговорамъ ученика и учителя, составляли основу избраннаго имъ преподаванія.

Ученіе сначала мальчику понравилось, понравился и учитель. Утромъ, проснувшись, онъ въ одной рубашкѣ бѣжалъ къ нему. И Меншиковъ сначала только хвалилъ юнаго императора. 12-го мая происходило большое празднество въ домѣ на Васильевскомъ островѣ, куда былъ приглашенъ дворъ привѣтствовать императора въ только что занятыхъ аппартаментахъ. Появившись на этомъ собраніи, Петръ II съ рѣшительнымъ видомъ вышелъ на середину и сказалъ громко: „Сегодня я хочу уничтожить фельдмаршала!“ Общее смятеніе! Подъ этимъ именемъ обыкновенно подразумѣвался Меншиковъ. Но маленькій императоръ тотчасъ же далъ понять милой улыбкой, озарившей его лицо, что незачѣмъ было волноваться. Онъ важно вынулъ изъ кармана и протянулъ своему будущему тестю грамоту, въ которой онъ наименовалъ его генералиссимусомъ. Меншиковъ напрасно просилъ этотъ чинъ у Екатерины.

22-го слѣдующаго мая,—похороны императрицы состоялись 16-го мая,—члены верховнаго совѣта отправились къ новому главнокомандующему арміей и одобрили ту статью завѣщанія умершей, которая относилась къ браку Петра II съ Маріей Меншиковой. Черезъ два дня помолвка была отпразднована съ большимъ блескомъ; женихъ былъ очень любезенъ, отвѣчая поцѣлуями въ губы на цѣлованіе рукъ и лично раздавая кубки съ венгерскимъ виномъ. Невѣста въ то же время получила титулъ императорскаго высочества, дворъ и содержаніе въ тридцать четыре тысячи. Ея тетка, Варвара Арсеньева, старая интриганка, злой геній семьи, названная гофмейстериной двора будущей императрицы, заставляла статсъ-дамъ цѣловать и у нея руки *).

На вершинѣ власти, куда онъ теперь добрался, Меншиковъ выказалъ большую ловкость. Сознавая необходимость найти опору для чудовищнаго зданія своихъ успѣховъ, онъ рѣшился искать ее въ рядахъ той самой аристократіи, позоръ и посрамленіе которой онъ составлялъ до сихъ поръ. Восшествіе Петра II, отчасти, произошедшее благодаря его стара-

---

*) Михневичъ, *Двѣ невѣсты Петра II.* (Историческіе очерки и разсказы, 1900).

ніямъ, уже примирило его съ Голицыными. Князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго онъ назначилъ гофмейстеромъ двора великой княжны Наталіи Алексѣевны, сестры императора, и еще вторымъ воспитателемъ, помощникомъ Остермана. Сынъ князя, Иванъ, замѣшанный въ дѣло Девьера и исключенный изъ гвардіи, снова получилъ свой прежній чинъ, и Меншиковъ далъ ему подружиться съ молодымъ императоромъ. Михаилъ Владиміровичъ Долгорукій получилъ кресло въ сенатѣ, а его братъ Василій былъ такъ тронутъ этимъ, что въ письмахъ къ Меншикову называлъ его „государемъ и отцомъ“ *).

Во враждебномъ лагерѣ осталась семья Голштинскихъ, побѣжденныхъ, но нетерпѣливо поднимавшихъ голову. Съ 19 мая она опала со смертью жениха Елизаветы, умершаго отъ оспы. Подъ предлогомъ опасенія заразы, Меншиковъ заключилъ герцога и его жену въ карантинъ и такъ плохо обращался съ ними все время, что въ концѣ іюля чета рѣшила покинуть Россію. Меншикову только этого и нужно было, и онъ выказалъ большую уступчивость на свой ладъ въ устройствѣ ихъ политическихъ и денежныхъ дѣлъ, которыя предъявили при отъѣздѣ дочь Петра Великаго и ея супругъ. До тѣхъ поръ, пока вопросъ о Шлезвигѣ не получитъ окончательнаго рѣшенія въ договорахъ, заключенныхъ по этому поводу между Швеціей и императоромъ, они получаютъ пенсію въ сто тысячъ флориновъ. Изъ милліона, обѣщаннаго герцогинѣ Голштинской, двѣсти тысячъ рублей должны быть уплачены немедленно, а остальные въ теченіе восьми лѣтъ. Но временщикъ вычелъ въ свою пользу за комиссію шестьдесятъ тысячъ рублей. Обладатель огромнаго состоянія, постоянно увеличивавшагося, благодаря его хищеніямъ, онъ былъ въ одно и то же время жаднымъ и расточительнымъ. Онъ еще выудилъ у герцога письменное обязательство въ двадцать тысячъ рублей, въ подарокъ Басевичу, который никогда не получилъ изъ нихъ ни гроша. 25 іюля 1727 года Анна Петровна отплыла въ Киль, гдѣ черезъ годъ родился будущій мужъ Екатерины II.

---

*) Соловьевъ, XIX, 103.

Успокоившись съ этой стороны, Меншиковъ еще легче раздѣлался съ нѣсколькими менѣе серьезными противниками, отправивъ Шафирова въ Архангельскъ, Ягужинскаго на Украйну и замѣстивъ освободившіяся, такимъ образомъ, мѣста своими ставленниками. Его безпокоилъ императорскій кабинетъ, находившійся подъ управленіемъ Макарова, такъ какъ онъ при Екатеринѣ I пріобрѣлъ исключительную независимость. Онъ уничтожилъ его, какъ безполезный институтъ при малолѣтнемъ императорѣ, назначилъ Макарова президентомъ финансовой комиссіи и чувствовалъ себя обладателемъ власти, у которой нѣтъ ни препятствій, ни предѣловъ. Но какъ разъ въ этотъ моментъ его постигла случайная неудача, которая должна была стать для него роковой.

II.

Въ первыхъ числахъ здоровье временщика, до сихъ поръ крѣпкое, пошатнулось. У него появилось кровохарканье, и его считали безнадежнымъ. Онъ самъ видѣлъ опасность и прямо смотрѣлъ на неизбѣжное съ мужествомъ и благородствомъ, которыя и позже не покидали его среди обстоятельствъ, способныхъ убить самыя крѣпкія сердца. Онъ составилъ для своего воспитанника родъ завѣщанія, очень возвышеннаго по характеру, и написалъ въ верховный совѣтъ, поручая ему свою семью. Крѣпкій его организмъ одержалъ черезъ нѣсколько недѣль побѣду; но за это время и верховный совѣтъ, и самъ Петръ II привыкли обходиться безъ него. Совѣтъ, получивъ свободу дѣйствій, началъ добиваться популярности, проводя много мѣропріятій либеральнаго характера, какъ, напримѣръ, уничтоженіе каменныхъ столбовъ и кольевъ, на которыхъ, въ самомъ центрѣ Петербурга, продолжали разлагаться тѣла и головы казненныхъ, отравляя воздухъ и предлагая иностранцамъ зрѣлище, ничуть не подходившее къ европейскому лоску, который Петръ хотѣлъ придать своей столицѣ. Это было предисловіе къ уничтоженію преображенскаго приказа, бюро политическаго розыска, поставлявшаго палачей, которое въ царствованіе Петра II

постепенно уничтожилось совсѣмъ. Извѣстный толчекъ въ этомъ направленіи былъ данъ, правда, самимъ Меншиковымъ. Такъ, въ его присутствіи и съ его именно согласія въ первомъ же засѣданіи, руководимомъ Петромъ II, совѣтъ рѣшилъ возстановить гетманство въ Малороссіи, положивъ конецъ режиму насилія и произвола. Со времени заключенія въ крѣпость, при Петрѣ Великомъ, ея временнаго гетмана, Полуботка, область управлялась коллегіей, которая вершила ея судьбы вполнѣ самостоятельно изъ Петербурга. Другими постановленіями имѣлось въ виду облегчить бремя и снять путы, наложенныя на торговлю фатальной политикой Преобразователя. Но, въ отсутствіе временщика, совѣтъ далеко ушелъ въ этомъ направленіи. На слѣдующій день послѣ того, какъ Меншиковъ слегъ въ постель, по указу была выпущена изъ Шлиссельбурга Евдокія Лопухина, инокиня Елена, какъ ее звали съ 1718 года *). Меншиковъ прекрасно понималъ, что нельзя держать въ тюрьмѣ бабку царствующаго императора; онъ не могъ взглянуть ей въ глаза.

На самомъ дѣлѣ, были ли дѣйствительны лишенія долгаго заключенія, которому теперь былъ положенъ конецъ? Въ послѣднее время по этому поводу возникли сомнѣнія. Въ монастырѣ на Ладожскомъ озерѣ Евдокія имѣла удобное помѣщеніе, для услугъ три монашки и достаточную сумму—нѣсколько сотъ рублей въ годъ—на свои нужды. Въ ея апартаментахъ воздвигли алтарь и тамъ служили обѣдню. Позже, во время ея заключенія въ Шлиссельбургѣ, Меншиковъ слалъ приказъ за приказомъ приставленному слѣдить за ней офицеру, чтобы она ни въ чемъ не нуждалась. Но повторность этихъ приказаній заставляетъ сомнѣваться въ ихъ дѣйствительности, а въ перепискѣ Остермана съ этой трогательной жертвой страстей Петра Великаго есть очень краснорѣчивые намеки на испытанныя ею муки **).

Въ то же время Верховный Совѣтъ постарался уничтожить всякій слѣдъ процесса 1718 года. Лица, имѣвшія экземпляры опубликованнаго по этому поводу манифеста съ

---

*) См. *Петръ Великій*.

**) Переписка русскихъ государей, III, 37.

перечисленіемъ преступленій Евдокіи и Глѣбова, были приглашены, подъ страхомъ самаго суроваго наказанія, передать ихъ въ руки предназначенныхъ для этого властей. Меншиковъ, выздоровѣвъ, не осмѣлился отмѣнить этихъ распоряженій. Только онъ отказался позволить Евдокіи пріѣхать въ Петербургъ. Подъ предлогомъ, что коронація въ ближайшемъ времени заставитъ ея внука покинуть новую столицу, онъ послалъ старую царицу въ Москву, гдѣ она вскорѣ должна была увидѣть его. Петръ II не противорѣчилъ.

Со своей стороны и онъ началъ поступать независимо. Вырвавшись во время этихъ нѣсколькихъ недѣль отъ строгой опеки, въ которой его держалъ будущій его тесть, онъ сначала бросился въ сторону Остермана, который, менѣе суровый и грубый, болѣе мягкій и болѣе снисходительный, во всякомъ случаѣ болѣе нравился ему. Но тотчасъ же начались новыя вліянія. Общество воспитателя было поучительно и пріятно, но общество Наталіи Алексѣевны было еще притягательнѣе. Всѣ современники, русскіе или иностранцы, въ одинъ голосъ восхваляютъ, если не красоту, то по крайней мѣрѣ неотразимую прелесть этой царевны. Она была мало красива, сильно обезображена оспой и слегка курноса. Но, на годъ только старше своего брата, она выказывала разнообразно развернувшійся умъ, доступный для самыхъ возвышенныхъ идей, сердце, открытое для самыхъ благородныхъ чувствъ. Она давала прекрасные совѣты юному императору, уговаривала его работать и избѣгать дурного общества, и онъ, казалось, сначала слушался ея. Мы имѣемъ сочиненіе, въ которомъ онъ пытается выразить красивымъ языкомъ его тогдашнія чувства. Теорія просвѣщеннаго деспотизма, изложенная на плохой латыни, перемѣшивается здѣсь съ выраженіемъ нѣжной благодарности любимой сестрѣ, помогшей автору получить воспитаніе, должное для хорошаго императора. Къ несчастію съ сестрой появилась также на Васильевскомъ островѣ тетка, красивая и жизнерадостная Елизавета, а послѣдняя не говорила ни о работѣ, ни о добродѣтеляхъ. Въ семнадцать лѣтъ, съ рыжими волосами и бойкими глазами, со стройной таліей и пышной грудью, она

была само удовольствіе, пылъ чувствъ и страстей. Она начала съ самаго невиннаго вида, прививъ своему племяннику любовь къ физическимъ упражненіямъ, въ которыхъ она блистала, какъ неустрашимая наѣздница и неутомимая охотница. Когда наступило лѣто, она каждый день утаскивала его на прогулки верхомъ или на охоту, и прощай учебныя тетради! Остерманъ позволялъ все это; послѣдовательность мыслей составляла часть его достоинствъ, а мы знаемъ, какую мысль онъ лелѣялъ по поводу молодой четы. Воспитанникъ скоро уже такъ велъ себя, что оправдывалъ надежды учителя. Сынъ Алексѣя обнаружилъ большую раннюю зрѣлость съ чувственной точки зрѣнія, и на охотахъ, на которыя онъ ѣздилъ съ Елизаветой, вскорѣ его главнымъ образомъ интересовала не пернатая или четвероногая дичь. Но у Остермана не было опытности въ педагогикѣ, какъ и въ любви. Сама Елизавета была слишкомъ неопытна, а ея племянникъ слишкомъ робокъ, чтобы путь, на который они вступили подъ благосклоннымъ окомъ учителя, не былъ усѣянъ препятствіями и окруженъ безднами. Возвращаясь съ охоты, Петръ II вздыхалъ по теткѣ и сочинялъ въ честь ея плохіе стихи, но когда наступала ночь, онъ убѣгалъ въ компаніи съ Иваномъ Долгорукимъ къ удовольствіямъ болѣе доступнымъ, о которыхъ заставлялъ его думать и желать ихъ его романъ. Это уже входило въ привычку, благодаря чего, его товарищъ, неблагоразумно выбранный Меншиковымъ, получилъ право наслѣдовать послѣ него постъ фаворита, въ то время, какъ молодой Александръ Меншиковъ, тоже приставленный отцомъ къ императору въ санѣ оберъ-камергера и съ чиномъ генералъ-лейтенанта—въ тридцать лѣтъ!—вызывалъ недоброжелательные толки, при чемъ вспоминался первый герцогъ Люинь. Замѣчено было, что съ лентой Андрея Первозваннаго онъ надѣлъ и Екатерининскую ленту, до сихъ поръ дававшуюся только однѣмъ женщинамъ *).

А Марія Меншикова? Она стушевалась въ этой новой жизни. Обладая нѣсколько холодной красотой, лишенная вызывающихъ манеръ и чарующихъ прелестей, которыя плѣ-

*) Долгоруковъ, *Записки* I, 11.

няли ея жениха въ Елизаветѣ, она никогда ему не нравилась, а теперь внушала чувства, очень близкія къ отвращенію. Онъ сравнивалъ ее съ мраморной статуей. Даже передаютъ, что онъ однажды бросился на колѣни передъ сестрой Наталіей, предлагая ей свои часы, чтобы только она избавила его отъ нея. Столь же скромная, какъ и гордая, она съ своей стороны отказалась бороться съ немилостью, которую всѣ окружающіе Петра, какъ мужчины, такъ и женщины, старались сдѣлать окончательной.

Когда Меншиковъ вернулся на сцену, онъ подѣйствовалъ на всѣхъ, какъ холодный душъ. Его появленіе въ аппартаментахъ государя было сигналомъ ко всеобщему бѣгству, Петръ спасся въ другую дверь, а Наталія выскочила въ окно. Его называли „Голіафомъ“, „Левіафаномъ“. Наталія, имѣвшая талантъ къ подражанію и карикатурѣ, вызывала взрывы хохота, передразнивая его манеры. Онъ принесъ свои деспотическія требованія, которыя казались теперь невыносимыми. Онъ счелъ необходимымъ ихъ еще усилить, чтобы дѣйствовать противъ замѣченныхъ имъ симптомовъ возмущенія. „Прежній деспотизмъ—игрушки въ сравненіи съ тѣмъ, что царитъ въ настоящее время“,—писалъ Лефортъ 5 августа 1727 г. *). Происходили столкновенія. Цехъ петербургскихъ каменщиковъ поднесъ императору подарокъ въ 9.000 червонцевъ, Петръ послалъ деньги Елизаветѣ, которая была большой мотовкой. Когда Меншиковъ встрѣтилъ несшаго большой мѣшокъ, то загородилъ ему дорогу. Императорская казна была пуста, и такая помощь была для нея очень пріятна. Петръ возмутился: „Я покажу тебѣ, кто изъ насъ двоихъ императоръ!“ Меншиковъ не обратилъ вниманія на эти слова, бывшія предупрежденіемъ. Можетъ быть, у него не было другого средства поддержать свой авторитетъ, какъ только съ помощью свойственныхъ ему крутыхъ мѣръ. Онъ открыто возсталъ противъ склонности, которую его воспитанникъ выказывалъ къ Елизаветѣ и которую иностранные дипломаты уже считали „страстью“. Когда однажды государь спросилъ у него 500 червонцевъ, онъ строго спросилъ его: „Для чего?“—

---

*) Сборникъ, III, 487.

„Мнѣ они нужны“. Онъ догадывался что эти деньги были снова для царевны, и осмѣлился велѣть отнять ихъ у нея. То онъ разсчитывалъ лакея, заслужившаго любовь молодого государя своей услужливостью, то отвѣчалъ грубымъ отказомъ съ этой стороны. Но средство не помогло.

Но то, что составляло силу этого авантюриста, долгая привычка, престижъ положенія, которое составляло одно неразрывное съ существованіемъ государства, очевидная невозможность разрушить его, не пошатнувъ основъ государства,—все это исчезло за время фатальной болѣзни, изъ которой временщикъ поднялся, какъ выходецъ съ того свѣта. Государство просуществовало безъ него. По какому же праву онъ хотѣлъ занимать въ немъ такое мѣсто? Зависти и соперничества, подавленныя или удовлетворенныя, снова подняли голову. Долгорукіе, сначала примирившіеся, считали, что въ милостяхъ, оказываемыхъ одному изъ нихъ, поднимается новая заря, и вернулись къ своимъ прежнимъ стремленіямъ. Видя собиравшуюся надъ его головой грозу, Меншиковъ попробовалъ посильнѣе опереться на Голицыныхъ. Быстро устроенная свадьба между его сыномъ и дочерью фельдмаршала Михаила Михайловича, казалось, обнадеживала его съ этой стороны. Но средство не помогло.

Гроза разразилась въ сентябрѣ. Окончивъ постройку часовни въ своемъ ораніенбаумскомъ помѣстьи, Меншиковъ предполагалъ ознаменовать ея освѣщеніе великолѣпнымъ праздникомъ, на которомъ не могъ не присутствовать его воспитанникъ, отвергнувъ, такимъ образомъ, всѣ толки, которые уже носились объ охлажденіи ихъ отношеній. На самомъ дѣлѣ Петръ обѣщался пріѣхать туда; но, для того ли, чтобы устранить естественное щекотливое положеніе для своей дочери, по бравадѣ ли, но временщикъ отказался пригласить Елизавету, и въ самый послѣдній моментъ, императоръ, находившійся въ сосѣднемъ петергофскомъ дворцѣ, далъ знать, что онъ не пріѣдетъ. Все же празднество было великолѣпное. Члены верховнаго совѣта, Голицыны въ полномъ составѣ, канцлеръ Головкинъ, хотя и обиженный немилостью къ его зятю Ягужинскому, генералы: Волковъ, князь Шаховской, Сенявинъ присутствовали на немъ. Ѳеофанъ Прокопо-

вичъ совершалъ богослуженіе. Во время обѣда были произведены пушечные выстрѣлы. Но, выйдя изъ-за стола, члены совѣта поспѣшили въ Петергофъ, чтобы донести на своего хозяина, который въ часовнѣ занялъ мѣсто, предназначенное для государя! На другой день Волковъ посовѣтовалъ временщику также присоединиться къ императору, и, послѣ нѣкотораго колебанія, Меншиковъ сѣлъ въ карету еще подъ звуки артиллерійскихъ выстрѣловъ, которые сопровождали всѣ его переѣзды. Такъ какъ это былъ день именинъ Елизаветы, изъ-за остатка упрямства и заносчивости, онъ устроилъ такъ, чтобы прибыть на вечеръ только довольно поздно, и не могъ видѣть императора. Въ Петергофѣ у него былъ свой аппартаментъ, и тамъ онъ провелъ ночь; но когда утромъ онъ явился къ его величеству, ему сказали, что императоръ рано уѣхалъ на охоту. Это пахло разрывомъ. Онъ пошелъ къ Наталіи, которая, завидѣвъ его, тотчасъ же выскочила въ окно. Елизавета согласилась его принять, но, ловкій царедворецъ до конца, онъ только жаловался на неблагодарность императора и говорилъ, что *все броситъ* и уйдетъ въ украинское войско. Она, казалось, ничуть не была испугана этой угрозой. Онъ набросился на Остермана, думая раздѣлаться съ нимъ со своей обычной грубостью.

— Вы совращаете императора изъ православной вѣры! За это преступленіе вы рискуете быть колесованнымъ.

Вице-канцлеръ не сморгнулъ и отвѣтилъ своимъ шипящимъ голосомъ, смотря прямо въ глаза „Голіафу“:

— Колесованіе—за другія злодѣянія.

— Какъ вы смѣете? За какія?

— Напримѣръ, за поддѣлку монеты.

Это слово грубо поразило Меншикова. Его уже давно обвиняли въ занятіяхъ такого рода; но чтобы вполнѣ осторожный человѣкъ, какимъ былъ Остерманъ, осмѣлился повторять подобные намеки, надо было, чтобы немилость, видимая изъ поведенія Петра, была окончательной. Петръ былъ еще только ребенокъ, Меншиковъ располагалъ всѣми государственными силами. Можетъ быть, рѣшительный шагъ могъ бы спасти его. Но потому ли, что недавняя болѣзнь отняла у него энергію, или потому, что долгій опытъ указывалъ ему

на безполезность борьбы, онъ не предпринялъ ничего, вернулся въ Петербургъ и ждалъ событій, которыя не заставили себя ждать. Въ тотъ же день, вернувшись съ охоты, Петръ только на короткое время появился на балу, дававшемся въ Петергофѣ въ честь Елизаветы, и, вернувшись въ свои покои съ озабоченнымъ видомъ, позвалъ маіора гвардіи Салтыкова и отдалъ ему приказаніе взять изъ дома на Васильевскомъ островѣ свои экипажи и личныя вещи. Разрывъ совершился.

Теперь Меншиковъ хватался за все, какъ утопающій, наудачу и вполнѣ сознавая, что не помогутъ ему тѣ послѣднія ухищренія, къ какимъ онъ прибѣгалъ. Никто больше не могъ ему помочь. Когда благосклонность государя выскользнула у него, подъ его ногами разверзлась пропасть. Онъ послалъ курьера къ князю Михаилу Голицыну. Гвардія съ уваженіемъ смотрѣла на стараго вояку и согласится, можетъ быть, повиноваться ему. Онъ велѣлъ позвать Зайкина, слишкомъ поздно раскаявшись, что замѣнилъ вестфальцемъ венгерца. Но одинъ былъ въ окрестностяхъ Москвы, а второй—по пути на родину. У нихъ не было времени пріѣхать, да впрочемъ, если бы они и были здѣсь, это ни къ чему хорошему не повело бы. Надо было имѣть за собой именно юнаго императора, потому что этотъ тринадцатилѣтній ребенокъ держалъ въ своихъ слабыхъ рукахъ все, и людей, и дѣла. На другой же день, 7-го сентября 1727 года, Петръ, уже поселившійся въ лѣтнемъ дворцѣ, предупредилъ гвардію и верховный совѣтъ, что отнынѣ они будутъ получать предписанія только отъ него одного. Временщикъ побѣжалъ во дворецъ и не былъ принятъ. На слѣдующій день, приказавъ снять почетный караулъ, который стоялъ у дверей генералиссимуса, Салтыковъ объявилъ ему, что онъ арестованъ *).

Меншикова поразилъ ударъ, и ему была пущена кровь. Его жена, его невѣстка Арсеньева и его сынъ дождались императора у выхода изъ церкви и бросились ему въ ноги. Онъ ушелъ, не сказавъ ни слова. Обѣ женщины обратились къ Наталіи и Елизаветѣ, сопровождавшимъ государя, но получили отъ нихъ только презрительный взглядъ. Нѣкоторые

---

*) Соловьевъ, XIX, 142.

историки*) ошибочно примѣшали къ этой отчаянной попыткѣ невѣсту царя. Она слишкомъ уважала себя! Но жена Меншикова заслуживала лучшаго пріема. Это была женщина, уважаемая всѣми. Молодость жестока. Несчастная цѣлый часъ ползала на колѣняхъ передъ Остерманомъ и не добилась ничего. Придя въ себя, временщикъ написалъ тому, котораго онъ не имѣлъ болѣе счастья назвать своимъ зятемъ, письмо, въ которомъ говорилъ, что онъ не чувствуетъ за собой никакой вины, но, тѣмъ не менѣе постигнутый несчастіемъ, что не понравился государю, онъ умоляетъ простить его и, въ уваженіе его старыхъ заслугъ, проситъ отпустить его на свободу и дать почетную отставку. Другое письмо, почти въ такихъ же выраженіяхъ, онъ отправилъ Наталіи. Оба письма остались безъ отвѣта. Счастье Алексашки, какъ Петръ называлъ своего товарища, измѣнило ему. Удививъ міръ своими размѣрами и, казалось, презирая время своей прочностью, зданіе рухнуло, какъ карточный домикъ. Построенный вообще на зыбкой почвѣ царскаго благоволенія, фаворитизмъ всегда здѣсь, какъ и вездѣ, имѣлъ тотъ хрупкій характеръ, который отчасти смягчаетъ его недостатки.

9 сентября Петръ подписалъ указъ, составленный Остерманомъ, по которому Меншиковъ ссылался въ свое помѣстіе Ораніенбургъ (теперь Раненбургъ Рязанской губерніи). Ех-временщикъ лишался своихъ должностей, чиновъ и орденовъ и долженъ былъ подписать обязательство ни съ кѣмъ не вступать въ переписку. Въ то же время по церквамъ былъ разосланъ приказъ не поминать больше въ молитвахъ ех-невѣсту императора. На другой день семья оставила Петербургъ съ поѣздомъ, болѣе чѣмъ княжескимъ: четыре кареты по шести лошадей, сто пятьдесятъ берлинъ, одиннадцать фургоновъ и сто сорокъ семь слугъ. Толпа смотрѣла на кортежъ равнодушно. Она мало интересовалась этими поворотами колеса фортуны причины которыхъ были ей неизвѣстны, а послѣдствія не касались ея. Разсказывали, что изгнанникъ просилъ займа у прусскаго короля, обѣщая выплатить его,

*) Костомаровъ, *Монографіи*, XIV, 414, потомъ Лефортъ (Сборникъ, III, 493). Ср. Михневичъ, *указ. соч.*

когда сдѣлается императоромъ; что онъ хотѣлъ удалить офицеровъ гвардіи и замѣстить ихъ своими ставленниками; что завѣщаніе Екатерины было поддѣлано имъ *). Но разсказы эти исходили не изъ придворнаго круга.

Въ этой средѣ, напротивъ, послѣ отъѣзда Меншикова, съ каждымъ днемъ, а вѣрнѣе съ каждымъ часомъ, дѣла принимали болѣе грозный для него оборотъ. Петръ, не безъ нѣкотораго колебанія, рѣшился поднять руку на колосса, который такъ долго заставлялъ его трепетать. Видя, что онъ теперь поверженъ на землю однимъ щелчкомъ, онъ рѣшилъ отомстить ему. Онъ далъ волю своей злопамятности и наговорамъ Елизаветы и Наталіи, которыя приходили въ бѣшенство по отношенію къ побѣжденному врагу, и послѣдній могъ скоро увидѣть, что поразившая его немилость была только началомъ и что онъ катится по наклонной плоскости, ведущей въ бездонную пропасть. Курьеры, одинъ за другимъ, летѣли за изгнанниками, неся вѣсти о новыхъ суровыхъ мѣрахъ: въ Вышній-Волочекъ, приказаніе разоружить слугъ бывшаго временщика; въ Тверь, приказъ вернуть въ Петербургъ экипажи и слугъ, которые будутъ сочтены лишними; въ Клинъ, приказъ взять у Маріи Меншиковой обручальное кольцо и заключить Варвару Арсеньеву въ монастырь. Въ этихъ проявленіяхъ безполезной жестокости чувствуется женское вліяніе. 3 октября, по предписанію, миновавъ Москву, печальный поѣздъ прибылъ въ Ораніенбургъ. Домъ Меншикова находился тамъ въ оградѣ крѣпости, что при данной обстановкѣ превращало его въ тюрьму. Ко всѣмъ дверямъ были приставлены часовые, и бывшій временщикъ могъ писать только въ присутствіи приставленнаго для его охраны офицера **).

Онъ стоически переносилъ испытаніе, предвидя новые удары, которые дѣйствительно не замедлили разразиться. Въ свою очередь и Остерманъ оказался неумолимымъ, настаивая на томъ, чтобы было возбуждено обвиненіе противъ его прежняго покровителя. 9 ноября 1727 года былъ изданъ указъ приступить къ описи его имѣній. На основаніи циркулиров-

---

*) Соловьевъ, XIX, 145.

**) Есиповъ, Ссылка князя Меншикова, *Отечественныя Записки*, 1861.

шихъ слухахъ только въ его петербургскихъ домахъ было найдено на двѣсти тысячъ рублей столоваго серебра, восемь милліоновъ золотыми червонцами, тридцать милліоновъ серебряной монетой, на три милліона драгоцѣнностей и камней. Но Лефортъ, приводящій эти цифры, самъ находитъ ихъ маловѣроятными *). По перехваченному письму было еще открыто 70 пудовъ серебряной посуды въ одномъ тайникѣ **). 17 ноября верховный совѣтъ изъ донесенія графа Николая Головина, посланника въ Стокгольмѣ, узналъ о предложеніяхъ бывшаго временщика Швеціи въ ущербъ интересамъ Россіи (см. выше). Началась буря. Полился потокъ обвиненій и все усиливался. Всѣ прошлыя несправедливости, превышенія власти, всевозможныя злоупотребленія припомнились низвергнутому деспоту, въ то время, какъ судебная комиссія постановила арестовать троихъ его сыновей, а ему самому послать запросъ изъ ста двадцати пунктовъ.

Единственное спасеніе оставалось ему: воспользоваться расколомъ, возставшимъ уже въ то время въ рядахъ его противниковъ.

III.

Съ усиленіемъ вліянія на своего воспитанника, такъ что оно казалось уже опаснымъ, Остерманъ въ свою очередь долженъ былъ пріобрѣсти завистниковъ. Такъ какъ его поддерживала Наталія Алексѣевна, то Долгорукіе и Голицыны собрались вокругъ Елизаветы, справедливо считая, что впослѣдствіи она возьметъ верхъ. На самомъ дѣлѣ, освободившись отъ Меншикова, молодой императоръ выказывалъ все большую и большую склонность покинуть путь знаній и добродѣтели, на которомъ старались держать его сестра и воспитатель. Отговариваясь заботами правленія, поглотившими теперь его, онъ отказался отъ всякаго ученія; но Верховный Совѣтъ, въ

---

*) Сборникъ, III, 507.

**) Лефортъ, депеша отъ 20 декабря 1727 г., неопубликованная въ Сборникѣ (Дрезденскіе Архивы).

которомъ теперь онъ рѣшилъ предсѣдательствовать лично, отъ этого на своихъ засѣданіяхъ видѣлъ его не чаще. Въ декабрѣ 1727 года, Лефортъ, рисуя портретъ государя, даетъ слѣдующія указанія о его препровожденіи времени:

„У государя нѣтъ другого занятія, какъ бѣгать днемъ и ночью по улицамъ въ компаніи царевны Елизаветы и сестры, посѣщать камергера (Иванъ Долгорукій), пажей, поваровъ и Богъ еще знаетъ кого...

„Кто бы могъ повѣрить, что эти безумцы (Долгорукіе) способствуютъ всевозможнымъ кутежамъ, внушая (царю) привычки послѣдняго русскаго. Я знаю одну комнату, прилегающую къ билліарду, гдѣ помощникъ воспитателя устраиваетъ для него запретныя игры. Въ настоящее время онъ ухаживаетъ за женщиной, которая была у Меншикова... которой онъ подарилъ пятьдесятъ тысячъ рублей... Ложатся спать только въ 7 часовъ утра“ *).

Характеръ Петра II развивается за это время все въ менѣе и менѣе благопріятномъ направленіи. Онъ становится вспыльчивымъ, не терпитъ никакого противорѣчія. Въ день свадьбы Сапѣги съ Софіей Скавронской онъ вдругъ покинулъ столъ посреди обѣда. Онъ сердился на сестру, какъ только она отваживалась на малѣйшее замѣчаніе. Онъ началъ пить. Сбитый съ толку, притворившійся больнымъ, слѣдуя тактикѣ, усвоенной имъ, чтобы скрыть свою неудачу, Остерманъ надѣялся только на скорую встрѣчу непокорнаго ученика съ бабкой, которая несомнѣнно постарается научить внука лучше вести себя. На другой же день низложенія Меншикова, Петръ, дѣйствительно, подписалъ манифестъ о коронаціи, и приготовленія въ этомъ направленіи происходили дѣятельныя. Такимъ образомъ Евдокія и Петръ II вскорѣ должны были увидѣться въ Москвѣ. Но уже пожилая царица и приписываемое ей вліяніе были предметомъ горячаго соперничества. Письма, посылаемыя ей Остерманомъ, встрѣчались съ посланіями, въ которыхъ страшно заискивали Долгорукіе. Это былъ напрасный трудъ, потому что она не обнадеживала ни однихъ, ни другихъ. Живя молитвами, постами и ожида-

*) 9 и 20 декабря 1727 г. Дрезденскіе Архивы.

ніемъ момента, который вернетъ ее, наконецъ, къ прелестямъ семейной жизни, она выказывала полнѣйшее равнодушіе къ политическимъ дѣламъ. Горя взаимной ненавистью, противныя партіи, однако, не теряли надежды заинтересовать въ нихъ ея сердце, если не разсудокъ.

Во время отъѣзда въ Москву благоволеніе къ Долгорукимъ, казалось, пошатнулось. Елизавета сумѣла подружить съ Петромъ зятя Михаила Голицына, Александра Борисовича Бутурлина, своего опредѣленнаго любовника потомъ, который, можетъ быть, былъ имъ уже и тогда. Въ то же время она сблизилась съ Остерманомъ, который не отказывался отъ извѣстнаго намъ плана, тогда какъ Долгорукіе подходили съ другими видами на особу молодого императора, которые вскорѣ и выказались. Отсюда поддержка, оказанная ими въ данный моментъ новой попыткѣ Морица Саксонскаго, тогда какъ испанскій посланникъ съ своей стороны подготовлялъ проектъ брака царевны съ инфантомъ Донъ-Карлосомъ.

9 (20) января 1728 года Петръ тронулся въ путь со своимъ дворомъ. Словно происходило переселеніе цѣлаго народа. Служащіе всѣхъ родовъ сопровождали особу императора, а такъ какъ разнесся слухъ, который поддерживала вельможная партія, что новая столица, можетъ быть, покидается навсегда, количество путниковъ приняло небывалые размѣры. Петербургъ опустѣлъ. Въ Твери Петръ схватилъ корь и двѣ недѣли долженъ былъ пролежать въ постели. Бабка безпокоилась и волновалась. „Пожалуй, свѣтъ мой, проси у братца своего, чтобъ мнѣ васъ видѣть и порадоваться вами: какъ вы и родились, не дали мнѣ про васъ слышать, нежели видѣть“,—писала она Наталіи. А Остерману: „Злые люди не давали мнѣ видѣть его столько лѣтъ, неужели Богъ за мои грѣхи откажетъ мнѣ и въ этомъ утѣшеніи?“ *). Она хотѣла отправиться къ внуку. Когда запозданіе въ приготовленіяхъ къ его въѣзду въ Москву задержало его еще на цѣлую недѣлю у городской заставы, она стала настаивать. Но распутство—смертельный ядъ зла нравственной чуткости, и Петръ доказывалъ уже сухость сердца, ко-

*) Переписка, III, 111.

торая смущала его прежнихъ поклонниковъ. Онъ сдѣлалъ видъ, что не понимаетъ, чего ждетъ отъ него эта бѣдная старушка.

Въѣздъ состоялся 4 февраля среди всеобщаго восторга. Рѣдко его недостаетъ въ подобныхъ случаяхъ. Впрочемъ на берегахъ Москвы-рѣки слишкомъ ненавидѣли дѣда, чтобы внукъ не былъ тамъ популяренъ. Но свиданіе, такъ страстно ожидаемое Евдокіей, такъ нетерпѣливо подготовлявшееся Остерманомъ, разстроило общія надежды. Внукъ и внучка, чтобы прекратить потокъ изліяніямъ, постарались пригласить на свиданіе третье лицо, Елизавету. Наталія, которую бабка знала за сторонницу идеи реформъ, людей и порядковъ Запада, хотѣла избѣгнуть щекотливыхъ темъ, а Петръ боялся попрековъ интимнаго характера. Однако, онъ не избѣжалъ нѣсколькихъ замѣчаній по поводу безпутной жизни. Когда Евдокія совѣтовала ему какъ можно скорѣе жениться, хотя бы на иностранкѣ, онъ ничего не отвѣтилъ, оборвалъ разговоръ и думалъ, что онъ все свое сдѣлалъ, предоставивъ старой затворницѣ почести и матеріальныя блага, въ которыхъ она такъ долго нуждалась. Она получила пенсію въ шестьдесятъ тысячъ рублей и дворъ, въ которомъ изъ-за мѣстъ пажей, камергеровъ и мундшенковъ спорили представители высшей знати, князь Елычевъ, князь Хилковъ, князь Лобановъ и двое Лопухиныхъ *). Послѣ чего юный императоръ вернулся къ своимъ развлеченіямъ.

Остерманъ видѣлъ себя болѣе, чѣмъ когда-либо, обезоруженнымъ. Въ атмосферѣ древней столицы, гдѣ онъ находился среди нихъ, Долгорукіе скоро снова пріобрѣли вліяніе. Петръ вскорѣ обнаружилъ ихъ возвышеніе, назначивъ сразу двоихъ членовъ семьи, Алексѣя Григорьевича и Василія Лукича, въ Верховный Совѣтъ. Въ то же время Иванъ Долгорукій наслѣдовалъ Меншикова въ должности оберъ-камергера, и образовавшійся такимъ образомъ тріумвиратъ, казалось, долженъ былъ руководить юнымъ императоромъ. Они владѣли имъ, цинично рѣшивъ потворствовать его разгульнымъ привычкамъ, а также обращаться съ нимъ какъ съ человѣкомъ уже

---

*) Журналъ засѣданій Верховнаго Совѣта, Сборникъ, CV, 177.

взрослымъ, тогда какъ сама Елизавета и Голицыны, не говоря уже объ Остерманѣ, видѣли въ немъ только ребенка. Эта побѣда повернулась противъ ораніенбургскаго изгнанника.

Коронованіе состоялось 24 февраля (5 марта) 1728 года. Черезъ нѣсколько дней у Спасскихъ воротъ въ Кремлѣ было найдено анонимное письмо, содержавшее горячія похвалы Меншикову въ пику Долгорукимъ. Такіе полемическіе пріемы, замѣняя еще отсутствующую періодическую печать, были въ обычаѣ того времени. Общественное мнѣніе приписывало составленіе письма Голицынымъ. Впослѣдствіи, кажется, открыли, что авторомъ его былъ духовникъ Евдокіи, подкупленный сестрой жены Меншикова, Ксеніей Колычевой, жившей въ Москвѣ *). Во всякомъ случаѣ, когда Долгорукіе забрали силу, они воспользовались всѣмъ своимъ могуществомъ для ужаснаго мщенія. По указу Верховнаго Совѣта была объявлена общая конфискація всѣхъ имѣній бывшаго временщика, его ссылка въ Березовъ, въ Сибирь, съ женой и дѣтьми и заключеніе Варвары Арсеньевой въ болѣе отдаленный монастырь, гдѣ она будетъ получать по 25 копеекъ въ день. Безчисленные дворцы и дома, принадлежавшіе осужденному въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Ораніенбаумѣ, въ Ямбургѣ, въ Нарвѣ, въ Эстоніи и Малороссіи (152.356 десятинъ въ одной только этой послѣдней, не считая десятковъ квадратныхъ верстъ лѣсовъ и пастбищъ), роскошная обстановка, деньги (72.570 рублей было найдено въ одномъ московскомъ домѣ, куда онъ никогда и ногой не ступалъ), все было подѣлено между казной и теперешними побѣдителями. Два низшихъ полицейскихъ чиновника (пристава) явились 16 апрѣля 1728 года объявить приговоръ несчастному и тотчасъ же увезли его въ простой кибиткѣ. Въ дорогѣ повозка была еще догнана отрядомъ солдатъ, которые, подъ предлогомъ обыска, отняли у осужденнаго и тѣ немногія вещи, которыя онъ смогъ захватить, оставивъ ему буквально только то платье, которое было на немъ, и ни одной смѣны бѣлья. Подверглись также конфискаціи вещи жены и дочерей. Княгиня Дарья выѣхала больной и умерла 10 мая въ Услоньѣ, недалеко отъ

*) Маньянъ, 25 апрѣля 1728. Иностр. Дѣла, Россія.

Казани. Мужу едва дали время похоронить ее. На другой уже день его везли съ дѣтьми по Камѣ.

Березовъ, въ 1066 верстахъ отъ Тобольска, на обрывистомъ берегу Сосвы, недалеко отъ ея сліянія съ Обью,— маленькій сибирскій городокъ среди тундръ и тайги. Зима тамъ продолжается семь-восемь мѣсяцевъ, съ морозами, которые часто доходятъ до 45° Реомюра ниже нуля, при чемъ птицы мерзнутъ на лету и лопаются стекла. Въ ноябрѣ и декабрѣ солнце восходитъ въ десять часовъ и заходитъ въ три. Въ іюнѣ оно скрывается за горизонтомъ менѣе, чѣмъ на два часа, но лѣто продолжается только три недѣли, а весной и осенью густой туманъ закутываетъ землю холодными сумерками. Небо всегда въ тучахъ, всегда дуетъ рѣзкій вѣтеръ съ частыми бурями. Меншиковъ прибылъ въ это отчаянное мѣсто въ августѣ 1728 года. Сначала онъ съ сыномъ и двумя дочерьми былъ заключенъ въ городской тюрьмѣ, а потомъ получилъ разрѣшеніе построить себѣ домъ. Онъ самъ работалъ топоромъ, пилой и рубанкомъ, а построивъ домъ, онъ захотѣлъ добавить къ нему еще церковь, рѣшивъ прилично украсить ее на свои сбереженія. Онъ имѣлъ десять рублей въ день и сохранилъ десять слугъ. Онъ не падалъ духомъ, не выказывалъ ни отчаянія, ни возмущенія. На суднѣ, на которомъ онъ плылъ по Камѣ, видѣли, какъ онъ спокойно поворачивалъ вертелъ *). Въ Тобольскѣ, когда враждебная толпа встрѣтила изгнанниковъ градомъ камней, онъ громко крикнулъ: „Бейте меня одного. Пощадите женщинъ!" Онъ жаловался только на участь своихъ близкихъ, упрекая себя въ томъ, что доставилъ емъ несчастіе.

Жертвы революціи, во Франціи, умѣли умирать, жертвы самодержавія, въ Россіи, умѣли переносить свое паденіе, что, можетъ быть, труднѣе. Обстоятельства и исключительныя условія существованія всегда содѣйствуютъ развитію особыхъ добродѣтелей и особыхъ пороковъ. Завѣдомый лихоимецъ, вѣроятный фальшивомонетчикъ, Меншиковъ былъ подлъ и великъ. Увѣряютъ, что онъ пополнѣлъ среди такого суроваго

---

*) Лефортъ, 14 іюня 1728 г., Дрезденскіе Архивы. Ср. Herrmann, Diplomatische Beitrage, 1870, I, 16.

Петръ Второй.

испытанія, въ то же время, будучи раньше зябкимъ, пріучился къ холоду. Но когда его поразилъ ударъ, а въ ноябрѣ 1729 года послѣдовалъ второй ударъ, въ Березовѣ не нашлось никого, кто бы могъ во-время пустить ему кровь. Онъ умеръ 56 лѣтъ. Черезъ мѣсяцъ, его любимая дочь, Марія, бывшая невѣста царя, послѣдовала за нимъ въ могилу. Горе, которое онъ испытывалъ, видя ея угасаніе, ускорило его смерть.

Молва говоритъ, что несчастная дѣвушка повѣнчалась въ Сибири съ княземъ Федоромъ Долгорукимъ, сыномъ Василія Лукича, который, получивъ разрѣшеніе уѣхать за границу, воспользовался имъ, чтобы послѣдовать за этой закатившейся звѣздой, страстно влюбленный въ нее, несмотря на ея холодность. Открытіе въ 1825 году въ Березовѣ могилы, которую считаютъ за могилу Меншиковыхъ и въ которой было найдено два дѣтскихъ гробика, дало основаніе этому слуху. Выдумали, что княгиня Долгорукая скончалась родами, родивъ двухъ мертворожденныхъ близнецовъ, которые были погребены съ ней *). Даже нашлись вещественныя доказательства, кажется, подтверждающія гипотезу о бракѣ: драгоцѣнная шуба, сохранившаяся въ семьѣ священника, благословившаго бракъ, которую считали даромъ супруга по этому поводу; золотой медальонъ съ волосами княжны, повѣшенный имъ въ березовской церкви послѣ смерти жены **).

Можно извинить нѣмецкаго романиста, избравшаго сюжетъ съ такими данными ***); хотя въ моихъ глазахъ романъ унижаетъ въ томъ, что было въ ней по исторіи благороднаго, гордаго и трогательнаго, фигуру героини. Къ несчастію—скорѣе къ счастію въ данномъ случаѣ—историкъ болѣе недовѣрчивъ. Въ ту эпоху за Березовымъ строго слѣдили; повѣнчать тайкомъ тамъ было невозможно, а никакихъ указаній на этотъ бракъ не сохранилось въ дѣлахъ тогдашней полиціи. Марія Меншикова заслуживала названіе, данное ей Петромъ, и невѣроятно, чтобы „мраморная статуя“ ожила

*) Шубинскій, *Очерки*, 1893 г., 129 стр. и сл.

**) Топографическая таблица Урала, изданная въ 1852 г. Топографическимъ департаментомъ военнаго министерства, стр. 86.

***) Августъ Лафонтенъ. Его сочиненіе было переведено по-русски подъ названіемъ „Князь Ѳедоръ Долгорукій и княжна Марія М...ва“.

подъ сибирскимъ небомъ. Наконецъ, генеалогія Долгорукихъ въ XVIII столѣтіи извѣстна очень подробно, и князь Федоръ никогда не существовалъ *). Вѣроятнѣе всего, дочь была погребена рядомъ съ отцомъ, но могила потерялась. Вырытая на берегу Сосвы, она была унесена волнами.

Двое остальныхъ дѣтей временщика были возвращены изъ ссылки и бѣдствій однимъ изъ его наслѣдниковъ, Бирономъ, хотя въ этомъ актѣ состраданія никакого значенія не играло чувство великодушія. Лондонскій и амстердамскій банки, въ которыхъ у Меншикова хранились значительныя суммы,—девять милліоновъ рублей, по нѣкоторымъ указаніямъ,—отказались передать ихъ въ руки русскаго правительства. Биронъ тогда рѣшилъ прибѣгнуть къ соглашенію, женивъ своего брата Густава на дочери покойнаго. Сынъ въ то же время опять получилъ княжескій титулъ, двѣ тысячи крѣпостныхъ изъ девяти тысячъ, принадлежавшихъ его отцу, и былъ назначенъ прапорщикомъ въ Преображенскій полкъ, тогда какъ раньше былъ генералъ-лейтенантомъ. Изъ суммъ, которыя теперь банки согласились выдать, жена Густава Бирона получила милліонъ, а остальное его братъ раздѣлилъ съ казной. Густавъ сдѣлалъ свою жену очень несчастной, и она умерла въ 1737 году, не оставивъ дѣтей **).

IV.

Между тѣмъ, Петръ II веселился. Въ апрѣлѣ 1728 года извѣстіе о рожденіи въ Килѣ сына у герцогини Голштинской, будущаго Петра III, послужило предлогомъ къ грандіознымъ празднествамъ. На великолѣпномъ придворномъ балу было замѣчено отсутствіе Наталіи. Она отговорилась нездоровьемъ; но стало извѣстно, что она отправилась провести вечеръ у герцогини Курляндской, и начались всевозможные комментаріи. Говорили, что она ревнуетъ къ Елизаветѣ, захвачена въ свою очередь разгульной жизнью, въ которой протекала

---

*) Михневичъ, *указ. соч.*

**) Долгоруковъ, *Записки*, I, 287.

жизнь ея брата, разжигаемая кровосмѣсительной страстью, превратившись изъ эгеріи въ вакханку. Прождавъ довольно долго, Петръ открылъ балъ съ теткой, потомъ, разсерженный и раздосадованный, ушелъ въ сосѣднюю комнату пить со своими обычными товарищами. Елизавета продолжала танцовать, и вдругъ юный императоръ замѣтилъ, что Ивана Долгорукаго около него нѣтъ. Онъ быстро вернулся въ танцовальный залъ, и лицо его исказилось: Елизавета и молодой человѣкъ танцовали вмѣстѣ, и, раскраснѣвшаяся отъ пріятнаго движенія, съ затуманенными глазами и высоко вздымающейся грудью, царевна, казалось, позабыла про весь міръ въ опьянѣніи данной минуты. Потомъ разсказывали, что Остерманъ поддерживалъ эту ревность, чтобы удалить Долгорукихъ и привести въ исполненіе лелѣемый планъ *).

Послѣ Пасхи Петръ отправился на охоту съ Елизаветой, и Наталіи не было съ нимъ, такъ какъ она серьезно заболѣла, подтачиваемая печалью, съ признаками чахотки. Но Верховный Совѣтъ и генералитетъ получили приказъ сопровождать царя въ этой поѣздкѣ, которая должна была продолжиться нѣсколько мѣсяцевъ. Пятьсотъ экипажей потянулось изъ помѣстья въ помѣстье, останавливаясь въ лѣсу или въ степи. Охотились на волковъ, лисицъ, зайцевъ съ англійскими собаками; на пернатую дичь съ прирученными соколами и ястребами. Охотились и на медвѣдей, но въ это время царь держался вдали. Молодые и сильные слуги въ охотничьихъ ливреяхъ: зеленомъ кафтанѣ съ золотымъ или серебрянымъ поясомъ, красныхъ штанахъ и горностаевыхъ шапкахъ, нападали на звѣря съ ружьями или рогатинами. Охоты сопровождались безконечными торжествами въ старомъ московскомъ духѣ. Торговцы толпой раскидывали свои палатки вблизи лагеря, гдѣ такимъ образомъ воскресалъ азіатскій востокъ по желанію Долгорукихъ, которые надѣялись навсегда отбить у молодого государя влеченіе къ Петербургу и къ цивилизованной жизни.

На самомъ дѣлѣ Петру съ каждымъ днемъ все больше и

---

*) Донесенія герцога Лиріа, *Восемнадцатый вѣкъ*, II, 59. Другія выдержки изъ этихъ донесеній были опубликованы въ *Русской Старинѣ*.

больше нравилась такая кочевая жизнь, къ которой и Елизавета также, казалось, привыкла, тогда какъ ея бывшему танцору, Ивану Долгорукому, болѣе утонченному и скучавшему по болѣе разнообразнымъ удовольствіямъ, это уже надоѣло. Сцена на балу не повторялась, такъ какъ теперь сами родственники старались отдалить его отъ особы царя, чтобы лучше дѣйствовать на него. И Петръ безъ сожалѣнія смотрѣлъ, какъ онъ частенько возвращался въ Москву, гдѣ требовали его присутствія другія любовныя похожденія. Связь съ княгиней Трубецкой, мужа которой онъ оскорбилъ публично, насмѣявшись надъ его позоромъ, должна была успокоить императора и лишить Елизавету иллюзій, если онѣ у нея были. Такимъ образомъ, тетка и племянникъ оставались вдвоемъ среди наслажденій физическими упражненіями и деревенскихъ празднествъ, которыя ихъ одинаково восхищали, среди опьянѣнія любовной страсти, которая еще привлекала ихъ другъ къ другу.

Въ концѣ мая смерть Анны Петровны набросила траурный флеръ на этотъ вѣчный праздникъ, не прервавъ его. Тѣло было перевезено въ Петербургъ, но Петръ ни минуты не думалъ отправиться туда на похороны, и въ день его именинъ состоялся по обыкновенію балъ. Въ іюлѣ татарскій набѣгъ потребовалъ посылки армейскаго корпуса, въ то время какъ угроза коалиціи между Турціей и Швеціей привлекла общественное вниманіе на состояніе погибавшаго флота. Посланники австрійскій и испанскій вмѣстѣ уговаривали Остермана заставить императора вернуться. Онъ ничего не хотѣлъ слышать. Его страсть къ охотѣ удвоилась съ приближеніемъ осени въ связи съ новымъ увлеченіемъ, которое искусно подготовили Долгорукіе. Въ Горенкахъ, въ имѣніи Алексѣя Григорьевича, главы семьи, куда послѣдній придумалъ завлечь государя, Елизавета нашла соперницъ, вдвойнѣ превосходившихъ ее—болѣе легкой доступностью и менѣе безпорядочнымъ поведеніемъ. На самомъ дѣлѣ едва Иванъ Долгорукій пересталъ безпокоить Петра, какъ его замѣнилъ Бутурлинъ, и чтобы удовлетворить эту новую прихоть, царевна въ свою очередь избѣгала общества племянника. Она вернулась въ Москву и, подъ предлогомъ богомолья, обхо-

дила сосѣдніе монастыри, дѣлая по тридцати и сорока верстъ пѣшкомъ въ сопровожденіи одной горничной и своего возлюбленнаго. Когда Петръ встрѣчалъ ее въ промежуткахъ между такими прогулками, она была больна отъ усталости и только и жаловалась на денежныя затрудненія, въ которыхъ, вѣроятно, былъ отчасти виноватъ Бутурлинъ. Какъ прежде у ея матери, у нея былъ ужасный расходъ вина *). Дочери Алексѣя Долгорукаго не доставляли молодому государю никакихъ подобныхъ неудобствъ, и старшая, Екатерина, наученная отцомъ искусному кокетству, тайно толкавшему къ волнующей близости, уже мечтала надѣть себѣ на палецъ кольцо, отнятое у Маріи Меншиковой.

Въ ноябрѣ 1728 года болѣзнь Наталіи усилилась. Она умирала отъ чахотки, и Петръ съ трудомъ оторвался отъ горенскихъ наслажденій, чтобы быть при ея смерти. Съ ней исчезла послѣдняя надежда Остермана и иностранныхъ дипломатовъ, которые теперь старались вернуть царя въ Петербургъ и заняться его дѣлами. Вице-канцлеръ говорилъ даже объ отставкѣ **). Они напрасно хотѣли воспользоваться несчастіемъ, поддѣлавъ переписку, которую умирающая собиралась передать брату. Это были письма императрицы и принца Евгенія, въ которыхъ оба желали, чтобы Петръ вернулся на берега Невы ***). Они возложили корону на могилу несчастной царевны, приписывая ей всѣ достоинства и всѣ добродѣтели. Мнѣ было бы жалко опровергать ихъ. Но юнаго императора нельзя было ни тронуть, ни убѣдить; онъ часть зимы и весь февраль мѣсяцъ провелъ въ Горенкахъ, а въ мартѣ 1729 года отправился на новую охоту съ Алексѣемъ Долгорукимъ, его женой, его сыновьями и дочерьми. Елизавету не пригласили сопровождать его, и она осталась въ Москвѣ, гдѣ начали открыто говорить о бракѣ царя съ Екатериной Алексѣевной. Дѣйствительно, это было рѣшено въ томъ же году.

---

*) Донесенія Лиріа, *Восемнадцатый вѣкъ*, II, 110 стр. и слѣд.

**) Лефортъ, 29 ноября 1728 г., Дрезденскіе Архивы. Ср. Hermann, Dipl. Beitrage, I, 25.

***) Донесенія Лиріа, *указ. соч.*, II, 117.

V.

Долгорукихъ, дочерей Алексѣя, было три. Старшая, уже восемнадцати лѣтъ, очень красивая, великолѣпно сложенная, съ ослѣпительно бѣлымъ цвѣтомъ лица, черными волосами и пламенными глазами, очень смѣлая, величественная и надменная, казалась наиболѣе подходящей для побѣды, отъ которой зависѣла будущность семьи. Выросшая въ Варшавѣ въ домѣ своего дѣда, Григорія Ѳедоровича Долгорукаго, достойно занимавшаго различные дипломатическіе посты, она превосходила своихъ сестеръ воспитаніемъ, которое развило природныя богатства ея ума*). Она великолѣпно справилась съ ролью, которая вполнѣ подходила къ ея характеру и честолюбію. Въ эту весну охота велась двойная. На поляхъ и въ лѣсу, какъ и въ палаткѣ, во время банкетовъ и общественныхъ игръ, которыя, вмѣстѣ съ танцами, коротали длинные вечера, Екатерина всегда находилась рядомъ съ царемъ. Она не пропускала ни случая дать поцѣловать себя по случаю проигрыша à discrétion, ни нечаянной встрѣчи въ сумеркахъ въ удаленномъ уголкѣ.

Въ маѣ Остерманъ попробовалъ еще одно развлеченіе, устроивъ маневры въ окрестностяхъ Москвы, на которые онъ разсчитывалъ, что молодому государю понравится игра въ солдаты. Но Петръ объявилъ, что онъ пойдетъ къ Ростову, чтобы находиться въ его окрестностяхъ, и вернется только къ своимъ именинамъ, въ іюнѣ. Члены Верховнаго Совѣта тогда рѣшили разъѣхаться также по своимъ деревнямъ, самъ вице-канцлеръ послѣдовалъ ихъ примѣру, и правительства больше не было. На самомъ дѣлѣ царь снова появился въ Москвѣ только 21 іюня, и только потому, что созрѣвшіе хлѣба мѣшали охотиться. Видно было, что онъ окончательно покоренъ Долгорукими, а когда наступила осень, всѣ укрѣпились въ этомъ мнѣніи, видя, что онъ снова собирается отправиться на охоту

---

*) Хмыровъ, Графиня Головкина и ея время, стр. 144; Долгоруковъ, *Записки*, I, 195.

на неопредѣленное время. Двѣсти гончихъ собакъ, болѣе четырехсотъ борзыхъ составляли на этотъ разъ его свору, которая все увеличивалась. Въ непродолжительное время были убиты или затравлены четыре тысячи зайцевъ, пятьдесятъ лисицъ, пять волковъ и три медвѣдя. Но подвижной умъ и капризный характеръ юнаго императора въ то же время начали оказывать признаки усталости и разочарованія. Когда кто-то поздравилъ его съ особенно удачной охотой, онъ со злой усмѣшкой отвѣчалъ: „Я сдѣлалъ лучше, чѣмъ убилъ трехъ медвѣдей; я веду за собой четырехъ двуногихъ животныхъ". Понятно, онъ хотѣлъ сказать про Алексѣя Долгорукаго и его дочерей. Въ тотъ же день играли въ фанты, и когда онъ узналъ, что онъ выигралъ и имѣетъ счастье еще разъ поцѣловать красавицу Екатерину, Петръ вдругъ вышелъ.

Понялъ ли онъ игру честолюбивой семьи и убѣдился ли, что, пожертвовавъ Меншиковымъ, онъ только перемѣнилъ опекуна? Или же его безпокоило своей вызывающей смѣлостью поведеніе дѣвушки? Въ то время, когда еще ничто не предсказывало блестящей судьбы, которая, позже, казалось, была обѣщана ей, она выслушивала объясненія въ любьви какого-то графа Миллесимо, атташе австрійскаго посольства и родственника посланника. Поселившіеся въ Богеміи съ пятнадцатаго столѣтія, эти Миллесимо были отраслью стариннаго итальянскаго рода Каретто, владѣтельныхъ маркизовъ Савоны и другихъ. Итакъ, здѣсь не было мезальянса. Однако, отношенія молодыхъ людей носили тайный характеръ. Встрѣчи устраивались у голландскаго резидента и передавались записочки, если вѣрить Лефорту *). По другимъ свидѣтельствамъ, было даже обрученіе **). Когда позже семья устремила свои взоры выше, атташе посольства тотчасъ же по-

---

*) Донесеніе отъ декабря 1728 г., Дрезденскіе Архивы. Ср. Сборникъ, V, 319.

**) Леди Рондо, супруга англійскаго резидента, утверждаетъ это въ своихъ письмахъ (Англ. изд. 1774 г.; русское изд. 1874); Бантышъ-Каменскій въ своей „Біографіи генералиссимусовъ" противорѣчитъ ея свидѣтельству только въ томъ, что смѣшиваетъ Екатерину Долгорукую съ ея сестрой Еленой. См. Михневичъ, *указ. соч.* Ср. тайныя донесенія Гогенгольца у Брикнера: „Россія при Петрѣ II", Вѣстникъ Европы, 1896.

лучилъ отставку, и Екатерина считалась жертвой. То, что мы знаемъ объ ея характерѣ, заставляетъ насъ думать, что это пожертвованіе было добровольнымъ съ ея стороны. Но въ Москвѣ побалтывали, и Петру могли сообщить о романѣ и объ обстоятельствахъ, которыя оборвали его. Въ апрѣлѣ 1729 г., будучи на дачѣ графа Вратислава, Миллесимо имѣлъ неосторожность сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ изъ ружья вблизи императорскаго дворца, несмотря на очень строгое запрещеніе, отданное по этому поводу. Патруль арестовалъ его и проводилъ къ Алексѣю Долгорукому, при чемъ „одинъ гренадеръ шелъ впереди, другой сзади, и послѣдній держалъ въ рукѣ кнутъ, чтобы подгонять арестованнаго", сообщаетъ Маньянъ *). Сдѣлавъ четыре версты пѣшкомъ подъ такимъ конвоемъ по скверной дорогѣ, можно догадаться, въ какомъ видѣ предсталъ несчастный молодой человѣкъ передъ оберъ-гофмейстеромъ. Теперь этотъ постъ занималъ Алексѣй Долгорукій. Онъ сдѣлалъ видъ, что не узналъ того, кого привели къ нему подъ видомъ преступника, потомъ сослался на царскій приказъ, а когда Миллесимо сталъ настаивать на удовлетвореніи, онъ въ концѣ концовъ грубо повернулся къ нему спиной. Инцидентъ вызвалъ большой шумъ. Дипломатическій корпусъ принялъ сторону потерпѣвшаго. Остерманъ приложилъ всевозможныя усилія, чтобы уладить дѣло, и Петру, конечно, сообщили объ этомъ.

Итакъ, когда царь, казалось, охладѣлъ къ той, которую считали уже будущей царицей, догадаться о причинахъ такой перемѣны было слишкомъ легко, даже не считая непостоянства, которое уже и раньше выказывалъ юный государь. Но семья зашла слишкомъ далеко, чтобы отступать. Говорятъ о свиданіи, искусно устроенномъ ею въ этотъ моментъ, послѣ котораго Петру не оставалось ничего, какъ исполнить обязательство, данное въ минуту любовнаго опьяненія **). Какъ бы то ни было, онъ былъ пойманъ, и 22 октября 1729 года, въ день его рожденія, справлявшійся въ Тулѣ, Екатерина

---

*) 14 апрѣля 1729, Иностр. Дѣла, Россія.

**) Долгоруковъ, *Записки*, I, 295; Лефортъ, донесеніе отъ 6—17 апрѣля 1730 г., Дрезденскіе Архивы.

фигурировала уже въ качествѣ его невѣсты. 19-го слѣдующаго ноября, собравъ въ Лефортовскомъ дворцѣ, въ Москвѣ, Верховный Совѣтъ и генералитетъ, царь офиціально объявилъ о своемъ бракѣ, къ которому тотчасъ же начались приготовленія.

Но когда Долгорукіе разставляли такимъ образомъ свои сѣти и когда, забывъ свой рангъ и свои обязанности, сынъ Алексѣя попалъ въ западню, что сталось съ наслѣдіемъ Петра Великаго? Согласно одной замѣткѣ, найденной въ семейныхъ бумагахъ, съ февраля 1728 по ноябрь 1729 года, восемь мѣсяцевъ протекли въ большихъ охотахъ, изъ которыхъ одна продолжалась пятьдесятъ пять, а другая шестьдесятъ два дня, не считая мелкихъ поѣздокъ съ тою же цѣлью *). Я говорилъ выше, что въ одно время не было совсѣмъ правительства. Какъ же тогда обходилась Россія? Я и займусь этимъ вопросомъ.

---

*) Долгоруковъ, *ibid.*, I, 293.

ГЛАВА V.

I. Преемники Меншикова.—Олигархическая партія.—Голицыны и Долгорукіе.—Раздѣленіе власти.—Разстройство и подчиненіе правительственныхъ функцій.—Верховный Совѣтъ и Сенатъ.—Отдаленіе Петра II.—II. Результаты.—Дезорганизація высшей и низшей полиціи.—Уничтоженіе „Преображенскаго приказа“ и его послѣдствія.—Пожары и грабежи.—Неудачные законодательные опыты.—Выгодныя экономическія мѣры, предпринятыя по инициативѣ Остермана.—Устраненіе его коллегъ.—Онъ одинъ представляетъ правительство.—Разстройство арміи и флота.—Застой въ умственномъ движеніи.—Религіозныя волненія.—Выжидательная наружная политика.—Внѣшность еще сохраняется.—Автоматическія дѣйствія на Востокѣ.—Договоръ съ Китаемъ.—Экспедиція Беринга.—III. Всеобщая косность и реакціонное теченіе, недостаточно вознаграждаемое подобными успѣхами.—Свидѣтельства современныхъ наблюдателей.—Противорѣчивыя мнѣнія.—Почему правленіе Петра II было популярнымъ.—Олигархія граничитъ съ анархіей.—Временныя блага режима.—Причины, позволившія вынести его.—Перспективы будущаго.

I.

Паденіе Меншикова было слѣдствіемъ каприза государя и придворной интриги; но Петръ и его приближенные были не въ силахъ справиться съ политическимъ наслѣдіемъ „Левіаѳана“, доставшимся на долю олигархической партіи, которая уже давно добивалась его.

Повидимому, Голицыны фигурировали въ ней въ первомъ ряду. Князь Дмитрій Михайловичъ вошелъ однимъ изъ первыхъ въ Верховный Совѣтъ. Родившійся въ 1663 году, старшій изъ четырехъ сыновей боярина Михаила Андреевича, онъ

походилъ на Василія Васильевича, возлюбленнаго Софьи *), своего двоюроднаго брата. Онъ походилъ на него не только родствомъ крови; онъ, какъ и тотъ, могъ бы дать понятіе о томъ, во что бы смогла превратиться цивилизація въ Россіи безъ насильственнаго вмѣшательства Петра Великаго. Русскій стариннаго типа, уже довольно пожилой въ эпоху реформъ, страстно привязанный къ семейнымъ традиціямъ и народнымъ обычаямъ, не позволявшій своимъ младшимъ братьямъ—одному фельдмаршалу, а другому сенатору—садиться въ его присутствіи раньше, чѣмъ онъ предложитъ, онъ тѣмъ не менѣе имѣлъ въ своей подмосковной Архангельское библіотеку въ шесть тысячъ томовъ съ русскими переводами Маккіавели, Гроціуса, Локка, Пуффендорфа. Это, за исключеніемъ библіотеки, было жилище стараго боярина: деревянный домъ по сосѣдству съ церковью; всего три большихъ свѣтлицы; иконы въ углахъ; дубовыя скамьи по стѣнамъ; печи изъ желтой глины; крытыя кожей кресла; кровать еловаго дерева съ тиковыми подушками и одѣялами; баня, примыкавшая къ одной изъ комнатъ, погребъ, кладовыя. Полная простота во всемъ; но въ огромномъ паркѣ снова оранжереи, такія же обширныя, какъ домъ, и съ рѣдкими растеніями **).

Хотя онъ и осуждалъ заточеніе Евдокіи, процессъ Алексѣя, а также женитьбу Петра I на Екатеринѣ и говорилъ о послѣдней съ величайшимъ презрѣніемъ, Дмитрія Михайловича не только щадили во время великаго царствованія, но даже всегда окружали почетомъ. Царь часто ходилъ къ нему потолковать о своихъ проектахъ и терпѣливо ждалъ, пока „старикъ“ покончитъ свои молитвы. Убѣжденный аристократъ, хозяинъ Архангельскаго ставилъ себѣ идеаломъ шведскую конституцію. Онъ видѣлъ чужія страны. Въ 1697 году, тридцати четырехъ лѣтъ, онъ отправился учиться въ Италію. Въ 1701 году онъ былъ посланникомъ въ Константинополѣ, потомъ съ 1708 по 1721 годъ губернаторомъ Малороссіи, гдѣ онъ сплотилъ лучшія умственныя силы страны, сохранивъ, по возвращеніи въ Петербургъ, постоянныя отно-

---

*) *Петръ Великій.*

**) Забѣлинъ, Очерки по исторіи русской старины, 1873, стр. 331.

шенія съ кіевской академіей. Онъ говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ и тѣмъ не менѣе ненавидѣлъ нѣмцевъ. Очень самовластный, не переносившій противорѣчій, онъ въ этомъ отношеніи приближался къ типу Ивана III и его грознаго внука. Сторонникъ прогресса, но протестовавшій противъ быстрыхъ нововведеній, онъ особенно возставалъ противъ переворота, который Петръ I хотѣлъ произвести въ обычаяхъ, не въ пользу котораго говорилъ и примѣръ самого государя. „Вотъ что хотятъ намъ датъ!"—говорилъ онъ.

Побѣдитель Левенгаупта въ битвѣ при Лѣсной, „этой матери Полтавы", какъ говорилъ Петръ, братъ Дмитрія, Михаилъ, пользовался большой извѣстностью даже среди иностранцевъ. „Во всякой другой, менѣе варварской странѣ",—писалъ герцогъ Лиріа, „онъ былъ бы великимъ человѣкомъ" *). При большихъ достоинствахъ, ни тотъ, ни другой не имѣли нѣкоторыхъ качествъ, необходимыхъ государственнымъ людямъ—быстрой сообразительности, опытности, энергіи, и не имѣли также качествъ, необходимыхъ для царедворца.

Съ этой послѣдней точки зрѣнія Долгорукіе были безконечно выше ихъ. Василій Лукичъ, „самый милый и самый учтивый изъ русскихъ", по свидѣтельству Бассевича, началъ свою дипломатическую карьеру при дворѣ Людовика XIV и вспоминалъ объ этомъ. Во время тринадцатилѣтняго пребыванія въ Парижѣ, онъ довольно близко наблюдалъ англійскую революцію 1688 года, а еще ближе выходки деспотизма, которымъ кончилось царствованіе Короля-Солнца. Къ тому же времени относятся и сношенія съ іезуитами, которыя онъ поддерживалъ и по возвращеніи въ Россію. Потомъ въ Варшавѣ онъ сдѣлался довѣреннымъ Меншикова въ курляндскихъ дѣлахъ, пока не поссорился съ временщикомъ послѣ восшествія Петра II. Въ Митавѣ онъ пользовался благосклонностью Анны, цѣнившей его свѣтскія манеры. Онъ, какъ видно, не былъ лишенъ ловкости. Его двоюродные братья, Алексѣй, Сергѣй и Иванъ Григорьевичи, не получившіе образованія, грубые по духу, придерживались ретро-

*) Переписка, Добавленія, *Русская Старина*, 1873, II, 39.

градныхъ понятій, изъ которыхъ они на первое мѣсто ставили заботу о семейныхъ интересахъ и желаніе добиться милостей государя. Другой родственникъ, Михаилъ Владиміровичъ, стоялъ въ сторонѣ со своимъ братомъ, побѣдителемъ на берегахъ Каспія, отличавшимся привычками грубыми, откровенными.

Семья, видимо, дѣлилась сама на два лагеря. Однако, въ важныхъ дѣлахъ она соединялась и примирилась даже съ Голицыными, чтобы раздѣлить съ ними въ Верховномъ Совѣтѣ управленіе внутренними дѣлами, отнятое у Меншикова. Во внѣшнихъ дѣлахъ Василій Лукичъ казался освѣдомленнымъ; но скоро онъ долженъ былъ сознаться въ своемъ безсиліи разобраться въ спутанномъ сплетеніи дипломатическихъ отношеній и комбинацій. Эта забота, такимъ образомъ, перешла въ руки Остермана, уже по своему посту обязаннаго думать о нихъ и принятаго въ февралѣ 1729 года въ среду верховниковъ, какъ обыкновенно называли членовъ Верховнаго Совѣта.

Уже начавшееся при Екатеринѣ постепенное поглощеніе этимъ собраніемъ власти и функцій, номинально распредѣленныхъ между различными органами управленія, теперь пошло быстрѣе. Совѣтъ постепенно уничтожилъ вотчинную канцелярію, потомъ бюро государственной полиціи, обыкновенно называвшееся Преображенскимъ приказомъ и до сихъ поръ вѣдавшее также, или долженствовавшее вѣдать, полицію административную. Коллегіи адмиралтейства и военная, сохранявшія при жизни императрицы нѣкоторую независимость, должны были признать вполнѣ подчиненное положеніе. Тотчасъ же по паденіи Меншикова, Совѣтъ приказалъ имъ отсылать доклады о всѣхъ мелочахъ по ихъ вѣдомству. Въ области административной, какъ и въ области юридической, онъ теперь всюду накладывалъ свою руку и въ то же время, отнявъ у сената законодательныя функціи, онъ простиралъ ее до того, что касался даже основъ государства, какъ, напр., въ вопросѣ о гетманствѣ въ Малороссіи.

Однако у обиженнаго сената оставались еще дѣла. По мѣрѣ того, какъ послѣднему все болѣе и болѣе нравилось заниматься задачами высшей правительственной политики,

разстройство функцій, захваченныхъ со слишкомъ большой жадностью, складывалось въ пользу опальнаго учрежденія. Благодаря обратному толчку, оно оказалось заваленнымъ массой дѣлт, которыя „верховники“ считали недостойными ихъ компетенціи. Такимъ образомъ въ моментъ уничтоженія Преображенскаго приказа оно по наслѣдству получило административную полицію. Желая все захватить, новый господинъ, я хочу сказать „совѣтъ“, видѣлъ, что онъ не можетъ всего сохранить, и онъ только винтъ за винтомъ разрушалъ машину, заведенную Петромъ Великимъ съ такимъ трудомъ.

Номинальный двигатель этой машины оставался въ сторонѣ. Открывъ своимъ присутствіемъ засѣданія Совѣта и отдаливъ Меншикова, Петръ II удалился, исчезъ въ веселомъ вихрѣ, который я старался представить. Остерманъ и Алексѣй Долгорукій сначала получили порученіе быть передаточными инстанціями между нимъ и совѣтниками. Но эта двойная передача скоро вывелась. Вице-канцлеръ углубился въ иностранныя дѣла, въ которыхъ юный государь не хотѣлъ и не могъ ничего знать и которыми не интересовались сами верховники, а помощникъ воспитателя погрузился въ придворныя интриги, оба оспаривали благоволеніе своего ученика, и ихъ не чаще его видѣли на засѣданіяхъ. Перехожу къ результатамъ.

II.

Упраздненіе Преображенскаго приказа вызвало сильную радость. Однако, вскорѣ увидѣли, что исчезло одно только наименованіе, справедливо ненавидимое. Тюрьмы не переставали наполняться, а доносчики „слова и дѣла“ *) продолжали свое мрачное дѣло. Въ 1726 году одинъ мелкій канцелярскій чиновникъ, Василій Федоровъ, донесъ на капитана въ отставкѣ, Кобылина, въ произнесеніи имъ мятежныхъ рѣчей. Ему отрубили голову, а имущество его конфисковали. Но доносчикъ былъ недоволенъ: изъ наслѣдства своей жертвы

*) *Петръ Великій.*

онъ получилъ только корову съ теленкомъ, немного сѣна, нѣсколько яицъ и нѣсколько индюшекъ, къ чему вдова казненнаго добавила охапку сырыхъ дровъ. Онъ привелъ въ примѣръ большое количество другихъ доносчиковъ, усердіе которыхъ было награждено лучше. Въ 1728 году восемнадцать жителей Смоленска, виновныхъ въ переходѣ въ католичество, были возвращены въ лоно православной вѣры мѣрами, отъ которыхъ не отказались бы самые свирѣпые дѣятели упраздненнаго учрежденія. Тутъ дѣйствовали палачъ, кнутъ и топоръ въ рукѣ *).

Это съ высшей полиціей. И другая выиграла не больше отъ перехода въ руки сената. Когда 23 апрѣля (3 мая) 1729 года вспыхнулъ большой пожаръ въ Нѣмецкой слободѣ въ Москвѣ, тушить его были вызваны солдаты гвардіи. Маньянъ, видѣвшій ихъ работу, описываетъ ее слѣдующимъ образомъ: „Какъ бѣшеные, бросаясь на дома угрожаемаго квартала, они разбивали ихъ топорами, а потомъ разбивали сундуки, шкафы и погреба и грабили все, что находили тамъ, угрожая противившимся хозяевамъ размозжить голову... Видѣли даже, какъ они перерѣзали веревки у колодцевъ, чтобы не дать воды“. Офицеры не осмѣливались вмѣшиваться. Толпа поощряла: „Дайте пограбить нѣмцевъ!“ Прибытіе Петра II на мѣсто несчастія положило конецъ безпорядкамъ; но Иванъ Долгорукій, въ качествѣ капитана гвардіи, помѣшалъ наказанію грабителей, и сгорѣло сто двадцать домовъ **).

Вооруженные грабежи въ то же время принимали опасные размѣры на всемъ пространствѣ имперіи. Въ 1728 году шайка, напавъ на село Прашево, имѣніе князя Куракина въ Алатырскомъ уѣздѣ, сожгла двѣ церкви и двѣсти домовъ и убила управителя ***).

Не будучи способнымъ заставить уважать существованіе закона, Верховный Совѣтъ отважился все-таки начать законодательную дѣятельность. Такъ какъ дѣло кодификаціи при

---

*) Донесенія герцога Лиріа, *Восемнадцатый вѣкъ*, II, 105.

**) Маньянъ, 9 мая 1729 г., Иностр. Дѣла, Россія.

***) Соловьевъ, XIX, 176.

Екатеринѣ не подвинулось впередъ, то кто-то вспомнилъ, что при Алексѣѣ Михайловичѣ по этому поводу происходилъ созывъ народныхъ представителей. Верховниковъ соблазнялъ возвратъ къ дореформеннымъ порядкамъ. Они рѣшили собрать въ Москвѣ новый соборъ, члены котораго, выбранные дворянствомъ, по пяти человѣкъ отъ каждой губерніи, получали бы по 50 копеекъ вознагражденія въ день. Опытъ окончился печально. Сколько-нибудь стоющіе люди состояли уже на службѣ; отбросы, которые прислали губерніи, за неимѣніемъ лучшихъ, оказались неспособными ни къ какому труду *).

Одна только комиссія по пересмотру торговыхъ законовъ нѣсколько лучше выполнила свое дѣло: уменьшила налогъ на пеньку и на драгоцѣнности; уничтожила монополію на торговлю заграничными табаками, солью, сибирскимъ пушнымъ товаромъ; приняла мѣры къ обмѣну. Такъ какъ государство оставалось главнымъ промышленнымъ производителемъ страны, то комиссія придумала оставлять за границей доходы, получаемые имъ отъ продажи своихъ произведеній, поташа, дегтя, сибирскаго желѣза, сала, икры, и такимъ образомъ создать свободный фондъ для нуждъ казны. Свобода, данная въ 1728 году разработкѣ и продажѣ соли, а также разработкѣ пріисковъ за Томскомъ, новый вексельный уставъ, опубликованный въ 1729 году, счастливо пополнили всѣ эти реформы, вполнѣ своевременныя для развитія матеріальнаго достатка страны. Верховный Совѣтъ къ этому не имѣлъ никакого отношенія. Комиссіей о торговлѣ завѣдывалъ Остерманъ, которому постепенно пришлось замѣнить собой во всѣхъ отдѣлахъ своихъ несостоятельныхъ коллегъ. Напрасно онъ хотѣлъ заниматься только иностранной политикой; они сваливали все на него, не желая и не умѣя ничего дѣлать. Безъ его помощи, машина каждый день готова была остановиться. Когда его не было, она на самомъ дѣлѣ переставала работать.

Онъ долго избѣгалъ вмѣшиваться въ дѣла арміи и флота.

---

*) Соловьевъ, XIX, 175. Смотри также Полный Сводъ Законовъ, № 5412.

Результатомъ было то, что они были въ полнѣйшемъ забросѣ. Въ военной коллегіи со времени паденія Меншикова не было президента, а такъ какъ до тѣхъ поръ президентъ игралъ тамъ большую роль, поднялся вопросъ объ образованіи новой комиссіи, чтобы замѣнить его и предотвратить дезорганизацію, грозные симптомы которой уже замѣчались. Но некого было назначить въ нее. Флотъ на глазахъ таялъ. Прекративъ по экономическимъ соображеніямъ постройку большихъ кораблей, рѣшили ограничиться только простыми галерами; но верфи пустовали, и причина этого становится очевидной, благодаря процессу, возбужденному въ 1727 году противъ адмирала Златевича, обвиненнаго въ воровствѣ, приговореннаго къ смерти, потомъ помилованнаго и сосланнаго въ Астрахань комендантомъ порта, чтобы тамъ продолжать несомнѣнно ту же дѣятельность *).

Представьте себѣ, что могло стать при подобныхъ условіяхъ съ умственнымъ движеніемъ, уже сильно пріостановившимся въ предыдущее царствованіе. Продолжалась работа по картографіи, начатая при Петрѣ I, но результаты ея получались все медленнѣе и медленнѣе. Академія наукъ выходила изъ небытія только затѣмъ, чтобы попасть въ смѣшное положеніе. 24 февраля 1729 года коронованіе императора было ознаменовано публичнымъ засѣданіемъ, на которомъ профессоръ Лейтманнъ серьезно представилъ многоугольникъ, искусно сдѣланный изъ фигуры орла, который, превращаясь, представлялъ августѣйшія черты государя. Имѣя съ синодомъ единственную типографію въ столицѣ, академія не обременяла станковъ и была права, потому что тогда цензура всѣхъ публикуемыхъ вещей принадлежала духовному собранію, а Петра I уже не было, чтобы умѣрять его усердіе. Въ средѣ самого духовенства, представитель новаго вѣянія, Ѳеофанъ Прокоповичъ, долженъ былъ бороться съ ростовскимъ епископомъ, Георгіемъ Дашковымъ, который мечталъ о возстановленіи патріаршества, предполагая, что патріархи обязательно изберутъ его. Когда еще царствовала Екатерина, Ѳеофана считали еретикомъ и обвиняли въ принадлежности

*) Соловьевъ, XIX, 181.

къ аріанской ереси. По доносу одного монаха, Маркелла Радишевскаго, онъ имѣлъ даже дѣло съ Преображенскимъ приказомъ, счастливо отдѣлался только выговоромъ и угрозой „поступить съ нимъ безъ милосердія“, если онъ подастъ поводъ для новыхъ жалобъ *). Теперь онъ пользовался поддержкой Остермана, а паденіе Меншикова избавляло его отъ опаснаго врага; но торжество аристократической и ретроградной партіи создавало для него новыя опасности. Энергичный и ловкій, Дашковъ бѣшено дѣйствовалъ, возобновивъ противъ своего противника прежнія обвиненія въ протестантствѣ. Въ 1727 году Верховный Совѣтъ выпустилъ книгу „Камень вѣры“, полемическое религіозное сочиненіе, въ которомъ Яворскій изложилъ свое вѣроисповѣданіе строгаго православія и сводилъ свои личные счеты съ пастыремъ-преобразователемъ. Но въ то же время аббатъ Жюбе, привезенный въ 1728 году изъ Франціи княгиней Ириной Долгорукой, урожденной Голицыной, которая выбрала его воспитателемъ своихъ дѣтей, создалъ въ самой Москвѣ очагъ католической пропаганды.

Вамъ извѣстно, что это былъ человѣкъ въ высшей степени дѣятельный, предпріимчивый и мужественный. Онъ, когда былъ кюре въ Асньерѣ, отказался начать богослуженіе прежде, чѣмъ маркиза Параберъ, любовница регента, не покинетъ церковь. На жалобу красавицы регентъ только сказалъ: „Зачѣмъ она ходила въ церковь?“ Княгиня Долгорукая дала убѣдить себя перейти въ католичество во время своего пребыванія за границей, подъ вліяніемъ княгини Овернской, урожденной де-Линь. Вся семья отца по наслѣдству проявила наклонности такого же рода. Покровительствуемый ею, аббатъ Жюбе встрѣтился въ подмосковной князя Голицына съ тверскимъ епископомъ Лопатинскимъ, и говорилъ съ нимъ о соединеніи обѣихъ церквей **).

Такимъ образомъ съ этой стороны были только смятеніе и неурядица.

---

*) Чтенія, 1862, I, 1—92.

**) Толстой, *Католицизмъ въ Россіи,* 1863, I, 165; Филаретъ, *Исторія русской церкви*, 1848, 77 стр.; Долгоруковъ, *Записки*, I, 7.

Извнѣ миръ, подписанный турками въ октябрѣ 1727 года персидскимъ узурпаторомъ Эшрефомъ, котораго также и Россія отказывалась признать, создалъ въ началѣ царствованія серьезную опасность для каспійскихъ областей. Россія имѣла тамъ только очень слабый отрядъ войска. Кромѣ того отняли командованіе имъ у князя Василія Владиміровича Долгорукаго, присутствіе котораго казалось необходимѣе въ Москвѣ. Порта, продолжая жаловаться, что ее покинули союзники, предложила свое посредничество для соглашенія съ Эшрефомъ. Оно было принято, но не привело ни къ чему, и вскорѣ Неплюевъ сообщилъ изъ Константинополя, что турки думаютъ напасть на новыя пріобрѣтенія Россіи въ Персіи. Резидентъ императора, Дальманъ, предложилъ свое посредничество; но Порта, казалось, была расположена принять посредничество только Франціи, а Неплюевъ утверждалъ, что война будетъ предпочтительнѣе такого оборота. Союзница Англіи, Франція, была для него вдвойнѣ подозрительна. Онъ не шелъ наперекоръ приказаній своего начальства, потому что ихъ ему совсѣмъ не посылали. Все искусство Остермана въ это время могло быть направлено на то, чтобы выиграть время, сохранивъ видъ и внѣшность. Безъ флота и скоро безъ арміи, Россія должна была сохранить видъ великой европейской державы. Итакъ, она захотѣла быть представленной на Суассонскомъ конгрессѣ, на которомъ ей нечего было отстаивать. Дѣло шло, какъ извѣстно, о соглашеніи Австріи съ ея прежними и будущими противниками, Франціей, Англіей и Испаніей. Россія, какъ союзница императора, пожелала участвовать на конгрессѣ и добиться окончательнаго урегулированія голштинскаго вопроса. Это было дѣло постороннее, и Австрія не позаботилась ввести его въ переговоры, которые впрочемъ ничѣмъ не кончились. Севильскій договоръ, подписанный въ ноябрѣ 1729 года между Франціей, Испаніей, Голландіей и Англіей, за исключеніемъ Австріи, предоставлялъ правительству Петра II единственное утѣшеніе—будировать въ этой благородной компаніи.

Удовлетвореніе представилось ему съ другой стороны обширной политической сферы, открытой Петромъ Великимъ дѣятельности и честолюбію своихъ преемниковъ. 20-го авгу-

ста 1727 года русскій посланникъ въ Китаѣ подписалъ договоръ о вѣчномъ мирѣ съ Небесной Имперіей на основаніи statu quo и установленіи постоянныхъ торговыхъ сношеній между обѣими державами. Въ этомъ направленіи само время продолжало начатое дѣло, и по сегодняшній день мы являемся свидѣтелями его медленныхъ, но непреодолимыхъ успѣховъ. Почти въ то же время на другой границѣ обширнаго сибирскаго континента Берингъ открылъ знаменитый проливъ. Задумалъ приступить къ исполненію этого предпріятія еще великій мужъ. Экспедиція подъ командой Беринга покинула Петербургъ въ январѣ 1725 года. Она состояла изъ лейтенантовъ Шпанберга и Чирикова, двухъ лоцмановъ, одного гардемарина, одного географа, одного доктора и 23 матросовъ или рабочихъ. По сушѣ или по водѣ она прибыла весной 1726 г. въ Якутскъ и только въ январѣ 1727 г. въ Охотскъ, понеся много испытаній и серьезныя лишенія. Одно время она вынуждена была питаться кожей упряжи и обуви. Въ Охотскѣ, въ которомъ тогда было только десять домовъ, Берингъ долженъ былъ построить себѣ жилище и собрать провизію. На лодкѣ, которую онъ также долженъ былъ сдѣлать, и на плохой баркѣ, найденной на мѣстѣ, путешественники добрались до Камчатки, гдѣ былъ сооруженъ корабль болѣе значительныхъ размѣровъ, „Святой Гавріилъ". Въ то же время Берингъ узналъ отъ туземцевъ о подробностяхъ путешествія, которое еще въ 1648 г. совершилъ казакъ Дежневъ отъ устья Колымы до Камчатки—*по морю* *). Этимъ было доказано существованіе пролива. Въ іюлѣ, идя вдоль азіатскаго берега и обогнувъ Чукотскій носъ, то-есть пройдя въ обратномъ направленіи до 67°17' широты путь неизвѣстнаго предшественника, экспедиція подтвердила открытіе, первенство котораго могло такимъ образомъ сдѣлаться предметомъ спора. Я склоненъ считать его излишнимъ. Дежневъ былъ неспособенъ придать научную важность своему открытію, и онъ не видѣлъ американскаго берега, знакомство съ которымъ самъ Берингъ долженъ былъ отложить до слѣдующаго лѣта. Впрочемъ, хотя и подъ командой датчанина, экспедиція 1727 г.

---

*) Веселаго, *Исторія русскаго флота*, I, 81—2.

была русской—иначе ничего русскаго не было бы въ тогдашней исторіи страны.

III.

Конечно, это были успѣхи, но не искупавшіе бездѣятельности съ ретроградными тенденціями, въ которой въ большей части протекало царствованіе сына Алексѣя. Одно уже перенесеніе правительственнаго центра въ Москву угрожало неприкосновенности и будущности великаго наслѣдія, укрѣпленнаго Петромъ I на берегахъ Невы. Въ мартѣ 1728 года объявленія, расклеенныя на стѣнахъ древней столицы, угрожали „кнутомъ безъ милосердія“ тому, кто заговоритъ о возвращеніи въ Петербургъ *). Изъ пассивной, какой она была до сихъ поръ, выражавшейся въ фактическомъ бѣгствѣ крестьянъ „въ мать тихую пустыню“ и въ духовномъ углубленіи бояръ въ воспоминанія прошлаго, оппозиція реформамъ начинала становиться активной. Но ставъ во главѣ движенія и думая снова подняться по наклонной плоскости, по которой вслѣдъ за Преобразователемъ скатилась вся старая Россія въ суматохѣ великаго царствованія, родословные люди были неспособны осуществить и даже выработать хоть какую-нибудь программу. Вѣчная исторія неорганизованныхъ партій, избитыхъ фразъ и отжившихъ формъ, плодившихъ безцѣльныя мечты, началась снова между ними. Свидѣтельства современниковъ очень краснорѣчивы въ этомъ отношеніи и убѣдительны по своему единодушію; это концертъ, въ которомъ саксонецъ Лефортъ, испанецъ Лиріа и французъ Маньянъ поютъ въ одинъ голосъ.

Выслушаемъ перваго:

„Когда я посмотрю, какъ управляется это государство теперь, мнѣ все кажется сномъ, въ сравненіи съ царствованіемъ дѣда. Человѣческій умъ не можетъ понять, какъ можетъ такая большая машина держаться безъ поддержки, безъ труда.

---

*) Лефортъ, 4 марта 1728, Дрезденскіе Архивы. Ср. Herrmann, *Diplomatische Beitrage*, I, 10.

Всякъ старается спрятаться отъ удара, никто не хочетъ ничего брать на себя и молчитъ... Можно сравнить (это государство) съ кораблемъ, терзаемымъ бурею, лоцманъ и экипажъ котораго пьяны или заснули. Огромная машина является игрушкой личной выгоды, безо всякой мысли о будущемъ, и кажется, что экипажъ ждетъ только сильной бури, чтобы воспользоваться остатками корабля...“ *)

А вотъ что говоритъ Лиріа:

„Все идетъ скверно, императоръ не занимается дѣлами и не думаетъ ими заниматься. Никто ничего не платитъ и Богъ вѣсть, что станется съ казной Е. В. Всякій воруетъ, сколько можетъ. Всѣ члены верховнаго совѣта больны, и вотъ почему это учрежденіе, душа здѣшняго управленія, совсѣмъ не собирается. Всѣ подчиненные департаменты также прекратили свою дѣятельность. Жалобы—безъ числа. Всякъ дѣлаетъ, что ему взбредетъ въ голову. Никто не думаетъ помочь бѣдѣ, за исключеніемъ барона Остермана, который одинъ не можетъ все сдѣлать. Я думаю, что здѣсь все созрѣло для революціи...“ **)

Замѣтка Маньяна не болѣе лестна:

„Никакое правило чести, дружбы или благодарности не руководитъ имъ (русскимъ народомъ), а только съ одной стороны полнѣйшее невѣжество, а съ другой—духъ скаредной наживы. Даже можно сказать, что это невѣжество, кажется, еще увеличилось въ виду того, что оно встрѣчаетъ поощреніе въ настоящее царствованіе“. ***)

Однако, посланникъ католическаго короля находился въ очень дружескихъ отношеніяхъ съ главарями олигархической партіи и въ большинствѣ случаевъ былъ съ ними одинаковыхъ взглядовъ. Вы думаете, что онъ былъ неблагопріятно настроенъ злоключеніями, сопровождавшими его пріѣздъ въ Москву? Бросивъ свою коляску въ грязи, онъ долженъ былъ сдѣлать послѣднюю станцію верхомъ на неосѣдланной лошади, съ одной веревкой вмѣсто узды. Допустимъ, что онъ

---

*) Лефортъ, 18 іюня и 25 ноября 1728 г. Дрезденскіе Архивы. Ср. Herrmann, *указ. соч.*, I, 16, 23.

**) Лиріа, 15 ноября 1728, *Восемнадцатый вѣкъ*, II, III.

***) Маньянъ, 9 ноября 1729 г. Ин. Дѣла, Россія.

ничего не говоритъ. Я оставляю ихъ всѣхъ, иностранныхъ свидѣтелей, свидѣтелей сомнительныхъ. Но вотъ я знаю еще одного свидѣтеля, мѣстнаго, или почти,—казака, явившагося по дѣламъ въ Москву и добившагося тамъ великолѣпнаго успѣха. Слѣдовательно, ни о какомъ недовольствѣ не можетъ быть и рѣчи. Его дневникъ даетъ намъ любопытныя подробности о жизни въ стѣнахъ Кремля. Онъ снималъ въ самой лучшей части города, въ Китай-городѣ, квартиру, состоявшую изъ трехъ домовъ, съ амбаромъ и погребомъ, и все за три рубля въ мѣсяцъ. Онъ купилъ англійскую коляску за 22 рубля. Онъ купилъ отрѣзъ матеріи на кунтушъ по 60 копеекъ аршинъ, бѣличью шубу за 2 рубля 60 коп. и 18 паръ соболей за 140 рублей. Къ столу онъ имѣлъ осетра, двухъ лососей и десять стерлядей за 3 рубля, фунтъ икры за 5 копеекъ, фунтъ чая за 5 съ половиной рублей, фунтъ кофе за 60 копеекъ. Онъ также составилъ библіотеку съ шестью книгами польскаго изданія, въ числѣ которыхъ были „*Speculum Saxonum*“ и „*Политика*“ Аристотеля, и библіотека стоила ему 7 рублей 10 коп. Къ нимъ было добавлено за 50 коп. сочиненіе о строеніи земли, русскій *Синодикъ* и два календаря за 1 рубль. Въ лавкѣ нѣмца Морица онъ нашелъ еще барометръ за 1 рубль. А когда онъ подумалъ о своемъ здоровьѣ, онъ сдѣлалъ визитъ къ царскому доктору, Бидлоо, который прописалъ ему декоктъ и пьявки и взялъ съ него четыре экю.

Дѣло его заключалось въ томъ, что надо было вывести изъ затруднительнаго положенія своего отца, полковника, вызывавшаго жалобы способомъ своего командованія. Это дѣло было нелегкое. Обратившись сначала къ архіепископу Ѳеофану Прокоповичу и игуменьѣ Олимпіи Коховской, землякамъ своимъ, онъ ничего не добился. Большаго добился онъ у секретаря коллегіи иностранныхъ дѣлъ, который сначала согласился выиграть съ него нѣсколько въ *шнипъ-шнапъ*, а потомъ принять сумму въ тридцать червонцевъ. Но другія сорокъ червонцевъ, данные секретарю верховнаго совѣта, произвели прямо чудеса, такъ что, покидая Москву, изъ полковника въ немилости онъ превратился въ главнаго казначея Украины *).

---

*) Яковъ Марковичъ, Дневникъ (1717—1767), 1895, II, 207.

Не ясно ли очерчено въ вашихъ глазахъ этимъ простымъ фактомъ достоинство правительства, состоявшаго подъ именемъ Петра II изъ приказныхъ прежняго режима?

Одинъ иностранецъ, опубликовавшій о тогдашней Россіи записки, вообще мало лестныя, Манштейнъ, запротестовалъ, однако, противъ столь удручающихъ единогласныхъ свидѣтельствъ, даже сталъ доказывать противное въ настоящемъ панегирикѣ, которымъ въ свою очередь вдохновлялись нѣкоторые русскіе историки, какъ, напр., Соловьевъ *). Лефортъ, Маньянъ и Лиріа были поверхностными наблюдателями. Они основывались на придворныхъ впечатлѣніяхъ. Они „не ходили въ народъ", по формулѣ, любимой современными славянофилами. Однако, если дворъ, удаленный отъ Петербурга, находилъ причины жаловаться на олигархическое правительство, народъ имѣлъ наиболѣе причинъ оцѣнить его благодѣянія. Онъ не поставлялъ больше рекрутовъ на армію, которая была переведена на мирное положеніе и въ нихъ не нуждалась; онъ меньше платилъ податей, такъ какъ новая администрація имѣла меньше нуждъ, чѣмъ администрація Петра I, а слѣдовательно и меньше требовала. Таково основаніе. Что касается свидѣтельства Манштейна, то у него основаніе непрочное. Родившись въ 1711 году, авторъ „Дневника" въ 1727—1729 гг. не могъ быть очень проницательнымъ наблюдателемъ. Больше того, онъ не находился въ Россіи, куда онъ прибылъ только въ 1736 году. Что правительство Петра II, каково бы оно ни было, а особенно послѣ того, какъ прекратило свое существованіе, пользовалось симпатіей въ народной средѣ, я не хочу отрицать это. Народъ—повсюду ребенокъ, и самое вѣрное, если не самое честное средство угодить дѣтямъ—это не требовать отъ нихъ ничего, не противорѣчить имъ ни въ чемъ, предоставивъ ихъ собственной изобрѣтательности и природной лѣности. Они будутъ раскаиваться позже, но въ данный моментъ будутъ чувствовать себя вполнѣ счастливыми. Такое-то состояніе блаженства верховники и сумѣли создать для народа. Такъ какъ ничего сами они не дѣлали, то они ни отъ кого ничего

---

*) *Исторія Россіи,* XIX, 167.

и не требовали. Въ 1729 году верховный совѣтъ отмѣнилъ сборъ подушной подати во время земледѣльческихъ работъ *). Это было прекрасно, когда деньги не были нужны. Они нѣкоторое время и не были нужны, такъ какъ недѣйствующая машина не требуетъ топлива, такъ какъ олигархія здѣсь превращается въ анархію, въ полномъ смыслѣ этого слова, которымъ, впрочемъ, такъ злоупотребляютъ. Это самый нерасточительный режимъ за то короткое время, пока онъ существуетъ. Продолжительность его существованія имѣетъ различныя границы. Организмы низшаго порядка легко переносятъ лишеніе нѣкоторыхъ жизненныхъ элементовъ и даже нѣкоторыхъ органовъ, отсутствіе которыхъ, на высшей ступени лѣстницы животныхъ, становится причиною смерти. Какой-нибудь молюскъ довольствуется малымъ и ампутаціей его не убьешь.

Такимъ бразомъ временно разрѣшалась задача, интересовавшая дипломатическій корпусъ въ Россіи съ 1727 по 1729 годъ: существованіе государства, у котораго ничего не было для жизни, ни сердца, ни желудка. Но такое положеніе не могло быть продолжительнымъ. Страна, вся въ цѣломъ, еще не достаточно свыклась съ принципами жизни просвѣщенной, которую создалъ Петръ I, такъ, чтобы они сразу сдѣлались ей необходимыми. Однако, она не могла бы существовать до безконечности, а такъ какъ возвратъ къ патріархальному быту прошлаго казался невозможнымъ, неминуемо послѣдовало бы удушье, если бы катастрофа, которую согласно предвидѣли Лефортъ, Лиріа и Маньянъ, не была предупреждена другой, какой они не предвидѣли.

---

*) Полный Сводъ Законовъ, 5451.

ГЛАВА VI.

Царская трагедія.—Екатерина Долгорукая.

I. Обрученіе Петра II и Екатерины Долгорукой.—Въ Лефортовскомъ дворцѣ.—Зловѣщее предзнаменованіе.—Неумѣстная встрѣча.—Графъ Миллесимо.—Привѣтствіе Василія Долгорукаго.—Семья наверху славы.—Матримоніальные проекты Ивана Алексѣевича.—Отказъ Елизаветы.—Наталія Шереметьева.—Новое обрученіе.—II. Загадочное поведеніе Петра.—Тайные свиданія съ Остерманомъ и Елизаветой.—Испугъ и ссоры Долгорукихъ.—Ихъ хищенія.—Болѣзнь царя.—Смертельная опасность.—Семейный совѣтъ въ Головинскомъ дворцѣ.—Несогласіе.—Редакція завѣщанія, назначающаго наслѣдницей Екатерину Долгорукую.—Проектируемый подлогъ.—Иванъ Долгорукій и „рука“ царя.—III. Препятствія.—Оппозиція Верховнаго Совѣта.—Враждебность гвардіи.—Чрезвычайныя мѣры.—Беременность Екатерины.—Чрезвычайныя попытки.—Евдокія отказывается.—Остерманъ строго слѣдитъ.—Безсиліе временщика.—Смерть Петра II.

I.

Обрученіе Петра II и Екатерины Долгорукой было отпраздновано 30 ноября. Семья торопилась. Церемонія происходила въ Лефортовскомъ дворцѣ, гдѣ жилъ Петръ во время своихъ рѣдкихъ посѣщеній Москвы. На церемоніи присутствовала Елизавета, а также герцогиня Мекленбургская съ дочерью, которая позже правила нѣкоторое время Россіей подъ именемъ Анны Леопольдовны. Сама Евдокія согласилась для такого случая нарушить глубокое уединеніе, въ которомъ она жила. Она казалась довольной, счастливой, видя осуществленіе самаго дорогого желанія, которое она питала для своего внука, и такимъ согласнымъ обычаямъ способомъ.

Извѣстно, что женитьба царей на боярскихъ дочеряхъ и даже мелкопомѣстныхъ дворянахъ составляетъ обычай страны. Члены верховнаго совѣта, генералитетъ, иностранные посланники и все высшее московское общество тоже присутствовали на церемоніи. Невѣста, уже названная императорскимъ величествомъ, жила въ Головинскомъ дворцѣ со своими родителями. Ея братъ Иванъ отправился за нею туда, въ качествѣ оберъ-канцлера, и привезъ ее съ матерью и сестрами въ большой торжественной каретѣ, эскортируемой камеръ-юнкерами, фурьерами и верховыми гренадерами. Придворные пажи сидѣли впереди кареты; курьеры и пѣшіе гайдуки предшествовали ей; длинная вереница экипажей тянулась сзади съ членами семейства Долгорукихъ. Отрядъ въ 1200 всадниковъ эскортировалъ весь кортежъ: мѣра предосторожности, можетъ быть, излишняя. Долгорукихъ дѣйствительно ненавидѣли среди знати, гдѣ они вызывали зависть и сильное озлобленіе своимъ возвышеніемъ и свой спесью; но народъ въ этой свадьбѣ видѣлъ гарантію, что царь останется вѣренъ „матушкѣ-Москвѣ бѣлокаменной", и, какъ Евдокія, онъ готовъ былъ рукоплескать. При въѣздѣ на дворъ дворца, императорская корона, возвышавшаяся на торжественной каретѣ, или, по другимъ разсказамъ, орелъ, украшавшій тріумфальную арку, случайно былъ сорванъ и съ грохотомъ упалъ на землю *). Это было принято за дурное предзнаменованіе; но Екатерина Долгорукая, кажется, не испугалась. Подавъ руку брату, она, спокойная и уже величественная, вступила въ императорское жилище, которое готовилось стать ея.

Въ одной изъ залъ, на персидскомъ коврѣ, на покрытомъ золотой парчой столѣ лежалъ крестъ и два золотыхъ блюда съ кольцами. Налѣво отъ стола стояли два кресла для Евдокіи и невѣсты и въ томъ же ряду стулья для княгинь Мекленбургскихъ и для Елизаветы. Можно представить, какъ смотрѣла на эти стулья дочь Петра Великаго! Кресло императора стояло направо. Ѳеофанъ Прокоповичъ совершилъ установленный обрядъ, два генерала держали надъ четой балда-

---

*) Карабановъ, *Историческіе анекдоты, Русская Старина,* 1871, III, 689.

хинъ изъ серебряной парчи, вышитый золотомъ; потомъ загремѣли выстрѣлы, подавая сигналъ къ поздравленіямъ и цѣлованію руки. Елизавета должна была одной изъ первыхъ поцѣловать руку Долгорукой!

Въ свою очередь подошелъ графъ Миллесимо. Леди Рондо, въ своихъ хорошо извѣстныхъ письмахъ, вѣрнѣе всего преувеличила и исказила произошедшій при этомъ случай. На движеніе Петра, отстранявшее руку невѣсты, которую онъ держалъ въ своей рукѣ, Екатерина отвѣтила грубымъ жестомъ, который приблизилъ оспариваемую руку къ губамъ иностранца. Это совершенно невѣрно, если принять во вниманіе современный этикетъ, который исключаетъ вмѣшательство жениха въ такой формѣ. *Онъ не могъ держать руку невѣсты въ этотъ моментъ.* Но можно предположить, что дѣвушка на этотъ разъ была не въ силахъ скрыть естественное волненіе и что Петръ, обычно не старавшійся скрывать своихъ чувствъ, проявилъ какую-нибудь грубость. Друзья Миллесимо оттащили его и заставили скрыться. Черезъ нѣсколько дней онъ покинулъ Россію.

Екатерина Долгорукая должна была перенести еще другое испытаніе. Василій Владиміровичъ, человѣкъ откровенный, захотѣлъ привѣтствовать ее рѣчью. Говорятъ, онъ отрицательно относился къ браку, не видя въ немъ ничего хорошаго для своихъ. Онъ высказался въ слѣдующихъ словахъ: „Вчера я былъ твоимъ дядей, нынче ты моя государыня, и я буду твоимъ вѣрнымъ слугою. Позволь дать тебѣ совѣтъ: смотри на своего августѣйшаго супруга не какъ на супруга только, но какъ на государя, и занимайся только тѣмъ, что можетъ быть ему пріятно. Твоя фамилія многочисленна, но, благодаря Богу, не терпитъ недостатка ни въ чемъ, и члены ея занимаютъ хорошія мѣста; итакъ, если тебя будутъ просить о милости кому-нибудь, хлопочи не въ пользу имени, но въ пользу заслугъ и добродѣтели, это будетъ настоящее средство быть счастливою, чего тебѣ желаю“ *).

Будущая царица ничего не отвѣтила и, то ли взволно-

---

*) Соловьевъ, XIX, 235.

ванная появленіемъ Миллесимо, то ли недовольная поведеніемъ Петра, весь вечеръ сидѣла съ угрюмымъ видомъ. Мало обращавшій на нее вниманія, скорѣе, казалось, избѣгавшій ее, Петръ тоже казался озабоченнымъ и сердитымъ. Среди всеобщаго смущенія сіяла одна Евдокія. Были фейерверкъ и балъ, но не было ужина, и всѣ были довольны, что поскорѣе уйдутъ. Невѣста вернулась въ Головинскій дворецъ съ тѣмъ же эскортомъ, который сопровождалъ ее при пріѣздѣ, и, казалось, не помнила словъ дяди. На другой день въ то время, когда графъ Вратиславъ писалъ въ Вѣну, испрашивая для Ивана Долгорукаго званіе императорскаго принца и герцогство Козельское, обѣщанное Меншикову, разнесся слухъ, что юный фаворитъ назначается великимъ адмираломъ. Его отецъ будетъ генералиссимусомъ; Василій Лукичъ—великимъ канцлеромъ; Сергѣй Григорьевичъ—великимъ шталмейстеромъ; его сестра, бывшая замужемъ за Салтыковымъ, оберъ-гофмейстериной двора будущей царицы. Масса назначеній!

Иванъ Долгорукій сдѣлалъ видъ, что хочетъ остепениться. Это была натура, полная странныхъ и неожиданныхъ противорѣчій, какихъ не мало въ Россіи и по настоящее время,—сама непосредственность, въ которой еще не переработались разные противоположные задатки, наслѣдственно пріобрѣтенные, въ которой благородныя чувства, казалось, постоянно боролись съ самыми грубыми наклонностями. Развращенный и развратитель, молодой человѣкъ проявлялъ благородные порывы, которые, если бы были менѣе эфемерны, оказали бы благотворное вліяніе на Петра. Существуетъ легенда, что, взойдя разъ нечаянно къ царю въ тотъ моментъ, когда тотъ собирался подписать смертный приговоръ, фаворитъ вдругъ укусилъ его за ухо. Петръ отъ боли вскрикнулъ. „Представь себѣ,—сказалъ на это Долгорукій,—что будетъ чувствовать человѣкъ, когда ему отрубятъ голову“. Обаяніе, какое онъ имѣлъ, несмотря на свои выходки и дурачества, вліяніе, какимъ онъ пользовался, когда хотѣлъ, зависѣли, можетъ быть, отъ этой горячности темперамента и характера. Во время болѣзни, которой фаворитъ подвергся въ іюлѣ 1728 года,

Петръ спалъ на полу у его постели *). Теперь молодой человѣкъ забралъ себѣ въ голову послѣдовать примѣру своего юнаго государя—жениться, и, неисправимый ловеласъ, онъ снова задумалъ ухаживать за Елизаветой съ добрымъ намѣреніемъ. Царевна возмутилась: она не желала въ супруги себѣ подданнаго! Впрочемъ она отклоняла всѣ предложенія подобнаго рода, привыкнувъ къ свободной жизни и къ удовольствіямъ, которыя она увеличивала и разнообразила до безконечности. Съ ея похожденіями перестали считаться **). Въ срединѣ зимы она удалилась въ деревню, пренебрегая всемогущей семьей, выказывая холодность къ самому царю. Но Иванъ Долгорукій былъ упрямъ: ему нужна была жена! И въ теченіе нѣскольких недѣль самъ дипломатическій корпусъ занимался этой женитьбой, подбирая для фаворита то дочь Ягужинскаго, то дочь Миниха или Остермана. Наконецъ, стало извѣстно, что молодой человѣкъ остановилъ свой выборъ на самой богатой наслѣдницѣ въ имперіи, и въ то же время на самой красивой, на Наталіи Борисовнѣ Шереметьевой, восхитительномъ созданіи, отецъ котораго былъ великимъ полководцемъ въ предыдущее царствованіе. Это новое обрученіе было отпраздновано 14 декабря 1729 года, въ присутствіи царя, съ высшей помпой и невѣроятной роскошью. Кольцо жениха стоило 12.000 рублей, а кольцо невѣсты 6.000 руб. Было рѣшено, что государь и фаворитъ повѣнчаются въ одинъ и тотъ же день, и балы и банкеты слѣдовали одни за другими въ ожиданіи двойной брачной церемоніи, взволновавшей всю страну. Москва наполнялась дворянами, спѣшившими изъ глуши провинцій со своими семьями. Никто не запомнитъ такого оживленія и радости.

II.

Однако Петръ показывалъ своимъ подданнымъ все болѣе и болѣе сумрачное лицо. Со дня на день рядомъ со своей

*) Лефортъ, 26 іюля 1728, Дрезденскіе Архивы. Ср. Herrmann, *Diplomatische Beitrage*, I, 18.

**) Маньянъ, 1 сентября 1729. Ин. Дѣла, Россія.

невѣстой и въ кругу новой семьи, онъ все болѣе походилъ на птичку, попавшую въ западню, которая на самомъ дѣлѣ, казалось, подходила для него при данныхъ обстоятельствахъ. „Слово царское измѣнчиво". Соображаясь съ этой русской пословицей, Долгорукіе хотѣли ускорить событіе, отъ котораго зависѣла ихъ судьба. Къ несчастію, шелъ рождественскій постъ, а другія причины различнаго характера заставили отложить церемонію до 19-го января. Верховный Совѣтъ ассигновалъ на расходы 50.000 рублей, и нужно было много времени, чтобы израсходовать столько денегъ.

Между тѣмъ Долгорукіе испытывали сильныя муки. На Новый годъ царь вышелъ ночью, безъ вѣдома Алексѣя Долгорукаго, и отправился къ Остерману, гдѣ находились еще два члена Верховнаго Совѣта. Вице-канцлеръ еще считался больнымъ и уже десять дней не выходилъ изъ комнаты, и одно это могло обезпокоить тѣхъ, кто зналъ его манеру. Онъ несомнѣнно что-то замышлялъ или предвидѣлъ какой-то кризисъ, отъ котораго онъ предпочиталъ остаться въ сторонѣ *). Петръ по секрету также видѣлъ Елизавету, которая горько жаловалась на Долгорукихъ. Завладѣвъ всѣмъ, властью и деньгами, они подвергали ее всякимъ лишеніямъ. Она привыкла пользоваться услугами двора для нуждъ своего дома, въ которомъ велись большіе расходы, и вотъ, по приказу Алексѣя Григорьевича, повара теперь не слушались ея. На ея кухняхъ не хватало даже соли! Долгорукіе мстили за презрительный отказъ, полученный Иваномъ, который, какъ онъ сознавался позже, съ своей стороны думалъ заключить царевну въ монастырь **). Петръ на жалобы тетки отвѣчалъ словами, которыя, тотчасъ же разглашенныя и преувеличенныя, были полны угрозъ: „Это не моя вина; меня не слушаются; но я скоро найду средство порвать свои цѣпи". Предупрежденные Долгорукіе встрѣтили опасность только ссорами между собой. Владиміровичи находили, что Григорьевичи зашли слишкомъ далеко, слишкомъ рано начали выказывать себя господами положенія. Иванъ ссорился съ

---

*) Лиріа, 2 января 1730 г., *Восемнадцатый вѣкъ*, I, 190.

**) Дѣло Долгорукихъ въ Государственныхъ Архивахъ въ Москвѣ.

сестрой, требовавшей бриллiанты великой княжны Наталiи. Петръ, утверждала она, обѣщалъ ей ихъ. Впрочемъ, она брала примѣръ съ отца и двоюродныхъ братьевъ, которые, какъ это позже подтвердило слѣдствiе, организовали настоящiй грабежъ государственной казны и спорили изъ-за своихъ долей. А уже близка была катастрофа, которая примиритъ ихъ въ общемъ крушенiи ихъ плановъ.

6 января 1730 года происходило водосвятiе. Всегдашнiй врагъ принужденiя, Петръ на церемонiю явился съ опозданiемъ *), но присутствовалъ на парадѣ въ жестокiй морозъ и вернулся въ компанiи своей невѣсты, держась сзади ея саней. Можетъ быть, настроенный Долгорукими или покоренный какимъ-нибудь ловкимъ маневромъ прекрасной Екатерины, онъ этой любезностью хотѣлъ сразу оборвать слухи о разрывѣ, носившiеся слишкомъ свободно. Вернувшись, онъ почувствовалъ ознобъ, и на слѣдующiй день появилась оспа.

Долгорукiе были въ отчаянiи. Дипломатическiй корпусъ заволновался. Датскiй посланникъ видѣлъ на престолѣ уже Елизавету или ея племянника, герцога Голштинскаго. Тогда Шлезвигъ былъ бы потерянъ! Онъ побѣжалъ къ Василiю Лукичу и представилъ ему необходимость сдѣлать что-нибудь, въ виду фатальнаго исхода болѣзни. Но что? То, что было сдѣлано въ моментъ смерти Петра I. Отъ жены до невѣсты разстоянiе небольшое, и новая Екатерина могла бы царствовать такъ же хорошо, какъ и та. Братья и двоюродные братья заспорили и не пришли къ соглашенiю. Планъ казался слишкомъ рискованнымъ Владимировичамъ, которые и увеличивали всякiя возраженiя. 12 января Петръ почувствовалъ себя лучше, и всѣ вздохнули. Черезъ пять дней больной имѣлъ неосторожность раскрыть окно, оспа вернулась, и все погибло.

На этотъ разъ Алексѣй Григорьевичъ рѣшилъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Курьеры разсылались по городу, созывая членовъ семьи въ Голштинскiй дворецъ. Проведя

---

*) Смотри по этому поводу, въ *Историческомъ Вѣстникѣ*, iюль 1896 г., статью Львова, устанавлив. нѣкоторыя подробности, неточно переданныя въ современныхъ мемуарахъ. Ср. Хмыровъ, Графиня Головкина, стр. 148.

Елизавета Петровна.

ночь у изголовья царя, глава семьи лежалъ въ постели. Должны были собраться въ его комнатѣ. „Императоръ боленъ,—заявилъ онъ,—и худа надежда, чтобъ онъ живъ былъ; надобно выбрать наслѣдника".

— На кого же вы думаете?—спросилъ Василій Лопухинъ.

Алексѣй указалъ пальцемъ на потолокъ.

— Вотъ кого!

Екатерина имѣла помѣщеніе въ верхнемъ этажѣ. Владимировичи покачали головами; но Сергѣй Григорьевичъ настаивалъ, формулировалъ мысль, бродившую въ головѣ его братьевъ: „Завѣщаніе уладитъ все. Законъ Петра Великаго не отмѣненъ, и государь не могъ бы сдѣлать изъ него лучшаго примѣненія, какъ назначивъ себѣ преемницей ту, съ которой намѣревался раздѣлить ложе и тронъ!"

Въ виду обстоятельствъ, мысль была не неосуществима. Иностранные дипломаты обсуждали ее и считали возможной *). Но Василій Владимировичъ возмутился:

— Кто захочетъ ей подданнымъ быть? Княжна Катерина съ государемъ не вѣнчалась.

— Хоть не вѣнчались, но обручились, — возразилъ Алексѣй.

— Вѣнчаніе иное, а обрученіе иное.

Разгорѣлся споръ. Григорьевичи хотѣли отстаивать свою мысль съ оружіемъ въ рукахъ.

— Василій Владимировичъ!—кричалъ Сергѣй, — ты въ Преображенскомъ полку подполковникъ, а Иванъ Алексѣевичъ тамъ маіоръ. Вдвоемъ можете, какъ угодно, распоряжаться людьми.

— Что вы, ребячье, врете!—возразилъ опять Василій.— Какъ тому можно сдѣлаться? И какъ я полку объявлю? Услышавъ отъ меня объ этомъ, не только будутъ меня бранить, но и убьютъ...

Съ этими словами онъ вмѣстѣ съ братомъ Михаиломъ покинулъ собраніе.

Тогда Василій Лукичъ всталъ, сѣлъ около камина, гдѣ горѣли дубовыя дрова, и началъ писать. Онъ составлялъ за-

---

*) Сборникъ, LXXI, 128.

вѣщаніе для подписи царю. Но скоро онъ бросилъ перо. Его неразвитый умъ путался, а грубые пальцы выводили только безобразныя буквы. Тогда за дѣло принялись всѣ остальные члены семьи, одни подсказывали фразы, другіе помогали перевести ихъ на бумагу, и наконецъ документъ, назначавшій Екатерину Долгорукую наслѣдницей ея жениха, былъ готовъ. Но подпишетъ ли его Петръ? Сомнѣніе закралось въ сердца и лица уже омрачились, когда Иванъ Алексѣевичъ издалъ торжествующій крикъ. Вытащивъ изъ своего кармана бумаги, онъ показалъ ихъ родственникамъ.

— Вотъ посмотрите письмо государевой и моей руки: письмо руки моей слово въ слово какъ государево письмо; я умѣю подъ руку государеву подписываться, потому что я съ государемъ въ шутку писывалъ.

Взявъ перо, онъ написалъ: „Петръ", и всѣ воскликнули въ одинъ голосъ: „Это безспорно царева рука!"

Потомъ наступило молчаніе. Говорили только одни глаза и понимали другъ друга, и такимъ образомъ дѣло было улажено, и не было добавлено ни одного слова передъ разставаніемъ. Фаворитъ представитъ завѣщаніе для подписи царю и, если по какой-либо причинѣ ее нельзя будетъ достать. онъ сдѣлаетъ, что нужно *).

III.

Но еще надо было обезпечить необходимую поддержку задуманному дѣлу. Однако, съ этой стороны возраженія, формулированныя Василіемъ Владимировичемъ, оказались только слишкомъ справедливыми. Въ Верховномъ Совѣтѣ Голицынъ и Головкинъ сочли проектъ безумнымъ. Позондированная гвардія оказалась враждебной. Самъ Иванъ испугался того, на что онъ осмѣлился рискнуть. Заставить царя подписать завѣщаніе казалось невозможнымъ; онъ не приходилъ въ со-

---

*) Всѣ эти подробности извѣстны намъ изъ дѣла Долгорукихъ, изъ Московскаго Государственнаго Архива. Ср. Костомаровъ, *Монографіи*, XIV, 359—485.

знаніе, а Остерманъ, внезапно выздоровѣвшій, не покидалъ его; самый искусный подлогъ становился подозрительнымъ, вызывалъ основательныя сомнѣнія. Огорченные Долгорукіе хватились за другіе планы, еще болѣе необыкновенные: ускорить брачную церемонію, несмотря на болѣзнь жениха; возвести невѣсту, даже безъ брачнаго благословенія, на постель умирающаго *). Это послѣднее предположеніе вызывалось, можетъ быть, однимъ обстоятельствомъ, относительно котораго у насъ нѣтъ точныхъ данныхъ. Согласно различнымъ свидѣтельствамъ, Екатерина Долгорукая была въ данный моментъ беременна—отъ самого Петра, по одной изъ версій, такъ что государь считалъ поэтому невозможнымъ порвать обѣщаніе, внушавшее ему, видимо, только одно отвращеніе. Согласно Щербатову **), завѣщаніе, составленное Долгорукими, содержало подтвержденіе этого факта, и воспоминаніе объ этомъ сохранилось въ семьѣ ***). Но впослѣдствіи были высказаны другія предположенія, которыя въ апрѣлѣ и выразилъ Лефортъ: „Дѣвственная невѣста покойнаго царя счастливо разрѣшилась въ прошлую среду дочерью, достойнымъ произведеніемъ гвардейскаго офицера, по имени Нестерова“ *†). Совершенно невѣроятно, чтобы высокомѣрная молодая особа согласилась скомпрометировать свою судьбу такимъ довольно вульгарнымъ способомъ. Но сама беременность, кажется, была въ тотъ моментъ общеизвѣстнымъ фактомъ †). И по пути въ ссылку, это непризнанное материнство, должно быть, привлекало къ несчастной наивное почтеніе, такъ какъ крестьяне и крестьянки толпились около нея, чтобы удостоиться чести поцѣловать руку у той, которую по своему почтилъ царь †*).

Во всякомъ случаѣ страстная борьба рушившихся честолюбивыхъ плановъ разверзлась у постели умирающаго. Въ нее была завлечена сама Евдокія. Ей предложили регентство. Она отговорилась своимъ возрастомъ и немощами. Вечеромъ

---

*) Мардефельдъ, 26 января 1730 г., Сборникъ, XV, 401.

**) Щербатовъ, *Сочиненія,* II, 190.

***) Долгоруковъ, *Записки*, I, 295.

*†) 17 апрѣля 1730. Дрезденскіе архивы. Ср. Сборникъ, V, 377.

†) Маньянъ, 20 марта 1730 г. Ин. Дѣла, Россія.

†*) Онъ же, 27 іюля 1730. *Ibid.*

18 января, когда доктора заявили, что нѣтъ никакой надежды, она стала на молитву въ сосѣдней комнатѣ и приготовилась принять послѣднее дыханіе внука. Иванъ Долгорукій ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, выжидая удобной минуты, вопросительно смотря на лица, сдѣлавшіяся отъ страха нѣмыми, приходя въ отчаяніе, такъ какъ постоянно видѣлъ между собой и умирающимъ безстрастное лицо Остермана. На всякій случай онъ подписалъ одинъ экземпляръ завѣщанія, а другой держалъ наготовѣ. Но вице-канцлеръ внимательно сторожилъ, а Петръ продолжалъ быть безъ памяти. Въ часъ ночи слышно было, какъ онъ потребовалъ лошадей, чтобы отправиться къ сестрѣ Наталіи. Черезъ нѣсколько минутъ онъ скончался. Манштейнъ говоритъ, что въ тотъ же моментъ Иванъ Долгорукій пробѣжалъ по дворцу съ шпагой въ рукѣ, крича: „Да здравствуетъ императрица Екатерина!“ Не встрѣтивъ сочувствія, онъ вернулся домой и сжегъ завѣщаніе. Тщательное слѣдствіе, на которомъ разбирались самые незначительные поступки фаворита, ничего не открыло по поводу этой попытки, которая кажется маловѣроятной даже со стороны молодого сумасброда. Чтобы провозгласить и заставить признать новую власть на краю бездны, готовой снова поглотить государство вслѣдъ за государемъ, такой единичный голосъ былъ недостаточенъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

АННА I.

ГЛАВА VII.

Попытка конституціоннаго строя.—Первая русская хартія.

I. Ночныя собранія въ Лефортовскомъ дворцѣ.—Верховный Совѣтъ присваиваетъ себѣ право замѣстить праздный тронъ.—Избраніе Анны Іоанновны.—Проектъ конституціонной реформы.—Ея происхожденіе и ея предшественники.—„Пункты".—Политическій идеалъ Дмитрія Голицына.—Привѣтствія новой императрицѣ.—Первая русская хартія.—Верховный Совѣтъ дѣлаетъ изъ нея тайну.—Опасности такого способа.—II. Оппозиція.—Духовенство. — Өеофанъ Прокоповичъ. — Дворянство.—Противоположныя мнѣнія.—Волненіе.—Анна принимаетъ „пункты".—Дворянство проситъ обсудить ихъ.—Контръ-проекты и подписавшіе ихъ.—Верховный Совѣтъ побѣжденъ.—Попытки примиренія.—III. Пріѣздъ Анны.—Первое нарушеніе конституціонной хартіи.—Тайное содѣйствіе Остермана неограниченной власти.—Анна предполагаетъ возстановить ее съ помощью государственнаго переворота.—Содѣйствіе арміи обезпечено.—Абсолютистское движеніе распространяется въ средѣ дворянства.—IV. 25-ое февраля.—Петиція дворянства.—Оно проситъ обсудить основы новаго управленія.—Вмѣшательство герцогини Мекленбургской.—Дворянство сдается.—Хартія разорвана въ клочки.—V. Отвѣтственность этой неудачи.—Ея послѣдствія.—Паденіе дворянства.—Репрессіи.—Ссылка Долгорукихъ.—Въ Березовѣ.—Слѣдствіе и пытки.—Въ Новгородѣ.—Иванъ Долгорукій.—Бывшая невѣста царя.—Наталія Долгорукая.—Ея романъ.—Ея записки.—Багровая заря новаго царствованія.

I.

Теоретически, какъ послѣ смерти Петра I, ничего не было. На самомъ дѣлѣ Верховный Совѣтъ оставался, почерпая

именно въ этомъ положеніи все болѣе и болѣе власти, которую у него никто даже и не думалъ оспаривать. Его составляли въ данный моментъ пять членовъ, исполнявшихъ функціи министровъ: канцлеръ, графъ Головкинъ; вице-канцлеръ, баронъ Остерманъ; двое Долгорукихъ, Алексѣй Григорьевичъ и Василій Лукичъ, и единственный Голицынъ, Дмитрій Михайловичъ. Апраксина уже не было: онъ отдыхалъ съ 10 ноября 1728 года подъ сводами Златоустовскаго монастыря въ Москвѣ. Губернаторъ Сибири, Михаилъ Владимировичъ Долгорукій, пожелавшій пріѣхать въ Москву присутствовать на свадьбѣ своей племянницы, также былъ принятъ на собраніяхъ. Эти шесть лицъ собрались въ Лефортовскомъ дворцѣ къ тому моменту, когда Петръ II скончался. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній они пригласили еще двоихъ фельдмаршаловъ, Василія Владимировича Долгорукаго и Михаила Михайловича Голицына, и ушли на совѣщаніе въ отдаленную комнату. Устроенное такимъ образомъ совѣщаніе показалось страннымъ другимъ высокопоставленнымъ лицамъ, проведшимъ ночь во дворцѣ или теперь возвращавшимся туда. Здѣсь были третій фельдмаршалъ, князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой, Ягужинскій, а также Дмитріевъ-Мамоновъ, морганатическій мужъ одной изъ царевенъ, Прасковьи Ивановны, сестры герцогини Курляндской. Почему верховники предпочли пригласить тѣхъ лицъ, а не другихъ? Что собиралось сказать это новое законодательное собраніе, неутвержденное никакимъ закономъ? Это былъ уже не Верховный Совѣтъ. А что же? Такимъ образомъ зарождались первыя неудовольствія и оппозиція противъ рѣшеній, которыя должны выйти изъ этой запертой комнаты, гдѣ лица, не имѣющія на это никакихъ полномочій, обсуждали будущее Россіи.

Пренія не были продолжительны. Всѣ сознавали цѣну времени. Долгорукіе не осмѣливались первыми поднять вопросъ о завѣщаніи, Головкинъ кашлялъ и ссылался на отсутствіе голоса. Прервалъ молчаніе Дмитрій Голицынъ. Положеніе казалось ему очень яснымъ. „Нѣтъ никакого опредѣленнаго наслѣдника. Завѣщаніе Екатерины I не имѣетъ зна-

ченія; съ нимъ нечего считаться. Она не имѣла никакого права дѣлать его. Дѣвка, вытащенная изъ грязи!.. Другое завѣщаніе..." Здѣсь Долгорукіе напрягли вниманіе и тревожно посмотрѣли на лица. „Другое завѣщаніе, приписываемое Петру II,—продолжалъ Голицынъ, возвысивъ голосъ,—подложное..."

У Василія Лукича вырвался протестующій жестъ.

— Вполнѣ подложное!—съ силой повторилъ Голицынъ, пристально глядя на присутствующихъ.

Никто не произнесъ ни слова. Долгорукіе опустили глаза. Дѣло было потеряно для нихъ. Голицынъ продолжалъ: „Ублюдки Петра I не могутъ приниматься въ счетъ. Евдокія Ѳедоровна имѣетъ права, но права троихъ дочерей Ивана стоятъ выше. Старшая должна быть исключена изъ-за своего мужа".

Это была герцогиня Мекленбургская, дѣйствительно, несчастная въ замужествѣ, какъ я уже указывалъ раньше; мужъ былъ у нея сварливый, находившійся въ вѣчной борьбѣ со своими подданными и со всѣмъ міромъ; онъ въ концѣ концовъ былъ свергнутъ въ 1736 г. Онъ тревожилъ самого Петра I, считавшаго его шалуномъ, а герцогъ, обращаясь къ государю, кричалъ ему: „Pfui Reich! Pfui Reich!" *) Герцогъ Лирія не особенно лестнаго мнѣнія былъ и о герцогинѣ: „Женщина умная, но неразсудительная. Ей 40 лѣтъ. Она очень толста и очень дурна, имѣетъ склонность къ вину и къ любви и не бываетъ никому вѣрна". **).

Голицынъ совсѣмъ не упомянулъ про Прасковью Ивановну, младшую изъ трехъ сестеръ. Онъ оставлялъ ее Дмитріеву-Мамонову. Его выборъ остановился на Аннѣ. „Женщина умная", сказалъ онъ. „Поговаривали объ ея дурномъ характерѣ, но курляндцы на него не жалуются..."

Василій Лукичъ согласился. Одинъ изъ всѣхъ собравшихся,

---

*) См. Анонимную біографію въ *Русской Старинѣ,* 1876 г.

**) Выдержки изъ его переписки въ Иностр. Дѣл. *Мемуары и Документы,* т. VII. Изъ нихъ взяты тексты, не опубликованные въ русскихъ сборникахъ.

онъ былъ близокъ къ ней въ Митавѣ и сохранилъ съ ней хорошія отношенія. Это было одно изъ меньшихъ золъ. Предложеніе было принято, хотя никто изъ совѣщавшихся и не подумалъ о Петрѣ-Ульрихѣ, сынѣ герцогини Голштинской, права котораго, какъ единственнаго мужского наслѣдника, были неоспоримы. Женщина больше подходила для нихъ, лучше отвѣчала заднимъ мыслямъ, которыя царили въ этомъ избирательномъ собраніи, созванномъ у постели умершаго. Голицынъ коснулся этого въ заключеніи: „Итакъ, мы согласны на Аннѣ Іоанновнѣ; но *надо себѣ полегчить*“.

— Какъ вы говорите?—спросилъ Головкинъ, къ которому сразу вернулся его голосъ.

— Я хочу сказать, что мы должны обезпечить за собой побольше воли.

Случай показался Дмитрію Михайловичу подходящимъ, чтобы выдвинуть свою идею, которая, какъ онъ справедливо предугадывалъ, болѣе или менѣе согласовалась съ чувствами большинства его коллегъ. Эти отпрыски высшей знати считали унизительнымъ и нестерпимымъ вѣковой гнетъ, нисколько необлегченный послѣдней реформой. Уже въ предъидущемъ столѣтіи московскіе бояре пробовали реорганизовать государство на основѣ соглашенія съ верховной властью, а мысль о такой попыткѣ относится еще къ болѣе раннему времени, соотвѣтствуя періодическимъ кризисамъ, когда, какъ я указывалъ, абсолютизмъ опадалъ, самъ раздавленный тяжестью своего могущества. Въ 1681 году была созвана комиссія, чтобы исправить недостатки военной организаціи, слабость которой показали войны съ Польшей, и тотчасъ же поднялся проектъ о реорганизаціи всей центральной администраціи, какъ и провинціальныхъ управленій, на феодальномъ основаніи. Поднимался вопросъ создать извѣстное количество мѣстничествъ въ провинціяхъ, изъ которыхъ тогда состояло Московское государство, въ Новгородѣ, Псковѣ, Твери и Казани. „Высокородные“ бояре несли бы тамъ власть пожизненно, даже, можетъ быть, по наслѣдству. Только противодѣйствіе патріарха Іоакима разрушило эту реформу, основа которой была и въ проектѣ Дмитрія Михайловича.

Понятіе о свободѣ, какъ о раздѣлѣ пирога съ государемъ, оставивъ въ сторонѣ „худородныхъ“ людей, составляло часть семейныхъ традицій. Долгорукіе во всякомъ случаѣ были не прочь отъ этого. Они также по существу ничего не возражали, когда Василій Лукичъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній на шансы на успѣхъ.

— Намъ не удастся эта попытка.

— Неправда, удастся!—горячо возразилъ Голицынъ.

И было рѣшено, что Анна Курляндская будетъ императрицей и что власть ея ограничена, продиктуютъ ей „пункты“ *). Потомъ перешли въ большую дворцовую залу, гдѣ собрались въ нетерпѣніи толпа гражданскихъ, военныхъ и духовныхъ чиновъ. Ягужинскій, сильно оскорбленный верховниками тѣмъ, что не былъ приглашенъ на ихъ собраніе, фрондировалъ и переходилъ отъ группы къ группѣ, но все же былъ готовъ согласиться со взглядами Голицына. Онъ спросилъ Сергѣя Григорьевича Долгорукаго:

— Мнѣ съ міромъ бѣда не убытокъ; долго ли намъ будетъ терпѣть, что намъ головы сѣкутъ? Теперь время думать, чтобы самовластія не было.

Этимъ онъ хотѣлъ показать, что онъ принадлежитъ къ нимъ же. Увидавъ Василія Лукича, онъ подбѣжалъ къ нему съ раскрытымъ сердцемъ:

— Батюшки мои, прибавьте намъ какъ можно воли!

Верховникъ посмотрѣлъ н него сверху внизъ. Ему не хотѣлось посвящать этого выскочку въ дѣло, которое ничуть его не касалось. Онъ отвѣтилъ:

— Объ этомъ уже говорили, но объ этомъ не надо думать.

Вокругъ нихъ обсуждали сдѣланный верховниками выборъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ указывалъ на завѣщаніе Екатерины I, въ которомъ наслѣдницами Петра II были назначены его двѣ тетки, дочери Петра I. Голицынъ повторилъ:

---

*) *Воспоминанія князя Долгорукова,* I, 305, по запискѣ, найденной авторомъ въ бумагахъ своего прадѣда. Подтвержденный въ главныхъ чертахъ свидѣтельствами другихъ современниковъ, разсказъ похожъ на правду.

— Мы не хотимъ этихъ незаконнорожденныхъ!

Оказалось, что никто не хотѣлъ ихъ или, по крайней мѣрѣ, не осмѣливался высказать этого; имя Анны Іоанновны было провозглашено, и уже многіе поспѣшили наружу, чтобы распространить эту великую новость.

— Подождите!—крикнулъ Голицынъ. Такой быстрый способъ дѣйствія не нравился ему. Надо было устроить голосованіе и выставить „пункты“.

Побѣжали за высокими шапками, удалившимися первыми, но могли вернуть только нѣкоторыхъ: Дмитріева-Мамонова, Измайлова и Ягужинскаго. Третье собраніе, такъ же самовольно созванное, какъ два первыхъ, открыло свое засѣданіе. Послѣ долгихъ уговоровъ Остерманъ согласился продиктовать проектъ „пунктовъ“. Онъ не хотѣлъ ничего писать. Потомъ онъ такъ сильно тянулъ, не могъ связать двухъ мыслей или двухъ фразъ, что Василій Лукичъ Долгорукій, нетерпѣливый, въ то же время завидуя роли, которую, казалось, занялъ Голицынъ, наконецъ вмѣшался, самъ сталъ руководить диктовкой.

Это былъ только предварительный проектъ, а по мысли верховниковъ избраніе Анны должно было произойти въ общемъ собраніи, похожемъ на то, которое призвало къ власти Екатерину I. Какъ тогда, не было необходимости созывать его. Въ десять часовъ утра сенатъ, синодъ и военный совѣтъ собрались въ Кремлѣ, и, играя всегда роль предсѣдателя, Голицынъ поставилъ на голосованіе имя герцогини Курляндской. Анна Іоанновна была популярна. Во время частыхъ посѣщеній Петербурга и Москвы она, ища покровителей, нашла себѣ друзей. Избраніе было единогласное. Но на этотъ разъ о „пунктахъ“ не говорили *).

Верховный Совѣтъ занялся ими наединѣ въ закрытомъ засѣданіи, передѣлалъ первоначальный текстъ, прибавилъ новыя требованія, подчиненіе гвардіи исключительно совѣту и слѣдующую формулу: „А буде чего по сему обѣщанію не исполню, то лишена буду короны Россійской“. Настоящая

---

*) Корсаковъ, *Воцареніе имп. Анны Іоанновны,* 1880, стр. 10.

хартія получилась отъ такой работы. Императрица должна обѣщать:

а) стремиться къ распространенію православной вѣры;

б) не вступать въ супружество и не назначать наслѣдника;

в) содержать Верховный Совѣтъ, состоящій изъ восьми лицъ, постановленія котораго необходимы:

1) для объявленія войны;

2) для заключенія мира;

3) для введенія новыхъ налоговъ;

4) для назначенія чиновъ выше полковника;

5) для лишенія жизни, имѣнія или чести у представителей знати;

6) для пожалованія вотчинъ или деревень;

7) для назначенія на придворныя должности русскихъ или иностранцевъ;

8) для расходованія государственныхъ средствъ на личныя нужды.

Это было осуществленіе мечты Голицына, окончательная и конституціонная организація олигархической власти, осуществленная на самомъ дѣлѣ при Петрѣ II двумя Голицыными, четырьмя Долгорукими и только двумя представителями новаго управленія, созданнаго Петромъ I, Головкинымъ и Остерманомъ. Пунктъ 4 точно и буквально воспроизводилъ указъ 2 октября 1727 г., которымъ назначеніе въ арміи было предоставлено Верховному Совѣту *).

Но Остерманъ не участвовалъ въ этой окончательной разработкѣ общаго дѣла. Подчинивъ свое званіе вице-канцлера званію наставника, онъ говорилъ, что не можетъ уже покинуть бренныхъ останковъ своего воспитанника. Когда онъ долженъ былъ подписать документъ со своими товарищами, онъ сдѣлалъ это, сдѣлавъ замѣтки, которыми позже онъ могъ воспользоваться. Ни на минуту не поднимался даже вопросъ предложить хартію на одобреніе сената, синода и военнаго совѣта. Шагъ былъ бы слишкомъ опаснымъ. Къ своему не-

---

*) Филиппов, *Олигархическія стремленія Верховнаго Совѣта*, стр. 11.

счастію, верховники рѣшили поддѣлать его. Въ письмѣ, посланномъ Аннѣ, они указали „пункты", какъ будто единогласно одобренные духовными и свѣтскими чинами. Трое депутатовъ, представлявшихъ три государственныхъ учрежденія, верховный совѣтъ, сенатъ и военный совѣтъ, взялись отвезти въ Митаву это письмо, при чемъ двое изъ нихъ не знали его содержанія. Голицынъ воспротивился тому, чтобы синодъ фигурировалъ въ депутаціи. „Духовенство обезчестило себя, согласившись на восшествіе Екатерины",—говорилъ онъ. Это была вторая грубая ошибка, послѣдствія которой не замедлили обнаружиться.

II.

Враждебность Ѳеофана Прокоповича только усилилась отъ этого. Онъ всегда былъ сторонникомъ неограниченной монархіи, считая религію независимой соціальной силой, но въ борьбѣ съ предразсудками и невѣжествомъ она должна итти рука объ руку съ самодержавіемъ. Противясь, въ согласіи съ Петромъ I, возстановленію патріаршества, соглашаясь довольствоваться организаціей синода, который позволялъ бы ему управлять имъ по-своему, онъ мечталъ о роли духовнаго временщика. При Петрѣ I Стефанъ Яворскій и Ѳеодоръ Яновскій стали ему поперекъ дороги. При Екатеринѣ I два другихъ противника, Ѳеофилъ Лопагинскій, архіепископъ Тверской, и Георгій Дашковъ, архіепископъ Ростовскій, замѣнили первыхъ,—первый—родственникъ Голицыныхъ, второй—Долгорукихъ, первый—воспитанникъ школы малорусской, средневѣковой и польской, второй—воспитанникъ школы русской и ея узкаго формализма. Такихъ два умственныхъ направленія раздѣляли въ Россіи духовный міръ восемнадцатаго столѣтія. При Петрѣ II великорусская партія взяла верхъ надъ синодомъ, а когда синодъ подчинился верховному совѣту, Ѳеофанъ на этомъ ничего не выигралъ. Александровская типографія, гдѣ печатались его сочиненія, была закрыта. Противъ него возобновили прежнія обвиненія въ лицепріятіи, и онъ долженъ былъ уплатить большой штрафъ. Говорили, что онъ произ-

вольно распоряжался съ украшенными драгоцѣнностями иконами. Онъ мечталъ о мести.

За нимъ и отчасти подъ его вліяніемъ группировались недовольные съ перваго момента, большинство епископовъ, а также высшіе пострадавшіе сановники, какъ Ягужинскій, обойденные на первомъ совѣщаніи въ Лефортовскомъ дворцѣ. Выскочка рѣшилъ даже послать въ Митаву эмиссара предупредить Анну, что „пункты", о которыхъ всѣ говорили, не зная ихъ, были выработаны не съ общаго согласія. Петръ Спиридоновичъ Сумароковъ, родственникъ будущаго драматурга, былъ назначенъ для этого. Онъ не могъ исполнить порученія. Василій Лукичъ, все болѣе рѣшавшій выдвинуться впередъ, захотѣлъ войти въ офиціальную депутацію и, сжегши всѣ станціи, наблюдалъ за дорогами. Онъ поймалъ эмиссара, но и самъ въ свою очередь былъ предупрежденъ кучеромъ Рейнгольда Левенвольде, о давнишнихъ отношеніяхъ котораго къ Аннѣ Іоанновнѣ было уже извѣстно. Братъ этого авантюриста, Густавъ, между тѣмъ сдѣлался любовникомъ герцогини Курляндской и служилъ посредникомъ въ этомъ случаѣ. Такимъ образомъ будущая императрица заранѣе знала, что ея власть хотятъ ограничить и что противъ этого есть оппозиція.

Однако, вскорѣ эта оппозиція, кажется, сама раздѣлилась: одни высказывались за поддержку абсолютизма, другіе за ограниченіе, но съ помощью военнаго совѣта и дворянства. Особенно возмущалось мелкое дворянство усиленіемъ власти верховниковъ. Предполагаемая перемѣна обѣщала ему только тиранію меньшинства. Ему уже казалось, что вводятся въ Россіи порядки, подобные тѣмъ, которые были уже введены для ослабленія Швеціи и Польши. Антіохъ Кантемиръ, второй, устроившійся въ Россіи, сынъ молдавскаго господаря, и Василій Никитичъ Татищевъ,—одинъ поэтъ, другой историкъ,—стали во главѣ группы и очень волновались. Казанскій губернаторъ, Волынскій, краснорѣчиво выражалъ общее чувство, когда писалъ Татищеву: „Это будетъ царство десяти" *). Нѣкоторые дессиденты стояли за Евдокію или

*) Соловьевъ, XIX, 251.

герцогиню Мекленбургскую. У Елизаветы были свои приверженцы, которые рѣшились выступить тоже. Манштейнъ говоритъ, что ночью съ 18 на 19 января докторъ царевны, Лестокъ, разбудилъ ее, заставляя заявить о своихъ правахъ. Но она отказалась *). Позже разсказывали, что она въ то время была беременна.

Иностранная дипломатія также сильно волновалась. При первой тревогѣ Вестфаль, датскій посланникъ, отправился къ своему англійскому коллегѣ Уорду за помощью. Надо было какой бы то ни было цѣной устранить Елизавету. „Интересы короля Фридриха IV сильно пострадали бы". Уордъ предложилъ 20.000 рублей; но датчанинъ удовольствовался 3.000 червонцевъ, которые помогли ему только раньше узнать объ избраніи. Вратиславъ, въ союзѣ съ посланниками голштинскимъ и шведскимъ, продолжалъ тѣмъ не менѣе дѣйствовать въ пользу царевны.

Волненіе все увеличивалось. Москва, какъ я сказалъ, была наполнена въ это время провинціальнымъ дворянствомъ. Скоро можно было насчитать до 500 недовольныхъ, собиравшихся на ночныя совѣщанія, разсматривавшихъ проектъ за проектомъ. Лишившись присутствія Василія Лукича, самаго умнаго, если не самаго рѣшительнаго своего члена, верховный совѣтъ терялъ почву въ этой кутерьмѣ. „Пункты" вызывали многочисленныя возраженія. Онъ оправдывался, объяснялъ, почему ихъ нельзя было обсуждать публично. Развѣ не надо, чтобы сначала былъ извѣстенъ отвѣтъ будущей государыни? Онъ соглашался на то, чтобы титулъ „самодержавной государыни" временно остался въ ектеніяхъ и оффиціальныхъ актахъ. Онъ вступилъ на скользкую дорожку компромиссовъ.

Отвѣтъ пришелъ 1-го февраля, съ генераломъ Леонтьевымъ, однимъ изъ депутатовъ, который привезъ и Сумарокова съ кандалами на ногахъ. Разсказываютъ, что Василій Лукичъ избилъ несчастнаго посланнаго **). Анна, видимо, соглашалась. Ея отвѣтъ заранѣе былъ составленъ Василіемъ Лукичемъ въ выраженіяхъ, которыя позволяли предполагать,

---

*) Манштейнъ, *Мемуары,* стр. 48.

**) Щербатовъ, *Сочиненія,* II, 185.

что государыня сама ставитъ себѣ ограниченія, сочиненныя верховниками. Чтеніе происходило на другой день въ собраніи, на которомъ на этотъ разъ потребовали удаленія иностранцевъ. Въ данный моментъ они составляли пятую часть высшихъ чиновъ гражданской службы, треть въ арміи и двѣ трети во флотѣ *).

Мертвое молчаніе встрѣтило сообщеніе, по свидѣтельству Прокоповича. „Слушатели опустили уши, какъ бѣдные ослики". Желая сдѣлать видъ, что они сами удивлены содержаніемъ императорскаго письма, и понимая, что имъ никто не вѣритъ, верховники растерялись и сконфузились. Одинъ Голицынъ старался придать себѣ свободный видъ, громко кашлялъ и повторялъ: „Видите-де, какъ милостива государыня!" Такъ какъ никто не говорилъ ни слова, онъ наконецъ, вышелъ изъ терпѣнія.

— Что вы, нѣмые что ли!

Раздался одинъ голосъ:

— Не вѣдаю, да и весьма чуждуся, отчего на мысль государынѣ пришло такъ писать.

Не этого ожидалъ Дмитрій Михайловичъ. Вмѣсто сочувственныхъ возгласовъ онъ вызвалъ споръ о самомъ деликатномъ пунктѣ вопроса. Къ счастію спрашивавшій не нашелъ поддержки, и тотчасъ же, такъ какъ молчаніе продолжалось, рѣшили подписать протоколъ собранія. Это было равносильно согласію. Никто не протестовалъ, когда Ѳеофанъ Прокоповичъ первымъ подалъ примѣръ послушанія. Было собрано пятьсотъ подписей **). Но, давая свою подпись, князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій попросилъ, чтобы ему было позволено, какъ и большому числу его друзей, выразить свое мнѣніе о новомъ устройствѣ государства. Новая дверь, открытая для споровъ. Все еще неоправившіеся, верховники не осмѣлились закрыть ее, и въ нее ворвалась поднявшаяся волна возстанія, которая унесла ихъ твореніе. Какъ бы стыдясь своей слабости и желая загладить ее рѣшительнымъ поступкомъ,

---

*) *Ежегодникъ военнаго совѣта* за 1730 г. *Воспоминанія князя Долгорукаго,* I, 307.

**) Соловьевъ, *Исторія Россіи,* XIX, 253.

они въ то же время приказали арестовать Ягужинскаго. Эта мѣра могла только раздражить оппозицію. Послѣдняя вполнѣ понимала, что совѣтъ падаетъ, самъ раздираемый тайными несогласіями. Голицыны тянули въ одну сторону, Долгорукіе—въ другую. Воспользовавшись отсутствіемъ Василія Лукича, Дмитрій Михайловичъ старался поставить на мѣсто соперничующую семью. Когда Елизавета обратилась къ совѣту, желая узнать, не по его ли приказу Иванъ Долгорукій велѣлъ снять почетную стражу, исчезновеніе которой она замѣтила передъ своимъ домомъ, послѣдовалъ отвѣтъ: „нѣтъ; и если князь Иванъ пошлетъ къ вамъ съ подобными распоряженіями, можете велѣть избить посланныхъ, а если онъ явится самъ, вы можете плюнуть ему въ лицо" *). Несогласія возникали между совѣтниками по поводу всѣхъ принимаемыхъ мѣръ. Надо ли опубликовать „пункты" сейчасъ или подождать пріѣзда императрицы? Спрошенный Остерманъ заставилъ принять второе рѣшеніе. Верховники согласились сообщить государынѣ, что новый режимъ послужилъ поводомъ ко всеобщему энтузіазму. Они больше не стѣснялись лгать.

Но проекты, противоположные конституціонной реформѣ, объявленные княземъ Черкасскимъ, начали пріобрѣтать вліяніе. Съ 5 по 10 февраля въ совѣтѣ ихъ получили цѣлыхъ восемь. Циркулировало гораздо больше. До насъ сохранилось двѣнадцать съ 1.100 подписями **). Подписи принадлежали всѣмъ категоріямъ дворянства, выражалось общее желаніе расширить реформу, сглаживая противорѣчивыя редакціи. Принималось ограниченіе самодержавія, но олигархія была замѣнена „общенародіемъ". Это означало всѣхъ дворянъ, не исключая „худородныхъ". Въ самыхъ главныхъ чертахъ всѣ были согласны, распростарняя ихъ далеко,—напримѣръ, до выборнаго начала всѣхъ чиновниковъ, которое Петръ I ограничивалъ въ высшихъ ступеняхъ. На москов-

---

*) Мардефельдъ, 16 февраля 1730 г. Тайные берлинскіе архивы. Донесеніе не было опубликовано въ Сборникѣ.

**) Корсаковъ, *Воцареніе имп. Анны Іоанновны*, стр. 147; Михайловъ, *Историческіе документы*, 1873, стр. I и сл. Этотъ малоизвѣстный сборникъ содержитъ по этому поводу драгоцѣнныя свѣдѣнія.

скихъ улицахъ разговаривали только объ англійской конституціи, о парламентаризмѣ, даже о республикѣ. Одинъ князь просилъ у одного иностраннаго посланника свѣдѣній о конституціи Женевской республики *).

Скорое крушеніе этого безпорядочнаго предпріятія предвѣщало уже то, что между его членами совсѣмъ не было согласія о подробностяхъ. Отъ имени мелкаго дворянства, хотя подъ прикрытіемъ Черкасскаго, Татищевъ составилъ проектъ, просто уничтожавшій верховный совѣтъ и замѣнявшій его палатой изъ ста членовъ. Онъ собралъ 249 подписей. Но большинство, подъ вліяніемъ съ одной стороны аристократическихъ тенденцій, а съ другой стороны—хаоса конституціонныхъ и парламентскихъ идей, отклонило такое простое рѣшеніе. Оно выразило свои мнѣнія и пожеланія въ трехъ другихъ проектахъ, выработанныхъ Секутовымъ, Грековымъ и Алабердіевымъ, которые собрали отъ 743 до 840 подписей. Цифры не точны. Въ лихорадкѣ, охватившей всѣхъ, многіе нѣсколько разъ подписывали одинъ и тотъ же проектъ, а другіе соглашались на различные проекты. Главные пункты проекта Секутова были слѣдующіе:

1. Императрица безконтрольно распоряжается только своимъ дворомъ, содержаніе котораго опредѣлено;

2. Исполнительная власть принадлежитъ верховному совѣту, который рѣшаетъ вопросы о войнѣ и мирѣ, назначаетъ на всѣ должности, распоряжается арміей и осуществляетъ финансовый контроль;

3. Сенатъ изъ 33 членовъ занимается предварительнымъ просмотромъ дѣлъ, подаваемыхъ верховному совѣту. Дворянская палата, состоящая изъ 200 депутатовъ, и палата избранныхъ депутатовъ отъ городовъ, съ неопредѣленнымъ числомъ депутатовъ, должны защищать интересы обоихъ сословій и простого народа.

Здѣсь было расширеніе „пунктовъ", но также и уступка олигархической партіи, слѣдовательно, основаніе трактата соглашенія. Дмитрій Голицынъ думалъ подыскать другое. приготовилъ формулу присяги изъ 16 параграфовъ, которую

*) Мардефельдъ, 20 февраля 1730 г. Тайные берлинскіе архивы.

должны подать государынѣ. Онъ соглашался на вступленіе въ совѣтъ еще четырехъ членовъ. *Въ исключительныхъ случаяхъ* призываются сенатъ, военный совѣтъ и даже дворянство. Чтобы привлечь на свою сторону духовенство, онъ уничтожалъ коллегію, завѣдующую церковными имуществами, и это дѣло предоставилъ епархіямъ и монастырямъ. Еще онъ льстилъ дворянству обѣщаніемъ, что изъ его рядовъ больше не будутъ брать ни солдатъ, ни матросовъ, что имъ будутъ предоставлены исключительно гражданскія и военныя должности. Никакого слѣда отъ этого документа не сохранилось въ протоколахъ засѣданій верховнаго совѣта. Мы знаемъ о немъ только изъ донесеній иностранныхъ посланниковъ, очень смутныхъ и противорѣчивыхъ; предполагаютъ, что онъ соотвѣтствовалъ одному проекту конституціонной реформы, заранѣе приготовленному Голицынымъ съ помощью Фика, сотрудника Петра I, бывшаго теперь вице-президентомъ коммерческой коллегіи *). Уступки, содержавшіяся въ немъ, теперь были недостаточны. Дворянство закусило удила, а верховники только потакали ему своими слабыми дѣйствіями. Чтобы обезоружить Головкина, который въ самой средѣ совѣта устроилъ центръ оппозиціи, они рѣшили выпустить на свободу Ягужинскаго, вернуть его къ прежней должности. Заключенный отказался. „Вы меня загрязнили; вы не можете вымыть меня". Онъ ждалъ пріѣзда императрицы, того же ждало и дворянство, надѣясь, что она разрѣшитъ споръ, въ которомъ совѣтъ, казалось, все больше и больше терялъ надежду на побѣду.

III.

Анна была подъ Москвой, во Всесвятскомъ, 10 (21) февраля 1730 г. Она явилась съ тѣмъ болѣе враждебнымъ на-

---

*) Hjarne, Ryska Konstitutions project ar 1730, *Historik Tisdkrift*, 1884. Ср. Милюковъ, *Опыты конституціонной реформы при восшествіи на престолъ Анны I*, 1894 (напечатано въ „Русской Мысли").

строеніемъ къ совѣту, что Василій Лукичъ не согласился позволить, чтобы человѣкъ, съ которымъ она уже нѣсколько лѣтъ дѣлила жизнь въ Курляндіи, Биронъ, послѣдовалъ за ней въ Россію. Однако, она привезла съ собой всю семью фаворита, показывая этимъ, что она разсчитываетъ въ скоромъ времени призвать къ себѣ и его самого. По одной версіи раньше нея въ столицу прибылъ родственникъ Левенвольде, Корфъ, которому было поручено дѣйствовать въ пользу самодержавія, столковавшись по этому поводу съ Ягужинскимъ. Вскорѣ этотъ посланный впалъ въ немилость за то, что „слишкомъ много расчитывалъ на оказанныя услуги и на свою красоту... въ ту минуту, когда не было недостатка въ увеселеніяхъ государыни“ *). Похороны Петра, отложенныя до этого времени, были назначены на 11-е. При установленіи кортежа въ Лефортовскомъ дворцѣ произошла долгая задержка, такъ какъ невѣста покойнаго требовала себѣ мѣсто среди членовъ императорской фамиліи. Она и ея родственники добились только брани, и въ концѣ концовъ она осталась дома.

Изъ оконъ дворца Шереметьевыхъ другая невѣста, высотой своей нравственной красоты поднявшая плохую репутацію своего семейства, смотрѣла на этотъ кортежъ, уносившій ея счастье. Предшествуя гробу, неся на бархатной подушкѣ регаліи покойника, всемогущій фаворитъ наканунѣ, еще великій канцлеръ нынѣ, а завтра? шелъ Иванъ Долгорукій, блѣдный, разстроенный и какъ бы самъ погребенный въ длинномъ крепѣ, спадавшемъ со шляпы до земли. И Наталія Шереметьева вздрогнула, увидавъ его въ такомъ мрачномъ видѣ. Онъ поднялъ глаза, и ихъ мысли несомнѣнно слились въ общей тоскѣ. Что будетъ завтра **).

Во Всесвятскомъ первымъ дѣйствіемъ Анны было нарушеніе конституціоннаго обязательства, только-что принятаго ею. Сюда были присланы часть Преображенскаго полка и часть полка конныхъ гренадеровъ. Она хорошо ихъ приняла, налила всѣмъ по стакану водки и объявила себя полковни-

*) Ла-Шетарди, 3 (14) іюня 1740, Иностр. Дѣла, Россія.

**) Кн. Долгоруковъ, *Записки*, *Русскій Архивъ*, 1867 г.

комъ полка и капитаномъ арміи. Верховный совѣтъ, явившійся въ свою очередь, былъ принятъ вѣжливо, но очень холодно. Головкинъ поднесъ государынѣ орденъ Андрея Первозваннаго. „Правда,—сказала она,—я забыла надѣть его". И она дала надѣть его на себя одному лицу изъ своей свиты, чтобы показать, что она получаетъ его не отъ совѣта.

15 февраля состоялось торжественное вступленіе царицы въ столицу, а черезъ пять дней принесеніе присяги въ Успенскомъ соборѣ и въ четырнадцати другихъ церквахъ. Въ послѣдній моментъ совѣтъ рѣшилъ удалить изъ формулы присяги всѣ спорные пункты, ограничившись легкимъ измѣненіемъ обычнаго текста: присягали въ вѣрности „ея императорскому величеству Аннѣ Іоанновнѣ и *отечеству*". Но разнесся слухъ, что верховники добавили собственное свое имя къ имени государыни, и Ѳеофанъ Прокоповичъ отказался явиться въ соборъ прежде, чѣмъ познакомится съ новой редакціей. Напрасно ему говорили, что совѣтъ ждетъ его. Къ несчастію для него, заупрямившись, онъ остался одинъ. Обезпокоившіеся епископы покидали его одинъ за другимъ, и онъ въ бѣшенствѣ долженъ былъ послѣдовать за ними. По крайней мѣрѣ онъ настоялъ, чтобы текстъ присяги предварительно былъ прочитанъ съ амвона. Всѣ удивились, не найдя тамъ ничего, чего ожидали, и разсказывали, что Василій Лукичъ просилъ согласія преображенцевъ на внесеніе желаемаго нововведенія, но тѣ сказали ему: „Мы тебѣ кости переломаемъ, если ты посмѣешь это сдѣлать!" Сконфуженный Прокоповичъ не рѣшился произнести проповѣдь, приготовленную имъ, съ намекомъ на текущія событія.

Черезъ два дня верховники сдѣлали еще одинъ шагъ по пути уступокъ. Проектъ, предоставлявшій имъ всю власть, собралъ, во главѣ съ генераломъ Матюшкинымъ, только 25 подписей. Они чувствовали себя выбитыми изъ колеи. Они вели переговоры съ офицерами гвардіи, то обѣщая замѣстить открывшіяся въ совѣтѣ вакансіи лицами, взятыми изъ рядовъ мелкаго дворянства, то обѣщая дать ему право назначать депутатовъ для защиты общественныхъ интересовъ. Но на сцену уже всходили два новыхъ дѣйствующихъ лица,

роль которыхъ сначала казалась рѣшающей въ развитіи драмы.

Остерманъ съ избранія Анны Іоанновны не выходилъ изъ комнаты, обложенный пластырями, и распускалъ самые тревожные слухи о своемъ здоровьѣ. Но въ ходѣ событій начинала чувствоваться его рука. Верховники знали, что онъ ведетъ дѣятельную переписку съ главными руководителями оппозиціи и съ самой царицей. Однихъ онъ убѣждалъ, что самое лучшее для нихъ просить государыню лично осуществить желаемыя реформы; второй онъ намекалъ, что, какъ дочь старшаго брата Петра I, она имѣетъ право на наслѣдіе безо всякаго выбора, и, слѣдовательно, безо всякихъ условій.

Мысль удалить верховниковъ шла своимъ путемъ, и Анна шла ей навстрѣчу. Василій Лукичъ, вернувшійся изъ Митавы съ нею, на самомъ дѣлѣ держалъ ее въ своихъ рукахъ, и такой режимъ соблазнялъ нѣкоторыхъ, проникнутыхъ конституціоннымъ или республиканскимъ идеаломъ. Въ перепискѣ съ Волынскимъ бригадиръ Козловъ наивно восхищался имъ. Государыня не могла взять табакерку,—говорилъ онъ,—безъ позволенія совѣта. Ей дали сто тысячъ рублей въ годъ, а такъ какъ раньше она имѣла только шестьдесятъ тысячъ, то она должна быть довольна. При малѣйшей непріятности она рисковала быть отосланной въ Курляндію. Впрочемъ, если ее посадили на тронъ, то это только временно, однимъ словомъ, чтобы помазать по губамъ *). Входъ въ аппартаменты императрицы былъ строго воспрещенъ всѣмъ предполагаемымъ противникамъ. Но Василій Лукичъ не достаточно наблюдалъ за женщинами, приближенными къ императрицѣ. Сильная, смѣлая, полная жизни и веселія, незаботящаяся о послѣдствіяхъ—нѣмцы прозвали ее „die vilde Herzogin“—герцогиня Мекленбургская проповѣдывала сопротивленіе и занималась организаціей его. Черезъ нее, черезъ ея младшую сестру, Прасковію, черезъ ея двоюродную сестру, Головкину, черезъ Наталію Лопухину, любовницу Рейнгольда Левенвольде, а еще другихъ, какъ госпожъ Остерманъ, Ягужинская,

---

*) Костомаровъ, *Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей,* 1888, II, 134.

Салтыкова и княгиня Черкасская, Анна Іоанновна сообщалась съ внѣшнимъ міромъ и могла получать оттуда совѣты и внушенія. Прокоповичъ переслалъ ей записку, спрятанную въ художественно сдѣланныхъ часахъ. Маленькій Биронъ, котораго каждый день носили къ царицѣ, служилъ почтовымъ ящикомъ. Письма прятали въ платьѣ ребенка.

Черезъ мѣсяцъ императрица колебалась только, какой моментъ выбрать, чтобы кончить то, что она начала во Всесвятскомъ. Левенвольде отвѣчалъ за гвардію, въ которой князь Кантемиръ полагалъ ему настроить умы въ пользу самодержавія. Поэтъ потерялъ родовое имѣніе въ дѣлѣ, возбужденномъ противъ Дмитрія Голицына. Въ одной изъ своихъ сатиръ, онъ вывелъ Ивана Долгорукаго, „человѣка, воспитаннаго среди псарей", что его поссорило съ семьей Долгорукихъ. Наконецъ, онъ былъ влюбленъ въ княжну Черкасскую, дочь одного изъ вождей оппозиціи. Преображенцы обрабатывались тоже въ томъ же смыслѣ графомъ Феодоромъ Андреевичемъ Матвѣевымъ, послѣднимъ въ родѣ, большимъ негодяемъ, который поссорился съ герцогомъ Лиріа, получилъ законное наказаніе, чѣмъ былъ обязанъ Долгорукимъ. Надо было только умѣло воспользоваться добрыми пожеланіями, энтузіазмомъ и ненавистью, которыя всѣ были на сторонѣ государыни.

Сначала время коронаціи казалось ей самымъ подходящимъ для государственнаго переворота, для котораго все было уже готово. Посланіе вице-канцлера заставило ее перемѣнить намѣреніе. 23 февраля въ домѣ князя И. Ф. Барятинскаго броженіе въ средѣ арміи выразилось въ петиціи, которую нѣкоторое количество офицеровъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими дворянами, рѣшили поднести царицѣ, чтобы она, ничего не дожидаясь, пожелала принять самодержавную власть. Татищевъ, присутствовавшій здѣсь, былъ посланъ на другое собраніе, происходившее въ то же время у Черкасскаго, чтобы предупредить его объ этой резолюціи и попросить его поддержки. Возмущенный противъ Долгорукихъ за обиду, нанесенную ими его родственнику Трубецкому, Черкасскій увидѣлъ здѣсь случай для мести и, послѣ нѣкотораго колебанія, далъ свое согласіе, добившись и согласія своихъ друзей. Среди ночи отправились собирать подписи въ казармы и

набрали ихъ 260. Движеніе, за исключеніемъ группы Черкасскаго, происходило только въ военной средѣ, но грозило захватить и дворянство *). Верховники увидѣли необходимость дѣйствовать какимъ-нибудь рѣшительнымъ способомъ, а на другой день Остерманъ узналъ, что онъ будетъ арестованъ вмѣстѣ съ Черкасскимъ, Барятинскимъ, Головинымъ и нѣкоторыми другими убѣжденными сторонниками самодержавія. Онъ поспѣшилъ предупредить Анну, которая со своей стороны рѣшила, что насталъ часъ дѣйствовать. Такимъ образомъ былъ подготовленъ знаменитый день 25 февраля 1730 г.

IV.

Свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о подробностяхъ его, довольно смутны, такъ какъ личные свидѣтели его въ своихъ донесеніяхъ противорѣчатъ другъ другу. Постараюсь намѣтить вѣроятный ходъ и наиболѣе очевидный смыслъ событій. Послѣ резолюцій, принятыхъ на упомянутыхъ собраніяхъ, Анна Іоанновна ожидала, что въ этотъ же день она увидитъ, въ самомъ центрѣ дворца, сторонниковъ самодержавія и верховниковъ,—одни придутъ со своей петиціей, которую она готова была принять, а другіе постараются воспротивиться предполагаемымъ арестамъ. Она, слѣдовательно, приняла свои мѣры. По распоряженію самого Василія Лукича стража во дворцѣ была удвоена; но кому будетъ повиноваться эта стража? Ея непосредственнымъ начальникомъ былъ пруссакъ по имени Альбрехтъ. Анна позвала его, обласкала и предупредила, что въ скоромъ времени въ верховномъ командованіи произойдетъ перемѣна. Нѣмецъ поклонился, и она не безъ основанія считала себя обезпеченной съ его стороны **). Но ее ожидали другія непріятности.

На самомъ дѣлѣ Черкасскій созывалъ своихъ друзей на 25 февраля въ 10 часовъ утра, посовѣтовавъ имъ явиться во дворецъ поодиночкѣ. Большинство изъ нихъ провели ночи

*) Мардефельдъ, 6 марта 1730 г. Секретные берлинскіе архивы.
**) Онъ же, 9 марта 1730 г., ibid.

внѣ дома изъ боязни быть арестованными *). Самъ онъ, если вѣрить нѣкоторымъ свидѣтелямъ, сначала по той же причинѣ не приходилъ на свиданіе. Около ста пятидесяти дворянъ—другіе говорятъ о восьмистахъ—были въ сборѣ и для начала потребовали аудіенціи у верховнаго совѣта, засѣдавшаго въ этотъ моментъ. Этого не было въ программѣ. Но съ третьяго дня произошли колебанія и раздѣленіе мнѣній, такъ что предполагавшіяся репрессивныя мѣры смутили многихъ и уменьшили храбрость. Теперь уже и не было вопроса итти прямо противъ верховниковъ. Введенные въ высокое собраніе, жалобщики ограничились тѣмъ, что выразили свое сожалѣніе, что до сихъ поръ пожеланія дворянства мало принимаются во вниманіе, а также желали быть выслушанными по этому поводу ея величествомъ. Такимъ образомъ совѣтъ и на этотъ разъ могъ сразу прекратить попытку, шедшую такими окольными путями. Онъ не посмѣлъ. Право подачи прошеній сильно укоренилось въ мѣстныхъ обычаяхъ. Можетъ быть, и Анна энергично выразила желаніе принять тѣхъ, кто обращался къ ней.

Но она тотчасъ же испытала глубокое разочарованіе. Поданная Черкасскимъ, который рѣшилъ присоединиться къ товарищамъ, простившись съ женой, какъ будто онъ шелъ на смерть, петиція была покрыта всего 87 подписями и ни единымъ словомъ не говорила о возстановленіи самодержавія. Съ критикой „пунктовъ“, которая была недостаточно ясна, и съ намекомъ на другіе проекты конституціонной реформы, недостаточно оцѣненные верховниками, она содержала только просьбу, чтобы государыня позволила дворянству созвать собраніе, на которомъ каждая фамилія имѣла бы двухъ представителей и на которомъ были бы установлены основы новаго правленія.

Анна едва сдержала выраженіе досады. Значитъ, ее обманули! Эти люди, говорившіе о конституціи и новомъ правленіи, были не тѣ, которыхъ она ждала. Только нѣкото-

---

*) Лонгиновъ, *Военный совѣтъ въ началѣ 1730 г.*, *Восемнадцатый вѣкъ*, III, 161—177.

рые гвардейскіе офицеры, участвовавшіе въ группѣ, выражали то, что должна была выражать вся депутація. Василій Лукичъ считалъ, что дѣло выиграно, и, повернувшись къ Черкасскому, гордо спросилъ:

— Кто васъ въ законодатели произвелъ?

Но это вмѣшательство сразу измѣнило ходъ событій. Спрошенный въ упоръ, чувствовавшій, что онъ погибъ, если отступитъ, вопрошаемый прямо пошелъ навстрѣчу опасности. Громкимъ голосомъ онъ отвѣтилъ:

— Вы сами, заставивъ императрицу повѣрить, что „пункты“ были общимъ нашимъ дѣломъ, тогда какъ мы не имѣли къ нимъ никакого отношенія.

Фатальное слово было произнесено, споръ былъ перенесенъ на почву, очень опасную для Василія Лукича и его товарищей. Онъ попробовалъ выиграть время. По обыкновенію императрица должна была посовѣтоваться со своимъ совѣтомъ о поданномъ ей прошеніи. Итакъ, верховникъ заявилъ, что аудіенція кончена. Анна не знала, на что рѣшиться, когда вмѣшалась герцогиня Мекленбургская. Инстинктъ подсказалъ ей, какой выборъ сдѣлать между этими жалобщиками, которые ясно не понимали, чего они хотятъ, и верховнымъ совѣтомъ, желаніе и сила котораго были извѣстны. Наклонясь къ уху своей сестры, она сказала: „Нечего тутъ думать, государыня. Извольте подписать, а тамъ видно будетъ“. Такъ какъ та еще колебалась, она повторила: „Подписывайте; я отвѣчаю за послѣдствія“ *). Анна внизу листа написала торжественныя слова: „быть по сему“, и тотчасъ на нее какъ бы нашло геніальное вдохновеніе, такъ какъ она заявила, чтобы дворянство, которому по его желанію дозволено обсудить форму будущаго правленія, представило *въ этотъ же день* результатъ своего совѣщанія.

Ограничить такимъ короткимъ срокомъ совѣщанія этихъ новичковъ въ политикѣ было лучшимъ средствомъ заставить ихъ отказаться отъ всего. Употребивъ нѣсколько недѣль на

*) Сборникъ, V, 369.

безцѣльные разговоры, что они могли сдѣлать въ нѣсколько часовъ? Имъ не дали даже возможности повидаться со своими родственниками, отъ которыхъ они не получили никакихъ полномочій. Они должны были собраться на совѣщаніе въ сосѣдней залѣ и сейчасъ же, такъ какъ выходы изъ дворца будутъ закрыты до разрѣшенія кризиса. И когда они уходили, расколъ произошелъ въ собственныхъ ихъ рядахъ и возгорѣлся споръ, казалось, предрѣшавшій исходъ вопроса. Изъ дворца выйти было нельзя, а входить можно, и присутствовавшіе на аудіенціи гвардейскіе офицеры видѣли, что число ихъ увеличивается. Вдругъ они подняли сильный шумъ: „Мы не позволимъ, чтобы диктовали законы нашей государынѣ!“ Анна сдѣлала видъ, что хочетъ заставить ихъ замолчать, но они закричали еще громче: „Мы ваши рабы, но мы не можемъ терпѣть, чтобы васъ притѣсняли. Скажите слово, и мы бросимъ ихъ головы къ вашимъ ногамъ“.

Радость засвѣтилась въ глазахъ дочери Ивана. Она посмотрѣла на своихъ совѣтниковъ, какъ бы ища у нихъ защиты. Блѣдные и дрожавшіе, они, казалось, сознавали свое безсиліе успокоить эту бурю. Тогда она рѣшилась. „Я не вижу себя въ безопасности“, сказала она. Потомъ, сдѣлавъ знакъ капитану Альбрехту, добавила: „Повинуйтесь только Семену Андреевичу Салтыкову“. Одимъ словомъ она смела совѣтъ, вырвавъ изъ его ослабѣвшихъ рукъ прочный элементъ власти, военную силу. Но въ то же время, чисто женскимъ маневровъ, она граціозно пригласила верховниковъ отобѣдать съ нею и ушла, увозя ихъ за собою, какъ плѣнниковъ и оставивъ дворянъ глазъ-на-глазъ съ гвардейцами.

Совѣщаніе, на которомъ долженъ былъ предсѣдательствовать Черкасскій, при такихъ обстоятельствахъ могло быть толко чисто формальнымъ. Изъ залы, гдѣ ихъ заперли и куда офицеры отказались слѣдовать за ними, онъ и его друзья слышали пе прекращавшіеся возгласы: „Смерть крамольникамъ! Да здравствуетъ самодержавная царица! На куски разрѣжемъ того, кто не дастъ ей этого титула!“ Левенвольде и Кантемиръ хорошо поработали. Первымъ заговорилъ князь Юсуповъ и сказалъ, что благожелательное отношеніе, вы-

казанное ея величествомъ къ общимъ пожеланіямъ, требуетъ выраженія благодарности. Убѣжденный абсолютистъ, Чернышевъ, подхватилъ: „Самое приличное выраженіе благодарности было бы просить государыню принять неограниченную власть“. Никто не протестовалъ, и оказалось, что Кантемиръ заранѣе составилъ проектъ адреса въ этомъ смыслѣ. Изъ остатка честности нѣкоторые дворяне предложили прибавить къ нему слѣдующія пожеланія: замѣну верховнаго совѣта правительствующимъ сенатомъ, „какъ при Петрѣ I“; право для дворянства выбирать членовъ для этого собранія, также президентовъ коллегій и губернаторовъ. Это ничего не значило, такъ какъ самодержавіе исключаетъ всякое соглашеніе подобнаго рода между государемъ и его подданными, и они хорошо это знали; но этимъ они хотѣли замаскировать капитуляцію, которой они стыдились. Это подписали 160 человѣкъ.

Когда они покончили, въ три часа пополудни, ихъ заставили отнести свое рѣшеніе верховному совѣту, который номинально еще функціонировалъ. Анна Іоанновна хотѣла разыграть комедію до конца, и у нея было время приготовиться ко всякой неожиданности. Подъ командой Салтыкова весь дворецъ былъ превращенъ въ тюрьму. Верховники молча выслушали чтеніе этого документа, который для нихъ имѣлъ значеніе приговора съ ужасными послѣдствіями. Былъ моментъ нерѣшительности и муки; но канцлеръ Головкинъ положилъ этому конецъ, высказавшись за его принятіе. Тотчасъ, словно громъ, раздались крики: „Да здравствуетъ самодержавная царица!“ Тогда, поднявшись, Дмитрій Голицынъ и Василій Долгорукій просто сказали: „Да будетъ воля Провидѣнія!“

И торжественно отправились къ государынѣ. Она снова сдѣлала удивленный видъ.

— Такъ, значитъ, ты на самомъ дѣлѣ обманулъ меня, Василій Лукичъ?—Она сдѣлала видъ, что хочетъ знать мнѣніе совѣтниковъ. Они ограничились тѣмъ, что опустили головы, ничего не отвѣчая. Въ 4 часа одинъ изъ секретарей совѣта, Масловъ, получилъ приказаніе принести „пункты“, а

также письмо, въ которомъ Анна выражала, что она принимаетъ ихъ. Она тутъ же разорвала оба документа. Въ теченіе ста пятидесяти лѣтъ думали, что клочки ихъ пропали и что ничего не осталось отъ этой первой русской хартіи. Она существуетъ, скрытая отъ нескромныхъ взглядовъ въ пыли архивовъ; булавка скалываетъ обрывки пергамента. Но обладаніе копіей съ ней, до настоящаго времени, считалось государственнымъ преступленіемъ, и высшіе сановники, какъ вице-президентъ коммерческой коллегіи Фикъ, адмиралъ Сиверсъ, поплатились за это ссылкою въ Сибирь *).

V.

„Трапеза была уготована,—печально сказалъ Дмитрій Голицынъ, покидая дворецъ,—но приглашенные оказались недостойными сѣсть за нее“. Мардефельдъ придвидѣлъ это. Отъ 12 февраля онъ писалъ: „Русскіе вообще очень стремятся къ свободѣ, но, если они и говорятъ о ней много, они не знаютъ ея и не сумѣютъ ею воспользоваться“ **). Черезъ десять дней онъ увѣрялъ, что императрица удержитъ въ своихъ рукахъ самодержавную власть, если только она сумѣетъ воспользоваться ея преимуществами ***).

Голицынъ несетъ тяжелую долю отвѣтственности за эту печальную неудачу. Предложивъ совѣту свой проектъ конституціонной реформы, онъ ничего не сдѣлалъ, чтобы заручиться для него необходимой поддержкой извнѣ. Со свойственной ему горячностью и вельможной самоувѣренностью, онъ шелъ впередъ, не обращая вниманія на окружающее, наперекоръ духовенству, дворянству, арміи, возбуждая даже между со-

---

*) Дитятинъ, *Статьи по исторіи русскаго права,* 1895, стр. 591 и сл. Для разсказа объ этомъ днѣ я пользовался: Корсаковъ, *Восшествіе имп. Анны Іоанновны;* перепиской Мардефельда, Лиріа и шведскихъ посланниковъ, Дитмера и Моріана; статьями въ *Историческомъ Вѣстникѣ,* 1730, т. LXXXVIII, стр. 430, и *Europcische tama,* 1730, № 326.

**) Сборникъ, XV, 413.

***) 21 февраля 1730 г. Донесеніе не опубликовано въ Сборникѣ.

трудниками неудовольствіе своей рѣзкостью и таинственностью, которой окуталъ свою дѣятельность. Большинство не знало до конца, куда и какими дорогами онъ собирается вести ихъ. Василій Лукичъ слѣдовалъ за нимъ, стараясь опередить его. Никто на самомъ дѣлѣ не признавалъ его за главу. Его планъ, видимо, внушенъ былъ главнымъ образомъ дѣйствіями шведскаго сейма 1719—1720 гг. при вступленіи на престолъ королевы Ульрики-Леоноры. Онъ хотѣлъ предоставить людямъ своего лагеря и верховному совѣту роль, которую аристократическая партія тамъ передала аристократіи и государственному совѣту. Понятно, онъ оставлялъ въ Россіи въ сторонѣ два класса, духовенство и крестьянъ, которымъ въ Швеціи исторія отводитъ значительное мѣсто. Однако, онъ предвидитъ уменьшеніе налоговъ въ пользу земледѣльцевъ; итти дальше, по его мнѣнію, не позволяло состояніе страны. Съ такимъ заключеніемъ этотъ планъ не былъ исключительно олигархическимъ. По крайней мѣрѣ по мысли Голицына всѣ приглашались на приготовленное имъ пиршество, и верховники сидѣли вверху стола только затѣмъ, чтобы играть роль распорядителей. Онъ впослѣдствіи приводилъ въ свое оправданіе то соображеніе, что, соглашаясь на возобновленіе неограниченнаго самодержавія, дворянство достигало только замѣны „правленія десяти семей" правительствомъ трехъ или четырехъ проходимцевъ-иностранцевъ.

Это дворянство выказало слишкомъ большую поспѣшность, требуя своей доли въ завоеваніи свободы и больше аппетита, чѣмъ были способны переварить. У него не было также главы и ясности во взглядахъ. Проекты, исходившіе изъ группъ, организованныхъ чисто семейнымъ образомъ, главнымъ образомъ выражали чисто индивидуальныя чувства, которыя едва согласовались между собою. Шутъ царицы Прасковіи, Тихонъ Архипычъ, говорилъ: „Намъ, русскимъ, хлѣбушка не надо; мы другъ друга ѣдимъ". И въ дѣлѣ тѣ и другіе шли тоже на-авось. Они не были подготовлены къ такой инціативѣ. Они въ первый разъ пришли къ смутному сознанію солидарности интересовъ, существующей у нихъ, и даже общаго, какъ корпорація, существованія. И въ эту корпорацію, которая только нарождалась для общественной жизни, Петръ

ввелъ столько новыхъ и противорѣчивыхъ элементовъ! Что же удивительнаго, что ихъ безпорядочное броженіе кончилось тѣмъ, что они „остались въ дуракахъ?“

Отъ этого движенія смутныхъ идей и колеблющихся стремленій, какъ отъ разорванной въ клочки хартіи, что-нибудь должно было, однако, остаться и, къ счастію, избѣгнуть пыли архивовъ. Въ организаціи своего управленія, предоставленнаго теперь ей въ руки, Анна должна была соображаться только съ обстоятельствами. Однако, уничтожая верховный совѣтъ и возстанавливая сенатъ въ той формѣ и съ тѣми прерогативами, какія онъ имѣлъ при Петрѣ I, она уже приняла во вниманіе выраженныя дворянствомъ пожеланія, оставивъ только за собой, разумѣется, выборъ сенаторовъ. Нѣсколько позже возвращеніе къ выборной системѣ, введенной Преобразователемъ для замѣщенія военныхъ должностей, возстановленіе его же указа о правахъ на гражданскіе чины, основаніе въ 1731 г. кадетскаго корпуса и, наконецъ, уничтоженіе въ 1730 г. закона о маіоратахъ—составляли уступки въ томъ же смыслѣ.

Правда, при банкротствѣ идеала, увидѣннаго на мгновеніе, дворянство сохранило и развило въ свою пользу крѣпостное право, превратившееся скоро въ ultima ratio его существованія и такъ безжалостно эксплуатируемое. Изъ самыхъ его благородныхъ стремленій и изъ самыхъ великодушныхъ его желаній часть еще ожила на мгновеніе, въ концѣ новаго царствованія, въ фактическихъ проектахъ А. П. Волынскаго, чтобы потерпѣть новое и болѣе ужасное крушеніе. И на этотъ разъ имъ былъ положенъ конецъ надолго, если не навсегда. Въ средѣ этого дворянства, порѣдѣвшаго теперь и униженнаго, низкіе инстинкты рабства, смиренно принятые одной стороной, и дикіе инстинкты тираніи, жестокосердно проявляемые другой, казалось, только существовали одни. Даже память о томъ, чего оно осмѣливалось желать и добиваться въ 1730 году, казалось, исчезла изъ головы и сердца. Требованія, формулированныя въ 1767 году среди законодательной комиссіи, которой Екатерина II прославилась, по своей нравственной цѣнности и политическому значенію намного ниже самаго незначительнаго проекта,

выработаннаго тридцать семь лѣтъ тому назадъ. А когда цѣною угодливости, доходившей до униженія, конституціоналисты 1730 г. добились въ концѣ вѣка освобожденія отъ обязательной службы, лежавшей на нихъ, за эту свободу они заплатили двадцатью милліонами крѣпостныхъ.

Сто лѣтъ спустя послѣ событій 1730 г. солдаты, посланные для усмиренія польскаго возстанія, не могли понять причины этой неравной борьбы. Когда имъ объясняли, что возставшіе борются за свою конституцію, которая была оскорблена, они воображали, что они говорятъ о женѣ великаго князя Константина, намѣстника страны, женившагося на полькѣ. Вотъ къ чему въ такой долгій промежутокъ времени привело въ народной средѣ движеніе идей, которыя агитаторы XVIII вѣка будто бы пропагандировали во всѣхъ классахъ.

Первое время возстановленнаго самодержавія уже возвѣщало все это. Потерпѣвшее пораженіе дворянство и притихшіе члены верховнаго совѣта получили позволеніе поцѣловать руку императрицы, которая въ то же время приказала выпустить изъ тюрьмы Ягужинскаго и привести къ себѣ. Василій Лукичъ долженъ былъ ввести его съ знаками самаго глубокаго почета. Когда открылось засѣданіе, Анна вернула ему шпагу и орденъ Андрея Первозваннаго, объявивъ ему, что она назначаетъ его на постъ главнаго прокурора. Въ тотъ же часъ былъ отправленъ курьеръ въ Митаву. Понятно, съ какимъ порученіемъ. Биронъ не долго ждалъ. Вечеромъ большая иллюминація; но послѣдняя должна была бороться съ сѣвернымъ сіяніемъ исключительной силы, которое, казалось, залило горизонтъ кровью и считалось впослѣдствіи за предзнаменованіе,—кровавая заря начавшагося царствованія.

На самомъ дѣлѣ слѣдующій день былъ мрачнымъ и кровавымъ. Семенъ Андреевичъ Салтыковъ, вчерашній герой, проснулся генералъ-лейтенантомъ, сенаторомъ и маіоромъ Семеновскаго гвардейскаго полка. Въ скоромъ времени чинъ генералъ-аншефа, титулъ гофмейстера двора и помѣстье съ десятью тысячами крѣпостныхъ прибавились къ его наградѣ. Уѣзжая изъ Москвы въ Петербургъ, Анна поручила ему управленіе городомъ и сдѣлала его по этому случаю графомъ.

Онъ занималъ этотъ постъ три года, потомъ былъ сочтенъ Бирономъ еще недостаточно послушнымъ и замѣщенъ княземъ Барятинскимъ, говорившимъ: „Кланяйся пониже, взберешься повыше“. Сначала Голицыныхъ щадили. Дмитрій Михайловичъ удалился въ свое помѣстье Архангельское и жилъ тамъ въ забвеніи до 1737 г. Подталкиваемый Кантемиромъ, Биронъ тогда возобновилъ противъ него старое дѣло о маіоратѣ, болѣе или менѣе несправедливо отнятомъ у поэта. И прежній верховникъ кончилъ свое существованіе въ слѣдующемъ году въ казематѣ Шлиссельбургской крѣпости. Фельдмаршалъ Михаилъ Михайловичъ Голицынъ былъ назначенъ президентомъ военной коллегіи, а его жена, урожденная Куракина, стала придворной статсъ-дамой. Но храбрый воинъ только на нѣсколько мѣсяцевъ пережилъ крушеніе надеждъ, раздѣлявшихся его братомъ, и такимъ образомъ избѣгнулъ зрѣлища близкой опалы, которая ждала другихъ членовъ его семьи и партіи.

Потому что эти два обломка великаго царствованія обязаны были тѣни Петра I, покрывшаго ихъ, что они не раздѣлили судьбу, предназначенную побѣжденнымъ, тогда какъ побѣдители достигли верха величія. Почти всеобщій голосъ требовалъ немедленной мести Долгорукимъ. Нѣмецкая партія пѣла за-одно съ дворянствомъ, чтобы взвалить на нихъ всѣ воображаемыя преступленія. Алексѣй похитилъ царскую корону и не оставилъ въ ней ни одного камня; Иванъ присвоилъ себѣ драгоцѣнное священническое облаченіе изъ Успенскаго собора... Въ свою очередь иностранная пресса подхватила эти обвиненія и еще увеличила ихъ. Europäische Fama, Genealegische Archivarius, Recueil des Gazettes, Staats und gelehrte Zeitung, Reichspost Reiter, Mercure, Gazette d'Utrecht наваливали басню на басню и небылицу на небылицу. Однако, Анну подталкивать было не зачѣмъ! Указомъ 8 апрѣля 1730 года Василій Лукичъ и Михаилъ Владимировичъ ссылались, съ назначеніемъ губернаторами, одинъ въ Сибирь, другой въ Астрахань. Въ то же время Алексѣй былъ отправленъ со всей семьей въ самое отдаленное свое помѣстье, послѣ того, какъ всѣ, а въ особенности Иванъ, были допрошены, „подъ угрозою смерти“, по поводу подложнаго завѣщанія, приписываемаго

Эрнстъ-Іоаннъ Биронъ.

Петру II. Бывшій фаворитъ утверждалъ, что онъ ни о чемъ ничего не знаетъ. На время его отпустили; его ждала плаха.

Лишенный должности и почестей, онъ сохранилъ свою невѣсту. Среди всеобщаго бѣгства вокругъ опальныхъ, Наталія Шереметьева заявила, что она хочетъ раздѣлить судьбу своего будущаго супруга. Черезъ двадцать семь лѣтъ она писала: „Я не имѣла такой привычки, чтобъ сегодня любить одного, а завтра другого; я доказала свѣту, что я въ любви вѣрна“. Это была любовь, зародившаяся съ одного взгляда, какъ любовь Джульетты. До обрученія она не знала молодого человѣка; она, конечно, ничего не знала о его прошлой жизни; противъ воли всѣхъ своихъ близкихъ, она настояла на своемъ. Никто изъ Шереметьевыхъ не присутствовалъ при вѣнчаніи. Сергѣй Долгорукій, братъ Ивана, и его сестры увезли невѣсту въ Горенки, „будто хоронить“. Всѣ плакали. Черезъ три дня надо было уѣзжать. Мѣстомъ ссылки былъ Никольскъ, въ Пензенской губерніи. И это былъ только первый этапъ. Какъ для Меншикова и, несомнѣнно, по тѣмъ же причинамъ, наказанія шли ступенями. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, 12 іюня 1730 г., ссыльные получили новый приказъ—отправиться въ Березовъ, какъ и тотъ.

Арестъ сопровождался также конфискаціей всѣхъ имуществъ семьи. Наталія отправилась въ дорогу съ 50 рублями, занятыми у своей *мадамы*, гувернантки, которую такъ звали, хотя она была нѣмка, на что указываетъ ея имя: Марія Штанденъ. Екатерина Долгорукая, бывшая невѣста царя, тоже ссылалась. Ей изъ всего богатства оставили только платья, которыя она должна была носить на своей несостоявшейся свадьбѣ. Тюрьма, въ которой сначала были заключены Меншиковы, ждала въ Березовѣ этихъ новыхъ жильцовъ, съ тѣмъ же содержаніемъ: рубль въ день на каждую голову плѣнника. А фунтъ сахара тамъ стоилъ девять съ половиной рублей! Они ѣли деревянными ложками и пили изъ оловянныхъ стакановъ. Въ 1731 г. Наталія разрѣшилась отъ бремени сыномъ, воспреемникомъ котораго былъ маіоръ Петровъ. Установившіяся понемногу отношенія съ мѣстнымъ гарнизономъ нѣсколько смягчали жизнь ссыльнымъ. Нѣкоторыя драгоцѣнности, которыя они успѣли скрыть, помогли

имъ. Но это счастіе стало для нихъ фатальнымъ. Въ 1734 г. по смерти Алексѣя, Иванъ сдѣлался главою семьи. Благодаря относительной свободѣ, предоставленной ему теперь, молодой человѣкъ вернулся къ прежнимъ своимъ привычкамъ. Сойдясь съ морскимъ офицеромъ Овцынымъ, онъ принималъ участіе въ его попойкахъ. Позже этого Овцына считали любовникомъ Екатерины Долгорукой. Ничто не доказываетъ, чтобы она отступила отъ того достоинства и той гордости, съ которыми всегда обращалась съ новыми друзьями своихъ родственниковъ. Настоящимъ виновникомъ былъ Иванъ. Напиваясь со своимъ товарищемъ, онъ много болталъ лишняго, вспоминая о своей прежней связи съ Елизаветой, которую фамильярно называлъ Лизаветкой, и приписывалъ ей всѣ свои несчастія. Онъ разсказывалъ подробности о любви царевны съ гренадеромъ Шубинымъ и передавалъ о сценахъ оргій въ Покровскомъ... Все это распространялось. Въ 1737 году первый доносъ лишилъ узниковъ нѣкоторой свободы, какой они пользовались. Имъ было запрещено покидать тюрьму. Однако, гарнизонъ продолжалъ ихъ посѣщать. Одинъ изъ служащихъ тобольской таможни влюбился въ Екатерину Долгорукую. Оскорбленная слишкомъ настойчивыми ухаживаніями, она пожаловалась Овцыну, который со своими двумя товарищами наказалъ нахала. Новый доносъ и новое слѣдствіе. Приказъ отдѣлить Ивана отъ жены и прочихъ членовъ семьи. Онъ былъ помѣщенъ въ землянкѣ. Благодаря просьбамъ, Наталія навѣщала его тамъ ночью. Она носила ему ѣсть. Однажды ночью она нашла землянку пустою. Иванъ, два его брата и другіе сообщники, всего шестьдесятъ человѣкъ, были сразу схвачены и увезены въ Тобольскъ. Покинутая въ Березовѣ со своимъ сыномъ Михаиломъ, которому теперь было семь лѣтъ, съ третьимъ братомъ Ивана и невѣстками, Наталія падала въ ноги прохожимъ, рвала на себѣ волосы и спрашивала: „Гдѣ Иванушка?“

Она больше не должна была увидѣть его. Въ Тобольскѣ комиссія подъ предсѣдательствомъ Ушакова, родственника свирѣпаго начальника государственной полиціи, и Суворова, отца будущаго великаго полководца, допрашивала Ивана Долгорукаго съ пытками, отъ которыхъ онъ лишился раз-

судка. Онъ разсказалъ все, что зналъ объ исторіи поддѣльнаго завѣщанія Петра II, и даже то, чего не зналъ, и Анна, наконецъ, нашла предлогъ удовлетворить свою ненависть. Въ началѣ 1739 г. Василій Лукичъ, Сергѣй и Иванъ Григорьевичи, Василій и Михаилъ Владимировичи присоединились къ своему двоюродному брату въ Шлиссельбургской крѣпости. Сергѣй, успѣвшій въ это время устроить свои дѣла, благодаря ловкости, былъ только-что назначенъ посланникомъ въ Лондонъ. Прощальная аудіенція, для которой императрица все не находила времени, отсрочила его отъѣздъ и тѣмъ погубила его. Дѣло на этотъ разъ велось лично Остерманомъ. *Пара утокъ*, поднесенныхъ Алексѣю Долгорукому несчастной вдовой, фигурировали въ числѣ главныхъ обвиненій! Приговоръ, произнесенный 31 октября 1739 года, присуждалъ Ивана Долгорукаго къ четвертованію и отсѣченію потомъ головы, Василія, Сергія и Ивана Григорьевичей къ простому отсѣченію головы. Василій Владимировичъ и его братъ Михаилъ, осужденные также на смерть, добились ходатайства о помилованіи передъ государыней. 6 ноября, за два дня до казни, осужденныхъ снова допрашивали съ пытками о состоявшемся въ 1730 году заговорѣ основать республику. Иванъ Алексѣевичъ продолжалъ утверждать, что онъ совершенно ничего не знаетъ.

Сохранилась легенда о его геройскомъ мужествѣ, которое онъ доказалъ во время казни, происходившей въ Новгородѣ. Говорятъ, что онъ до конца читалъ молитвы, дѣлая только ударенія, когда ему ломали руки и ноги. Въ разсказѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго, въ виду многочисленныхъ примѣровъ, сохраненныхъ изъ тогдашнихъ временъ, о подобной силѣ воли у казнимыхъ, но подробности, кажется, не вѣрны.

„Такой неожиданный, такой страшный страдальческій конецъ“, писалъ внукъ казненнаго, князь Иванъ Михайловичъ, въ своихъ еще неизданныхъ запискахъ, „искупаетъ грѣхи его юности, и кровь его, поливъ землю Новгорода, древней колыбели русской свободы, должна примирить съ его памятью всѣхъ враговъ нашей семьи“. Несчастная семья имѣетъ тѣмъ больше права на это снисхожденіе, что она была сурова сама къ себѣ. Одинъ изъ братьевъ Ивана,

Александръ, заключенный въ тюрьму въ Вологдѣ со своимъ младшимъ братомъ Николаемъ, далъ напоить себя сыщику и далъ компрометирующія показанія. Придя въ себя, онъ распоролъ себѣ бритвой животъ, но тѣмъ не менѣе между своими считался измѣнникомъ. Палачи спасли его для того, чтобы наказать кнутомъ и вырѣзать языкъ, какъ и Николаю.

Эта послѣдняя экзекуція состоялась 28 октября 1740 г., въ концѣ того времени, которое продолжаетъ называться въ Россіи ненавистнымъ именемъ, синонимомъ режима крови и грязи: Бироновщиной. Мы увидимъ, насколько справедливы данныя ему имя и смыслъ. Въ указанное выше число, когда Анна Іоанновна была уже мертвой, Биронъ былъ регентомъ на нѣсколько недѣль, полновластнымъ хозяиномъ,—и онъ поспѣшилъ помиловать осужденныхъ; но приказъ пришелъ слишкомъ поздно.

Третій братъ Ивана, Алексѣй, заключенный въ Тобольскѣ, позже служилъ матросомъ на Камчаткѣ.

Екатерина Долгорукая была заключена въ томскій монастырь, одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ въ Сибири. Тамъ въ пяти кельяхъ и больницѣ жили семь старыхъ и немощныхъ монахинь, питавшихся подаяніемъ. Павшее императорское величество дѣлило келью съ самой доброй изъ своихъ товарокъ, которая должна была наблюдать за ней. Въ сильные холода караульный солдатъ спалъ здѣсь же. Она могла только очень рѣдко покидать эту тюрьму, чтобы подышать чистымъ воздухомъ. Тогда ей позволяли подняться на колокольню маленькой деревянной церкви, принадлежавшей монастырю, и оттуда она для развлеченія смотрѣла на Томскъ. Преданіе говоритъ, что къ ней явился офицеръ, чтобы потребовать обручальное кольцо, которое она все еще носила. „Отрѣжьте мнѣ палецъ!"—отвѣтила она. Анекдотъ, вѣроятно, выдуманный, но очень характерный для гордой личности. Она оставалась въ Томскѣ до декабря 1741 г., когда Елизавета, вступивъ на престолъ, вернула ее въ Петербургъ и вскорѣ хотѣла выдать замужъ. Эта „невѣста царя", какъ ея всегда называли, была неудобна вблизи. Она долго отказывалась и согласилась только въ 1745 г. выйти за шотландца Якова Брюсса, не внушавшаго ей никакой любви. Вскорѣ

послѣ свадьбы она отправилась въ Новгородъ помолиться на могилѣ казненныхъ отца и дядей и рѣшила построить тамъ церковь. Но она умерла черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, приказавъ сжечь всѣ свои платья, чтобы никто не могъ носить платій той, которая должна была сдѣлаться императрицей *).

Наталія Долгорукая—самая подлинная и самая трогательная героиня этой мрачной драмы. Вся Россія читала стихи Козлова, посвященные ея трагической судьбѣ. Послѣ похищенія мужа ее держали въ Березовѣ еще около двухъ лѣтъ, и она снова появилась въ Москвѣ только 17 октября 1740 г., въ день смерти Анны Іоанновны. Она нѣкоторое время жила у своего брата, „богатаго Лазаря", какъ его звали, Петра Борисовича Шереметьева, который, владѣя огромнымъ состояніемъ, позволялъ дѣтямъ своей сестры бѣгать по улицѣ босикомъ. Окончивъ ихъ воспитаніе и женивъ старшаго изъ сыновей, она въ 1758 г. отправилась въ Кіевъ и тамъ поступила въ монастырь. Девять лѣтъ спустя рыбаки, раскидывавшіе невода на Днѣпрѣ, видѣли, какъ какая-то женщина, одѣтая въ черное, нагнулась надъ рѣкой и бросила въ нее перстень. Это была Наталія Долгорукая, которая въ этотъ день, разставшись съ единственнымъ предметомъ, который мысленно соединялъ ее съ прошлымъ, полнымъ радостей и горестей, приняла схиму. Однако, своихъ воспоминаній она не утопила. Въ кельѣ, среди молитвъ и постовъ, она писала свои записки, которыя невольно связывали прошлое съ настоящимъ, сулившимъ ей новыя испытанія. „Еще ударъ!"—писала она въ 1768 г., узнавъ о смерти одного изъ своихъ родственниковъ. Она умерла 31 іюля 1770 г., записавъ слѣдующія послѣднія слова: „Надѣюсь, что всякая христіанская душа обрадуется моей смерти, подумавъ: она перестала плакать".

Рукопись этихъ записокъ, тетрадь въ 48 листовъ, испещрена на поляхъ большимъ количествомъ аллегорическихъ рисун-

---

*) Аверкіевъ сдѣлалъ изъ бывшей невѣсты царя героиню драмы *(Разрушенная невѣста)*, напечатанной въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, 1876 г.

ковъ, сдѣланныхъ тушью. Первый рисунокъ представляетъ Св. Варвару, великомученицу, очень чтимую въ Кіевѣ.

Воспитанная въ Варшавѣ, какъ и ея невѣстка, Наталія также получила тамъ тщательное образованіе. Она часто употребляетъ иностранныя слова. Однако, вообще стиль ея— стиль XVII вѣка, съ народными оборотами. Говоря о своемъ мужѣ, она всегда называетъ его „онъ", не употребляя его имени, какъ и сейчасъ дѣлаютъ крестьяне, когда говорятъ объ умершихъ. Разсказъ ея о путешествіи въ Сибирь напоминаетъ разсказъ протопопа Аввакума, изгнаннаго противника патріарха Никона. Что особенно поражаетъ въ ея нравственной физіономіи и дѣлаетъ ее полной и типичной, такъ это то, что она, смиренная жертва, ничуть не бездѣятельна. Она часто цитируетъ Іова, говоря, что она по его примѣру никогда не винила Бога въ своихъ испытаніяхъ; но когда она въ преклонномъ возрастѣ, передъ лицомъ этого Бога писала свои записки, если она и не жаловалась, то часто возмущалась; у нея вырываются движенія гнѣва, ненависти, видна семейная гордость. Она, эта монахиня, говоритъ, какъ злобная женщина, объ Аннѣ Іоанновнѣ, „отвратительной на видъ", и, какъ оскорбленная патриціанка, о Биронѣ, „который шилъ сапоги ея дядѣ". Впрочемъ, фактъ невѣрный. Ея кровь всегда кипитъ, утверждаетъ она при воспоминаніяхъ о мерзостяхъ, совершенныхъ этимъ выскочкой. И ни на одно мгновеніе она не забываетъ, что, называясь теперь *сестрой Нектаріей*, она Долгорукая, какъ, спускаясь по Окѣ, по дорогѣ въ Березовъ, она не забывала традицій аристократическаго барства и, за неимѣніемъ прислуги, сама удила за баржей живую стерлядь. Эта выдумка показываетъ на поэтическое воображеніе, проглядывающее и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея записокъ. Въ день ея свадьбы, разсказываетъ она, влажныя стѣны отцовскаго дома, казалось, плакали обо мнѣ.

Такъ начиналось царствованіе, стоившее ей и ея близкимъ столькихъ слезъ и крови. Теперь попробую обрисовать его физіономію.

ГЛАВА VIII.

Императрица и фаворитъ.—Биронъ.

I. Официальный отецъ и отецъ предполагаемый Анны Іоанновны.—Василій Юшковъ.—Дворъ царицы Прасковіи.—Бракъ будущей императрицы.—Пребываніе въ Митавѣ.—Бестужевъ.—Портретъ государыни.—Физическій и духовный обликъ.—Интимныя черты.—Переписка съ Салтыковымъ.—Умъ и характеръ.—Развлеченія.—„Говоруны".—Шуты.—Голландскіе волчки.—Окружающіе. II. Бёренъ и Биронъ.—Сущность его отношеній къ Аннѣ.—Истопникъ.—Біографія фаворита.—Ходячія сужденія о его характерѣ и о его исторической роли.—Видимость и дѣйствительность этой роли.—Фаворитъ и герцогъ Курляндскій.—Его сподвижники.—Еврей Липманъ.—Семья Бирона.—Настоящія причины его непопулярности. III. Нѣмецкая гегемонія и роль иностраннаго элемента въ исторіи Россіи.—Восточное происхожденіе знатныхъ семействъ.—Иностранные источники умственнаго движенія.—Причины этого явленія.—Соперничество нѣмцевъ въ царствованіе Анны Іоанновны.—Биронъ и Минихъ.

I.

Родившаяся 28 января 1693 г., Анна при своемъ восшествіи на престолъ была 37 лѣтъ. Извѣстно, какой печальной фигурой былъ на тронѣ ея отецъ, хилый, глупый и безсильный Иванъ Алексѣевичъ, который, раздѣляя съ Петромъ Великимъ нѣсколько лѣтъ управленіе имперіей, былъ полугосударемъ и менѣе чѣмъ получеловѣкомъ. Какъ и ея сестру, герцогиню Мекленбургскую, Анну, считали дочерью Василія Юшкова, дворянина хорошаго рода и здороваго малаго, приставленнаго не безъ задней мысли первымъ спальникомъ къ женѣ царя, Прасковьѣ Салтыковой *). Надо прочитать въ

*) Долгоруковъ, *Записки*, I, 34.

журналѣ голштинскаго посланника, Бергольца *), разсказъ о его пріемѣ въ загородномъ домѣ этой царицы, въ Измайловѣ, куда онъ явился ночью съ экстреннымъ порученіемъ. Прежде всего, ему надо было пройти по спальнямъ царевенъ. Младшая, Прасковья, рахитическая и золотушная, по пути протянула ему руку. Дальше слѣдовала спальня, гдѣ вперемежку спали фрейлины и горничныя, и встрѣтили посѣтителя остротами и сальными шутками, звуки которыхъ достигли сосѣдней комнаты и заставили царевенъ краснѣть. Бергольцъ видѣлъ не одну голую грудь, но не почувствовалъ искушенія. Грязь всего этого міра была отвратительна. Явившись въ другой разъ съ поздравленіями Новаго года, онъ еще имѣлъ честь быть принятымъ юной Прасковьей, которая была только въ одной рубашкѣ. Петръ называлъ этотъ домъ „больницей сумасшедшихъ и лицемѣровъ".

Мало любимая своей матерью, предоставленная гувернанткамъ и учителямъ—нѣмцу Остерману, брату вице-канцлера, и французу Рамбузо **),—Анна мало пользы извлекла изъ ихъ уроковъ. Вышедши замужъ 17-ти лѣтъ, она вскорѣ овдовѣла, какъ я говорилъ. Ея мужъ былъ извѣстенъ въ Петербургѣ своей необыкновенной способностью пить. Онъ заливался водкой и превзошелъ всякую мѣру на свадебномъ пиру, представлявшемъ оргію. Здѣсь, изъ двухъ огромныхъ пироговъ, вышли двѣ карлицы и танцовали минуэтъ на столѣ. Самъ Петръ Великій взрѣзывалъ пироги; онъ также зажегъ фейерверкъ, при чемъ чуть не искалѣчилъ себя. Потомъ, въ теченіе празднествъ, которыя, начавшись 31-го октября, продолжались до половины ноября, онъ рѣшилъ женить карлика Акима Волкова, пожелавъ, чтобы брачная ночь прошла въ собственной его спальнѣ ***).

Въ Митавѣ Анна долго жила невесело, такъ какъ за ней строго слѣдилъ ея гофмейстеръ Бестужевъ, котораго Петръ сдѣлалъ тюремщикомъ. По прибытіи, она получила только немеблированный домъ и содержаніе въ 12.680 золотыхъ, изъ

---

*) Buschings Magasin, XXI, 180 и слѣд.

**) *Русскій Архивъ*, 1867, стр. 1187.

***) Семевскій, *Царица Прасковья*, 1880, стр. 50 и слѣд.

которыхъ 12,254 золотыхъ шли на столъ, конюшню, ливреи и содержаніе батальона драгунъ*). Она вышла изъ этого затрудненія, сдѣлавшись любовницей Бестужева, но не могла долго выносить такого положенія, такъ какъ этотъ плутъ грабилъ герцогство и превращалъ дворецъ въ публичный домъ. Напрасно жаловалась она святымъ, обращалась къ Меншикову, его женѣ, дочери, которую называла „дорогая моя племянница", и даже къ Варварѣ Арсеньевой**). Присланный въ 1728 г. замѣстить Бестужева, курляндецъ Рацкій, былъ пораженъ и испуганъ отчаяннымъ состояніемъ двора, который, казалось, скоро пойдетъ по-міру. Гофмейстеръ, гофмейстерина, камергеръ, три камеръ-юнкера, шталмейстеръ, провіантмейстеръ, двѣ фрейлины, гофъ-дама, толпа придворныхъ совѣтниковъ, секретарей, переводчиковъ, лакеевъ окружали герцогиню, которая содержала еще въ Москвѣ посланника Корфа, которому платила содержаніе въ 3,000 рублей***). По своей привычкѣ имѣть около себя массу народа, она принадлежала своей странѣ и своей расѣ, и это всегда было ея роскошью. Такая потребность еще и теперь встрѣчается у нѣкоторыхъ русскихъ. Ихъ новыя души являются пустыней, населеной призраками, въ которой они боятся остаться одни. Съ другой стороны, митавскій дворъ слѣдовалъ вычурнымъ привычкамъ мелкихъ нѣмецкихъ дворовъ.

Свѣдѣнія современниковъ о наружности дочери Ивана очень противорѣчивы. Въ одномъ только отношеніи впечатлѣніе, произведенное на несчастную невѣсту Ивана Долгорукаго, согласуется съ портретомъ, набросаннымъ герцогомъ Лиріа. Анна была очень высокаго роста, такого высокаго, если вѣрить Наталіи Долгорукой, что при въѣздѣ въ Москву, она была на цѣлую голову выше всѣхъ людей своей свиты. Лиріа говоритъ: „Царевна Анна очень высока и смугла. Глаза у нея прекрасны, руки восхитительны и фигура величественна. Она очень полна, но въ то же время легка. Про нее нельзя

---

*) Шубинскій, *Замѣтки*, 1893, 103 стр.

**) Переписка русскихъ государей, IV, 154, 170, 175, 177; 178; 180, 183, 187, 189, 190, 192, 193, 194, 215, 217.

***) Соловьевъ, *Исторія Россіи*, XIX, 148.

сказать, что она красива, но она вообще пріятна“ *). Почти такъ же говоритъ Бергольцъ: „Любезная и живая царевна, хорошо сложенная, внушающая уваженіе своимъ способомъ держаться“ **). Слѣдовательно, ничего похожаго на „ужасный видъ“ и на „отталкивающее лицо“, какъ говоритъ Шереметьева. Напротивъ, находящіеся въ нашемъ распоряженіи портреты скорѣе оправдываютъ послѣднюю, а шутъ царицы Прасковьи, важный свидѣтель, если и называлъ ея дочь „Анфисой“, именемъ православной святой, и предсказывалъ ей монастырь, въ виду ея религіозныхъ наклонностей, чаще всего, при видѣ ея восклицалъ: „Берегитесь! берегитесь! Вотъ царь Иванъ Васильевичъ!“ ***).

Такъ какъ красота этой царевны не играла никакой роли въ исторіи, то вопросъ имѣетъ посредственное значеніе. Ни физически, ни нравственно, это вполнѣ достовѣрно, она ничѣмъ не походила на своего официальнаго отца. Напротивъ, отъ матери она унаслѣдовала много характерныхъ чертъ: суевѣріе, патріархальныя привычки, смягченныя нѣсколько новшествами Петра. Ея дѣдъ, Алексѣй Михайловичъ, казалось, передалъ ей по наслѣдству, несмотря на видимое отсутствіе кровной связи, свое упрямство, любовь къ церемоніальности, къ роскошнымъ одеждамъ, къ помпѣ религіозныхъ обрядовъ, къ разговорамъ съ монахами; свою страсть къ охотѣ и стрѣльбѣ въ цѣль. Но сильно замѣтная наклонность къ шутовству сближала ее съ Петромъ I. Иронія и юморъ ужаснаго организатора маскарадовъ оживали въ ея разговорахъ и развлеченіяхъ, которымъ она предавалась съ тою же грубостью и съ тѣмъ же цинизмомъ. Увеселенія Алексѣя Михайловича носили болѣе мирный и приличный характеръ. Онъ любилъ купать своихъ стольниковъ въ коломенскомъ пруду и выказывалъ предпочтеніе къ разсказамъ лицъ, видѣвшихъ свѣтъ.

Вообще, Анна олицетворяла вполнѣ типъ барыни-помѣщицы; лѣнивая, съ внезапными порывами энергіи; безъ всякаго воспитанія, хитрая—мы видѣли это на дѣлѣ—но ум-

---

*) **Ин. Дѣла**, *Мемуары и документы*, *Россія*, т. VIII.

) Buschings Magazin, XII, **445.

***) **Болтинъ**, *Замѣчанія къ русской исторіи* Леклерка, 1788, II, 467.

ствено ограниченная, скупая. Въ Митавѣ она проводила дни полуголая, нечесанная, валяясь на медвѣжьей шкурѣ, спала или мечтала. Для умыванія она никогда не употребляла воды, предпочитая умываться растопленнымъ масломъ. Сдѣлавшись государыней, она прибавила нѣкоторые болѣе новые способы кокетства: она румянилась. Въ 1738 году ее видятъ упрекающей за желтый цвѣтъ лица одну старуху, приглашенную для болтовни съ ней.—„Я не слѣжу за собой",—оправдывалась та,—„я уже больше не крашусь и не сурмлю бровей".—„Ты неправа; не надо краситься, но брови сурмить надо". Въ то же время Анна заботилась о своей таліи: „Развѣ я такъ же толста, какъ Ржевская?" *).

Въ Москвѣ она поднималась между семью и восемью часами, пила кофе и проводила часъ или два въ разсматриваніи матерій и драгоцѣнностей. Въ девять часовъ входили министры и секретари. Она подписывала бумаги, большею частію не читая ихъ, и отправлялась въ манежъ Бирона, гдѣ у нея было помѣщеніе. Она осматривала лошадей, давала аудіенціи, потомъ стрѣляла въ цѣль. Вернувшись во дворецъ въ полдень, она обѣдала съ Биронами, не снимая своего утренняго костюма: длиннаго домашняго, восточнаго покроя, свѣтло-голубого или зеленаго цвѣта, а на головѣ—красный платокъ, повязанный по модѣ русскихъ мѣщанокъ. Вставъ изъ-за стола, она ложилась отдохнуть, рядомъ съ фаворитомъ, а госпожа Биронъ скромно удалялась съ дѣтьми. Проснувшись, она открывала дверь, за которой занимались рукодѣльемъ ея фрейлины.

— Ну, дѣвки, пойте!

И начинался концертъ, въ которомъ качество уступало количеству, такъ какъ пѣвицы получали приказаніе пѣть во весь голосъ и перестать, только когда получатъ приказъ. Онѣ иногда доходили до полнаго изнеможенія, но рисковали получить пощечину и быть отосланными въ прачечную, если бы царица замѣтила это. Когда она, наконецъ, соблаговолитъ приказать имъ замолчать, наступаетъ очередь разсказчицъ всевозможныхъ приключеній, сплетницъ, шутовъ и шутихъ.

---

*) *Русскій Архивъ*, 1873, II, 1645.

Мы все подробно увидимъ это, изучая нравы этого страннаго двора. Здѣсь же я хочу остановиться на личности императрицы и на интимныхъ сторонахъ ея жизни. Въ этомъ отношеніи особенно поучительна ея переписка съ московскимъ губернаторомъ, Салтыковымъ *). Серьезные предметы появляются въ ней очень рѣдко. „Напишите-ка мнѣ, женился ли камергеръ Юсуповъ. Здѣсь говорятъ, что они разводятся и что онъ видаетъ много женщинъ... Когда получишь это письмо, извѣсти меня по секрету, когда была свадьба Бѣлосельскаго, гдѣ и какъ. Какъ встрѣтила ихъ княжна Марія Ѳедоровна Куракина? Была ли она весела? Все мнѣ разскажи... Узнай, секретнымъ образомъ, про жену князя Алексѣя Петровича Апраксина. Прилично ли она себя ведетъ? Здѣсь говорятъ, что она пьетъ, и что съ ней всегда Долгорукій". Вотъ заботы Анны Іоанновны. Она любитъ женить людей, часто противъ ихъ воли, и старается узнать, какъ они живутъ. Другія порученія, даваемыя ею Салтыкову, вообще имѣютъ не больше отношенія съ дѣлами государства. Она поручаетъ ему прислать ей дочь князя Вяземскаго, „Мнѣ ее рекомендовали, какъ бойкую на языкъ". Потому что это ея главное, почти исключительное занятіе. Она повсюду ищетъ болтушекъ, и даже въ Персіи, посылая Салтыкову самыя подробныя инструкціи. „У вдовы Загряжской, Авдотьи Ивановны, живетъ одна княжна Вяземская, дѣвка, и ты ее сыщи и отправь сюда, только, чтобъ она не испужалась; ты объяви ей, что я беру ее изъ милости, да дорогой вели ее беречь. Я беру ее для своей забавы — какъ сказываютъ, что она много говоритъ".

Это почетное мѣсто не было синекурой; потому что съ разсказчицами обращались такъ же, какъ съ пѣвицами. Вотъ разговоръ, записанный однимъ современникомъ.

— Говори, Филатовна, говори!

— Матушка, не знаю, что еще сказать...

— Говори, разсказывай, про разбойниковъ **).

Съ другой стороны, и Салтыкову было не легко. То онъ

---

*) Опубликованная Кудрявцевымъ, *Чтенія*, 1878, кн. I.

**) *Русскій Архивъ, указ. соч.*

долженъ былъ разыскивать скворца, слава о которомъ достигла слуха ея величества, то долженъ былъ записать пѣсенку, вызывавшую восторгъ въ какомъ-нибудь простомъ московскомъ кабачкѣ и которую хочетъ послушать и ея величество. Повременамъ приказанія государыни заставляли его заняться торжественной службой по памяти царевны Прасковіи, ракой для мощей св. Сергія, споромъ между настоятелемъ и монахами какого-нибудь монастыря, массой закупокъ матерій у московскихъ купцовъ. Анна Іоанновна долго торговалась. Очень хорошая хозяйка, она сама слѣдила за храненіемъ и стиркой бѣлья, въ чемъ сказывалось опасеніе заразы, очень распространенной тогда въ Россіи. У нея были очень большія родственныя чувства, и Салтыкову еще приходилось доставать портреты различныхъ ея родныхъ. Исключительно патріархальная, въ сношеніяхъ со своими близкими, она входитъ въ денежныя затрудненія графа Апраксина, ея родственника, котораго она, впрочемъ, сдѣлала придворнымъ шутомъ, и даже въ затрудненія профессіональнаго шута, Балакирева. Она заботилась о томъ, чтобы ея духовникъ Варлаамъ, сдѣлавшійся Троицкимъ архимандритомъ, ни въ чемъ не нуждался.

Добрая? Да, по-своему; но и очень способная къ звѣрству. Она была достойной племянницей того В. Ф. Салтыкова (брата ея матери), который, обвиняемый въ томъ, что почти задушилъ свою жену, Долгорукую, защищался тѣмъ, что не думалъ бить ее до тѣхъ поръ, пока придетъ смерть. Разсказываютъ, что она приказала повѣсить передъ своими окнами повара за то, что онъ влилъ въ блины несвѣжее масло. И дѣйствительно, она держала въ тюрьмѣ, въ теченіе всего своего царствованія, кіевскаго митрополита Ванатовича за очень легкое преступленіе, за нечаянно забытый молебенъ*). Авторъ собранія очень интересныхъ воспоминаній, Карабановъ, рисуетъ ее намъ охваченной гнѣвомъ, потому что ея главный шталмейстеръ Куракинъ, прежній посланникъ въ Парижѣ, которому она дала попробовать французское ви-

---

*) Карабановъ, *Воспоминанія*, *Русская Старина*, 1871, II, 147.

но и передала ему свой стаканъ, осмѣлился вытереть его салфеткой, прежде чѣмъ поднести его къ губамъ.

— Негодяй! Ты брезгуешь мной! Позовите Ушакова!

Потребовалось вмѣшательство Бирона, чтобы избѣгнуть ех-дипломату встрѣчи со страшнымъ полицейскимъ *).

Но, чтобы судить объ этихъ фактахъ въ ихъ настоящей оцѣнкѣ, надо вставить ихъ въ ихъ историческую рамку. Даниловъ въ своихъ запискахъ вспоминаетъ одну изъ своихъ родственницъ, которая, садясь за столъ ѣсть бараньи щи, свое любимое блюдо, обязательно приказывала явиться своей кухаркѣ и бить ее кнутомъ, пока не будутъ опустошены тарелки. Это зрѣлище и крики несчастной, придавали ей аппетитъ. А въ „Исторіи русской женщины“ **) Шашковъ говоритъ объ одной княгинѣ Даріи Голицыной, которая встрѣтила у себя на дачѣ гостя слѣдующимъ восклицаніемъ: „Какое счастье! А то я, отъ скуки хотѣла велѣть сѣчь моихъ негровъ!“

Леди Рондо, очевидно, преувеличила, представляя преемницу Петра II, какъ образецъ человѣколюбія, и увѣряя, что она „испытывала врожденное отвращеніе ко всему, что имѣло видъ жестокости“. Если ея царствованіе было, однако, жестокимъ, ея доля личной отвѣтственности должна казаться довольно неопредѣленной. Тогдашняя Россія еще не вышла изъ состоянія борьбы. Боролись съ людьми и обстоятельствами. Отсутствіе умственнаго развитія, преобладаніе грубой чувственности порождали насилія. Груба и чувственна и вѣра у людей той эпохи. Въ 1735 году Анна Іоанновна требовала у Салтыкова склянку масла, которое надо было взять изъ лампадки, горѣвшей передъ гробомъ царевны Маргариты Алексѣевны—сестры Петра I, постриженной въ монахини.

Избранница верховниковъ не была лишена ни здраваго смысла, ни юмора, въ духѣ Петра I. Когда казанскій епископъ сообщилъ ей о своемъ пріѣздѣ въ Казань „25 марта, въ день Благовѣщенія“, она отвѣтила ему: „Мы очень рады узнать, что Благовѣщеніе въ Казани, какъ и въ Петербургѣ,

*) *Ibid.*, III, 691.
**) 1879, 321 стр.

бываетъ въ названное вами число“ *). Какъ глава правительства, по свидѣтельству Екатерины II, она стояла выше Елизаветы **). Это невного; но кромѣ корреспонденціи съ московскимъ губернаторомъ, ея переписка съ Остерманомъ, напечатанная отрывками ***), стоитъ вниманія. Изъ нея вполнѣ видно, что она въ дѣлѣ понимаетъ мало, но невольно восхищаешься ея умѣніемъ представляться понимающей ихъ. Приходишь почти къ такому же заключенію, какъ и Щербатовъ *†): „ограниченный умъ, никакого образованія, но ясность во взглядахъ и вѣрность въ сужденіяхъ; постоянное исканіе правды; никакой любви къ похвалѣ, никакого высшаго честолюбія, поэтому никакого стремленія дѣлать великое, создавать, устанавливать новые законы; но извѣстный методическій умъ, большая любовь къ порядку, постоянная забота никогда ничего не дѣлать поспѣшно и не посовѣтовавшись съ людьми опытными, принимать всегда разумныя и мотивированныя рѣшенія; достаточная для женщины дѣловитость—Щербатовъ въ этомъ отношеніи могъ быть очень снисходителенъ,—довольно сильная любовь къ представительству, но безъ преувеличенія“. Эта характеристика была бы не дурна даже для такихъ государынь, о которыхъ сохранилась не плохая память въ исторіи. Прибавьте къ этому, что Анна вступила на престолъ послѣ многихъ перенесенныхъ непріятностей, съ ея, отъ природы грубымъ, темпераментомъ, въ такое время, когда для сохраненія этого престола ей необходимо было прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ, оправдываемымъ нравами той эпохи. При постоянной неувѣренности и безпокойствѣ, она нуждалась въ развлеченіяхъ грубыхъ, какъ все окружающее, соотвѣтствующихъ ея воспитанію и семейнымъ традиціямъ.

Страстно любя сначала верховую ѣзду, съ тѣмъ же жаромъ она отдалась стрѣльбѣ въ цѣль. Во всѣхъ углахъ дворца у нея подъ рукой были заряженныя ружья. Она стрѣляла изъ

---

*) Костомаровъ, *Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея дѣятелей*, II, 147.

**) Храповицкій, *Дневникъ*, 1862, стр. 54 и 231.

***) *Восемнадцатый вѣкъ*, III, 154 и сл.

*†) *Сочиненіе*, II, 188.

окна въ пролетавшихъ птицъ, наполняя комнаты трескомъ и дымомъ, и заставляла окружавшихъ ее дамъ дѣлать то же самое. Въ ея конюшняхъ было до 379 лошадей, а одно время она увлекалась голландскими волчками, для чего изъ Амстердама выписывались цѣлые ящики бичевокъ *).

Пословица: „скажи, съ кѣмъ ты знакомъ, а я скажу, кто ты", не очень лестна для нея. Ея главная статсъ-дама и ея большая фаворитка, Анна Ѳедоровна Юшкова, была прежде кухонной дѣвушкой, босикомъ бродившая среди низшей прислуги дворца. Анна немедленно зачислила ее въ свой кругъ, выдала замужъ за родственника своего предполагаемаго отца, но ничуть не цивилизовала ее. Веселая, остроумная, любившая неприличные разговоры, эта компаньонка сокращала длинные зимніе вечера—и стригла ногти на ногахъ ея величеству, такъ же какъ Бирону и всей его семьѣ **). Другая судомойка, Маргарита Ѳедоровна Монахина, составляла съ княгиней Аграфеной Александровной Щербатовой, веселой и изобрѣтательной компаньонкой, наиболѣе интимный женскій кружокъ. Со стороны мужчинъ, шуты и скоморохи играли первую роль, и Анна имѣла привычку и систему вводить въ среду ихъ элементы, почерпнутые въ самыхъ высшихъ сферахъ аристократіи. Дальше я укажу примѣры этого и примѣры плачевные. Здѣсь я долженъ перейти къ главному лицу, составлявшему центръ этого интимнаго кружка и регулировавшаго мельчайшія его дѣйствія.

II.

12 февраля 1718 г., когда Анна еще находилась, какъ герцогиня Курляндская, въ Анненгофѣ, вблизи Митавы, произошло небольшое событіе, которое должно было имѣть главное вліяніе на судьбу будущей императрицы и даже на судьбу Россіи. Вслѣдствіе болѣзни главнаго начальника двора, Петра Михайловича Бестужева, герцогинѣ принесъ для подписи бу-

*) Карновичъ, *Историческіе разсказы*, 1884, стр. 288.

**) Долгоруковъ, *Записки*, I, 468.

маги одинъ чиновникъ изъ его канцеляріи. Она велѣла ему приходить каждый день. Немного погодя, она сдѣлала его своимъ секретаремъ, почти камергеромъ.

Его звать было Эрнестъ-Іоганнъ Бюренъ.

Я написалъ имя такъ, какъ оно писалось тогда и какъ всегда должно писаться, такъ какъ ничто не оправдываетъ вообще принятой орфографіи (Биронъ), если это не смѣшная претензія нѣмецкаго авантюриста или ошибочное его правописаніе по-русски. Бюренъ (Bühren) превратился по-русски въ Бирена: отсутствіе подходящихъ буквъ или графическихъ знаковъ на мѣстномъ языкѣ дало поводъ замѣнить ихъ приблизительно фактически близкими.

Біографы сомнѣваются въ характерѣ отношеній, установившихся въ то время между молодой женщиной и этимъ пришельцемъ. Они выдумали какое-то Wahlverwandschaft платоническаго свойства, которое страстная любовь, выказываемая Анной Іоанновной къ женѣ фаворита, и въ особенности къ его дѣтямъ, на самомъ дѣлѣ дѣлала вѣроятной *). Но впередъ выставляются другія соображенія для объясненія этой любви—что дѣтей этихъ г-жа Биронъ только выдавала за своихъ. Она привязывала себѣ подушки на животъ во время беременности ея госпожи. Въ истинномъ положеніи вещей нельзя бы было сомнѣваться, если бы былъ вѣренъ разсказъ объ истопникѣ, произведенномъ въ дворяне за то, что каждое утро онъ, входя въ спальню государыни, не только ей, но и фавориту цѣловалъ ноги. Его было звать Алексѣй Милютинъ, и его правнукъ, знаменитый военный министръ, сохранилъ многоговорящіе знаки—три печныхъ вьюшки.

Это, впрочемъ, безразлично, такъ какъ добродѣтель Анны Іоанновны извѣстна. Ея любовники, которые не вызываютъ никакихъ сомнѣній, считались дюжинами. Было ли это сродство душъ или что-либо другое, во всякомъ случаѣ извѣстно, что она сильно любила мужа г-жи Биронъ и не скрывала этого. Свидѣтель этого, Маньянъ, пишетъ отъ 13 іюля 1731 года:

---

*) Бертольдъ, *Анна Іоанновна, Hystorisches Taschenbuch*, VII изд., стр. 219.

„Царица, переѣхавъ въ прошлое воскресенье изъ своего городского дворца въ новый лѣтній домъ, который она приказала построить со страшной поспѣшностью, въ какихъ-нибудь три мѣсяца, и въ которомъ помѣщеніе этого канцлера (Бирона) были смежны съ ея комнатами, обѣщала княгинѣ Ромодановской присутствовать на банкетѣ, который та хотѣла дать въ прошлую среду... Ея величество уже сѣла въ карету, чтобы отправиться туда, когда лошадь, на которую сѣлъ Биронъ, чтобы слѣдовать за ней, вдругъ испугалась... сбросила его на землю, но очень счастливо, потому что онъ получилъ только легкій ушибъ ноги. Однако, царица выказала при этомъ такую чувствительность, что вышла изъ кареты и послала сказать княгинѣ Ромодановской, чтобы ее не ждали. Нельзя выразить всю силу впечатлѣнія, произведеннаго этимъ случаемъ на старыхъ русскихъ“ *).

Родившись въ 1690 году, фаворитъ былъ вторымъ изъ трехъ сыновей польскаго офицера въ отставкѣ. Его семья, по происхожденію вестфальская, но поселившаяся въ Курляндіи, владѣла здѣсь уже два поколѣнія имѣніемъ Кальмъ-Зеемъ **) и считала себя дворянами, такъ какъ, по мѣстнымъ законамъ, земли могутъ принадлежать только дворянамъ. Они хвастались также болѣе или менѣе подлиннымъ гербомъ, пріобрѣтеннымъ въ Вестфаліи, и имѣли близкія связи съ нѣкоторыми знатными семьями герцогства, Ламсдорфами, Берами, Турновыми ***). Анна Іоанновна, когда захотѣла добиться офиціальнаго признанія дворянства для своего канцлера, тѣмъ не менѣе столкнулась съ форменнымъ отказомъ, и Биронъ былъ курляндскимъ герцогомъ раньше, чѣмъ былъ дворяниномъ въ своемъ герцогствѣ. Города, Митава на востокѣ и Либава на западѣ, современемъ отнеслись къ нему снисходительно, но деревенская аристократія до конца протестовала противъ выскочки.

У послѣдняго была бурная молодость. Учась въ кенигсбергскомъ университетѣ, онъ два раза сидѣлъ въ тюрьмѣ,

*) Иностр. Дѣла, Россія.

**) Въ Курляндіи много Кальмъ-Зеемъ, что значитъ: горная деревня.

***) *Русская родословная книга*, 1873.

за участіе въ кражѣ и за незаплаченные штрафы*). Въ 1714 году, онъ прибылъ въ Петербургъ и пробовалъ проникнуть въ домъ княгини Софіи-Шарлотты, жены царевича Алексѣя. Но его нашли слишкомъ низкаго происхожденія. Онъ нашелъ лучшій пріемъ черезъ десять лѣтъ, когда сопровождалъ Анну въ Москву, на коронацію Екатерины I; онъ пріобрѣлъ нѣкоторыя связи и понравился императрицѣ своими познаніями въ лошадяхъ, которыя, казалось, были у него замѣчательны. Впослѣдствіи говорили, что онъ разговариваетъ съ лошадьми, словно это люди, и съ людьми, словно это лошади, что вполнѣ могло соотвѣтствовать его грубому и рѣзкому характеру. Разсказывали также, что онъ былъ конюхомъ, что ничуть не соотвѣтствуетъ ни одной дѣйствительной чертѣ его. Въ 1723 году Анна женила его на Бенингѣ фонъ-Тротта-Трейденъ,—выборъ, который можетъ быть объясненъ не только уступчивостью послѣдней, потому что, за исключеніемъ своей довольно декоративной любви, послѣдняя отличалась необычайнымъ безобразіемъ и такой же глупостью; болѣзненная, необыкновенно обезображенная оспой и съ не меньшими претензіями.

Средняго роста, но хорошаго тѣлосложенія, самъ Биронъ произвелъ на Казакову, видѣвшую его уже въ пожиломъ возрастѣ, впечатлѣніе старика, который раньше былъ очень красивымъ мужчиной **). Портретъ Соколова, неконченный по причинѣ отъѣзда модели въ Парижъ, представляетъ рѣзкій и повелительный профиль, съ носомъ хищной птицы, и поражалъ посѣтителей герцогскаго склепа въ Митавѣ, гдѣ еще недавно показывался набальзамированный трупъ фаворита, съ открытымъ лицомъ.

На самомъ дѣлѣ, Сибирь ждала этого избранника счастья, который долженъ былъ быть регентомъ Россіи въ теченіе двадцати двухъ дней, и сосланнымъ въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ. Онъ вѣрилъ, говорятъ, въ роль цифры 2 въ своей судьбѣ. Его представляли грубымъ неучемъ, распространяв-

---

*) *Восемнадцатый вѣкъ*, III, 158; Соловьевъ, *Исторія Россіи*, XIX, 162.

**) *Мемуары*, 1843, IV, 277.

шимъ вокругъ себя запахъ конюшни, съ подходящими къ этому привычками, съ отсутствіемъ всякихъ правилъ. Легенда по крайней мѣрѣ сомнительна въ этомъ отношеніи. Съ точки зрѣнія воспитанія, не исключая Бенинги Тротты-Трейденъ, женщины въ этой семьѣ стояли выше мужчинъ; но семья не походила на семью конюха. Переписка матери фаворита, урожденной фонъ-деръ-Раабъ, и переписка его жены, сохраняющаяся въ московскихъ архивахъ, служитъ доказательствомъ этому. Бенинга и ея дочери рисовали и производили тонкія женскія рукодѣлія. Въ изгнаніи онѣ вышивали матеріи рисунками, представлявшими жителей Сибири и ихъ сельско-хозяйственныя работы. Одна комната митавскаго дворца еще обита ими. Бенинга въ ту же эпоху составила по-нѣмецки сборникъ религіозныхъ стихотвореній, который былъ напечатанъ въ Митавѣ, въ 1773 г., подъ заглавіемъ: „Eine grasse Kreuztraegerin". Когда, благодаря страннымъ поворотамъ судьбы, онъ поселился въ своемъ герцогствѣ, послѣ потери въ Россіи положенія, Эрнестъ-Іоганнъ Биронъ не ударилъ лицомъ въ грязь. Онъ лучше справляется съ сеймомъ, чѣмъ это умѣлъ дѣлать его сынъ, Петръ, въ пользу котораго онъ отказался отъ власти. А въ Петербургѣ, во время величія, онъ обладалъ прекрасной библіотекой, въ которой часто запирался.

Вернувшись въ Россію, онъ принесъ, какъ плодъ мало привлекательныхъ отношеній съ курляндскимъ дворянствомъ, большую черствость сердца, которая, при столкновеніяхъ съ политическими обычаями страны, превращалась въ жестокость и ненависть къ аристократамъ и всему аристократическому, развитію которой должна была благопріятствовать борьба, ведшаяся Анной Іоанновной съ демократической партіей. Но болѣе страдая отъ бѣдности, чѣмъ отъ ранъ, нанесенныхъ его гордости, онъ былъ еще болѣе алченъ, чѣмъ жестокъ. Еврей Липманъ служилъ ему посредникомъ во всѣхъ темныхъ дѣлахъ, между которыми было и ростовщичество *). Онъ далъ этому мошеннику титулъ придворнаго комиссіонера

---

*) *Русскій Архивъ*, 1891, 939 стр. Повье, *Записки*; *Русская Старина*, 1870, I, 81.

и давалъ ему мѣсто въ засѣданіяхъ, въ которыхъ съ нимъ раздѣляли работу министры, секретарь кабинета и президенты коллегій. Онъ помогъ ему превратить свою переднюю въ лавку, гдѣ другой еврей, Биленбахъ, торговалъ мѣстами и милостями. Такимъ образомъ онъ способствовалъ укорененію въ высшемъ управленіи привычекъ, хотя и не чуждыхъ ему прежде, но принявшихъ теперь болѣе широкій размахъ.

Потому что онъ вмѣшивался въ верховное управленіе даже раньше, чѣмъ получилъ на это офиціальное право. Офиціально, при жизни Анны, онъ на это не имѣлъ никакого права. Герцогъ Курляндіи съ 1737 года, въ Россіи онъ былъ только фаворитъ. Но съ давнихъ поръ этотъ титулъ соотвѣтствовалъ болѣе или менѣе прямому вліянію на власть, а при темпераментахъ фаворита и государыни власть послѣдняго достигла такой силы, что только могущество Потемкина могло сравняться съ ней. Одно письмо, посланное изъ Петербурга 30 декабря 1738 года, даетъ поучительныя въ этомъ отношеніи указанія:

„Царица часто страдаетъ подагрой и скорбутомъ, такъ что, если бы даже у нея былъ умъ для кабинетной работы и влеченіе къ работѣ, ей, однако, нельзя было бы царствовать самой. Такимъ образомъ она и занимается только развлеченіями... Что касается управленія, то она только предоставляетъ свое имя своему дорогому герцогу Курляндскому. Графъ Остерманъ кажется помощникомъ герцога, не будучи имъ на дѣлѣ. Правда, герцогъ совѣтуется съ нимъ... но недовѣряетъ ему и слѣдуетъ его совѣтамъ только тогда, когда они одобрены... Липманомъ. Можно сказать, что Россіей правитъ этотъ еврей“.

Соучастникъ Липмана сдѣлался герцогомъ Курляндскимъ благодаря нѣсколькимъ русскимъ полкамъ, посланнымъ въ Митаву, послѣ смерти Фердинанда (23 апрѣля 1737 г.), подъ командой полковника Бисмарка, подлиннаго предка „желѣзнаго канцлера“. Этого второго авантюриста мы еще встрѣтимъ дальше. Засѣдая подъ тѣнью штыковъ и подъ жерлами привезенныхъ имъ пушекъ, курляндскій сеймъ, подавая свои голоса за Бирона, высказалъ столько же протеста, сколько энтузіазма при избраніи Морица; Польша не протестовала, и,

помѣченный 2-мъ іюня 1737 г., дипломъ объ избраніи былъ утвержденъ 13 іюля Августомъ III *). Одинъ Тевтонскій Орденъ заявилъ возраженіе, желая самъ получить герцогство, а Кельнскій курфюрстъ, въ качествѣ великаго мастера, въ ноябрѣ подалъ жалобу въ Ратисбонскій сеймъ. Но Биронъ не обратилъ на это никакого вниманія. Онъ, разумѣется, оставался въ Петербургѣ, и, управляемая издалека, какъ русская провинція, Курляндія привыкла къ судьбѣ, которая теперь фатально была назначена ей, какъ груша, скромно дозрѣвающая на деревѣ, вырванномъ изъ польской почвы. Фаворитъ получилъ даже титулъ высочества по диплому императора Карла VI. Онъ былъ кавалеромъ орденовъ Александра Невскаго и Андрея Первозваннаго. Онъ даже превратился въ „Бирона“, такъ какъ глава французскихъ Бироновъ, Арманъ-Шарль де-Гонто, герцогъ Биронъ, вѣжливо согласился на такую узурпацію... „Онъ не могъ найти лучшаго имени въ Европѣ“ **). Если вѣрить Маньяну, его вѣнскій и берлинскій коллеги въ то же время были еще болѣе любезны, такъ какъ цѣловали руки фаворита и пили за его здоровье на колѣнахъ.

Человѣкъ, такъ избалованный судьбой и низостью тѣхъ, которыхъ она дала ему въ распоряженіе, заслуживаетъ ли тѣхъ обвиненій, которыми тѣ же самые куртизаны поспѣшили покрыть его послѣ его паденія? не вѣрю имъ совсѣмъ и мнѣ не требуется подтвержденія его нѣмецкаго біографа, Сиверса, писавшаго: „Нѣмецъ все дѣлаетъ основательно, gründlich; въ дурномъ обществѣ онъ хуже всѣхъ своихъ компаніоновъ; вотъ почему много честныхъ вестфальцевъ или саксонцевъ сдѣлалось въ Россіи ужасными негодяями“ ***). Я лучше обращусь къ свидѣтельству, въ пользу обвиняемаго, самой исторіи царствованія, во время котораго онъ, по мнѣнію его же обвинителей, пользовался полной властью, не заставляя страдать жизненные интересы страны.

---

*) Шуйскій, *Исторія Польши,* IV, 318. Gebhardi, *Geschichte Kurlands,* 1789, 184 стр.

**) Сборникъ, LXXX, 188.

***) Blum, *Ein russischer Staatsmann,* 1857.

Недавно напечатанные *) отрывки изъ его переписки открываютъ въ его нравственной физіономіи черты, которыхъ его біографы, кажется, не подозрѣвали въ немъ, хотя нѣкоторые и приводятъ факты, когда онъ, какъ въ случаѣ съ Куракинымъ, призывалъ Анну Іоанновну къ снисходительности и милосердію. Никто не имѣлъ представленія о меланхолическомъ и разочарованномъ Биронѣ, писавшемъ въ апрѣлѣ 1736 г.: „Богъ свидѣтель, что я усталъ отъ жизни въ самой высшей степени. Годы, немощи, государственныя заботы, труды все увеличиваются, и я не вижу возможности иначе отъ нихъ избавиться, какъ только смертью". А потомъ: „Вся тяжесть дѣлъ падаетъ на меня, такъ какъ Остерманъ въ постели, а все, однако, должно итти своимъ чередомъ". Отказаться совсѣмъ отъ міра и кончить жизнь въ уединеніи—вотъ его постоянное желаніе. Принимать такія заявленія за чистую монету было бы наивно. Но на нѣкоторыхъ ступеняхъ моральной лѣстницы—и понятно, что здѣсь мы находимся на самой низшей—само лицемѣріе уже добродѣтель, такъ какъ показываетъ стыдъ. Что фаворитъ былъ великимъ государственнымъ человѣкомъ или просто честнымъ человѣкомъ, это исключается изъ обсужденія. Я показалъ его занимающимся ростовщичествомъ; и это еще не самое худшее его дѣло. Надо доказать, былъ ли онъ чудовищемъ, гнуснымъ и глупымъ, какимъ его изображали его же соотечественники **).

Онъ не блисталъ, какъ регентъ, и далъ себя поймать и развѣнчать самымъ глупымъ образомъ. Но Меншиковъ, который, неоспоримо, былъ уменъ и силенъ, не оказалъ въ подобномъ случаѣ лучшаго сопротивленія. Положеніе, для этихъ людей, направлялось законами неустойчиваго равновѣсія. Какъ бы высоко они ни поднимались, они летѣли отъ малѣйшаго сотрясенія.

Принимая все во вниманіе, я думаю, что главной виной этого фаворита было то, что онъ былъ нѣмецъ. Какъ ни исключительно была тяжела для Россіи „бироновщина", думаю, что она не взяла бы перевѣса надъ „ѳеофа-

---

*) Сборникъ, XXXIII, 467 и др.

**) Kleinschmidt, *Russlands Geschichte und Politik*, 1877, стр. 429.

новщиной“, какъ назвалъ одинъ историкъ церковное управленіе честолюбиваго епископа, которому воцареніе Анны развязало руки *). У этого нѣмца дѣйствительно была нестерпимо высокомѣрная, тираническая и дерзкая манера обращенія, и сенаторы, которымъ онъ однажды сказалъ, что велитъ положить ихъ подъ колеса своей кареты, послѣ того, какъ его растрясло при переѣздѣ черезъ одинъ мостъ **), должны были сохранить законную злобу на подобный языкъ. Къ тому же, у него была нехорошая семья. Разодѣтая, въ платьяхъ на сто тысячъ рублей и въ брилліантахъ на два милліона, Бенинга принимала посѣтителей, сидя на подобіи трона, протягивала имъ обѣ руки и сердилась, если они цѣловали только одну ***). Любимымъ развлеченіемъ ея дѣтей было обливать чернилами платье гостей, посѣщающихъ дворъ, и снимать парики. Младшій сынъ, Карлъ, прибавлялъ къ этому еще привычку бѣгать по заламъ, съ кнутомъ въ рукѣ, хлеща по икрамъ тѣхъ, кто ему не нравился. Старому князю Барятинскому, главнокомандующему и всѣми уважаемому человѣку, выразившему неудовольствіе, фаворитъ сказалъ: „Вы можете больше не появляться при дворѣ. Подавайте въ отставку; обѣщаю вамъ, что она будетъ принята“. Въ Малороссіи, гдѣ долгое время была его главная квартира, старшій изъ братьевъ, Карлъ, велъ жизнь сатрапа, среди сераля, населеннаго дѣвушками и молодыми женщинами, взятыми съ оружіемъ въ рукахъ, и псарни, кормилицы куда набирались между окрестными крестьянками *†). Но впослѣдствіи Потемкины и Зубовы выказывали себя способными дѣлать то же самое, и они были почти популярны, особенно первый. Они не были нѣмцы. Дурно обращаясь съ людьми, они не говорили имъ: „Вы, русскіе...“ Биронъ не потрудился даже выучить языкъ страны, которую онъ презиралъ, не понимая ея величія, которымъ, однако, первый пользовался. А русскіе того времени, какъ и нынѣшніе, недостаточно признава-

---

*) Корсаковъ, *Воцареніе имп. Анны Іоанновны*, стр. 52.

**) Щербатовъ, *Сочиненія*, II, 188.

***) Хмыровъ, *Графиня Головкина*, 196 стр.

*†) *Чтенія общества изученія исторіи*, 1846 кн. IV, стр. 243.

ли историческую необходимость вліянія иностранцевъ на судьбу ихъ родины.

III.

Это исторически очевидный фактъ, что національный элементъ въ этой странѣ былъ неспособенъ использовать собственными силами средства, данныя въ его распоряженіе природой и исторіей, какъ онъ и сейчасъ еще неспособенъ использовать ихъ во всемъ объемѣ, безъ иностранной помощи. Громадность и исключительныя трудности задачи устраняютъ всякое исключительное толкованіе этого явленія. Племя, получившее при раздѣлѣ самую большую континентальную область, образованіе которой свѣтъ видитъ еще и до сегодня, которое сумѣло сохранить эту область и стремится еще увеличить ее, это племя въ сто тридцать милліоновъ человѣкъ вообще нельзя считать ниже другихъ племенъ. Пострадавшіе отъ его расширенія имѣютъ больше выгоды подтверждать это, потому что нельзя возвеличить себя, унижая побѣдителей. Но и Римъ завоевалъ міръ не безъ помощниковъ. И широкая система позаимствованія извнѣ, введенная Петромъ I, имѣетъ основаніе въ далекой старинѣ. Присутствіе и значеніе, даже количественное, иностранныхъ контингентовъ, въ разное время поглощенныхъ страной, ясно видно въ постепенномъ образованіи правящаго класса, въ генеалогіи знатныхъ фамилій. Судя по Бархатной книгѣ, перечню дворянства, хранящейся въ департаментѣ геральдіи и названной такъ по своему переплету, большинство этихъ фамилій ведутъ свое начало отъ иностранныхъ выходцевъ, пришедшихъ въ разное время на службу къ кіевскимъ, черниговскимъ, тверскимъ, рязанскимъ, московскимъ и новгородскимъ князьямъ. Больше того, по тому же документу, не считая потомковъ Рюрика, ни у одной фамиліи нѣтъ чисто-мѣстнаго происхожденія. Ихъ родоначальниками, безо всякаго исключенія, были черкесы, литовцы, пруссаки, волынцы, галичане, австрійцы, татары, шведы. Пруссаки — предки Салтыковыхъ, Морозовыхъ, Шереметьевыхъ; татары—предки Апраксиныхъ и Урусовыхъ; нѣмцы—предки

Толстыхъ; греки—предки Головиныхъ. А начальники не приходили одни! Нѣмецъ Индрисъ, отъ котораго произошли Толстые, привелъ съ собою 2,000 товарищей. Изъ фамилій, незаписанныхъ въ Бархатную книгу, Орловы происходятъ отъ нѣмца Лео; Новосильцевы отъ шведа Шалей; Блудовы отъ какого-то венгерскаго эмигранта.

На самомъ дѣлѣ эти указанія не должны быть принимаемы безъ оговорокъ. Странное самолюбіе людей плодило гипотезы, даже фантастическія выдумки. Среди двора или общества, гдѣ преобладали экзотическія вліянія, долгое время считалось хорошимъ тономъ приписывать себѣ такихъ предковъ. Это было своего рода снобизмомъ, примѣры котораго, кажется, сохранились до настоящаго времени и раздѣляются торговымъ классомъ. Лѣтъ десять тому назадъ въ Петербургѣ разбиралось дѣло о ложно-англійскомъ имени Викторсонъ, присвоенномъ однимъ крестьяниномъ Тверской губерніи. Онъ объяснилъ, что это онъ сдѣлалъ, чтобы лучше расходились его папиросы.

Вообще, эту черту нельзя отрицать. Въ арміи, даже въ церкви, иностранное происхожденіе большого числа извѣстныхъ лицъ не подлежитъ сомнѣнію. Авраамій Палицынъ, знаменитый келарь Сергіевской лавры, прославившійся во время самозванцевъ, былъ полякъ. Изъ 43 фельдмаршаловъ, назначенныхъ послѣ 1700 года, за исключеніемъ членовъ царствующей фамиліи, тоже иностранной, какъ извѣстно, находимъ: 13 обрусѣвшихъ недавно; 12 иностранцевъ или нѣмцевъ изъ балтійскихъ провинцій; 6 рюриковичей, болѣе или менѣе нормандскаго происхожденія; 6—потомковъ литовскаго князя Гедемина и 4—пруссака. Всего двое мѣстныхъ уроженцевъ: Шуваловы. Суворовъ вышелъ изъ Швеціи; Потемкинъ—изъ Польши. Князь Голенищевъ-Кутузовъ, герой войны 1812 года, происходилъ отъ нѣмецкаго предка по отцу и даже по матери, Беклемишевой. Мать защитника Москвы отъ поляковъ, князя Пожарскаго, принадлежала къ той же семьѣ. При Аннѣ Іоанновнѣ, три гвардейскихъ полка, попеременно находились подъ командой троихъ нѣмцевъ и одного англичанина: фельдмаршала Миниха, князя Брауншвейгскаго, Густава Бирона и генерала Кейта. Пробѣгая списокъ высшихъ

гражданскихъ чиновниковъ, отъ Анны Іоанновны до нашихъ дней, видимъ снова татаръ, какъ князъ Черкасскій; шотландцевъ, какъ Бестужевъ-Рюминъ, настоящее имя котораго было Бестъ; итальянцевъ, какъ Панинъ, у котораго были родственники въ Луккѣ; малороссовъ, какъ Безбородко и Кочубей; потомъ снова масса нѣмцевъ: Остерманъ, Нессельроде, мать котораго была дочерью португальскаго еврея. Только двое подлинныхъ русскихъ: Головкинъ и Румянцевъ. и одинъ Рюриковичъ—Горчаковъ.

Умственное движеніе питается здѣсь изъ тѣхъ же источниковъ. Въ семнадцатомъ вѣкѣ оно шло изъ Польши; Симеонъ Полоцкій, основатель школъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, вышелъ оттуда. Молдавія дала Россіи Петра Великаго своего единственнаго поэта: Кантемира. Ломоносовъ, въ слѣдующую эпоху, былъ вполнѣ русскій; но послѣ него Державинъ самъ воспѣлъ въ стихахъ свое татарское происхожденіе. Сумароковъ находитъ своихъ предковъ въ Швеціи, Херасковъ въ Валахіи, Болтинъ въ Крыму. Фонвизинъ плохо скрывалъ нѣмецкое изъ Ливоніи имя, а Карамзинъ гордился тѣмъ, что производитъ свое имя отъ имени какого-то Кара-Мурзы или Чернаго Мурзы, изъ степей. Предокъ Грибоѣдова назывался Грыбовскимъ и былъ вызванъ изъ Польши при Алексѣѣ Михайловичѣ, чтобы принять участіе въ трудѣ по собиранію законовъ, предпринятомъ въ то время. Жуковскій, какъ извѣстно, родился отъ плѣнной турчанки и обрусѣвшаго поляка, Бунишевскаго, который въ Россіи превратился въ Бунина. Лермонтовъ всю жизнь вздыхалъ по Learmonth-Tower, болѣе или менѣе искренно, которымъ его предки когда-то владѣли въ Шотландіи, а мать его была татарка. Малороссъ Гоголь считалъ себя потомкомъ поляка, дворянина Яновскаго, поселившагося на Украйнѣ. Къ африканской крови въ жилахъ Пушкина примѣшалась нѣмецкая кровь одного авантюриста тринадцатаго вѣка*).

По крайней мѣрѣ, отъ одиннадцатаго до девятнадцатаго вѣка, эти иностранцы на самомъ дѣлѣ держали въ своихъ рукахъ болѣе половины того, что было великаго и могучаго

*) Карновичъ, *Родовыя имена и званія въ Россіи*, 1886.

въ Россіи. Они ли одни создали эту силу и это величіе? Конечно, нѣтъ! По признанію самихъ нѣмцевъ, средства, которыя они находили въ этой странѣ, широкіе горизонты, которые открывались тамъ передъ ихъ предпріимчивымъ духомъ, удесятеряли природныя наклонности Остермановъ и Мин311ховъ. Нѣкоторые изъ нихъ выступали на другихъ сценахъ, до прихода въ Россію, и ничуть не блистали. Такъ было съ покорителемъ Данцига, котораго я вскорѣ покажу борющимся съ Бирономъ, а поэтому я долженъ здѣсь обрисовать его, такъ какъ Остерманъ, фигурировавшій здѣсь въ качествѣ третьяго лица, уже достаточно извѣстенъ читателю.

Назначенный Петромъ Великимъ на постройку каналовъ, Минихъ вполнѣ соотвѣтствовалъ этому положенію по-своему происхожденію. Онъ происходилъ изъ крестьянской семьи, изъ рода въ родъ занимавшейся этой работой въ Вюстеландѣ, болотистой странѣ Ольденбургскаго графства. Его отецъ, дослужившійся до чина полковника въ датской арміи, былъ уже дворяниномъ. Въ 1699 г., 16-ти лѣтъ, поступилъ на службу во Франціи, въ военно-инженерный корпусъ, перешелъ въ гессенскую армію, чтобы скорѣе получить чинъ маіора, сражался со своими прежними товарищами по оружію, подъ командой Евгенія Савойскаго и Мальборуга и, послѣ Удекарда, встрѣтился съ ними въ плѣну. Водворенный въ Камбрэ, онъ, какъ заявлялъ впослѣдствіи, познакомился въ это время съ Фенелономъ и бывалъ у него и любилъ вспоминать, можетъ быть, выдуманные, разговоры, доставившіе ему лучшія минуты въ жизни.

Въ 1716 году онъ уже оказывается на службѣ у Августа II, теперь уже генераломъ, но недоволенъ цѣной, назначенной за его достоинства, и колеблется, какой сдѣлать выборъ, между Петромъ I и Карломъ XII, которые, кажется ему, лучше могутъ оцѣнить его. Смерть шведскаго короля вывела его изъ затрудненія и заставила направить свои стопы въ Петербургъ. Несмотря на его величественную осанку и воинственный видъ, онъ все еще былъ не у дѣлъ, не попалъ въ персидскую кампанію и призванъ былъ въ 1723 году, по рекомендаціи Брюса, на постройку, неудачно начатаго, Ладожскаго канала. Съ 1710 года, изъ 104 верстъ протяженія,

русскій строитель, Писаревъ, протеже Меншикова, успѣлъ построить только десять, и эта работа оказалась неудовлетворительной. Нѣмецъ обѣщалъ большій успѣхъ, но потребовалъ договора и должность начальника артиллеріи. Чтобы получить больше, онъ долженъ былъ ждать паденія Меншикова. Тогда, въ царствованіе Петра II, онъ получилъ въ губернаторство Ингерманландію и Финляндію, съ командованіемъ находящимися тамъ войсками. При коронаціи молодого царя ему къ этому прибавили титулъ графа, а когда былъ оконченъ Ладожскій каналъ, его сдѣлали петербургскимъ губернаторомъ. Елизавета, которой надо было пристроить одного изъ покровительствуемыхъ ею поручиковъ, не была чужда этому избранію *).

Командованіе артиллеріей все еще ускользало у него. Не имѣя другихъ средствъ достигнуть этого, онъ женился на вдовѣ гофмаршала Салтыкова, нѣмкѣ, урожденной Мальзанъ, которая располагала большими связями, и она, кромѣ желаемаго, доставила ему еще и предсѣдательство въ военной коллегіи. Онъ образовалъ два новыхъ гвардейскихъ корпуса, Измайловскій и Конногвардейскій, организовалъ инженерный корпусъ отдѣльно отъ артиллеріи, основалъ кадетскіе корпуса и добился большой популярности среди русскихъ тѣмъ, что уравнялъ содержаніе въ арміи, гдѣ со временъ Петра Великаго, иностранцы получали двойное содержаніе.

Сначала Биронъ хотѣлъ воспользоваться этой популярностью, чтобы противопоставить этого соотечественника Остерману. Онъ хотѣлъ, чтобы президентъ военной коллегіи засѣдалъ въ Кабинетѣ, новомъ органѣ управленія, созданномъ при императрицѣ Аннѣ. Но онъ скоро раскаялся въ этомъ. Разъ добившись этого мѣста, Минихъ думалъ совсѣмъ о другомъ, чѣмъ помогать фавориту противъ его нѣмецкаго соперника. Честолюбіе этого кондотьера принадлежало къ породѣ тѣхъ, которыя растутъ все выше и выше. Скоро пришлось убѣдиться, что въ немъ, при его скорѣе посредственныхъ талантахъ, была стихійная сила, игравшая препятствіями, когда не надо считаться ни съ людьми, ни съ обстоятельствами, и

*) Карабановъ, *Воспоминанія*, *Русская Старина*, 1871 II; 12.

которая особенно дѣятельна, благодаря этому, въ странахъ молодыхъ, гдѣ она можетъ творить чудеса. Мало знаній и еще меньше хитрости. Желая сдѣлаться придворнымъ человѣкомъ, онъ всегда попадалъ въ смѣшное положеніе. Въ политикѣ онъ дѣлалъ только одни промахи. На войнѣ онъ не умѣлъ побѣдить безъ большихъ потерь. Одинъ убитый турокъ стоилъ ему троихъ русскихъ. Но никто лучше его не пренебрегалъ страданіями и человѣческой жизнью, и никто лучше не умѣлъ приносить себя въ жертву. Онъ не щадилъ себя и не щадилъ никого и ничего.

Занятый интригами, Биронъ намѣревался извлечь выгоду изъ его рѣшительности и силы; тотъ дѣйствовалъ локтями, бѣсновался и расталкивалъ всѣхъ съ такимъ ожесточеніемъ, что внѣшняя политика Анны была отчасти обусловлена необходимостью избавиться отъ такого ужаснаго животнаго. Левенвольде—ихъ было теперь трое, и всѣ они занимали важные посты при дворѣ и въ посольствахъ—сами взялись за это. Сначала его послали въ Польшу, противъ Лещинскаго, потомъ въ Крымъ, противъ турокъ. Онъ повсюду много израсходовалъ народа, выигралъ нѣсколько сраженій, которыя, дорого стоя, приносили мало.

Эти соперничества, за которыя платила Россія, много способствовали тому, что имя фаворита, а также память о его режимѣ, которому было присвоено его имя, стали отвратительны. Задавшись цѣлью разсмотрѣть характерныя черты этой главы національной исторіи, я надѣюсь, что дамъ возможность самому читателю разобраться въ спорѣ, который, кажется, затянется надолго.

ГЛАВА IX.

Внутреняя политика царствованія.—Нѣмцы у власти.

I. Организація новаго правительства.—Сенатъ.—Кабинетъ.—Олигархія, составленная изъ иностранцевъ.—Остерманъ и Биронъ. II. Административныя реформы.—Возвращеніе къ программѣ Петра Великаго.—Возвратъ въ Петербургъ.—Законодательные и юридическіе акты.—Реформа и традиція.—Утилитарный характеръ уголовнаго процесса.—Одиссея Ваньки Каина.—Жестокость.—Высшая полиція и полиція административная.—Бѣдность послѣдней.—Пожары.—Нищенство.—Разбои.—Медицинская канцелярія. III. Финансы.—Недостаточность средствъ, осложнявшаяся отъ неправильнаго поступленія налоговъ.—Медленность экономическаго развитія.—Ея причины.—Переселеніе. IV. Военное устройство.—Трудность поддержать его кадры.—Общее бѣгство.—Манифестъ 1736 г.—Частичное отступленіе отъ принципа обязательной службы.—Его послѣдствія.—Разрывъ съ народными традиціями.—Слишкомъ большая погоня за иностранными образцами.—Роль Миниха.—Упадокъ флота.—Его причины.—Первая встрѣча на морѣ русскихъ съ французами.—Военно-учебныя заведенія.—Ихъ недостаточность.—Кадетскій корпусъ. V. Народное образованіе.—Недостатокъ школъ.—Академія Наукъ.—Уходъ ученаго персонала, собраннаго Петромъ I.—Россіи приходится пользоваться плодами иностранной науки.—Байеръ.—Миллеръ.—Научные журналы.—Первые русскіе ученые.—Ададуровъ.—Тредіаковскій.—Татищевъ.—Вторая экспедиція Беринга.—Благородныя усилія. VI. Правительство Анны и національная церковь.—Протестантскія и католическія тенденціи.—Прокоповичъ.—Торжество православія.—Преслѣдованіе ереси и раскола. VII. Ложно приписываемый этому царствованію характеръ иноземной тираніи.—Причины такой ошибки.—Такъ называемыя жертвы народнаго дѣла.—Румянцевъ.—Ягужинскій.—Долгорукій.—Черкасскій.—Волынскій.—Его карьера.—Его проекты реформъ.—Его процессъ и казнь.—Разсказы и исторія.—Заключеніе.

I.

Правленіе этого царствованія было, конечно, олигархіей, состоявшей изъ иностранцевъ, и его организація, измѣнив-

шаяся съ теченіемъ времени для ихъ удобства, носила отпечатокъ такого вліянія. Возстановленіе значенія сената, „какъ при Петрѣ Великомъ“, постигла участь всѣхъ уступокъ, дѣлаемыхъ побѣжденнымъ. Снабженное снова всей обстановкой, соотвѣтствующей „правительственной власти“, высокое собраніе имѣло генералъ-прокурора, цѣлую армію прокуроровъ, пять департаментовъ (церковныхъ дѣлъ, военный и морской, финансовъ, юстиціи, мануфактуръ и комерціи), и ему принадлежало верховное руководство всей администраціей во всѣхъ ея степеняхъ. Но съ 6 ноября 1731 г., рядомъ возникъ Кабинетъ министровъ, который внезапно началъ угрожать этой власти оставить на ея долю лишь внѣшности этой, вернувшейся къ нему, власти. Новый органъ правительства функціонировалъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ личный, и такъ сказать, тайный секретаріатъ императрицы, подъ руководствомъ Остермана. Придавая ему оффиціальное существованіе, ноябрьскій указъ какъ будто желалъ ввести его въ государственный организмъ безъ шума, тайкомъ. Въ принципѣ рѣчь шла только о посредническомъ органѣ между государыней и другими государственными учрежденіями; но этотъ принципъ на практикѣ оказался очень растяжимымъ; новымъ указомъ отъ 9 іюля 1735 г. начался рядъ дальнѣйшихъ захватовъ, что совершенно измѣнило физіономію новорожденнаго. Такимъ образомъ, оказалось, что воскресъ Верховный Совѣтъ, только подъ другимъ названіемъ и съ другими лицами, но обладавшій всѣми правами стараго, въ томъ числѣ и правомъ издавать законы; указы, исходящіе изъ Кабинета, даже въ отсутствіе императрицы, должны были имѣть законную силу, какъ бы подписанные ею.

А императрица отсутствовала часто. Вначалѣ она аккуратно присутствовала на засѣданіяхъ кабинета, и въ тотъ моментъ, когда обсуждались мѣры противъ Долгорукихъ, она проводила цѣлые дни со своими министрами. Но это прекрасное усердіе мало-по-малу остыло, и уже въ 1732 г. присутствіе ея величества въ Кабинетѣ отмѣчено только два раза. Министрами были Головкинъ, князь Черкасскій, Остерманъ и Минихъ. Но канцлеръ добровольно стушевывался и

Анна Леопольдовна.

остался дома; Черкасскій былъ человѣкомъ ограниченнымъ, а отъ Миниха Остерману отдѣлаться было не трудно, когда Биронъ убѣдился, что онъ ему безполезенъ. Въ сущности вице-канцлеръ управлялъ дѣлами вмѣстѣ съ фаворитомъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда обращался къ знанію нѣкоторыхъ спеціалистовъ, какъ Прокоповичъ или Ушаковъ *). И такое направленіе охватывало все; по словамъ Сперанскаго, министра-преобразователя будущаго вѣка, „оно присвоивало себѣ всѣ элементы власти, соединенные въ лицѣ государя и проявляющіеся въ законодательствѣ, высшей администраціи и верховной юстиціи". Часто приглашаемый на засѣданія, Ушаковъ представлялъ тамъ высшую государственную полицію, въ силу возстановленія подъ именемъ Канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, Преображенскаго приказа.

II.

Одинъ историкъ того времени, весьма строгій критикъ тогдашнихъ нравовъ, Щербатовъ, отзывается о такомъ управленіи очень одобрительно. Одна знать, лишенная новыми олигархами власти, захваченной ею на время, могла жаловаться, думаетъ онъ, на подобное правительство. Народъ же, напротивъ, имѣлъ всѣ причины быть довольнымъ. Законы ясные и примѣняемые точно; суды, не обязанные считаться съ произволомъ или заискиваться у сильныхъ, самихъ дрожащихъ за себя; подробное обсужденіе всѣхъ вопросовъ, имѣющихъ общій интересъ, въ Кабинетѣ, члены котораго не боялись противорѣчить даже самой императрицѣ; а главное, и прежде всего, умѣренныя подати, не превосходящія способностей плательщиковъ. Правда, раздача должностей и милостей зависѣла отъ Бирона и его жидовъ; но

*) Филипповъ, Введеніе въ I томъ „Документовъ Кабинета", Сборникъ, CIV, XXXIV и сл.; Его же, *Кабинетъ министровъ и верховное управленіе.*

такъ какъ народъ не предъявлялъ на нихъ притязанія, то и не горевалъ объ этомъ.

Такая характеристика, по моему, можетъ буть принята только при подробномъ разборѣ. На активъ я поставляю сначала весьма почтенную попытку административной реорганизаціи въ провинціи, гдѣ воеводы, не знавшіе никакого удержу съ предыдущаго царствованія, возвращались въ галопъ къ свойственной имъ ужасной тираніи. Но мысль заставлять ихъ пріѣзжать каждые два года, чтобы отдавать отчетъ, должна была, на практикѣ, повести къ исключительной централизаціи, неудобства которой ощущаются еще до сихъ поръ. А изъятіе изъ ихъ вѣдѣнія собиранія подушной подати и передача въ вѣдѣніе помѣщиковъ было мѣрой сомнительнаго достоинства съ фискальной точки зрѣнія и составляющей соціальную безсмыслицу. Я объяснюсь по этому поводу дальше.

Уничтоженіе маіоратовъ было мудрой мѣрой. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, Петръ Великій пошелъ слишкомъ быстро, а они не могли съ такой же быстротой измѣнить экономическій режимъ страны, гдѣ земля составляла единственный свободный капиталъ. Не имѣя возможности выплачивать долю младшимъ, старшіе должны были разорять свои имѣнія, отдавая единственное имѣвшееся у нихъ имущество: крестьянъ и скотъ.

Нѣкоторое улучшеніе въ дѣлѣ колонизаціи тоже заслуживаетъ быть указаннымъ здѣсь. Двадцать полковъ, поселенныхъ между Днѣпромъ и Днѣстромъ, положили въ то время начало грандіозному дѣлу, за развитіемъ котораго мы слѣдимъ сейчасъ. Послѣ подавленія мятежа Булавина (1707 г.) эти земли превратились въ пустыню. Въ 1737 г. генералъ-маіоръ Таракановъ получилъ тамъ концессію въ 4,000 десятинъ, чтобы заселить малороссами; въ то время, какъ далѣе къ востоку, по нижнему теченію Волги, Хопра и Медвѣдицы, притоковъ Дона, также основались кое-какія поселенія.

Значительно улучшились и пути сообщенія. Подобно большинству реформъ Петра Великаго, орудіемъ этого улучшенія была война, такъ какъ ведущимъ ее приходилось устраивать сообщеніе между арміями и ихъ операціонной базой. Дорога,

устроенная между Москвой и Кіевомъ, на Калугу, Сѣверскъ и Глухово, со станціями черезъ каждые 25 верстъ, была дорогой военной, но она существовала и послѣ заключенія мира.

Послѣ періода застоя, даже шага назадъ, составлявшаго предыдущее правленіе, снова, такимъ образомъ, возвращались на путь Преобразователя, но постепенно, не спѣша, во многихъ случаяхъ только намѣчая дальнѣйшіе пункты движенія.

Рѣшенное въ 1732 г. возвращеніе въ Петербургъ двора и государственныхъ учрежденій подчеркнуло этотъ переходъ. Но такъ ли хороша была столица, куда дала себя перевезти Анна Іоанновна, какою ее хотѣлъ сдѣлать Петръ? Онъ мечталъ создать на берегахъ Невы русскій городъ, русскій флотъ и русскую торговлю, которые служили бы базой господства Россіи надъ сѣверо-восточной Европой. Напротивъ, съ Остерманомъ и Бирономъ, тамъ Европа имѣла свою главную квартиру, откуда управляла Россіей и эксплуатировала ея торговлю и промышленность. И въ этомъ отношеніи ничто не измѣнилось и до сихъ поръ. Но къ городу вернулась часть его жизни, уже угасавшей въ немъ. На Васильевскомъ островѣ снова принялись за постройку домовъ, которая была начата по приказанію Петра I и заброшена при Петрѣ II.

Законодательная дѣятельность царствованія была толченіемъ на одномъ мѣстѣ. Вѣчная попытка изданія законовъ съ помощью собранія депутатовъ началась съ обычнымъ успѣхомъ, чтобы закончиться... перепечаткой стариннаго уложенія Алексѣя Михайловича! Анна и ея совѣтники дѣлали усилія болѣе серьезныя, въ видахъ улучшенія судопроизводства. Общая тенденція, и всегда черезчуръ поспѣшная, къ объединенію повела къ уничтоженію въ Москвѣ при Петрѣ I спеціальныхъ судовъ. Ихъ было восемь для гражданскаго и уголовнаго судопроизводства: судъ во Владимірѣ для нѣкоторыхъ категорій чиновниковъ; губернскій судъ для Москвы и ея окрестностей; судъ въ Смоленскѣ для дворянства въ этой губерніи, и т. д. Съ 1710 по 1727 г. указами была установлена централизація судопроизводства въ губернскихъ канцеляріяхъ. Такъ, московская канцелярія получила 21,388 текущихъ дѣлъ и была этимъ слишкомъ завалена. Видя это,

правительство Анны снова распорядилось отдѣлить гражданскій судъ отъ уголовнаго, дѣла котораго были поручены двумъ приказамъ: судному и сыскному *). Но скопленіе дѣлъ все увеличивалось. Традиціонная волокита продолжала парализовать примѣненіе закона. И какъ прежде, частные люди выдумывали способы обходить его. Знаменитыя похожденія Ваньки Каина, типа вора-сыщика, даютъ въ этомъ отношеніи любопытныя и странныя указанія. Бѣжавшій изъ дому своего хозяина, купца, по фамиліи Филатьева, котораго онъ обокралъ, Ванька, преслѣдуемый и пойманный на московскихъ улицахъ, познакомился съ патріархальнымъ судопроизводствомъ. Собственной властью Филатьевъ присудилъ его продержать два дня на одной цѣпи съ ручнымъ медвѣдемъ, который, до сыта накормленный, не растерзалъ даннаго ему товарища, но отказался раздѣлить съ нимъ свой обѣдъ. На третій день Филатьевъ собирался наказать своего плѣнника батогами, какъ былъ остановленъ ужаснымъ слово и дѣло, во все горло выкрикнутыхъ Ванькой. Одна служанка, сжалившись надъ воромъ, дала ему поѣсть и сказала ему, что купецъ скрываетъ у себя въ домѣ трупъ одного полицейскаго.

Такимъ образомъ Ванька вступилъ въ сношенія съ представителями исполнительной власти, заручившись ихъ благосклонностью съ помощью доноса, который сослужилъ такую службу, что ему захотѣлось испытать его вторично. И съ этихъ поръ въ теченіе многихъ лѣтъ, онъ попеременно былъ то воръ, то сыщикъ, исполняя свое двойное ремесло подъ прикрытіемъ оффиціально полученнаго отъ Сената порученія и съ помощью низшихъ полицейскихъ служащихъ, предоставленныхъ въ его распоряженіе. Онъ обложилъ данью безконечное число лицъ, обвиняя ихъ въ воображаемыхъ преступленіяхъ. Онъ подвелъ подъ тѣлесное наказаніе молодую вдову, единственнымъ преступленіемъ которой было то, что она отвергла его ухаживаніе. Но, подкупивъ судей, онъ заплатилъ палачамъ, и жертва, отдѣлавшись легкимъ наказаніемъ, согласилась, изъ благодарности и чтобы

---

*) *Сводъ Законовъ*, 5521, 5597.

не подвергнуться большему, выйти за него замужъ. Его подвиги кончились только въ 1749 году послѣ ужаснаго пожара, гдѣ онъ дѣйствовалъ съ чрезвычайной безцеремонностью и его дѣло тянулось до 1755 года. И наконецъ, ему все же даровали жизнь *).

Однако, правительство Анны старалось уничтожить этотъ источникъ злоупотребленій. Оно присуждало къ смертной казни ложныхъ доносчиковъ; запрещало прекращать наказаніе преступниковъ, крикнувшихъ: слово и дѣло! Но вслѣдъ за этимъ распоряженіемъ, изданнымъ 10 апрѣля 1730 г., слѣдовало другое, появившееся шестью днями позже и назначавшее также смертную казнь за недонесеніе въ важныхъ дѣлахъ. И этотъ быстрый шагъ назадъ былъ только началомъ ряда другихъ подобныхъ же ограниченій, въ родѣ распоряженія 1733 г., которое замѣняло смертную казнь для монаховъ—ложныхъ доносчиковъ отдачей въ солдаты. Въ дѣйствительности, уголовный процессъ того времени основывался, и прежде и послѣ, на этомъ ложномъ и развращающемъ основаніи, противорѣчащемъ самой идеи правосудія, по знаменитому выраженію Бенжамена Констана. Для него не существовало также принципа, выставленнаго русскимъ законовѣдомъ Чичеринымъ: „Чтобы я уважалъ законъ, онъ долженъ уважать меня". Онъ былъ отвратительно утилитаренъ и до крайности жестокъ. Въ 1730 г. крестьянка Евфросинья, уличенная въ убійствѣ мужа, была живой закопана въ землю 21 августа въ Брянскѣ и умерла только 22 сентября **). Послѣ возстановленія Сыскного приказа, въ пять мѣсяцевъ, съ 1 августа 1730 г. до января 1731 г., въ протоколахъ бюро значится 425 человѣкъ, подвергнутыхъ пыткѣ, 11 казненныхъ, 57 сосланныхъ въ Сибирь, 44 отданныхъ въ солдаты ***), и изъ этого застѣнка вышло извѣстное выраженіе: „сказать всю подноготную".

Попадали туда очень легко. Въ 1736 г. кабинетскій курьеръ былъ тамъ наказанъ кнутомъ за то, что говорилъ

---

*) Есиповъ, *Восемнадцатый вѣкъ,* III, 280—342.

**) *Русская Старина,* 1877, VI, 398.

***) Есиповъ, указ. соч., 302 стр.

на одной почтовой станціи въ Сибири о близкой свадьбѣ княжны Анны Леопольдовны, о которой всѣ говорили въ Петербургѣ. Въ 1737 г. туда попалъ мужикъ, несшій курицу, за то, что сказали, будто бы онъ укралъ ее. Заподозрѣнный на какомъ основаніи? Ни на какомъ. Дѣло долженъ былъ выяснить палачъ *). Подозрительное по своему положенію, это правительство проходимцевъ постоянно дѣйствовало на удачу. Оно отправило въ тайную канцелярію, т. е. въ застѣнокъ, одного священника, Іосифа Рѣшилова, арестованнаго „по важному подозрѣнію", а какому—неизвѣстно **). Двусмысленнаго слова, превратно истолкованнаго жеста было достаточно, чтобъ поставить на ноги полицію и инквизиторовъ. Юному Мартину Карловичу Скавронскому, родственнику покойной императрицы, 20-ти лѣтъ, вздумалось какъ-то шутя сказать своимъ слугамъ, что бы онъ сталъ дѣлать, если бы былъ царемъ. Приговоренъ къ наказанію кнутомъ по доносу слуги. Когда дѣло было болѣе серьезное, какъ дѣло лжецаревича Алексѣя—повидимому сумасшедшаго, которому во время турецкой войны повѣрили нѣсколько крестьянъ въ Ярославцѣ близъ Кіева—то тутъ творилось нѣчто ужасное, и Анна проявляла черты, которыя ей приписывалъ мужъ царевны Прасковіи. Долгіе мѣсяцы допросовъ подъ кнутомъ, дни казней, плаха, колъ, костры ***).

Въ концѣ царствованія два иностранныхъ дипломата попытались подвести итогъ этого высшаго и низшаго правосудія, пользуясь, вѣроятно, одними и тѣми же документами, потому что цыфры у нихъ почти однѣ и тѣ же, съ небольшими отступленіями, которыя можно приписать ошибкѣ при перепискѣ. Ла-Шетарди приходитъ къ цифрѣ 37,002 жертвы, изъ которыхъ 1,002 казнены, а прочія сосланы въ Сибирь. Мардефельдъ считаетъ только 5,002. Правда, что его товарищъ принимаетъ во вниманіе и тайныя казни, между которыми онъ указываетъ и казнь герцога де-Фальери, мужа знаменитой любовницы герцога Орлеанскаго. Несчастный прі-

*) *Ibid.*, 287 стр.
**) Чистовичъ, *Дѣло Рѣшилова*, 1861.
***) *Соловьевъ*, Исторія Россія, XX, 416 стр.

ѣхалъ въ Россію незадолго до замужества Анны Леопольдовны съ герцогомъ Брауншвейгскимъ, привезя драгоцѣнности и письма къ герцогинѣ отъ своего отца; потомъ, заподозрѣнный въ преступныхъ козняхъ, онъ исчезъ безслѣдно *).

И законъ не зналъ никакихъ ограниченій для подобнаго вмѣшательства государственной полиціи. Она вторгалась во всѣ общественныя и частныя дѣла, претендуя, что все знаетъ. Она врывалась въ дома и нарушала святость семейнаго очага. Только объ одномъ она ничуть не заботилась: о томъ, чтобы слѣдить за поддержаніемъ порядка и безопасности въ городахъ и деревняхъ. Это дѣло административной полиціи, скажете вы. Но послѣдняя находилась еще въ зачаточномъ состояніи. До 1733 г. она существовала въ самой элементарной организаціи только въ обѣихъ столицахъ. Въ этомъ году, по сообщенію князя Гессенъ-Гомбургскаго, попытались ввести ее въ двадцати пяти другихъ городахъ. Находясь въ Казани, принцъ былъ пораженъ грязью и вонью, царившими тамъ. Въ 1737 г. были учреждены стражи и патрули, чтобъ слѣдить за пожарами. Въ предыдущемъ году было нѣсколько ужасныхъ пожаровъ. Въ Москвѣ сдѣлались добычею огня Кремль, Китай-городъ, Бѣлый-городъ, обѣ Басманныя, Нѣмецкая слобода, Лефортовская слобода, 102 церкви, 11 монастырей, 4 дворца, 17 богадѣленъ, 2527 домовъ, 9145 мелкихъ построекъ **). И, по обычаю, бѣдствіе послужило предлогомъ къ общему грабежу, въ которомъ принимали большое участіе солдаты и матросы. Въ окрестностяхъ столицъ лѣса горѣли постоянно, такъ что императрица жаловалась въ іюлѣ 1735 г., что не можетъ открыть оконъ изъ-за дыма ***). Въ это время былъ организованъ корпусъ трубочистовъ, подъ наблюденіемъ полиціи, и суровое наказаніе грозило—смертная казнь: ихъ приказано сжигать живыми. Легкомысленный разговоръ о пожарѣ могъ подвести подъ кнутъ.

Нищенство и разбои, тѣсно связанные, представляли дру-

---

*) Шетарди, 10 января 1741 (30 декабря 1740). Иностр. Дѣла. Россія. Мардефельдъ, 7 янв. 1741, *Архивъ Воронцова,* XXV, 95 стр.

**) *Чтенія* Общества по изученію исторіи, 1858, стр. 1—50.

***) Соловьевъ, *Исторія Россіи,* XX, 215.

гую язву, съ которой трудно было справиться, тѣмъ болѣе, что само правительство способствовало ихъ поддержанію. Задержанные за долги ходили по улицамъ съ политическими арестантами, которыхъ тюрьма не кормила, и тѣ и другіе должны были выпрашивать хлѣбъ у публики. Въ кандалахъ, подъ конвоемъ, они ходили по городу, выставляя на показъ свое истощеніе и раны отъ перенесенныхъ пытокъ. Обычай правежа для неисправныхъ должниковъ все еще существовалъ. Ихъ стегали по ногахъ до уплаты долга. Но указъ разрѣшалъ тюрьмамъ отдавать арестантовъ въ разнаго рода работы, и этотъ обычай сохранился до сихъ поръ. Число нищихъ все увеличивалось; рѣшено было болѣе молодыхъ отдавать въ солдаты и въ матросы, а другихъ отправлять въ каторжныя работы; въ то же время заимодавцы впредь обязаны были кормить своихъ должниковъ. Самымъ очевиднымъ послѣдствіемъ этихъ мѣръ было усиленіе разбоевъ; появились вооруженныя шайки. Въ апрѣлѣ 1735 года одна изъ нихъ могла продержаться подъ Петербургомъ нѣсколько мѣсяцевъ и дать настоящее сраженіе отряду пѣхоты и, обративъ его въ бѣгство, грабить и обирать жителей. Въ деревнѣ Ушакова, убивъ управляющаго Нарышкина, она заказала обѣдню и дала священнику 3 рубля на колоколъ для его церкви *). Въ 1739 году казнили въ Москвѣ главу шайки, назвавшагося княземъ Ликутьевымъ **). Даже духовенство принимало участіе въ разбояхъ. Въ 1735 г. въ малороссійской деревнѣ Кролевецъ домъ священника былъ атакованъ вооруженной шайкой двухъ монаховъ ***). Спеціальный отрядъ войска подъ предводительствомъ подполковника Реткина былъ назначенъ для подавленія этихъ безпорядковъ. Въ 1732 году онъ казнилъ 440 человѣкъ, а въ 1736— 825 чел. *†). Слѣдовательно, преслѣдованіе не уменьшало числа воровъ.

Ни по количеству, ни въ особенности по качеству, город-

---

*) Документы Сената. Дѣла *Кабинета*, №№ 35—1112.

**) Даниловъ, Воспоминанія, 1842, 57 стр.

***) Лазаревскій, Очерки жизни Малороссіи въ восемнадцатомъ вѣкѣ, *Русскій Архивъ*, 1871

*†) Документы Сената. Дѣла *Кабинета*, № 28—1105.

ская полиція не была на высотѣ своего положенія. Сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе—большею частью еще молодые или дряхлые старики—въ особенности заботились о собственныхъ удобствахъ. Въ холодную или ненастную погоду они всегда уходили изъ будокъ спать въ сосѣдніе дома. В 1728 г., впрочемъ, будки были уничтожены, такъ какъ, по словамъ указа, сдѣлались притонами грабежа. У входа въ города существовали заставы; но если на вопросъ: „Кто ты? Что несешь?“ воръ отвѣчалъ: „Водку!“ онъ могъ быть увѣренъ, что его пропустятъ. Очень часто сама публика становилась между представителями порядка и нарушителями его, и всегда въ пользу послѣднихъ. Случалось, что нанимали солдатъ, чтобъ вырвать изъ рукъ полиціи вора или симпатичнаго контрабандиста *). Много возни было у полиціи съ людьми, мчавшимися по улицамъ въ галопъ и давившими прохожихъ. Въ 1727 г. Миниха чуть не убило дышломъ кареты, несшейся вскачь по многолюдной улицѣ.

Когда разбойники и поджигатели давали нѣкоторый отдыхъ населенію, приходила очередь болѣзнямъ. Когда въ 1737 г. въ Псковѣ открылась эпидемія, городъ увидѣлъ, что у него нѣтъ ни одного врача. Запрошенная по этому поводу Медицинская канцелярія—таковая существовала—объяснила: у нея есть одинъ лѣкарь или одинъ докторъ въ Петербургѣ и одинъ въ Москвѣ при ратушѣ; но они нужны на мѣстѣ **). За два года передъ тѣмъ былъ отправленъ въ Новопавловскъ аптекарскій помощникъ. Онъ обратился къ мѣстнымъ военнымъ властямъ, прося отвести квартиру, и получилъ отвѣтъ: „Что же вы не привезли ее изъ Москвы?“ Онъ настаивалъ и ему пригрозили батогами. Онъ долженъ былъ съ своей аптекой расположиться на улицѣ. Только въ 1737 г. было рѣшено отправить въ Псковъ, Новогородъ, Тверь и Ярославль военныхъ лѣкарей изъ отставныхъ и аптекарей ***).

Недостатокъ въ деньгахъ, конечно, игралъ значительную роль при медленномъ исполненіи всѣхъ подобныхъ проектовъ.

---

*) Есиповъ, указ. соч., 289. стр.

**) Соловьевъ, *Исторія Россіи*, XX, 215 стр.

***) *Ibid.*, XX, 216 стр.

III.

По донесенію, посланному Маньяномъ въ концѣ 1730 г. *), бюджетъ имперіи, въ главѣ доходовъ, равнялся 8,560,000 руб., изъ которыхъ половину доставляли подушныя подати. И эти доходы были далеки отъ дѣйствительности. Въ 1733 г.—по донесенію прокурора финансовой коллегіи, Мельгунова,—изъ 2,439,573 руб. томоженныхъ кабацкихъ и прочихъ доходовъ поступило всего 186,982 рубля. Была ли надежда собрать остальные? Чтобы узнать, надо было ждать рапортовъ, которые губернаторы и воеводы не торопились присылать, несмотря на двѣнадцать подъ рядъ указовъ. Послѣдній изъ нихъ предписываетъ за неприсылку рапортовъ держать подъ карауломъ, а ихъ подчиненныхъ въ оковахъ; но и это не оказывало дѣйствій **).

Для борьбы со зломъ, одна за другой были учреждены „Ревизіонъ-коллегія“, „Счетная комиссія“ и „Доимочный приказъ“. Комиссія состояла изъ 500 чиновниковъ, съ 1732 г. по 1736 г. разсмотрѣла 78 счетовъ на сумму 2,204,712 руб. Начетовъ нашла всего на 1,152 рубля. Упраздненная послѣ такихъ подвиговъ, она переслала свои дѣла въ коллегію. Но уже въ 1735 г. прокуроръ Сената, Масловъ, доносилъ императрицѣ, что тамъ не разсмотрѣли ни одного счета, потому что ихъ туда не доставили. Предсѣдатель комерческой коллегіи, баронъ Шафировъ, имѣлъ прекрасныя основанія не посылать своихъ отчетовъ: онъ кралъ безсовѣстно, а такъ какъ онъ въ то же время былъ сенаторомъ, то Сенатъ спускалъ ему ***). Масловъ рѣшился заговорить объ этомъ, чувствуя себя при смерти.

На бумагѣ отъ этого скромнаго бюджета въ восемь милліоновъ оставался остатокъ, благодаря системѣ, унаслѣдованной современной Россіей отъ старой Москвы и позволявшій

---

*) Ин. Дѣла, Россія, томъ XXIII, тетр. 344.

**) Соловьевъ, *ук. соч.*, XX, 185.

***) Документы Сената. Дѣла *Кабинета*, № 6—1083.

чиновникамъ и военнымъ растрачивать большія суммы, черпая ихъ изъ запасовъ. Такъ, получая на свою долю девять десятыхъ суммы доходовъ, доставляемыхъ подушной податью—3,775,015 рублей изъ 4,000,000, и кромѣ того, фигурируя въ бюджетѣ цифрой 739,609 рублей, армія не могла бы удовлетвориться этимъ, если бы, разселенная по губерніямъ, не жила на счетъ обывателей. Губернская администрація ничего не стоила, такъ какъ воеводы дѣйствовали такъ же, какъ военные. Получая много доходовъ въ видѣ натуральныхъ повинностей, дворъ при всей своей роскоши довольствовался 360,000 рублями. Другая причина экономіи заключалась въ незначительности суммъ, отпускаемыхъ на различныя вѣдомства, которыя въ то время, не соперничая въ расходахъ арміи, все же собирали значительныя суммы. Напримѣръ, содержаніе дорогъ стоило мало, по той простой причинѣ, что и поддерживать-то нечего—ихъ еще не было! Ежегодный расходъ на народное образованіе, почти весь шедшій на содержаніе равнялся 49,373 руб. Медицинская канцелярія, съ ея двумя медиками и физикомъ, не расходывала и половины этой суммы. Въ виду всего этого, финансы Анны Іоанновны могли бы быть въ блестящемъ состояніи, если бы подати, каковы бы они ни были, поступали правильно. Но онѣ не поступали, и дефицитъ увеличивался. Когда подошла война, дыра превратилась въ пропасть.

Въ 1736 г. должны были вернуться къ старинному способу уплаты мѣхами и китайскими товарами жалованія нѣкоторымъ чиновникамъ въ столицахъ и губернскихъ городахъ *). Въ 1739 г. былъ возстановленъ законъ, по которому при Петрѣ Великомъ, чиновники, служащіе въ другихъ городахъ, получали жалованье вдвое меньше, противъ служащихъ въ Петербургѣ. Потомъ распорядились выплачивать и эту половину только послѣ уплаты слѣдуемыхъ денегъ на армію, артиллерію и флотъ **).

Характерной чертой для исторіи финансовъ этого царствованія является учрежденіе въ Москвѣ въ 1730 г., съ

*) Сводъ Законовъ, п. 7107.

**) *Ibid.*, п. 7812.

отдѣленіемъ въ Петербургѣ—специальной канцеляріи конфискованныхъ имуществъ, которая доставила большую пользу государству *).

Все-таки доходъ въ восемь милліоновъ былъ очень зыбкимъ основаніемъ для воздвигнутаго Петромъ Великимъ великаго зданія, которое надо было поддерживать. Остерманъ и люди его взглядовъ прекрасно понимали, что это дѣло не можетъ долго продолжаться безъ того развитія экономическихъ силъ страны, которое предвидѣлъ и Преобразователь. Они занимались этимъ вопросомъ, но для поощренія производства не находили другого средства, какъ налегать на производителей. Въ 1734 г. по рѣшенію Коммерцъ-Коллегіи, былъ созданъ особый наблюдательный комиссаріатъ надъ фабриками, съ обязательствомъ для фабрикантовъ платить жалованіе комиссарамъ **). И въ этомъ духѣ были почти всѣ мѣры, принятыя правительствомъ Анны.

Государство, оставаясь само фабрикантомъ, хозяиномъ рудниковъ и горныхъ заводовъ, не много получало съ своихъ предпріятій, и тому были причины. Управляющій государственными желѣзными и мѣдными рудниками въ Пермской губерніи, Геннинъ, жаловался, что не можетъ выдерживать конкуренціи Демидова, который при вдвое меньшемъ числѣ рабочихъ получалъ доходу вдвое больше. Онъ винилъ въ этомъ мѣстныхъ воеводъ. Присланнаго въ апрѣлѣ 1735 г. замѣстителя его, Татищева, посѣтилъ одинъ купецъ и, ни слова не говоря, положилъ ему на столъ мѣшокъ съ тысячью рублями. Когда Татищевъ отказался отъ такого подарка, купецъ пришелъ на другой день съ двумя мѣшками. Наконецъ, они объяснились, и новый директоръ узналъ, что его предшественникъ установилъ подобное вступленіе при совершеніи всѣхъ сдѣлокъ. Геннинъ получилъ десять тысячъ рублей отъ самого Демидова. Татищевъ донесъ на него, не смогъ добиться его осужденія и въ концѣ концовъ самъ сталъ подражать ему ***).

---

*) *Ibid.*, п. 601.

**) *Ibid.*, п. 6546.

***) Соловьевъ, *ук. соч.*, XX, 205.

Геннина не удалось уличить; перешли къ системѣ, уже намѣченной Петромъ I,—постепенной передачи этого источника доходовъ въ частныя руки, и эта мѣра должна была распространиться и на прочія промышленныя монополіи, оказывавшіяся мало прибыльными по тѣмъ же причинамъ. За государствомъ остался только доходъ отъ ревеню, котораго добывали въ годъ 1000 пудовъ и продавали англичанамъ по сто рублей пудъ, и контрабанда его наказывалась смертной казнью.

Что касается торговли хлѣбомъ, то она бывала свободной, то составляла монополію, какъ при Петрѣ I, съ примѣненіемъ къ регулированію ея тѣхъ же мѣръ. Въ 1734 г. во время неурожая, на всѣхъ хлѣботорговцевъ было наложено общее запрещеніе, а хлѣбъ помѣщиковъ продавался съ надбавкой 10% въ ихъ пользу. Вывозъ зерна изъ губерній, особенно постигнутыхъ неурожаемъ, былъ совершенно запрещенъ.

Такъ какъ Петръ заботился объ улучшеніи скотоводства, то и теперь слѣдовали его примѣру. Въ 1730 г. былъ основанъ конскій заводъ; а съ 1733 по 1737 г. конскіе заводы заведены въ Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Воронежѣ, въ Алатырѣ, въ Тамбовѣ, Сѣвскѣ и Курскѣ, въ Малороссіи, а также въ монастырскихъ вотчинахъ.

Главнымъ препятствіемъ къ осуществленію всѣхъ этихъ мѣръ являлась недостаточность народонаселенія. Оно увеличивалось очень медленно. Одно время оно даже уменьшилось вслѣдствіе выселенія. Крестьяне толпами бѣжали на польскую границу. Требовали выдачи бѣглецовъ, иногда даже ловили вооруженной силой, но они снова бѣжали. Почему? По баловству или склонности къ приключеніямъ, обыкновенно отвѣчали русскіе историки. Смоленскій губернаторъ, въ 1735 г., Бутурлинъ, повидиму, лучше понималъ въ чемъ дѣло, предлагавшій удерживать возвращенныхъ изъ Польши крестьянъ обѣщаніями брать съ нихъ столько податей, сколько берутъ тамъ. На это ему говорили, что побывавшіе по другую сторону границы не годятся ни для какой работы, потому

что они не захотятъ работать больше, чѣмъ работали у поляковъ *).

Война съ Турціей придала еще большее значеніе этому бѣгству, составлявшему и въ мирное время большое препятствіе при солдатскихъ наборахъ.

IV.

Русскій народъ—народъ не воинственный. Это мнѣніе, которое я уже имѣлъ случай провѣрить, находитъ себѣ яркое подтвержденіе въ затрудненіяхъ, которыя преемникамъ Петра приходилось испытывать при поддержаніи кадровъ военной силы, созданной имъ. Это было общее бѣгство. Продолжительность и тяжесть службы способствовали увеличенію ужаса, который она внушала массамъ. Разъ, попавъ въ солдаты, остаешься тамъ на всю жизнь, и притомъ не каждый день будешь ѣсть. Альгаротти писалъ въ 1739 г.: „Здѣсь не очень заботятся о прокормленіи солдатъ. Имъ даютъ муки, и ставъ лагеремъ, они роютъ ямы, гдѣ пекутъ себѣ хлѣбъ“ **). Но часто даже и муки не давали. Люди зажиточные находили исходъ въ отпускахъ. За двѣнадцать душъ, подаренныхъ полковому секретарю, получался отпускъ на 12 мѣсяцевъ ***). Другимъ приходилось бѣжать изъ полковъ. Они рисковали попасть подъ наказаніе розгами, но послѣднія были въ употребленіи и въ арміи. Въ царствованіе Анны дезертирство опустошало даже ряды офицеровъ. Чтобы удержать ихъ, было недостаточно уравненіе жалованья, введенное Минихомъ. Недоросли изъ дворянъ предпочитали записываться въ купечество. Въ 1736 г. велѣно одного такого недоросля взять отъ своей конторки и отдать въ солдаты въ гарнизонъ, а городскія власти, согласившіяся записать его въ купечество, заплатили большой штрафъ *†). Но примѣръ не по-

---

*) Документы Сената. Дѣла *Кабинета*, № 28—1105.

**) *Письма о Россіи.*

***) Даниловъ, *Воспоминанія*, 34 стр.

*†) Сводъ Законовъ, п. 6945.

служилъ впрокъ. Въ томъ же году было рѣшено учредить нѣсколько школъ, имѣвшихъ цѣлью подготовленіе къ службѣ дѣтей служилыхъ людей *).

Но результата никакого. Тогда сочли необходимымъ удовлетворить всеобщему желанію дворянства, ограничивъ срокъ военной службы дворянъ. Послѣдній день 1736 г. составилъ эпоху въ исторіи русскаго дворянства. Манифестъ разрѣшалъ родителямъ, имѣющимъ двухъ сыновей, оставить одного, а также сиротамъ давалъ право выбрать того изъ двоихъ или троихъ братьевъ, который въ ихъ отсутствіе хранилъ бы общій интересъ, оставаясь дома. Школа стала обязательной для всѣхъ лицъ отъ 7 до 20 лѣтъ, какъ подготовка къ службѣ; но послѣ двадцати пяти лѣтъ всѣ получаютъ освобожденіе отъ службы, съ повышеніемъ на одинъ чинъ, кто получалъ раны или болѣзнь на службѣ **). Только примѣненіе закона должно быть отсрочено до конца турецкой войны, такъ какъ явилось опасеніе, что некому будетъ оставаться подъ знаменами. Всѣ оказывались ранеными и больными, или ссылались на то, что они прослужили государству двадцать пять лѣтъ. Были записаны въ полки съ самаго рожденія! Другой указъ долженъ былъ разъяснить, что служба считается только съ 20-лѣтняго возраста.

Задача осложнялась необходимостью, явившеюся теперь, провести границу между военной и штатской службой, обусловливаемую требованіями современной жизни. Въ 1737 г. подумали достигнуть этого новымъ указомъ, вводящимъ различные экзамены. Не выдерживавшихъ ихъ, записывали въ матросы***). Такимъ образомъ, флотская служба превратилась въ наказаніе!

Что касается рекрутскихъ наборовъ, то въ 1732 г. Минихъ подалъ рапортъ, указывавшій, что въ основаніи набора лежала система выкупа. Триста пятьдесятъ крестьянъ, которые должны поставить одного рекрута для набора въ 16,000 человѣкъ, складываются и, въ среднемъ платя по 15 рублей, покупаютъ

---

*) *Ibid.*, п. 6949.
**) *Ibid.*, п. 7142.
***) *Ibid.*, п. 7201.

какого-нибудь человѣка, который въ девяти разахъ изъ десяти оказывается бездѣльникомъ, пьяницей, больнымъ или калѣкой. Это обходится для населенія въ 2—3 милліона и государству не приноситъ ни малѣйшей пользы. Минихъ въ то же время указывалъ причины, почему не находилось добровольцевъ, а напротивъ, люди часто себя калѣчили, чтобы не попасть въ военную службу. Прежде всего, мысль, установившаяся послѣ Петра Великаго, что изъ арміи никогда не возвращаются. Минихъ предлагалъ брать рекрутовъ по жребію и ограничить службу десятью годами; его рапортъ не былъ принятъ во вниманіе, и въ 1732 г. насчитывалось 20,000 дезертировъ *).

До послѣдняго времени принято приписывать все хорошее и плохое, всѣ особенности военнаго управленія этой эпохи данцигскому побѣдителю. Въ дѣйствительности, онъ пользовался сильнымъ вліяніемъ въ этой области только въ сравнительно короткій періодъ: отъ 1730 до 1734 г. Съ этого времени до 1737 года, онъ былъ занятъ своими походами, а послѣ того его всецѣло поглотила политика. Въ этихъ границахъ, кромѣ начинаній, на которыя я имѣлъ уже случай указать и изъ которыхъ нѣкоторыя, именно тѣ, которыя не встрѣчали пріема,—были особенно удачны—его участіе можно резюмировать главнымъ образомъ въ трехъ отношеніяхъ: исключительное примѣненіе иностранныхъ образцовъ, съ точки зрѣнія общей организаціи, воинскихъ упражненій и мундировъ, не принимая во вниманіе національныхъ обычаевъ; усиленіе дисциплины въ томъ, что она имѣла безчеловѣчнаго уже при Петрѣ I; уничтоженіе участія въ административномъ контролѣ, предоставленнаго военнымъ этимъ государемъ *). Армія, такимъ образомъ, оевропеизировалась, безъ сомнѣнія, даже больше, чѣмъ того желалъ Преобразователь; а съ другой стороны, частичное отступленіе отъ принципа обязательной военной службы, въ пользу дворянъ, сдѣлавшее низшіе слои общества основаніемъ рекрутчины, было уже разрывомъ съ

---

*) Соловьевъ, *ук. соч.*, XX, 184.

**) Масловскій.

національными традиціями, результаты котораго печально отразились на качествѣ войскъ.

Но нельзя было требовать отъ этихъ нѣмцевъ,—которымъ Петръ передалъ свое наслѣдіе, не подумавъ, какъ имъ распорядиться иначе,—очень тонкаго пониманія національнаго духа, точно такъ же, какъ нельзя было ожидать отъ нихъ, что они сумѣютъ направить во всѣхъ подробностяхъ къ лучшему ту эволюцію, движеніе и исходъ которой не могъ въ точности опредѣлить и самъ Преобразователь.

Она, вѣроятно, не предвидѣлъ, что станется съ его флотомъ, старшимъ и любимымъ дѣтищемъ его генія. Занявшись въ 1734 г. укрѣпленіемъ Кронштадта, Минихъ велѣлъ снести строенія, находившіяся тамъ и только стѣснявшія оборону *). Незадолго передъ тѣмъ произошла первая встрѣча на морѣ русскихъ силъ съ французскими. Хотя и побѣдоносная для русскихъ, ее нельзя приписать флоту. Послѣдній былъ представленъ подъ Данцигомъ 14 линейными кораблями, 5 фрегатами, 2 канонерками и нѣсколькими мелкими транспортными судами. Взятіе въ плѣнъ французскаго корабля „Le Brillant" было скорѣе слѣдствіе капитуляціи Вехсельмюнда (12 іюня 1734 г.) и дѣломъ сухопутнаго войска. Въ то же время и русскій флотъ сильно пострадалъ и одинъ его фрегатъ, „Митава", былъ взятъ въ плѣнъ, а затѣмъ вымѣнянъ на французское судно **).

Такое плачевное выступленіе объясняется тѣмъ фактомъ, что уже въ 1723 г. на сумму 1,200,000 рублей, ассигнованныхъ ежегодно на содержаніе флота, 1,500,000 руб. не были выплачены. Въ то же время адмиралтейство согласилось на уменьшеніе кредита, который все же не былъ получаемъ полностью. Во время турецкой войны пришлось признать невозможность вывести изъ дока флотилію, оставленную тамъ Петромъ I. Поспѣшно выстроили 500 другихъ судовъ, на которыхъ отличился своимъ героизмомъ только одинъ французъ, капитанъ Тремери. Атакованный 10 іюля 1737 года

---

*) Костомаровъ, *Русская исторія въ жизнеописаніяхъ*, II, 177.

**) Веселаго, *Исторія русскаго флота;* I, Бойе *Станиславъ Лещинскій*, 1898, 89 стр.

30 турецкими судами, онъ посадилъ свою барку на мель, высадилъ людей, остался одинъ на баркѣ съ канониромъ, выпустилъ четыре заряда и взорвался. Остальныя барки были позже всѣ сожжены турками *).

На Деснѣ, притокѣ Днѣпра, въ это время также построили 400 шестидесятифутовыхъ транспортныхъ барокъ. Послѣ взятія Очакова, Минихъ требовалъ въ свое распоряженіе эту третью флотилію, намѣреваясь итти съ ней къ Константинополю; но изъ 300 шлюпокъ, выѣхавшихъ изъ Брянска весной 1737 г., только четыре прибыли въ Очаковъ въ августѣ и такъ пострадали, что едва могли держаться на водѣ. Это приключеніе имѣетъ объясненіе: начальникомъ адмиралтейства былъ теперь Остерманъ, хорошій дипломатъ, но плохой морякъ, и его помощникъ Н. Ф. Головинъ, опытный и образованный морякъ, добился въ маѣ 1728 г. указа, въ которомъ говорилось, что „нѣкоторые начальники препятствовать воровству не могутъ, потому что сами воруютъ", и хотя намекъ былъ яснеъ, онъ оставался на мѣстѣ до 1743 г. **).

Рѣчныя адмиралтейства въ Брянскѣ и Тавровѣ были заброшены послѣ этого опыта, такъ же, какъ каспійскіе доки. Въ Петербургѣ и Архангельскѣ выстроили въ теченіе царствованія 17 линейныхъ кораблей, 2 канонирки и 7 фрегатовъ, имѣвшихъ внушительный видъ только по суммѣ ихъ стоимости. Работали надъ каналомъ и кронштадской верфью, но не спѣша и безъ спеціальнаго назначенія. Эта часть творенія Петра Великаго, слишкомъ не согласная съ континентальнымъ характеромъ страны, приходила въ упадокъ.

Для командованія флотъ, какъ и національная армія, продолжалъ пополняться изъ-за границы. Кадетскій корпусъ, основанный въ іюлѣ 1731 г., собственно говоря, не былъ военно-учебнымъ заведеніемъ. Программа его не предвидѣла подобной спеціализаціи. Вмѣстѣ съ основами военныхъ наукъ, кадеты—около 200 дворянскихъ дѣтей—обучались праву, танцамъ и музыкѣ. И расходъ заведенія не превышалъ 30,000 р. въ годъ! Можно представить, каково было тамъ обученіе.

---

*) Веселаго, *ук. соч.*, I, 88.

**) *Ibid.*, I, 95—6.

По рапорту, поданному Минихомъ въ 1733 г., обязательными считались только три предмета: Законъ Божій, военныя экзерциціи и ариѳметика. Остальные были не обязательны. Въ то время только 18 кадетъ учились русскому языку, 51—французскому, 15—латыни и 237—нѣмецкому. Любителей геометріи нашлось всего 36 человѣкъ, а танцевъ 110! *). Въ 1739—1740 г. было много случаевъ кражъ, совершенныхъ воспитанниками заведенія, и виновныхъ били кошками публично **).

И эта школа была единственной! Въ артиллерійской школѣ одинъ изъ учителей, обвинявшійся три раза въ убійствѣ, напивался каждый день ***). Одно время въ ней было до 700 человѣкъ, но мало-по-малу, вслѣдствіе недостатка порядка и надзора, они всѣ разбрелись кто куда.

Великая задача народнаго образованія, оставленная въ зачаточномъ состояніи въ наслѣдство Аннѣ, и въ ея царствованіи осталась безъ практическаго рѣшенія.

V.

По принципу, принятому Преобразователемъ, всѣ дѣти благородныхъ родителей должны учиться. Но гдѣ и какъ? Оставаясь дома, у нихъ была сельская школа, учитель которой, какой-нибудь деревенскій дьячокъ, запиралъ ихъ въ тѣсную избу, задавалъ имъ уроки и уходилъ затѣмъ по своимъ дѣламъ.

Чтобы помѣшать дѣтямъ заснуть, его жена заставляла ихъ кричать во все горло, не заботясь о томъ, что они кричатъ.

Такъ учился классъ привиллегированный! Для обученія народа въ это царствованіе, какъ и въ предыдущее, не было сдѣлано ничего. Отъ 1732 до 1735 года было открыто нѣсколько начальныхъ школъ въ Астрахани и въ Казанской гу-

---

*) Соловьевъ, *ук. соч.*, XX, 233.

**) *Документы Сената, Дѣла Кабинета,* 15—1092.

***) Даниловъ, *Воспоминанія,* 30 стр.

берніи, но только для крещеныхъ татарскихъ дѣтей, съ цѣлью распространенія православія.

Въ Петербургѣ, кромѣ упомянутыхъ уже учебныхъ заведеній, была только Академія Наукъ, какъ учрежденіе научное и образовательное. До 1733 г. въ ней было всего 20 учениковъ, набранныхъ въ московскихъ духовныхъ училищахъ. Половина изъ нихъ была использована для новой Камчатской экспедиціи, а другая половина поступила въ подъячіе, и нашелся только одинъ цѣнный человѣкъ, натуралистъ Крашенинниковъ. Съ 1733 по 1738 г. обученіе совсѣмъ пало.

Въ 1738 г. вытребованы были изъ Москвы вновь ученики, между которыми былъ и Ломоносовъ. Будущій творецъ современнаго русскаго языка былъ посланъ въ Германію съ однимъ товарищемъ, котораго тоже ждало блестящее поприще, Виноградовымъ; прочіе десять человѣкъ оставлены безъ призору. Академики занимались личными своими трудами.

Въ царствованіе Анны ряды ученаго персонала, собраннаго Петромъ Великимъ, рѣдѣютъ. Подъ предсѣдательствомъ лейбъ-медика Блюментроста, секретарь Академіи Шумахеръ, тоже нѣмецъ, малообразованный, но злобный, дѣлалъ столько непріятностей болѣе достойнымъ ученымъ, которымъ часто вмѣсто жалованья платилъ грубостью, что послѣ 1718 г. большинство, Германъ, оба Бернульи и Бильфингеръ, рѣшились покинуть Россію. Изъ числа оставшихся, наиболѣе серьезные, какъ Делиль и Байеръ, не ходили на засѣданія, куда показывались одни педанты, какъ Юнкеръ и Вейтбрехтъ, которые только и дѣлали, что спорили и даже доходили до драки. И все это были иностранцы. Россія еще не могла доставлять академиковъ. Блюментроста смѣнили на президентскомъ креслѣ Кейзерлингъ, Корфъ и Бервернъ. Для юстиціи былъ Гольдбахъ; для астрономіи—Делиль, Винтеймъ и Гензіусъ; для анатоміи—Дювернуа; для ботаники—Аммонъ; для физики—Крафтъ; для физіологіи—Вейтбрехтъ; для высшей математики—Эйлеръ; для исторіи—Гроссъ и для древностей—Байеръ. Делиль занимался еще картографіей. Байеръ началъ писать исторію царя Алексѣя Михайловича, не зная ни слова по-русски. Но это не помѣшало ему сдѣлаться главой школы съ его теоріей скандинавскаго происхожденія

варяговъ и завоевать репутацію, которая не имѣла соперниковъ до появленія Миллера, тоже нѣмца-вестфальца, 20 лѣтъ отъ роду назначеннаго адъюнктомъ историческаго и географическаго классовъ, гдѣ онъ началъ съ обученія латинскому языку, такъ какъ ученики-академики забыли ему выучиться. Первымъ научнымъ трудомъ Миллера былъ большой „Сборникъ статей по русской исторіи“, куда онъ вставилъ и знаменитую хронику, полученную имъ отъ одного кіевскаго монаха, Өедора, который никогда не существовалъ. Его „Abt Theodosius“ позже превратился въ Нестора. Вмѣстѣ съ тѣмъ ученый историкъ увлекался этимологическими фантазіями, которыя заставили его открыть въ варягѣ варега. Онъ выводилъ отсюда заключеніе, что основателями русскаго государства были плаватели. Своими открытіями и претензіями, онъ къ счастію надоумилъ Шумахера отправить его въ Камчатскую экспедицію. Благодаря этому, Миллеръ сдѣлался настоящимъ ученымъ. Миллеръ привезъ изъ своего путешествія 20 томовъ замѣтокъ, въ которыхъ не все цѣнно, но которыя тѣмъ не менѣе представляютъ изъ себя сокровища. Между прочимъ, Миллеръ основалъ въ Россіи научную журналистику своими „С.-Петербургскими Вѣдомостями“, гдѣ, начиная съ 1728 г., по примѣру англійскихъ газетъ того же рода, касался въ общедоступной формѣ всевозможныхъ вопросовъ.

Только около середины царствованія среди профессоровъ-адъюнктовъ Академіи появляется одинъ русскій—Ададуровъ. Состоя адъюнктомъ по каѳедрѣ физики, онъ переводилъ сочиненія своихъ коллегъ-нѣмцевъ и читалъ свои переводы въ „конференціи“, спеціально учрежденной для обработки русскаго научнаго языка. Задача нелегкая! Петръ I желалъ, чтобы этотъ языкъ подходилъ къ живой разговорной рѣчи, уже сильно отличавшейся отъ языка, ревниво охраняемаго церковью. Но переводы научныхъ сочиненій исходили, главнымъ образомъ, изъ духовныхъ школъ, гдѣ народную рѣчь считали „подлой“. А тутъ еще являются малороссы съ своимъ языкомъ, и разбираться въ этомъ хаосѣ заставляютъ нѣмца, русскаго переводчика, который былъ физикомъ!

Къ счастію Ададурова у него пріятелемъ и сотрудникомъ

былъ тоже русскій, возвратившійся изъ Парижа и Сорбонны, гдѣ слушалъ лекціи Роллена. Его звали Василій Кирилловичъ Тредіаковскій. Я долженъ отослать читателей къ очеркамъ „Русской литературы“ *), гдѣ я могъ больше сказать объ этомъ математикѣ-поэтѣ, писавшемъ плохіе стихи, но доставившемъ Пушкину возможность писать хорошіе. Анна и ея Академія, правда, отнеслись къ несчастному несправедливо, заставляя его писать оды на торжественные случаи, и часто за труды ему наградой бывали побои. Нуженъ былъ геній Ломоносова, чтобы доказать всѣмъ въ Россіи, что поэтъ и русскій ученый могутъ не уступать нѣмецкому или французскому и даже превосходить его, и только царствованіе Елизаветы могло поставить на соотвѣтствующее мѣсто уже предвидѣннаго Петромъ соперника Бернулье и Делиля.

Битый, травимый Тредіаковскій былъ во время Анны мученикомъ героической плеяды, непосредственно вышедшей изъ дѣла Преобразователя и призванной продолжать въ области науки и литературы традиціи легендарныхъ героевъ эпохи татарскаго ига. Онъ совершилъ путешествіе въ Парижъ пѣшкомъ. Ломоносовъ тоже прошелъ такое же разстояніе, отдѣлявшее Москву отъ береговъ Бѣлаго моря, его родины. Манкіевъ, написавшій въ 1716 г. краткую исторію Россіи, напечатанную только при Екатеринѣ II, писалъ ее въ шведской тюрьмѣ. Между иностранными школами, гдѣ онъ изучалъ горное искусство, московской монетной канцеляріей, гдѣ ему поручено было переплавить рубли, Сибирью, гдѣ онъ основывалъ заводы, и Оренбургскимъ краемъ, гдѣ устраивалъ башкиръ, Татищевъ нашелъ средство сдѣлаться историкомъ, этнографомъ, географомъ и юристомъ. Одно время онъ чуть было не сдѣлался архитекторомъ въ „Художественно-ремесленной школѣ“, которая осталась въ проектѣ по экономическимъ соображеніямъ **). Академія наукъ и безъ того очень нуждалась при своемъ скромномъ бюджетѣ, большая часть котораго поглощалась экспедиціями. Продолжавшаяся съ 1733 по 1743 г. вторая экспедиція Беринга приняла колоссальные

---

*) Paris, 1900.

**) Нилъ Поповъ, *Татищевъ и его время*, 1861, стр. 430.

размѣры, такъ какъ въ ней участвовало до 600 человѣкъ. Самостоятельныя морскія и сухопутныя экспедиціи Мальгина, Скуратова, Овцына, Пручищева, Харитонова, Лаптева изслѣдовали берега Сибири отъ Бѣлаго моря до устьевъ Калымы, между тѣмъ, какъ Берингъ съ главнымъ отрядомъ посѣщалъ острова Курильскіе, доѣзжалъ до Японіи, переходилъ въ Америку, открылъ нѣсколько острововъ близъ полуострова Камчатки и умеръ на одномъ изъ нихъ. Делиль также участвовалъ въ этой экспедиціи.

При полномъ равнодушіи или даже враждебности толпы, преслѣдуемые насмѣшками, даже побоями, всѣ эти люди науки шли впередъ, заставляя двигаться почти нечеловѣческими усиліями корабль, который Петръ нагрузилъ самой благородной частью національнаго будущаго. Но вообще, безъ помощи какого-нибудь Мюллера или Беринга, они недалеко бы ушли. И они терпѣливо и покорно принимали эту помощь. Одинъ Кантемиръ стоялъ совершенно особнякомъ въ зарождающемся литературномъ мірѣ, разыгрывая недовольнаго и возмущеннаго, обративъ весь свой талантъ на сатиру, критикуя направо и налѣво и даже не щадя поповъ, съ ихъ „рясами въ заплатахъ“ *), для которыхъ Татищевъ, котораго обвиняли въ свободомысліи, желалъ бы также улучшенія ихъ положенія, чтобы они сами поняли собственное достоинство.

Сношенія національной церкви съ лютеранской и протестантской кликой, стоявшей у власти, представляютъ одинъ изъ курьезовъ этого царствованія, а также служатъ показателемъ той внутренней силы, которую страна хранила и развивила въ себѣ, скрытый, но могучій двигатель, отъ котораго, главнымъ образомъ, зависѣла ея судьба, при чемъ внѣшнія вліянія могли имѣть только второстепенное значеніе. Хотя чужеземный экипажъ и захватилъ въ свои руки руль и начальство, руководить направленіемъ онъ не былъ въ силахъ.

---

*) Шимко, *Новые документы къ біографіи Кантеміра*, 1891; *Русскіе дипломаты въ Англіи*, *Историческій Вѣстникъ*, LXXI, 264.

VI.

17 марта 1730 года, желая показать, что долгое пребываніе въ еретическихъ странахъ не повліяло на чистоту ея вѣры и ревности къ ней, Анна издала манифестъ, гдѣ духовенству предписывалось внимательно слѣдить за всѣми церковными обрядами, не исключая крестныхъ ходовъ, „какъ они шли при моихъ отцѣ и дѣдѣ“.

Это уже было скорѣе поворотомъ назадъ и осужденіемъ новаторскаго духа, представляемаго Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Противники архіерея воспользовались этимъ, чтобы возобновить свои нападенія. Въ высшихъ духовныхъ сферахъ въ это время шла борьба между двумя теченіями: одно склонялось къ протестантизму, другое—къ католицизму. Противъ книги „Камень вѣры“ съ католической тенденціей, Будда и Монсгеймъ писали по-нѣмецки трактаты, будто бы внушенные Прокоповичемъ. Лопатинскій открыто выступилъ въ борьбу, издавъ отвѣтъ, гдѣ прямо обращался къ архіерею Новгородскому. Старались даже устроить такъ, чтобы Прокоповичъ не служилъ въ день коронаціи Анны. Но она была ему слишкомъ многимъ обязана и сдѣлала больше, чѣмъ разбила эту интригу: при организаціи Синода Ѳеофанъ получилъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ Питиримомъ мѣсто несмѣняемаго члена, между тѣмъ, какъ девять остальныхъ членовъ назначались только на два года. Онъ тотчасъ же воспользовался этимъ, чтобъ уничтожить своихъ враговъ. Замѣшанный въ одномъ политическомъ процессѣ Георгій Дашковъ былъ сосланъ въ монастырь. Архимандритъ Маркеллъ Родышевскій, предполагаемый авторъ памфлета, содержавшаго письмо папы къ Ѳеофану Прокоповичу, былъ лишенъ сана и заключенъ въ тюрьму, а противъ Лопатинскаго начато было уголовное преслѣдованіе, еще продолжавшееся въ 1736 г., когда, истощенный борьбой, Ѳеофанъ умеръ 55 лѣтъ отъ роду. Онъ привлекъ къ допросу одного изъ предполагаемыхъ сообщниковъ своего врага, монаха Рѣшилова, но не дожилъ до радости увидать Лопатинскаго въ Выборгскомъ замкѣ,

куда тотъ былъ заключенъ два года спустя *), съ запрещеніемъ читать и писать и 10 копейками содержанія въ день. Но косвеннымъ слѣдствіемъ борьбы было то, что побѣдитель остановился на наклонной плоскости, скользя по которой, онъ рисковалъ пойти по стопамъ Генриха VIII англійскаго. Чтобы побѣдить, онъ видѣлъ себя принужденнымъ громко заявить о своей приверженности къ православію и отречься отъ всякихъ сношеній съ протестантизмомъ. Такимъ образомъ, его вліяніе ограничилось устраненіемъ—въ духѣ реформъ Петра Великаго—тѣхъ безпорядковъ, какіе царили въ средѣ чернаго духовенства. 948 монастырей съ 14,000 монахами и монахинями владѣли 758,802 душами и обслуживали высшія должности духовнаго вѣдомства, изъ которыхъ многія имѣли до 30,000 руб. содержанія. Испорченность нравовъ въ этой средѣ была всеобщая. Въ 1732 г. крестьяне изъ окрестностей Архангельска три дня гонялись за іеромонахомъ, увезшемъ молодую дѣвушку **). Попойки происходили ежедневно. Прокоповичъ принималъ энергическія мѣры для искорененія этихъ безобразій, въ то же время, какъ заботы его о распространеніи образованія среди духовенства выразились въ декабрьскомъ указѣ 1731 года, предписывавшемъ отправлять поповскихъ дѣтей въ московскую греко-латинскую академію ***). Другимъ указомъ, въ 1739 г., предписывалось открывать во всѣхъ епархіяхъ семинаріи по образцу новгородской, основанной Ѳеофаномъ. Но эта мѣра долго оставалась неосуществленной.

Съ другой стороны правительство твердо держалось обѣщаній, высказанныхъ въ манифестѣ 17 марта. Въ апрѣлѣ 1730 г. выпроводили въ Польшу подъ конвоемъ бернардинца, явившагося въ Россію для пропаганды, а черниговскому архіерею въ то же время разрѣшили разрушить лютеранскую часовню, построенную мекленбургцами *†). Въ іюлѣ

*) Соловьевъ, *Исторія Россіи*, XIX, 297; Татищевъ, *Біографія Ѳ. Прокоповича*, 1868; Его же, *Дѣло Рѣшилова*, 1861.

**) Щукинъ, *Документы*, I, 113.

***) Сводъ Законовъ, п. 5882.

*†) *Ibid.*, 5560.

1736 г., по предложенію самого Ѳеофана, Синодъ обратился къ Сенату съ предложеніемъ уничтожить въ одномъ изъ московскихъ монастырей могилы двухъ ерессіарховъ, Лупкина и Суслова *). Святѣйшій Синодъ по этому поводу припомнилъ, что по Соборному уложенію еретиковъ и ерессіарховъ слѣдуетъ сжигать живыми. И на самомъ дѣлѣ, спустя два года, капитанъ Возницынъ былъ сожженъ по доносу своей жены, будто онъ евреемъ Борухомъ совращенъ въ жидовство. Одновременно сожгли и совратителя **).

Что же касается раскола, то Остерманъ и его товарищи шли по старой колеѣ: на отступниковъ налагались двойныя подати; дѣтей обязательно крестили; за распространеніе раскола ссылали въ каторжныя работы; расколъ распространился и въ Сибири, гдѣ искали убѣжища раскольники. Въ 1783 году, когда русскіе воспользовались пребываніемъ въ Польшѣ для выслѣживанія бѣжавшихъ туда раскольниковъ, одна монахиня притворилась мертвой, чтобы избѣжать преслѣдованія и такимъ образомъ сохранила жизнь и свободу. Въ Москвѣ открыты были тайныя собранія, гдѣ женщины вертѣлись по цѣлымъ часамъ, какъ дервиши, заявляя, что Духъ Святый сошелъ на нихъ... и не обошлось безъ вмѣшательства палача: кнутъ и топоръ справились съ виновными ***).

Весь этотъ краткій перечень долженъ оставить въ читателѣ большею частью невыгодное впечатлѣніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ, читатель могъ убѣдиться, что не будучи блестящимъ—чего не допускали достоинства правителей, это правительство, несмотря на Остермановъ и Бироновъ, оставалось все же русскимъ, такъ какъ имѣло въ виду направленіе, данное первоначально русскому національному развитію. Чѣмъ же тогда объяснить, что оно сохранилось въ народной памяти, какъ ненавистное господство иноземной тираніи, и что до сихъ поръ по адресу его несутся про-

---

*) *Внутренняя жизнь въ Россійской имперіи*, 1886, II, 358—9.

**) Гольцевъ, *Законодательство и нравы въ Россіи*, 1886, 103 стр.

***) Соловьевъ, *Исторія Россіи*, XX, 307.

клятія? Я уже намекалъ на отвѣтъ. Постараюсь теперь изложить его точнѣе.

VII.

Вообще, внутренняя политика царствованія должна была обусловливаться обстоятельствами, сопровождавшими восшествіе на престолъ Анны. Среди знати, намѣревавшейся предписывать законы императрицѣ, и дворянства, не отказавшагося отъ все порицавшаго неудовольствія, уступившаго лишь вооруженной силѣ, у дочери Іоанна оставалась только одна вѣрная точка опоры: иностранцы, на вѣрность которыхъ она могла разсчитывать, пользуясь ими для поддержанія своего положенія, потому что отъ этого зависѣла и ихъ судьба. Кромѣ того, ей, во всѣхъ отношеніяхъ, было бы трудно обойтись безъ ихъ помощи, разъ ужъ и Долгорукіе, и Голицыны обращались къ ней. Послѣ государственнаго переворота, какъ и прежде, Остерманъ былъ необходимъ для руководства иностранной политикой, такъ позже Минихъ или Леси для начальства надъ арміей за границей. А такъ какъ Анна, имѣвшая въ Митавѣ дворъ, поставленный на европейскую ногу, не могла отказаться отъ него и въ Петербургѣ, для управленія явился Левенвольде. Петръ избѣгъ такого естественнаго порядка вещей, созданнаго имъ, сначала обходясь безъ двора, а затѣмъ устраиваясь такъ, чтобы иностранныя силы, употребляемыя имъ, служили только подкладкой платью, которое онъ кроилъ для преобразованной Россіи изъ обильнаго и прочнаго матеріала своего чудеснаго генія. Такъ какъ теперь матеріала не хватало, то подкладка, понятно, начала выступать наружу. Это было естественно и неизбѣжно; но національное чувство должно было чувствовать себя обиженнымъ. Оно возмущалось, протестовало, и возникшее недоразумѣніе между нимъ и правленіемъ Анны Іоанновны не имѣло другой причины.

Духъ новаго царствованія очень ярко выразился въ порученіи, данномъ въ первые мѣсяцы правленія Густаву Левенвольду образовать новый гвардейскій полкъ, подполковникомъ въ который былъ назначенъ Кентъ, шотландецъ, пере-

шедшій съ испанской службы въ русскую. Ему было поручено набрать другихъ офицеровъ „между ливонцами, эстонцами, курляндцами и прочими иностранцами, а также между русскими“ *). Этотъ полкъ называли Измайловскимъ, по имени села въ окрестностяхъ Москвы, любимаго мѣстопребыванія императрицы лѣтомъ; но русскихъ, очевидно, среди его штаба было не много. Въ арміи ли, или въ другихъ отрасляхъ были бы они способны занимать мѣста, отдаваемыя другимъ? Румянцевъ, исполнитель верховныхъ порученій Петра I противъ Алексѣя, занималъ теперь два важныхъ мѣста: въ гвардіи и Сенатѣ; затѣмъ подарокъ въ двадцать тысячъ рублей въ видѣ вознагражденія за приходившуюся на его долю часть изъ состоянія Лопухиныхъ, отнятую у нихъ Петромъ II. Такъ какъ онъ казался еще неудовлетвореннымъ, ссорился съ Бирономъ и жаловался на предпочтеніе, отдаваемое нѣмцамъ, Анна предложила ему президентство въ коллегіи финансовъ. Онъ отказался: „Ничего я не смыслю въ финансахъ и не найду способовъ удовлетворить безумныя траты вашего двора и фаворитовъ“. Онъ былъ такъ дерзокъ, что Анна принуждена была отдать его подъ судъ Сената, и онъ былъ приговоренъ къ смерти. Она помиловала его, сославъ въ Казанскую губернію. Но его считали мученикомъ. Затѣмъ наступила очередь Ягужинскаго, который, ежедневно пьяный или притворяясь пьянымъ, оскорблялъ публично Остермана. Его мученичество состояло въ ссылкѣ посланникомъ въ Берлинъ, откуда онъ перешелъ въ Вѣну. Даже на Долгорукихъ, которыхъ всѣ ненавидѣли, стали смотрѣть, какъ на мучениковъ за народное дѣло, лишь только противъ нихъ началось преслѣдованіе. Разсказывали, что царица хотѣла выйти замужъ за Рейнгольда Левенвольде, и что Василій Долгорукій пострадалъ за свое несогласіе на это **).

Не только возмущались новымъ правительствомъ. Противъ него устраивались и заговоры. Какъ? Въ 1733 г., по доносу бывшаго камеръ-пажа герцогини Мекленбургской, Федора Милашевича, смоленскій губернаторъ князь Александръ

*) Сводъ Законовъ, п. 5623.

**) Соловьевъ, *Исторія Россіи*, XX, 405.

Черкасскій былъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ. Бестужевъ-Рюминъ, великій государственный человѣкъ будущаго, отправленный, какъ бы въ полу-опалѣ, резидентомъ въ Гамбургъ, служилъ повѣреннымъ доносчику и въ надеждѣ войти въ милость такимъ путемъ онъ самъ предалъ обвиняемаго Ушакову. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы соединиться противъ общаго врага, русскіе продолжали ссориться! Едва Петръ I закрылъ глаза, какъ Меншиковъ, припомните, сослалъ Толстого въ Соловки! Дѣло Милашевича Черкасскаго никогда не было вполнѣ разъяснено. Милашевичъ впослѣдствіи взялъ свое обвиненіе назадъ, говоря, что не имѣлъ другой цѣли, обвиняя князя, кромѣ желанія удалить его изъ Смоленска, гдѣ оба ухаживали за одной молодой дѣвушкой, а Черкасскій, который сознался, говорилъ, что сдѣлалъ это изъ страха передъ дыбой. Однако, несомнѣненъ фактъ существованія довольно-таки подозрительной переписки между нимъ и Милашевичемъ съ герцогомъ Голштинскимъ, право котораго на русскій престолъ они, повидимому, признавали и хотѣли помочь ему *). Чтобы замѣнить Анну и ея нѣмцевъ, эти двое русскихъ не нашли никого, кромѣ сына нѣмецкаго князя!

Со всѣми своими окружающими и даже со всѣмъ тогдашнимъ обществомъ, Анна постоянно боялась заговоровъ, угрожающихъ ея правленію. Даже въ западной прессѣ по поводу процесса, возобновленнаго въ 1738 году противъ Долгорукихъ, говорили объ обширномъ заговорѣ имѣвшемъ цѣлью положить конецъ царствованію узурпаторши и установленной иностранной гегемоніи. Въ январѣ 1740 г. Байрейтская Газета передавала, что ей сообщали, будто Долгорукіе, Голицыны и Гагарины согласились возвести на престолъ Елизавету, выдавъ ее за одного изъ Нарышкиныхъ, невѣстой котораго она была. Этотъ Нарышкинъ, романъ котораго съ царевной—истинный или вымышленный—служилъ темой для тогдашней иностранной печати, жилъ въ то время въ Парижѣ. Но если она дѣйствительно была узурпаторшей, она—эта государыня, вы-

---

*) Михайловъ, *Документы*, стр. 194 и слѣд.; Курѣпинъ, *Процессъ князя Черкасскаго*, *Русскій Архивъ*, 1871, 1042 стр.

бранная нѣсколькими недальновидными олигархами для собственнаго удобства, и если она была этимъ принуждена повторить заблужденіе всѣхъ узурпаторовъ, то ни Биронъ, ни Левенвольде, ни даже Остерманъ не сдѣлали ничего, чтобы извлечь ее изъ Митавы, куда за ней отправлялись трое русскихъ, посланцевъ семи или восьми такихъ же чисто-русскихъ. Въ 1734 г. Анна держала въ тюрьмѣ бывшаго кабинетскаго секретаря Макарова, обвиняемаго якобы въ злоупотребленіяхъ и напрасно молившаго суда. Истинное же преступленіе его заключалось въ томъ, что у него были письма Анны, относившіяся ко времени, когда ей и въ голову не приходило стать императрицей *). И не пришло бы ей этого въ голову никогда безъ членовъ Верховнаго Совѣта, Голицыныхъ и Долгорукихъ, которые, чтобы передать наслѣдіе внуку Петра I, нашли только эту вдову нѣмецкаго герцога, 20 лѣтъ жившую въ нѣмецкой странѣ и дѣлившую свое расположеніе между Левенвольдами, Корфами и Биронами!

Великой искупительной жертвой царствованія, какъ и самымъ значительнымъ представителемъ тогдашнихъ идей и народныхъ стремленій, былъ Волынскій. Поэтому я остановлюсь нѣсколько дольше на его исторіи, во всякомъ случаѣ любопытной и поучительной, начиная съ его выступленія на сцену, гдѣ мы его видимъ борющимся не за русскихъ противъ нѣмцевъ, но за нѣмца противъ другого нѣмца. Вѣдь и они тоже отчаянно грызлись! Въ 1733 г. со смертью Густава Левенвольде у Бирона стало меньше однимъ врагомъ, а у Остермана меньше одной опорой. Но послѣдній и самъ могъ защитить себя. Во всѣхъ затруднительныхъ дѣлахъ внутреннихъ или даже внѣшнихъ, наученная опытомъ, Анна обращалась къ „оракулу“, какъ тогда выражались. А неблагоразумно выдвинутый впередъ фаворитомъ, Минихъ проявлялъ честолюбіе еще большее, а главное, еще большій аппетитъ.

Послѣ войны за польское наслѣдство прошелъ слухъ, что Лещинскій могъ ускользнуть изъ Данцига только благодаря предложенной побѣдителю значительной суммы; Ягужинскій

---

*) Чистовичъ, *Біографія Өеофана Прокоповича,* стр. 561.

сдѣлалъ запросъ по этому поводу, но, повидавшись съ Бирономъ, Минихъ добился того, что запросъ остался безъ отвѣта. Можетъ быть и подѣлились! *) По окончаніи турецкой войны фельдмаршалъ настаивалъ на продолженіи враждебныхъ дѣйствій; его подозрѣвали въ желаніи сдѣлаться независимымъ княземъ Молдавіи или Украины. „Считайте себя счастливыми, что онъ не собирается царствовать въ Москвѣ!"—говорила Анна. Такимъ образомъ главной заботой Бирона было преградить дорогу своему бывшему протеже. Сначала онъ далъ своимъ братьямъ порученіе дѣйствовать въ этомъ направленіи. Но Карлъ, красивый мужчина безъ другихъ достоинствъ, только сумѣлъ встревожить герцогиню Мекленбургскую, которая вообразила, что онъ готовится предъявить права на наслѣдіе Анны Іоанновны вмѣстѣ съ Елизаветой; она даже рѣшила вызвать изъ Ревеля удаленнаго туда красавца Шубина, единственнаго человѣка способнаго, по ея мнѣнію, отвлечь вниманіе царевны отъ ея новой склонности. Анна, слѣдившая за нравственностью другихъ, косо взглянула на это и, запретивъ Карлу Бирону видѣть слишкомъ влюбчивую царевну, Шубина отправили въ Сибирь, и на этотъ разъ въ такую глушь, что Елизавета впослѣдствіи съ трудомъ могла розыскать его **). Фаворитъ послѣ этого принялся за Бисмарка, о которомъ я упоминалъ выше. Отецъ этого авантюриста, родомъ изъ Вестфаліи, служилъ въ Пруссіи, гдѣ у него было уже помѣстье Шенгаузенъ, и былъ комендантомъ крѣпости Кюстринъ. Сынъ, Рудольфъ-Августъ, родившійся въ 1683 г., дослужился на прусской же службѣ до чина полковника, послѣ убійства своего слуги бѣжалъ въ 1715 г., получилъ прощеніе и еще десять лѣтъ командовалъ Голштинскимъ полкомъ, пока новый подвигъ, неизвѣстно, какой именно, не заставилъ его искать счастія въ Россіи. Фаворитъ женилъ его на своей свояченицѣ, очень некрасивой и болѣзненной фонъ-Трейденъ, и воспользовавшись его услугами въ Митавѣ, гдѣ онъ имѣлъ успѣхъ, послужившій примѣромъ правнуку въ его дѣятельности въ Ган-

---

*) Пекарскій, *Шетарди въ Россіи*, стр. 50 и 51.

**) Мардефельдъ, 4 января 1871 г. *Тайные берлинскіе архивы.*

новерѣ, наградилъ его чиномъ генералъ-маіора и сдѣлалъ лифляндскимъ губернаторомъ *). Но во внутренней политикѣ и придворныхъ интригахъ отъ этого юнкера не могло быть никакой пользы, а Ягужинскій, возвращенный въ 1735 г. изъ своихъ посольствъ, назначенный въ кабинетъ и ставшій оберъ-шталмейстеромъ послѣ Левенвольде, къ несчастію умеръ въ слѣдующемъ году. Артемій Петровичъ Волынскій былъ, такимъ образомъ, послѣднимъ изъ борцовъ, которыхъ фаворитъ выдвигалъ на сцену въ продолженіе десяти лѣтъ. По своей женѣ, Александрѣ Львовнѣ Нарышкиной, онъ приходился родственникомъ Петру I; вороятно, это и заставило временщика, послѣ того, какъ онъ собственноручно отдулъ его палкой, назначить его посломъ въ Константинополь, командующимъ войсками въ Персію и губернаторомъ въ Астрахань. Волынскій всюду злоупотреблялъ своимъ положеніемъ, всюду отличался всевозможными излишествами. Мало образованный, но очень способный, нервный, страстный, мечтательный, безпорядочный, Волынскій носилъ въ себѣ одну изъ тѣхъ „широкихъ натуръ", которыя и теперь встрѣчаются въ Россіи—могучихъ и способныхъ на великія дѣла, но не знающихъ ни мѣры, ни правилъ. Когда онъ страшно скомпрометировалъ себя въ Астрахани, Екатерина I спасла его и перевела въ Казань, гдѣ онъ снова началъ проявлять свои необычайныя способности на ряду съ невообразимыми сумасбродствами и неудержимой страстью къ лихоимству и проявленіями жестокой свирѣпости. Мы видѣли, что въ 1730 г. ему сообщали о проектахъ конституціонной реформы, возникшихъ въ Москвѣ. Онъ самъ написалъ нѣсколько такихъ проектовъ съ мыслями, дорогими среднему дворянству, къ которому онъ принадлежалъ, хотя и производилъ себя отъ предка, павшаго рядомъ съ Дмитріемъ Донскимъ на Куликовомъ полѣ и женатаго на дочери легендарнаго героя. Въ царствованіе Анны избѣгнувъ слѣдствія, благодаря родству съ Салтыковымъ, онъ пробрался въ конюшенное вѣдомство и ждалъ наслѣдства послѣ Ягужинскаго.

— Я предвижу, что онъ замѣнитъ меня,—говорилъ передъ

---

*) *Бисмаркъ на службѣ Россіи, Русскій Архивъ,* 1867, стр. 904.

Анна Іоанновна.

смертью послѣдній;—но ранѣе, чѣмъ черезъ два года его принуждены будутъ повѣсить.

Остерманъ нѣкоторое время отстаивалъ двери Кабинета отъ этого незваннаго члена, но въ 1738 г. уступилъ и могъ тотчасъ же замѣтить, что на этотъ разъ Биронъ далъ ему серьезнаго противника. Чтобы составить противовѣсъ „оракулу“, новый членъ присоединился къ Черкасскому, о которомъ говорили, что онъ „тѣло“ кабинета, въ то время какъ „душою“ его былъ Остерманъ. Такъ какъ строгаго раздѣленія обязанностей между министрами не было, онъ вмѣшивался во всѣ дѣла и, главное, постарался заручиться довѣріемъ императрицы, къ которой ходилъ съ докладами одинъ. Онъ сталъ рѣдко появляться въ передней фаворита, который вскорѣ нашелъ и болѣе серьезныя причины пожалѣть о своемъ выборѣ.

Такъ какъ здоровье Анны начинало въ это время внушать опасеніе и всѣхъ озабочивало неопредѣленное будущее, то, понятно, строились предположенія о томъ, какимъ способомъ Биронъ намѣревается обезпечить свою будущность и будущность своей семьи. Онъ былъ на вершинѣ своей славы. Цесаревна Елизавета не осмѣливалась показаться въ Петербургъ, не предупредивъ объ этомъ его въ выраженіяхъ не только вѣжливыхъ, но и покорныхъ. Княгиня Черкасская подписывалась въ своихъ письмахъ къ нему: „Ваша покорная раба“, и дочь ея вышивала ему туфли по ея внушенію *). Предполагали, что онъ хочетъ женить своего шестнадцатилѣтняго сына на племянницѣ императрицы, дочери герцогини Мекленбургской. Эта юная княжна, Анна Леопольдовна, имѣла уже давно жениха, Антона, принца Брауншвейгскаго, къ которому она чувствовала сильное отвращеніе. Разсказывали, что, замѣтивъ это, Биронъ началъ уговаривать императрицу поторопиться со свадьбой и взялъ на себя уговорить непокорную невѣсту. Когда она крикнула ему: „Скорѣй положу голову на плаху“, онъ предложилъ ей выйти за его сына. „Или тотъ, или другой!“ Биронъ всегда отрицалъ подобное

---

*) Manstein, *Memoires*, p. 425. Cp. Hermann, *Geschicte Russlands*, IV, 641.

намѣреніе. Изъ одного его письма къ Кейзерлингу *) видно, что прусскій министръ подалъ ему эту мысль, говоря, что, такимъ образомъ, Курляндія сдѣлается вассальной Россіи, а Польша перестанетъ ее безпокоить. Но предложеніе было отвергнуто. Принеся присягу Республикѣ, Биронъ желалъ соблюсти свою клятву. Во всемъ этомъ достовѣрно только одно, а остальное все сказки; вѣрно или нѣтъ, но поговаривали при дворѣ въ 1739 г. о намѣреніи Бирона замѣнить Антона Брауншвейгскаго сыномъ, и Волынскій первый создалъ ихъ, негодуя противъ того, что онъ называлъ „годуновскимъ намѣреніемъ". Биронъ узналъ объ этомъ, и война была объявлена между покровителемъ и покровительствуемымъ.

Новый министръ скоро замѣтилъ, что она склоняется не въ его пользу. Вдругъ благосклонное до той поры ухо императрицы закрылось для его инсинуацій, между тѣмъ, какъ Остерманъ, одно время пріунывшій, началъ держать себя болѣе увѣренно. Увидѣвъ, что вѣтеръ перемѣнился, самъ Черкасскій принялъ оборонительную позицію, и всѣ придворные сразу повернулись, показывая спину тускнѣвшему свѣтилу. У Волынскаго вскружилась голова. Онъ считалъ себя сильнымъ, чтобы бороться со всѣми, соединившимися противъ него. Скоро стало извѣстно, что домъ его сдѣлался мѣстомъ собранія цѣлаго кружка недовольныхъ, которымъ дали наименованіе „новой русской партіи". Тутъ были и архіереи, и чиновники, и гвардейскіе офицеры, и писатели, какъ Татищевъ и Кантемиръ,—и члены высшей знати, какъ Нарышкинъ и Урусовъ—человѣкъ тридцать, представлявшихъ изъ себя „интеллигенцію" того времени, смѣсь европейской культуры, введенной Петромъ Великимъ, съ старыми либеральными московскими традиціями, въ родѣ Ордына-Нащокина. Медикъ Елизаветы, Лестокъ, тоже принадлежалъ къ этому кружку, что дало поводъ подозрѣвать заговоръ въ пользу цесаревны. Собирались ночью, и долгіе часы проводились въ спорахъ и очень вольныхъ рѣчахъ. Читали комментаріи Юста-Липсія на Тацита, а на поляхъ писали параллели между Іоанной Неаполитанской и Мессалиной. Волынскій написалъ: „Это

---

*) Сборникъ, т. XXXIII, стр. 501.

она!“ намекая на императрицу. Послѣ отъѣзда своихъ гостей, онъ разговаривалъ еще съ однимъ изъ своихъ слугъ, хвалясь независимымъ положеніемъ польскихъ шляхтичей, „которые не боятся короля“, потомъ исправлялъ „Генеральное разсужденіе о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ“, которое вызывало общій восторгъ. „Ваша книга будетъ полезнѣе Финелона!“—сказалъ одинъ слушатель. Волынскій, въ восторгѣ отъ похвалы, говорилъ сыну: „Счастливъ ты, что у тебя такой отецъ“.

Однако, онъ не могъ не отдавать себѣ отчета въ опасностяхъ, грозившихъ ему на этомъ пути. „Не знаю, куда приведетъ меня Богъ, къ славѣ или погибели“,—говорилъ онъ. Мы изъ „Генеральнаго разсужденія“ знаемъ только отрывки. Рядомъ съ отголосками конституціонныхъ идей 1730 г., тамъ самое значительное мѣсто занимала критика существующаго образа правленія. Волынскимъ было предоставлено императрицѣ извлеченіе изъ проекта, лѣтомъ 1739 г., и она сразу поняла, что къ ней лично относится плохо замаскированный упрекъ за дурной выборъ приближенныхъ. Она спросила: „На кого мѣтишь?“ Онъ указалъ Куракина и Головкина, напиралъ на Остермана и на Бирона. Она пошутила: „Ты подаешь мнѣ совѣты, какъ будто младшей!“ Нѣсколько дней спустя, разговаривая съ Черкасскимъ, она объ этомъ съ раздраженіемъ прибавила: „Онъ это взялъ изъ Маккіавели“. Она хорошенько и не знала, кто такое Маккіавели, но считала его человѣкомъ опаснымъ. Больная и желавшая покоя, она не дала хода инциденту, а самъ Биронъ, поглощенный опасеніями катастрофы, которыя внушало здоровье государыни, когда ему грозила бы потеря всего, на нѣкоторое время оставилъ брошенный ему вызовъ безъ отвѣта. Впрочемъ, дворъ вскорѣ занялся приготовленіями къ празднествамъ, которыми хотѣли ознаменовать заключеніе мира съ Турціей. Принимавшій нѣкоторое время участіе въ переговорахъ и отличившійся еще устройствомъ шуточнаго маскарада, о которомъ я еще буду говорить, Волынскій былъ на виду, какъ будто вернулъ къ себѣ милость и получилъ 20,000 рублей награды. Одинъ Куракинъ пробовалъ отомстить недругу и подговорилъ несчастнаго Тредіаковскаго написать шуточную пѣсенку на сво-

его хулителя. Волынскій избилъ поэта, потомъ, встрѣтивъ его въ пріемной Бирона, куда тотъ пришелъ жаловаться, велѣлъ схватить его своей стражѣ и отхлестать безъ милосердія. Однако и это самоуправство сошло еще ему.

Но скоро вопросъ внѣшней политики поставилъ его лицомъ къ лицу съ фаворитомъ. Дѣло шло о вознагражденіи, требуемомъ поляками за пребываніе русскихъ войскъ на ихъ территоріи. Такъ какъ Биронъ считалъ эти притязанія основательными, то Волынскій вышелъ изъ себя: „Не будучи ни герцогомъ Курляндскимъ, ни польскимъ шляхтичемъ, онъ не имѣетъ ихъ причинъ мирволить врагамъ имперіи!“ Повидимому, это былъ человѣкъ, съ которымъ, по смерти Анны, невозможно оставаться съ глазу на глазъ. Фаворитъ поставилъ государынѣ вопросъ ребромъ: „Или я, или онъ“. Такъ какъ она колебалась, вмѣшался Куракинъ: „Вамъ остается только докончить дѣло Петра Великаго. Онъ накинулъ веревку на шею этому сумасшедшему“. Она уступила.

Въ апрѣлѣ 1740 г. Волынскій былъ привезенъ въ слѣдственную комиссію, состоявшую исключительно изъ русскихъ, въ числѣ которыхъ были его два зятя, Алексѣй Черкасскій и Александръ Нарышкинъ, и два его близкихъ друга: Новосильцевъ и Петръ Черкасскій, также сначала арестованные и допрошенные по тому же дѣлу, но затѣмъ освобожденные и призванные быть судьями. Они оказались неумолимы. Послѣ суда, съ Нарышкинымъ сдѣлалось дурно въ каретѣ, и по возвращеніи домой, съ нимъ начался бредъ. „Я чудовище“,—кричалъ онъ,—„я осудилъ невиннаго; я послалъ на смерть брата!“ Менѣе чувствительный, Ушаковъ велѣлъ приготовить закуску въ той комнатѣ, гдѣ пытали, приглашалъ принять въ ней участіе палачей: „Поработали; подкрѣпитесь“.

Сначала державшій себя очень вызывающе, Волынскій спустился до низости: онъ ползалъ на колѣняхъ у ногъ этихъ людей, которыхъ сначала называлъ негодяями, и умолялъ ихъ сжалиться. И подъ кнутомъ вмѣсто того, чѣмъ сознаться въ честолюбивыхъ замыслахъ, приписываемыхъ ему, онъ предпочелъ обвинить себя... въ воровствѣ! Разсказывали, будто онъ мечталъ сдѣлаться императоромъ, и даже дипломатическій кор-

пусъ относился съ нѣкоторымъ довѣріемъ къ этой легендѣ. Въ одной изъ своихъ депешъ, Мардефельдъ говорилъ о „сонномъ снадобьѣ“, которое обвиняемый приготовилъ для императрицы, „чтобы погрузить ее въ вѣчный сонъ, чтобы ничто не мѣшало ему (Волынскому) взойти на престолъ“ *). Изъ собранныхъ уликъ можно только усмотрѣть, что онъ очень гордился своимъ происхожденіемъ, такъ же, какъ мечемъ, который будто бы служилъ на Куликовомъ полѣ, и что онъ украсилъ свой гербъ императорскими эмблемами.

Онъ призналъ себя виновнымъ только во взяточничествѣ и мошенничествѣ, и тѣмъ не менѣе, 27 іюля 1740 г. былъ привезенъ на эшафотъ съ тряпкой на окровавленномъ рту. Въ тюрьмѣ ему вырвали языкъ, и онъ не могъ подписать послѣдняго допроса, такъ какъ на дыбѣ ему вывернули правую руку. Онъ былъ приговоренъ къ колу. По милости ему отсѣкли сначала руку, а потомъ голову. Двумъ его довѣреннымъ, Еропкину и Хрущову, тогда же отсѣкли голову, а нѣсколькихъ другихъ сослали въ Сибирь, сначала наказавъ кнутомъ.

Наказаніе явно не соотвѣтствовало винѣ. Легенды окружили лицо казненнаго ореоломъ. Нащокинъ **) и князь Шаховской ***) хвалятъ въ своихъ запискахъ его обширный умъ и его патріотизмъ. Онъ имѣлъ счастье дождаться похвалы отъ Екатерины, назвавшей его въ своемъ завѣщаніи хорошимъ патріотомъ, жертвой несправедливости, а поэтъ-революціонеръ Рылѣевъ прославилъ его имя въ одномъ изъ своихъ знаменитыхъ стихотвореній. Изображая его въ самыхъ привлекательныхъ чертахъ, писатель Лажечниковъ („Ледяной домъ“) только явился выразителемъ общихъ чувствъ.

Исторія должна быть осторожнѣе. На основаніи недавно опубликованныхъ документовъ можно, повидимому, безошибочно предположить, что, если бы этого человѣка, такъ идеализированнаго, поставить на мѣсто Остермана или Бирона, Россія, вѣроятно, ничего не выиграла бы отъ такой замѣны.

---

*) 28 іюня и 12 и 16 іюля 1740. *Тайные берлинскіе архивы.*

**) *Русскій Архивъ*, 1883, II, 289.

***) *Воспоминанія*, 1873, I, 16.

Уже въ Казани противъ него было назначено судебное слѣдствіе по обвиненію въ кражѣ церковныхъ драгоцѣнностей; онъ засѣкъ до смерти много людей безъ причины и убилъ пятнадцать человѣкъ, стрѣляя изъ пушки на своей канонирке! И слѣдствіе было не въ его пользу, такъ какъ всплылъ случай съ однимъ купцомъ, котораго Волынскій, за его отказъ дать взятку, приказалъ раздѣть, обернуть сырымъ мясомъ и отдать на растерзаніе собакамъ. Въ Петербургѣ, послѣ его ареста, оказалась растрата въ семьсотъ тысячъ рублей въ конюшенномъ вѣдомствѣ, которымъ онъ завѣдывалъ. Среди его многочисленныхъ дворовыхъ находились его два незаконныхъ сына, записанныхъ имъ крѣпостными и несшихъ общую участь.

Собственно онъ и его приверженцы возмущались большей склонностью къ порядку, извѣстной послѣдовательностью, проявляемыми иностранцами, а такъ же ихъ болѣе порядочнымъ образомъ жизни и обширнымъ образованіемъ. И мнѣ кажется, что эти же причины играютъ значительную роль въ ненависти русскаго народа къ бироновщинѣ.

Въ заключеніе,—моя осторожность въ выводахъ не доходитъ до исключенія ихъ, когда они кажутся вытекающими изъ фактовъ,—я думаю, что русская знать и дворянство, за компанію съ ними и самъ Волынскій, были отвѣтственными создателями этого режима, тяжелаго, какъ всякое правленіе, захваченное силой, и отдавшаго власть въ руки иностранцевъ, потому что сами русскіе не были способны взять или сохранить ее. Эти иностранцы не были ни геніями, ни образцами добродѣтели, но среди неурядицы, въ которую бросило страну незаконченное дѣло Петра, они одни, приблизительно угадывая ея судьбы, имѣли необходимыя способности и хладнокровіе, насколько возможно, охранить ея интересы въ этотъ критическій періодъ. Краткое знакомство съ внѣшней политикой того времени покажетъ намъ это еще болѣе наглядно.

ГЛАВА X.

Внѣшняя политика.—Ученики и преемники Петра Великаго.

I. Осложненія въ Персіи и въ Крыму.—Угроза европейской войны.—Австрійскій союзъ.—Русская партія и нѣмцы.—Престолонаслѣдіе Австріи и престолонаслѣдіе Польши.—Ложные переговоры съ Франціей.—Проекты соглашенія съ Пруссіей и Австріей.—Попытки саксонскаго двора.—Матримоніальный планъ Августа II.—Дѣвица Огинская.—Окончательное соглашеніе.—Участь Польши. II. Двойное избраніе Станислава и Августа III.—Война за польское наслѣдство.—Взятіе Данцига.—Французскіе плѣнники въ Россіи.—Попытки французской дипломатіи въ С.-Петербургѣ.—Бернардони.—Польская конференція и ея агентъ въ Парижѣ.—Озаровскій.—„Варвары“ на Рейнѣ.—Миръ. III. Турецкая война.—Причины восточнаго вопроса.—Историческія толкованія.—„Система Петра Великаго“.—Ученики великаго мужа въ Константинополѣ.—Неплюевъ и Вишняковъ.—Они требуютъ войны.—Сопротивленіе Остермана.—Начало враждебныхъ дѣйствій въ Крыму.—Неудачный походъ Миниха.—Разрывъ съ Портой.—Бездѣйствіе Австріи.—Критическое положеніе.—Дорогой успѣхъ подъ Очаковымъ.—Россія и Австрія намѣреваются заключить договоръ.—Немировскій конгрессъ.—Прекращеніе переговоровъ.—Новыя неудачи.—Французское посредничество.—Вильневъ.—Побѣда Миниха подъ Ставучанами.—Слишкомъ поздно!—Капитуляція Австріи.—Она принуждаетъ Россію заключить невыгодный миръ. IV. Избѣгнутый разрывъ со Швеціей.—Партіи русская и французская въ Стокгольмѣ.—Женское вліяніе.—„Колпаки и шляпы“.—Планы союза между Швеціей и Турціей.—Бестужевъ и Сенъ-Северинъ.—Убійство Сенъ-Клера.—Возбужденіе общественнаго мнѣнія въ Швеціи.—Торжество русской дипломатіи. V. Ея успѣхи въ Польшѣ.—Образованіе русской партіи.—Покорность конфидератовъ.—Благопріятное для Россіи разрѣшеніе курляндскаго вопроса.—Новый проектъ конфедераціи, поощряемый Пруссіей.—Смерть Карла VI.—Опасность новыхъ осложненій.—Ла-Шетарди въ Петербургѣ. IV. Общій обзоръ.—Политика укрѣпленія внутри и внѣ.—Присоединеніе Малороссіи.—Дѣло умиротворенія на берегахъ Урала.—Сношенія съ Китаемъ.—Національное стремленіе къ распространенію и нѣмецкая политика.

I.

Анна застала внѣшнія отношенія въ хорошемъ состояніи, за исключеніемъ Персіи. Австрійскій дворъ сожалѣлъ о Петрѣ II, но заявилъ, что согласенъ поддерживать только что заключенный союзъ. Король прусскій выразилъ живѣйшую радость при извѣстіи о возстановленіи самодержавія, осушилъ большой кубокъ вина за здравіе императрицы и сказалъ: „Теперь я не буду боятся Польши въ курляндскихъ дѣлахъ". Даже въ Версалѣ высказали надежду, что новая государыня окажется болѣе „безпристрастной", чѣмъ ея предшественникъ.

Въ Персіи дѣла принимали плохой оборотъ. Тахмазибъ, законный шахъ, взялъ верхъ надъ Эшрефомъ, узурпаторомъ, съ которымъ Россія заключила договоръ, потомъ былъ разбитъ турками подъ Эриванью. Двойная неудача! Главной задачей Россіи было преградить Турціи доступъ къ Каспійскому морю. Пришлось войти въ соглашеніе съ Тахмазибомъ, обѣщая возвратить Персіи мѣста, занятыя Петромъ Великимъ. Но въ 1732 г., заключивъ въ свою очередь миръ съ Турціей, Тахмазибъ былъ свергнутъ Кули-Ханомъ. Крымскій ханъ, Капланъ-Гирей перешелъ тогда въ наступленіе, какъ вассалъ Порты, и, овладѣвъ Кабардой, вступилъ въ русскія владѣнія. Такимъ образомъ, возникалъ конфликтъ, съ которымъ затруднительно было бы бороться, въ виду обстоятельствъ, взятыхъ на себя въ европейской политикѣ. Съ минуты на минуту Австрія могла потребовать противъ другихъ еще враговъ, кромѣ турокъ, помощи тридцатитысячнаго обѣщаннаго войска, и пришлось бы уплатить выкупъ за новое величіе, которому еще не соотвѣтствовали силы страны.

Въ апрѣлѣ 1730 г., была уже первая тревога. Отказавшись итти навстрѣчу требованіямъ, предъявленнымъ Испаніей и ея союзниками, въ исполненіе Севильскаго договора, вѣнскій дворъ обратился къ петербургскому. „Конечно, мы исполнимъ свои обязательства",—отвѣчалъ Ягужинскій графу Вратиславу; но едва тотъ вышелъ, какъ онъ разразился смѣхомъ: „Развѣ

они насъ за дураковъ считаютъ". Такова была политика русской партіи: сидѣть себѣ спокойно дома и смѣяться надъ всѣмъ свѣтомъ. Персіи не отдали завоеваній Петра Великаго, чтобы помочь Австріи сохранить и завоевать города въ Италіи! Это не была политика Остермана, и вскорѣ вся Европа заговорила о тридцати тысячахъ новыхъ „варваровъ", которые появятся на Рейнѣ. И въ Вѣнѣ не замедлили воспользоваться такимъ пугаломъ. Въ іюнѣ Маньянъ получилъ порученіе сдѣлать русскому вице-канцлеру серьезныя представленія. Если извѣстіе подтвердится, Франція не можетъ „скрыть свое неудовольствіе". Остерманъ молча выслушалъ французскаго агента; но послѣдній замѣтилъ, что онъ „перемѣнился въ лицѣ, какъ человѣкъ сильно взволнованный и трясущійся либо отъ внутренняго гнѣва, либо отъ слишкомъ глубокаго потрясенія" *). То былъ, очевидно, гнѣвъ. И отвѣтъ, который услышалъ Маньянъ по окончаніи своей рѣчи, вполнѣ подтверждаетъ это: „Сомнѣваюсь, чтобы вы получили подобныя приказанія или достаточно ихъ обдумали, прежде чѣмъ исполнить". Вскорѣ генералъ Вейбахъ, аккредитованный Россіей на польскій сеймъ, обнародовалъ рѣшеніе своего правительства, прося пропуска для тридцатитысячной арміи, между тѣмъ, какъ Биронъ получилъ изъ Вѣны титулъ графа германской имперіи, портретъ императора, осыпанный алмазами, и двѣсти тысячъ талеровъ, на которые купилъ помѣстье Вартенбергъ въ Силезіи.

Во Франціи и Испаніи заговорили о продажности фаворита. Я думаю, что въ данномъ случаѣ онъ заставилъ заплатить себѣ за услуги, имъ вовсе не оказанныя. Безъ его вмѣшательства Остерманъ рѣшился—что вполнѣ доказываетъ его поведеніе съ Маньяномъ—исполнить обязательства, нарушеніе которыхъ нѣкоторымъ образомъ вырасывало бы Россію изъ Европы и окончательно погубило бы будущность ея политики. Дѣло шло не только о системѣ вмѣшательства въ дѣла Западной Европы, введенной Петромъ Великимъ. Опасенія севильскихъ союзниковъ на этотъ разъ оказались напрасными; императоръ смягчился вслѣдствіе признанія Испа-

*) Маньянъ, 15 іюня 1730, Иностр. Дѣла.

ніей и Англіей его „Прогматизма", и русскому отряду не пришлось выступать. Но уже на горизонтѣ мелькала двойная задача о престолонаслѣдіи въ Австріи и о престолонаслѣдіи въ Польшѣ, близкая солидарность которыхъ связывала между собой оба вопроса. Противъ Австріи, гдѣ на престолъ долженъ былъ вступить принцъ Лотарингскій, Франція желала имѣть въ Польшѣ своего ставленника,—если возможно, Лещинскаго. И здѣсь ея интересы сталкивались непримиримымъ образомъ съ интересами Россіи.

Дипломатическая борьба возобновилась на этой почвѣ въ 1732 г., когда Остерманъ встрѣтилъ здѣсь себѣ противника, а Франція столь же неожиданнаго союзника. Въ апрѣлѣ Маньянъ имѣлъ свиданіе съ Бирономъ и былъ чрезвычайно удивленъ, услыхавъ, что фаворитъ „какъ бы журилъ его" за его робость, мѣшавшую имъ чаще видѣться, и выражалъ ему свое желаніе „оказаться для Франціи полезнымъ въ какомъ-нибудь отношеніи". Послѣ аудіенціи, увлекши французскаго агента въ удаленный кабинетъ, Минихъ, въ свою очередь, удивилъ его еще болѣе. Его слова граничили съ открытыми признаніями: обязательства Россіи съ императоромъ распространялись,—заявлялъ онъ,—только на случай турецкой войны и нисколько не препятствовали союзу съ Франціей *).

Борьба между Бирономъ и Остерманомъ началась въ это время, и Минихъ согласился временно принять сторону фаворита, и это и послужило причиной подобныхъ изліяній передъ французскимъ посланникомъ. Но Францію трудно было убѣдить въ возможности извлечь изъ этого что-либо серьезное. Однако, Маньяну было поручено поддерживать интригу. Свиданія Маньяна съ Минихомъ участились. Они назначали встрѣчи между пятью и шестью часами утра, чтобы обмануть бдительность Остермана. Въ іюнѣ генералъ ручался за успѣхъ. Биронъ сдѣлалъ императрицѣ докладъ и встрѣтилъ съ ея стороны прекрасный пріемъ. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Маньяну прислали изъ Версаля проектъ договора, основаннаго на соглашеніи, по поводу избранія римскаго короля. За это Франція предлагала признаніе императорскаго титула за цар-

---

*) Маньянъ, 26 апрѣля 1732, Иностр. Дѣла.

ствующей государыней и „кое-что для герцога Голштинскаго“. Минихъ нашелъ, что этого мало. Чтобы уравновѣсить выгоды австрійскаго союза, онъ требовалъ ни болѣе, ни менѣе, какъ давленія Франціи на Турцію, чтобы та согласилась вернуть Азовъ, въ обмѣнъ на Дербентъ, обѣщанія совмѣстнаго дѣйствія въ Польшѣ во время предстоящихъ выборовъ и субсидій. За это тридцатитысячная армія, обѣщанная Австріи, и даже пятидесятитысячная, если нужно, будетъ къ услугамъ короля, и, болѣе того, если не флотъ,— вамъ извѣстно, что нашъ сгнилъ,—говорилъ Минихъ съ улыбкой,—то эскадра изъ двѣнадцати или пятнадцати кораблей, съ флотиліей изъ ста судовъ *).

Только вопросъ о субсидіяхъ вызвалъ затрудненіе во Франціи. Петръ I ихъ не просилъ. Маньянъ долженъ былъ намекнуть Миниху, что ведущіе переговоры лично не будутъ имѣть причины жаловаться на благодарность короля. и въ сентябрѣ дѣло почти дошло до скрѣпы подписями. Уже обсуждался вопросъ о „благодарностяхъ“, предстояло поднести подарки царицѣ и ея приближеннымъ. Минихъ притворялся совершеннымъ безсребренникомъ, ничего не требующимъ для себя. Достаточно ста тысячъ золотыхъ для Бирона и гобеленовъ для государыни. „Согласны“, подписали изъ Версаля. Итакъ, Флери **) не былъ ни такимъ скупымъ, ни такимъ небрежнымъ, какъ говорили. Французскіе дипломаты рѣдко бываютъ пророками въ своемъ отечествѣ.

Дѣйствительное препятствіе къ предполагаемому союзу повидимому, предвидѣнное и кардиналомъ, только поверхностно отнесшимся къ этимъ переговорамъ, открылось въ ноябрѣ, когда надо было приступить къ подписанію. Неожиданно Минихъ объявилъ Маньяну, что дѣло будетъ разсматриваться въ кабинетѣ.

— Но, въ такомъ случаѣ мнѣ придется вести переговоры съ Остерманомъ!

— Безъ сомнѣнія; я не министръ иностранныхъ дѣлъ.

---

*) Маньянъ, 5 іюля, 1732, Иностр. Дѣла.
**) Vandal, *Louis XV et Elisabeth*, p. 109.

И одновременно, возвращаясь къ уже исчерпанному спору, генералъ снова заговорилъ о субсидіяхъ.

— Но рѣшено же, что Биронъ получитъ сто тысячъ червонцевъ.

— Что вы этимъ хотите сказать? Мы здѣсь не беремъ денегъ *)!

Флери понялъ, что надъ его агентомъ смѣялись. Остерманъ и Австрія, очевидно, взяли верхъ. Дѣйствительно, даже въ это время Биронъ, чувствуя себя побѣжденнымъ, увѣрялъ Мардефельда, что онъ „твердо придерживается прежней системы". Ему предлагали огромныя суммы за отказъ отъ нея; но онъ совершенно не нуждался въ деньгахъ, предпочитая хорошую лошадь всякимъ сокровищамъ **). Но одинъ Маньянъ еще нѣкоторое время былъ въ заблужденіи, плохо освѣдомленный о переговорахъ, происходившихъ одновременно въ Петербургѣ, съ Австріей и Пруссіей. Уже въ сентябрѣ 1730 г., эта послѣдняя обязалась новымъ договоромъ не допускать въ качествѣ наслѣдника польской короны ни Лещинскаго, ни кого-либо изъ принцевъ Саксонскихъ ***). Австрія этимъ была мало удовлетворена. Если Франція серьезно поддерживаетъ Лещинскаго, то, по мнѣнію Вѣны, единственнымъ серьезнымъ конкурентомъ ему можно было противупоставить саксонскую кандидатуру. И съ декабря мѣсяца того же года, Россія стала склоняться къ такой же точкѣ зрѣнія. Но въ Берлинѣ Фридрихъ Вильгельмъ былъ непреклоненъ. Напрасно ему предлагали Эльбингъ. „Мой вѣрный Клогенъ мнѣ сказалъ",—повторялъ онъ,—„что, если даже Польша уступитъ мнѣ хоть Вармію и Померанію, Данцигъ и Маріенвердеръ. этого будетъ слишкомъ мало за устройство саксонской династіи въ Варшавѣ. Надо, чтобы Польша осталась республикой" *†). Въ 1732 г. къ нему отправили изъ Петербурга Карла Левенвольде, постаравшагося „соединить трехъ черныхъ орловъ", чего дѣйствительно онъ и достигъ въ декабрѣ,

*) Маньянъ, 4 ноября 1732, Иностр. Дѣла.

**) Мардефельдъ, 13 сентября 1732, *Тайные берлинскіе архивы.*

***) Мартенсъ, *Собраніе трактатовъ*, V, 275.

*†) Droysen, *Geschichte der preussichen Politik*, IV, II, 237.

предложивъ проектъ примирительнаго договора, по которому, исключивъ Лещинскаго и принца Саксонскаго, признавали кандидатомъ дона Эммануэля Португальскаго. Фридрихъ Вильгельмъ получалъ обѣщаніе Курляндіи для своего второго сына, а Биронъ подарокъ въ двѣсти тысячъ золотыхъ *). Въ Берлинѣ считали, что дѣло въ шляпѣ **), но въ Петербургѣ и Вѣнѣ отказались отъ ратификаціи сдѣланныхъ подписей, и король прусскій „сѣлъ между двухъ стульевъ", по его собственному выраженію. Онъ негодовалъ, носился съ огромными проектами, какъ занять Польшу и сыграть тамъ роль Карла XII, присоединивъ къ себѣ польскую Пруссію, безъ согласія Франціи, благодаря уступкѣ графствъ Юлиха и Берга ***). Но до конца жизни ему пришлось ограничиваться безпокойнымъ и сварливымъ нейтралитетомъ, постоянно быть на сторожѣ, постоянно надѣяться получить что-нибудь отъ когонибудь, заигрывая съ Ла-Шетарди, предлагая Станиславу— послѣ Данцига гостепріимство въ Кенигсбергѣ, и добившись лишь утраты всякихъ симпатій.

Саксонскій дворъ тоже не сидѣлъ безъ дѣла. Августъ II былъ человѣкъ изобрѣтательный. Въ іюнѣ 1731 г., Мардефельдъ открылъ самый неожиданный планъ, возвѣстивъ прибытіе въ Москву дѣвицы Огинской, дочери одного польскаго воеводы. Анна знала ее еще въ Митавѣ и чувствовала къ ней такую симпатію, что, кажется, соглашалась спать съ ней въ одной кровати *†). И тогда же, болтая съ одной подругой, она говорила ей, что, если она должна будетъ выйти вторично замужъ, то желала бы имѣть мужемъ короля Польскаго. Она покровительствовала саксонцамъ! Дѣйствительно ли, Августу пришла въ голову мысль воспользоваться этими словами? Мардефельдъ былъ въ томъ убѣжденъ. Дѣвица Огинская должна была увѣрить царицу, что этотъ неожиданный женихъ съ виду имѣетъ не болѣе сорока лѣтъ, хотя, въ дѣйствительности, ему было за шестьдесятъ. Король ждалъ только знака, чтобы

---

*) Мартенсъ, *указ. соч.* I, 65, 311.

**) Droysen, *ibid*, IV, II, 174.

***) *Ibid.*, II, 218.

*†) *Rondeau a Harrington, Moscou*, 16 августа 1731, Сборникъ LXVI, 353.

явиться въ Москву; Ягужинскій одобрялъ этотъ планъ, и жена саксонскаго агента Лефорта, при помощи итальянской пѣвицы Людовики, приближенной къ государынѣ, бралась устроить дѣло *). Фридрихъ Вильгельмъ испугался, и генералъ-лейтенантъ фонъ-Грумбковъ, поспѣшно посланный въ Дрезденъ позондировать короля, прислалъ мало успокоительный рапортъ. Искусно наведенный на откровенный разговоръ за сытымъ обѣдомъ, Августъ лишь на половину отрекся отъ приписываемыхъ ему матримоніальныхъ покушеній. „Хе! хе! если-бъ мнѣ съ десятокъ лѣтъ поменьше“. Но для Анны Іоанновны пора любви была уже отмѣчена на часахъ, за стрѣлками которыхъ наблюдалъ Биронъ. Онъ устраивался всегда, чтобы присутствовать третьимъ при разговорахъ дѣвицы Огинской съ ея другомъ, и планъ не удался.

Саксонская дипломатія имѣла больше успѣха въ Вѣнѣ, добившись тамъ въ послѣднюю минуту отказа отъ португальской кандидатуры, успѣху которой способствовалъ король португальскій, предложившій замѣстить дона-Эммануэля его младшимъ братомъ, дономъ-Антоніо. Продолженіе польской анархіи при саксонской династіи послужило тогда причиной новаго оборота дѣла, къ которому Россія поспѣшила приложить руки.

Одна Польша, въ то время, какъ о ней такъ спорили, жила, нисколько не заботясь о завтрашнемъ днѣ. Народы, сдѣлавшись царями, получаютъ склонность веселиться. Такимъ обрзомъ, подготовлялись событія 1733 г.: двойное избраніе Станислава и Августа III (12-го сентября и 5-го октября), бѣгство французскаго кандидата въ Данцигъ и странная война, когда, сражаясь за Лещинскаго, побѣдившая Франція обезпечила корону его сопернику. Всѣ эти событія слишкомъ хорошо извѣстны, и потому я ограничусь здѣсь лишь указаніемъ на общій смыслъ русской политики, среди опасныхъ приключеній, куда она была завлечена.

---

*) Мардефельдъ, 4 іюня 1731, *Тайные берлинскіе архивы.*

II.

Направляемая Остерманомъ, несмотря и противъ Бирона, эта политика вполнѣ соотвѣтствовала традиціи Петра I. Въ іюлѣ 1733 г., посолъ поляковъ—сторонниковъ Лещинскаго, Рудолина, встрѣтился въ Петербургѣ съ враждебнымъ посольствомъ „благомыслящихъ поляковъ“, чьи аристократическія имена сдѣлались извѣстными лишь впослѣдствіи, когда русскія войска пощадили помѣстья Браницкихъ, Любомирскихъ, Радзивиловъ, Сангушко и Сапѣги *). Рудолина, имѣвшій письмо отъ маркиза де-Монти, французскаго посланника въ Варшавѣ, къ Маньяну, не засталъ послѣдняго уже на посту. Рѣшено было его отозвать. Французскій консулъ, Виллардъ, имѣлъ свиданія съ полякомъ въ церкви францисканцевъ, но сознался, что не получилъ инструкцій. Французская дипломатія произнесла свое послѣднее слово, и дошла очередь до пороха.

Въ августѣ 1733 г., Фридрихъ Левенвольде подписалъ въ Варшавѣ двойную конвенцію: съ саксонскими министрами относительно пропуска русскихъ войскъ, и съ воеводою краковскимъ, Теодоромъ Любомирскимъ,— который былъ самъ претендентомъ на корону—относительно избранія Фридриха-Августа. Польскій королекъ за это получилъ обѣщаніе гетманскаго жезла и въ концѣ концовъ удовлетворился пенсіей въ пятнадцать тысячъ рублей. Такъ какъ подобныхъ претендентовъ на королевское достоинство было не мало, то они стоили не дорого. Польскіе сторонники Лещинскаго, совершивъ его избраніе согласно обряду, въ укрѣпленной оградѣ Воли, сумѣли только уничтожить укрѣпленія и сжечь деревянный сарай, который служилъ убѣжищемъ для его величества Сената **). Русскій оккупаціонный отрядъ, двѣнадцать тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ Леси, обошелъ это затрудненіе,

---

*) Соловьевъ, *Исторія Россіи*, XX, 10—11.

**) *Записки* Жозефа де-Кампо-Сципіона. *Архивы князей Любецкихъ въ Черлонѣ.*

провозгласивъ своего кандидата въ сосѣдней каміенской церкви. Во время молебна, пушки, разставленныя изъ предосторожности поблизости, загремѣли съ такой силой, что полъ въ церкви провалился, увлекая присутствующихъ въ подвалъ,— трагически-символическое паденіе! *) Бѣжавшій въ Данцигъ Лещинскій писалъ дочери: „Если король (французскій) не займетъ Саксонію, мнѣ остается вернуться лишь къ своей арендѣ". Чтобы овладѣть Данцигомъ и его гостемъ, Остерманъ и Биронъ временно примирившіеся, торопили Миниха, радуясь возможности остаться безъ него въ Петербургѣ. Онъ безо всякой пользы потерялъ четыре тысячи человѣкъ при осадѣ Хагельберга, прозваннаго съ тѣхъ поръ „кладбищемъ рускихъ", взялъ городъ благодаря прибытію десяти тысячъ саксонцевъ, подъ командою принца Саксъ-Вейсенфельдскаго, упустилъ короля и, совершенно въ духѣ Петра Великаго, не осудившаго бы его гекатомбъ человѣческихъ жизней, пообѣщавъ Ламмоту и его французскимъ товарищамъ „корабли въ достаточномъ количествѣ, чтобы доставить ихъ вмѣстѣ съ обозомъ въ Копенгагенъ", нарушилъ условія капитуляціи, удержавъ плѣнниками оставшихся въ живыхъ участниковъ фаланги **). Съ доставленными въ іюлѣ 1734 г. въ Петербургъ офицерами обращались съ почетомъ, почти оскорбительнымъ. Ихъ заставляли фигурировать на балахъ! Но простые солдаты, заключенные въ Копорскомъ лагерѣ, испытали всѣ лишенія наиболѣе строгаго плѣна. Въ августѣ 1734 г. офиціальный агентъ, Фонтонъ де-Л'Эстанъ, прибылъ изъ Парижа въ Петербургъ, чтобы добиться ихъ освобожденія, въ то время, какъ секретный агентъ французскаго правительства, Бернардонъ, личность котораго остается довольно загадочной ***), предлагалъ Остерману проектъ договора. Первый пунктъ подчеркивалъ признаніе Россіей Станислава, въ обмѣнъ на гарантію, предоставляемую Франціей всѣмъ рус-

*) Шуйскій, *Исторія Польши*, IV, 380.

**) Kapitulation derer am Farhwasoer bey Danzig gelegenon französischen Truppen...; Боуе, *Станиславъ Лещинскій*, стр. 250. Ср. *Петръ Великій*.

***) Ramband, *Собраніе инструкцій, Россія*, I, 277. Боуе; *ук. соч.*, 266; Ср. Сборникъ, LXXVI, 300 и сл. стр.

скимъ владѣніямъ, и помощь въ тридцать тысячъ человѣкъ, обѣщаемую Франціей и Польшей на случай войны съ Тур ціей *). Одно время Бернардони хвастался успѣхомъ. Анна выражала нѣкоторое неудовольствіе по поводу словъ, приписываемыхъ французскому посланнику въ Швеціи: „Эта женщина слишкомъ высоко задрала носъ, надо ей посбавить спеси. Моему повелителю, королю, обойдется не дороже ста червонцевъ ее отравить, потому что русскіе способны за сто рублей убить родного отца". И Л'Эстанъ долженъ былъ писать Бирону, чтобы опровергнуть слухъ. Но фаворитъ, въ согласіи съ Левенвольде, казался настроеннымъ очень хорошо. И самъ Остерманъ указывалъ лишь на предстоящее ему затрудненіе „преподнести обществу столь блестящую перемѣну **). Мнѣ кажется, что Флери оцѣнилъ по достоинству такое наружное, благожелательное отношеніе, написавъ въ декабрѣ Л'Эстану, что надъ его коллегой просто „забавляются", а самъ онъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду лишь дипломатическій маневръ. Но „забавлялись" также и съ Л'Эстаномъ, и позабавились такъ, что въ январѣ 1735 г., надѣясь добиться по крайней мѣрѣ свободы де-Монти, такъ же взятаго въ плѣнъ подъ Данцигомъ, онъ писалъ Шовелэну: „Я возвращаю вамъ де-Монти, верните меня къ себѣ... Безъ благоразумія графа (Бирона), я сдѣлался бы игрушкой сумасшедшихъ этого двора. Одинъ изъ нихъ добылъ себѣ въ воскресенье фракъ, чтобы передразнить меня въ роли птиметра... Въ другое время я надъ этимъ первый бы разсмѣялся, но не теперь. Объ этомъ сказали графу Бирону, который пригрозилъ ему палками, если онъ покажется ему на глаза".

Монти оставался въ Петербургѣ до заключенія мира, и тѣмъ временемъ тамъ придумали остроумное средство, чтобы урегулировать положеніе другихъ плѣнниковъ. Въ іюлѣ 1734 года, флотскій капитанъ, Полянскій, говорившій по-французски, былъ отправленъ въ Копорскій лагерь, съ порученіемъ

*) Иностр. Дѣла, Россія, т. XXVIII, тетр. 63. Полномочія были даны Бернардони въ іюлѣ 1734 г. *Ibid.*, тетр. 29.

**) Бернардони, 9 іюля и 18 сентября 1734. Иностр. Дѣла, Россія.

тайкомъ убѣдить подполковника Лопухина, охранявшаго лагерь, уменьшить бдительность и облегчить побѣги—съ тѣмъ, чтобы излавливать по дорогѣ тѣхъ плѣнниковъ, отъ которыхъ будетъ польза, и отправлять ихъ въ С.-Петербургъ, потому что среди нихъ расчитывали найти большое количество искусныхъ мастеровъ *). При такихъ обстоятельствахъ, даже миръ былъ не въ силахъ возстановить правильныя дипломатическія отношенія между двумя странами. Они были поправлены только въ 1738 г., посылкой князя Кантемира въ Парижъ и маркиза де-ла-Шетарди въ С.-Петербургъ.

Французскіе защитники Станислава блеснули подъ Данцигомъ только героизмомъ, пропавшимъ совершенно даромъ; у его польскихъ защитниковъ не было даже героизма. Конфедераты Дзикова (ноябрь 1735 г.) отвѣтили на призывъ бѣжавшаго короля, вновь появившагося въ Кенигсбергѣ, но сражались плохо, а переговоры вели еще хуже. Ихъ посланникъ въ Парижѣ Озаровскій писалъ: „Со мной ни о чемъ не говорятъ, и я это считаю за честь для себя" **). Это былъ уже духъ будущихъ польскихъ эмигрантовъ и ихъ манера облекаться въ горделивую скромность. Наконецъ, Шавелэнъ сообщилъ этому, очень необыкновенному посланнику, что судьба конфедераціи и ея короля рѣшится въ Вѣнѣ.

Подписанію всеобщаго мирнаго договора предшествовало, какъ извѣстно, и отчасти содѣйствовало, на этотъ разъ, дѣйствительное появленіе „варваровъ" вблизи Рейна. Въ сентябрѣ 1735 г., Леси привелъ ихъ на эти поля историческихъ битвъ, въ количествѣ десяти тысячъ войскъ, растерявъ по дорогѣ остальныя пятнадцать тысячъ. Было много дезертировъ ***). Тѣ, кто дошелъ до мѣста назначенія, не сдѣлали ни одного выстрѣла; но эффектъ получился громадный и весьма ощутительный. Завѣтная мечта Петра Великаго осуществилась въ этой военной демонстраціи, когда русскіе флаги развѣвались въ центрѣ Европы, въ то время, какъ въ

*) Соловьевъ, *Исторія Россіи*, XX, 41.
**) Шуйскій, *Исторія Польши*, IV, 313.
***) Соловьевъ, Исторія Россіи, XX, 50—61.

Варшавѣ счастливый соперникъ Станислава воцарялся подъ сѣнью русскихъ штыковъ.

Это двойное событіе внушило любопытный панегирикъ одному чешскому поэту, по имени Краусъ, писавшему плохими нѣмецкими стихами *). Но за подобные тріумфы предстояла расплата. Ею послужила война съ Турціей.

III.

Въ Россіи существуетъ историческая школа, считающая лишь съ Петра Великаго наступательную политику этой страны относительно оттоманской Порты. Ранѣе отношенія между обѣими державами были постоянно дружелюбныя **). По другимъ же писателямъ, миссія, приписываемая себѣ Россіей,— освобожденіе славянскихъ народовъ отъ мусульманскаго ига— не болѣе какъ фикція, зависящая отъ совершенно новыхъ обстоятельствамъ ***). Подобному взгляду, встрѣтившему сильныя возраженія, кажется, дѣйствительно, противорѣчатъ факты. Соглашаясь ли съ большинствомъ русскихъ историковъ,— въ томъ числѣ Соловьевымъ, видящими въ восточномъ вопросѣ только эпизодъ великой борьбы между Европой и Азіей, или съ писателями славянофилами, усматривающими въ этомъ лишь конфликтъ элемента романо-германскаго съ элементомъ греко-славянскимъ и сводящими при подобномъ толкованіи роль Турціи къ защитѣ балканскихъ національностей отъ первой изъ этихъ враждующихъ державъ *†) до эпохи вмѣшательства Россіи, такъ или иначе, антагонизмъ между орломъ и полумѣсяцемъ насчитываетъ за собой въ прошломъ много столѣтій. Естественное развитіе Россіи на обширной

---

*) Л. Майковъ далъ русскій переводъ его. *Русскій Архивъ*, 1883, III, 234.

**) Неклюдовъ, *Начало сношеній Россіи и Турціи. Архивъ иностранныхъ дѣлъ* въ Москвѣ, 3-я тетрадь, 1883, стр. 1—6.

***) Карновичъ, *Роль Россіи въ освобожденіи христіанъ отъ турецкаго ига, Отечественныя Записки*, 1878, № 1 и 2.

*†) Данилевскій, *Россія и Европа*, 1889, стр. 343—6; Лебедевъ, *Историческая библіотека*, 1878, № VI, стр. 5—6.

равнинѣ, ограниченной морями: Бѣлымъ, Балтійскимъ, Чернымъ и Каспійскимъ, горами Урала, хребтомъ Кавказа и Карпатами, рѣками, текущими въ моря въ двухъ направленіяхъ, съ самаго начала было указано знаменитымъ путемъ варяговъ „изъ Скандинавіи въ греческія страны". Сперва Азія выслала татаръ. Сбросивъ ихъ иго, Россія едва вступила на свой путь, какъ встрѣтила турокъ, прочно основавшихся на Балканскомъ полуостровѣ. И уже взятіе Константинополя отдѣлило ее отъ ея духовной столицы, отъ ея священной метрополіи, куда съ десятаго вѣка стекались толпами ея богомольцы насладиться лицезрѣніемъ великолѣпія храмовъ, перваго источника своей цивилизаціи. Подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ, зародилась постепенно мысль о Москвѣ, какъ духовной пріемницѣ древней Византіи и „третьемъ Римѣ". Въ этомъ смыслѣ истолковывались нѣкоторыя изреченія Льва Мудраго и патріарховъ Меѳодія и Геннадія, а также надпись на могилѣ Константина. Бракъ Іоанна III съ Софіей Палеологъ (1472 г.) укрѣпилъ подобныя чувства и представленія, отсюда проистекшія. Петръ I получилъ лишь готовое наслѣдіе *). До него одинъ только вопросъ о Малороссіи привелъ къ кровавому конфликту съ Портой. Все царствованіе Феодора Алексѣевича (1676—1682 гг.) было заполнено войной, обезпечившей Россіи обладаніе восточной Украйной. Послѣдовавъ въ началѣ по слѣдамъ князя Голицына и возобновивъ неудачные походы этого полководца въ Крымъ, Петръ былъ отвлеченъ Сѣверной войной, и Порта, перейдя въ наступленіе, нанесла Россіи пораженіе при Прутѣ (іюль 1711 г.). Эта несчастная война, однако, содѣйствовала первому сближенію между Россіей и народностями, угнетенными побѣдителями. Великій царь умеръ, мечтая о реваншѣ и подготовляя австрійскій союзъ, необходимый, по его мнѣнію, для успѣшности дѣйствія и осуществленный его наслѣдниками въ 1726 году, продолжавшійся до воцаренія Петра III и называвшійся „Системой Петра Великаго".

Побѣжденный въ 1711 г. пытался подойти къ разрѣше-

---

*) Успенскій, *Причины Восточнаго вопроса въ Россіи*, 1877, стр. 17; Жигаревъ, *Русская политика въ Восточномъ вопросѣ*, 1896, стр. 56.

нію задачи съ другой стороны: черезъ Грузію, Арменію. „Это одинъ и тотъ же путь“,—говорилъ онъ. При его непосредственныхъ преемникахъ преобладали миролюбивыя наклонности. Остерманъ не считалъ Россію способной продолжать традиціонную программу. Но событія 1733—1735 гг. должны были побудить самую Турцію къ возобновленію враждебныхъ дѣйствій. Въ Константинополѣ не могли равнодушно смотрѣть на установленіе русскаго протектората на берегахъ Вислы. И употребивъ всѣ усилія, чтобы возбудить подозрѣнія и природную ненависть, французскій посланникъ, маркизъ де-Вильнёвъ, встрѣтилъ себѣ косвеннаго союзника, въ лицѣ русскаго посланника Неплюева. Послѣдній былъ ученикомъ Петра I, болѣе горячимъ, чѣмъ его учитель, и болѣе оптимистомъ, чѣмъ Остерманъ. Онъ видѣлъ ослабленіе Турціи, благодаря пораженіямъ въ Персіи, раскрывалъ планы Вильнёва, старавшагося вызвать въ Россіи внутреннюю революцію, и твердилъ безъ устали: „Война на порогѣ, не ожидайте нападенія, предупредите его!“ *) Въ началѣ 1735 г. онъ заболѣлъ; но у него былъ помощникъ Вешняковъ, вторившій ему. Напрасно Остерманъ упорно отвѣчалъ: „Слишкомъ рано; не настаивайте“! Въ теченіе года Вильнёву удалось добиться паденія миролюбиваго визиря Али-Паши, и, опасаясь нападенія его преемника, Израила, за что ручался Вешняковъ, въ Петербургѣ рѣшили „предупредить нападеніе“.

Такому рѣшенію не противилось желаніе удалить Миниха, возвратившагося изъ Данцига, „увѣнчаннымъ лаврами, пополамъ съ терніями“ и ставшаго отъ этого еще несноснѣе.

Однако, Остерманъ все еще не рѣшался открыто объявить войну. Восьмидесятитысячная армія была отправлена лишь противъ татаръ, захватившихъ русскія владѣнія въ Кабардѣ и другихъ мѣстахъ. Вешняковъ этимъ удовлетворился. При первомъ пораженіи своихъ данниковъ въ Крымѣ, Порта, увѣрялъ онъ, запроситъ мира **). Но учитаннаго имъ успѣха не послѣдовало. Русская армія растаяла еще по дорогѣ. Офицеры Миниха довели до укрѣпленій Перекопа только прибли-

---

*) Кочубинскій, *Графъ Остерманъ и раздѣлъ Турціи*, 1899.

**) Соловьевъ, XX, 83, 84.

зительно сорокъ тысячъ, отступившихъ по тѣмъ же причинамъ, какъ и войска Голицына: недостатку провіанта, рѣзкимъ перемѣнамъ погоды и ссорамъ генераловъ между собой. Леси ссылался на свое званіе фельдмаршала, а принцъ Гессенъ-Гамбургскій на свой титутъ высочества, и отказывались повиноваться главнокомандующему. Тридцать тысячъ человѣкъ были выведены изъ строя голодомъ и жарой. А, вмѣсто того, чтобы просить мира, Порта вооружалась.

Въ мартѣ 1736 г. Минихъ сдѣлалъ попытку взять Азовъ, но потребовалъ 53,263 рабочихъ, для осадныхъ работъ. Князь Шаховской, губернаторъ Малороссіи, который долженъ былъ удовлетворить эту просьбу, далъ понять въ Петербургѣ ея абсурдность. Въ маѣ 1736 г., побѣдитель при Данцигѣ овладѣлъ, наконецъ, укрѣпленіями Перекопа, гдѣ татары оказали только незначительное сопротивленіе, дошелъ до Бахчисарая и сжегъ городъ, съ ханскимъ дворцомъ и монастыремъ іезуитовъ, имѣвшимъ прекрасную библіотеку. У этого нѣмца въ жилахъ была кровь вандала. Въ Кіевѣ, въ 1732 г., укрѣпляя древній городъ, онъ приказалъ взорвать часть знаменитыхъ „Золотыхъ воротъ", возведенныхъ великимъ княземъ Ярославомъ, въ началѣ XI вѣка *). И послѣ этого тріумфа, армія должна была отступить,, несмотря на одновременное взятіе Азова и Кинбурна Леси и Леонтьевымъ. Минихъ обвинялъ Леси, что тотъ не прислалъ ему провіанта и не торопился соединиться съ нимъ со своимъ двадцатитысячнымъ отрядомъ, а Леси утверждалъ, что главнокомандующій отступилъ слишкомъ рано.

Въ С.-Петербургѣ царило полное уныніе. На просьбы о помощи, посылаемыя ей, Австрія отвѣчала только обѣщаніями, и Анна съ ужасомъ думала о томъ, что станетъ съ ея войсками, когда, кромѣ татаръ, ей придется имѣть дѣло съ турками. „Выручите меня,—писала она Остерману,—и я осыплю благодѣяніями васъ и ваше семейство" **). Проклиная Миниха, Вешнякова и свою собственную слабость, толкнувшую ее на это предпріятіе, вице-канцлеръ еще надѣялся

---

*) *Русская Старина*, 1874, I, 67.

**) Соловьевъ, Исторія Россіи, XX, 105.

избѣжать войны съ турками. Дѣло еще не дошло до офиціальнаго разрыва; Вешняковъ оставался въ Константинополѣ, и, несмотря на усилія Вильнёва, поддерживаемаго Бонневилемъ, Порта склонялась къ миру. Русскій посланникъ пугалъ ее своимъ хвастовствомъ. Онъ увѣрялъ, что, гуляя по Перѣ, замѣчалъ, какъ весь народъ разступался передъ нимъ съ привычнымъ для него почтеніемъ. И онъ повторялъ свой военный кличъ: „Впередъ! Вы дойдете безъ боя до Константинополя!“ Онъ держался такъ угрожающе и вызывающе, что въ октябрѣ 1736 г. турки, подобно людямъ, бросающимся въ воду, чтобы избѣжать дождя, рѣшились его выслать.

Теперь грозила война, а между тѣмъ изъ Персіи приходили въ Петербургъ мало утѣшительныя вѣсти: Кули-Ханъ выражалъ готовность сразиться съ Турціей, но безъ прогулки въ Крымъ,—добавлялъ онъ. Австрія тоже находила все новыя причины, чтобы откладывать посылку вспомогательнаго войска. Посланнику Анны въ Вѣнѣ, Ланчинскому, удалось съ величайшимъ трудомъ добиться разрѣшенія вернуть хотя десятитысячный отрядъ, въ настоящее время совершенно излишній на Рейнѣ и стоявшій въ Богеміи. Ему безцеремонно отвѣчали, что Австріи онъ можетъ понадобиться противъ турокъ.

При такомъ критическомъ положеніи въ походѣ 1737 г., наконецъ, восторжествовали смѣлость, упорство и счастье Миниха. Подъ Очаковымъ, какъ ранѣе подъ Хагельбергомъ, безъ припасовъ, безъ осадной артиллеріи, безъ плана атаки, даже самъ не зная, для чего онъ привелъ сюда всю свою семидесятитысячную армію, рисковавшую умереть съ голода, онъ отдалъ приказъ о приступѣ, послалъ на убой головныя колонны, бросилъ шпагу въ разгарѣ битвы и воскликнулъ: „Все погибло!“ но въ эту минуту пожаръ, вспыхнувшій въ городѣ, и взрывъ двухъ пороховыхъ погребовъ, принудилъ турокъ сдаться (2-го іюля 1727 г.) *). Благодаря счастливой звѣздѣ нѣмецкаго кондотьера и звѣздѣ Россіи, въ то же

---

*) Соловьевъ, *Ibid.*, XX, 118; *Русскій Архивъ*, 1878, I, 255 *(Записки адъютанта Бирона)*.

время австрійцы, рѣшивъ, наконецъ, исполнить свои обѣщанія, отвлекли на себя лучшія силы Порты и ея наиболѣе искусныхъ генераловъ. Это восторжествовала „система Петра Великаго“ и его властный завѣтъ: не жалѣть ни людей, ни денегъ, добиваясь намѣченнаго результата; безгранично расчитывать на богатство страны, какъ и на покорность и самоотверженность ея сыновъ. Минихъ даже не потрудился изучить крѣпость и не зналъ о существованіи глубокаго рва, въ который тысячами валились солдатскія тѣла. Они послужили мостомъ остальнымъ.

Побѣда пришла слишкомъ поздно. Уже въ мартѣ, Россія и Австрія, по взаимному согласію, рѣшили заключить миръ и послали депутатовъ въ Немировъ. Турецкіе парламентеры сумѣли прекрасно воспользоваться жертвами, понесенными для завоеванія Очакова. Минихъ взялъ городъ, но потерялъ армію. Къ тому же, въ Босніи дѣла австрійцевъ приняли весьма дурной оборотъ. Остерманъ послалъ своимъ уполномоченнымъ приказъ принять отдѣльныя условія мира, „потому что союзникъ былъ разбитъ“. Но, вполнѣ справедливо, турки не соглашались раздѣлять при мирѣ тѣхъ, кто былъ связанъ во время войны, и въ октябрѣ 1737 г. переговоры были прерваны. Черезъ мѣсяцъ, въ Вѣнѣ, какъ и въ Петербургѣ, рѣшили прибѣгнуть, какъ къ послѣднему средству— къ вмѣшательству Франціи*).

Кампанія 1738 г. была неудачна даже для русскихъ. Не будучи въ силахъ переправиться черезъ Днѣстръ, Минихъ утѣшалъ Анну, увѣряя, что далѣе встрѣтилась бы чума. Однако, онъ долженъ былъ признать, что, отступая, онъ долженъ былъ бросить тяжелую артиллерію, а та же чума послужила предлогомъ къ эвакуаціи такъ дорого доставшагося Очакова. Австрійскій капитанъ Парада, прикомандированный къ особѣ главнокомандующаго, чтобы слѣдить за его операціями, приписывалъ его неудачи перегруженію обозами, которыми была обременена армія. Простые гвардейскіе сержанты тащили съ собой до шестнадцати повозокъ. Братъ фаворита велъ за собой триста лошадей или воловъ, семь ословъ

---

*) Кочубинскій, *ук. соч.*, стр. 539.

и три верблюда! Войскамъ удавалось тронуться въ путь не раньше, какъ черезъ два, три, а иногда и четыре часа послѣ восхода солнца, и арьергардъ подходилъ къ лагерю только на зарѣ *). Подбодряемая и поддерживаемая ударами русскаго кнута и нѣмецкими шпицрутенами, самоотверженность и послушность солдатъ не мѣшали дезертирству. Героизмъ у русскаго человѣка идетъ рука объ руку съ очень развитымъ практическимъ смысломъ. Умираютъ безропотно, когда больше ничего не остается, но бѣгутъ при первой возможности. Старые вояки и молодые рекруты дезертировали взапуски **). Австрійцы, въ свою очередь, послѣ блестящаго начала, дали туркамъ взять Орсову и грозить даже Бѣлграду.

Въ маѣ 1738 г. Остерманъ написалъ Вильнёву, что императрица, въ согласіи съ императоромъ, уполномачиваетъ его заключить предварительный договоръ,—отказываясь при этомъ признать посредничество морскихъ державъ, принятое Австріей. Въ то же время, обмѣниваясь письмами съ Флери—кислосладкими со стороны кардинала—вице-канцлеръ соглашался признать Францію обиженной стороной, выславъ первымъ посланника въ Парижъ ***). Флери ему совѣтовалъ назначить Вилльнёва единственнымъ парламентеромъ— и не добавлялъ, что въ переговорахъ, уже начатыхъ, чтобы спасти Бѣлградъ, императоръ поступилъ такъ же, отстранивъ Англію и Голландію, протестовавшихъ противъ такой обиды. Франція становилась хозяйкой переговоровъ. Но Порта оказывалась несговорчивой. Напрасно ей предлагали уступку Очакова и Кинбурна. Возвращаясь къ старинной политической теоріи: „пустыня—оплотъ“, она еще требовала разрушенія Азова. За спиной Вильнёва она пыталась столковаться съ Россіей черезъ посредство Молдавскаго князя Гика, но еще увеличивала свои требованія.

Въ Петербургѣ рѣшено было нанести рѣшительный ударъ въ 1739 г. Такъ какъ Австрія, въ свою очередь, настоятельно просила о помощи, возбужденъ былъ вопросъ о пропускѣ че-

---

*) Соловьевъ, *ук. соч.*, XX, 145—9.

**) Кочубинскій, *ук. соч.*, 423 стр.

***) *Остерманъ къ Флери*, 27 іюня 1738. Иностр. Дѣла.

резъ Польшу этого отряда. Такимъ образомъ, зародилась мысль воспользоваться этимъ путемъ, болѣе выгоднымъ, для цѣлой арміи, и этимъ начался новый порядокъ вещей, превратившій территорію Республики въ военную площадь ея сосѣдей. Въ іюлѣ 1739 г., Минихъ воспользовался ею, чтобы безъ помѣхи перейти Днѣстръ, вступить въ Молдавію и грозить Хотину. Сераксиръ Вели-паша преградилъ ему дорогу въ Ставучанахъ съ тридцатью тысячами человѣкъ, укрѣпившимися на выгодной позиціи, и положеніе русской арміи снова было безнадежно. Останься она на мѣстѣ, ей грозилъ голодъ, а ея построеніе въ карре съ обозомъ, запасами и артиллерійскимъ паркомъ въ центрѣ было безполезно*). Минихъ все же атаковалъ (17 августа 1739 г.). То была первая встрѣча русскихъ и турокъ въ открытомъ полѣ, и она обнаружила такое соотношеніе силъ, какого не подозрѣвалъ Петръ Великій. Понадобился нѣмецъ, чтобы открыть глаза его преемникамъ! Обманутые ложнымъ маневромъ на ихъ лѣвомъ флангѣ, турки открыли свой правый флангъ и обратились въ бѣгство при первомъ натискѣ. Два дня спустя, Хотинъ сдался. Побѣдоносная армія перешла Прутъ, и 12-го сентября въ Яссахъ, гдѣ ее опередилъ Собѣсскій, она праздновала присоединеніе Молдавіи къ Россіи. Но въ тотъ же день Минихъ получилъ извѣстіе о подписаніи мира между Портой и Австріей. 10 іюля австрійскій генералъ Валлисъ былъ разбитъ при Дунаѣ, потерявъ двадцать тысячъ человѣкъ**), и Нейпергъ, занявшій его мѣсто съ большими полномочіями вести переговоры, тотчасъ воспользовался ими, уступивъ имперскую Валахію, съ Орсовой, и Сербію съ Бѣлградомъ. „Это не я, это Нейпергъ!“—писалъ Карлъ VI Аннѣ, прося ее продолжать прежній союзъ и выражая надежду, что послѣ Хотина ей удастся договоръ не похожій на его.

Нейпергъ и Валлисъ были преданы суду, и перваго въ Вѣнѣ обвинили въ превышеніи полномочій. Минихъ хотѣлъ продолжать кампанію; но Остерманъ считалъ дѣло проигран-

---

*) *Русскій Архивъ*, *1878*. Уже цитиров. воспоминанія.

**) De Keralio, Histoire de la guerre des Russes et des Imperiaux contre les Turcs, 177, II, 162.

нымъ для Россіи. Истощеніе страны было чрезвычайное. Вице-канцлеръ боролся еще нѣкоторое время, чтобы сохранить Азовъ. Заявивъ, что надѣется только на Вильнёва, онъ пытался, въ свою очередь, вступить въ тайные переговоры черезъ посредство итальянскаго авантюриста Капіони, уже использованнаго Австріей подъ Бѣлградомъ, затѣмъ покорился. Азовъ долженъ быть уничтоженъ, а Анна даже не могла добиваться признанія за ней императорскаго титула. Россія совершенно безполезно потеряла сто тысячъ человѣкъ и огромную сумму денегъ. Минихъ называлъ Вильнёва „измѣнникомъ", но болѣе осторожный Вешняковъ говорилъ: „Это человѣкъ любезный, ума не слишкомъ высокаго, но здравомыслящій, а чтобы французскій посланникъ былъ больше расположенъ къ намъ и болѣе искрененъ съ нами, чѣмъ съ турками, мы не можемъ этого требовать; это было бы не въ интересахъ его страны" *).

Русскій историкъ, наиболѣе основательно изучившій этотъ криизсъ, Кочубинскій **), не колеблясь, возглагаетъ всю вину и всю тяжелую отвѣтственность на Неплюева и Вешнякова, виновниковъ войны, послѣдствія которой предвидѣлъ Остерманъ, болѣе русскій по духу, чѣмъ они, увѣряетъ онъ и безспорно болѣе освѣдомленный.

Его соперникъ, нѣмецъ-Минихъ, по крайней мѣрѣ спасъ честь русскаго оружія и доказалъ его превосходство на полѣ брани, плоды чего въ скоромъ времени пожала Екатерина II. Такимъ образомъ, два иноземныхъ преемника Петра Великаго во всѣхъ отношеніяхъ превзошли двухъ его отечественныхъ учениковъ.

IV.

Анна и ея министры могли снова поздравить себя съ избавленіемъ отъ новой опасности, какой грозила имъ эта несчастная война. Въ августѣ 1735 г., Бестужевъ, ихъ пред-

---

*) Соловьевъ, *Исторія Россіи*, XX, 167.

**) *Ук. соч.*, 255 стр.

ставитель въ Стокгольмѣ, сумѣлъ, несмотря на усилія французскаго посла, Кастеджа, заключить договоръ оборонительнаго союза съ Швеціей. Кастеджа былъ отозванъ, но оставилъ довольно сильную партію, преимущественно въ рядахъ молодежи, „опьянѣвшей отъ французскаго вина“,—говоритъ Хорнъ, глава русской партіи,—а такъ же среди дамъ. Графиня Ливенъ, графиня де-ла-Гарди и баронесса Будденброкъ отличались жаромъ своихъ французскихъ симпатій, тогда какъ въ противоположномъ лагерѣ едва ли не одна графиня Бондъ привлекала къ себѣ поклонниковъ. За столомъ сторонники Франціи и сторонники Россіи выражали свои симпатіи тостами, въ формѣ загадокъ: „Was mir lieben“, что означало войну съ Россіей, а „Ich denke mir's“,—миръ и дружественныя отношенія съ этой державой. Ссоры и дуэли слѣдовали другъ за другомъ. Молодые люди подносили дамамъ шарфы, сложенные въ видѣ шляпъ, табакерки и подушечки для булавокъ, такой же формы и олицетворявшія мужественную храбрость, послѣ того, какъ графиня де-ла-Гарди сказала одному поборнику союза съ Россіей: „Вы и ваши друзья, ночные колпаки!“ Въ концѣ 1736 г., „партія шляпъ“ заволновалась по поводу предложенія Турціи, обѣщавшей широкія субсидіи и увѣреніе, что она не прекратитъ войны до тѣхъ поръ, пока Швеція не получитъ обратно всѣ свои владѣнія. Щердо награжденный Бестужевымъ, графъ Горнъ сумѣлъ успокоить грозу. Но въ 1738 г. сеймъ открылся при неблагопріятныхъ для Россіи обстоятельствахъ. Кандидатъ этой державы въ президенты сейма, Пальмфельдъ, получилъ всего сто сорокъ голосовъ, а французскій кандидатъ, Телэнъ, получилъ подавляющее большинство. Въ тайной комиссіи, изъ пятидесяти членовъ, Бестужевъ могъ разсчитывать на преданность пяти или шести человѣкъ. Новый французскій посланникъ, графъ де-Сенъ-Северинъ явно бралъ верхъ. Въ іюнѣ, когда визирь и Бонневиль послали новыя предложенія союза, Бестужевъ посовѣтовалъ Остерману перехватить майора Сенъ-Клера, уполномоченнаго комиссіей, членомъ которой онъ состоялъ, доставить отвѣтъ, который, по мнѣнію русскаго посла, долженъ быть благопріятнымъ. Онъ

увѣрялъ, что шведскій король и его совѣтники отнесутся благосклонно къ такому шагу.

Въ дѣйствительности же, Сенъ-Клеръ везъ лишь дубликаты депешъ, отправленныхъ черезъ Марсель и содержавшихъ только поздравленія, однако, рекомендуя шведскимъ агентамъ уговаривать Порту продолжать войну.

Въ октябрѣ Сенъ-Северинъ предложилъ субсидію въ триста тысячъ экю въ годъ, даваемую при единственномъ условіи, что въ теченіе десяти лѣтъ Швеція не заключитъ союза ни съ какой другой державой, безъ согласія Франціи. Это была уже почти побѣда для Россіи, и французская партія, въ которой все возрасталъ воинственный пылъ, зароптала это неудовольство, въ то время, какъ русская партія упрекала Англію въ томъ, что та не отразила щедрости версальскаго кабинета. Въ С.-Петербургѣ не удовольствовались этимъ полууспѣхомъ, и на Кантемира было возложено порученіе потребовать, чтобы Франція отказалась поощрять поведенія интриги въ Константинополѣ, сдѣлавъ въ этомъ смыслѣ публичную декларацію. „Такъ вы хотите, чтобы Вилльнёвъ былъ заключенъ въ Семибашенный замокъ!“—отвѣчалъ Флери;—„мы не вмѣшиваемся въ то, что дѣлаетъ Швеція въ Константинополѣ, но вы должны удовлетвориться въ этомъ отношеніи нашими словами“. Кантемиръ не настаивалъ, но въ Петербургѣ узнали, что Франція посылаетъ эскадру въ Балтійское море, а Бестужевъ отмѣчалъ тревожное вооруженіе въ Швеціи. Этими обстоятельствами была рѣшена судьба несчастнаго Сенъ-Клера, возвращавшагося въ то время изъ Константинополя, черезъ Польшу и Саксонію.

Причины, вызвавшія это извѣстное преступленіе XVIII вѣка, все еще остаются туманными. Предупрежденные Бестужевымъ, шведскіе министры хорошо знали, что офицеръ будетъ арестованъ; они не предвидѣли, что его ожидаетъ смерть. Дойдя до Стокгольма въ іюлѣ 1739 г., вѣсть объ убійствѣ вызвала тамъ огромное волненіе, и канцлеръ Гилленборгъ, хотя принадлежавшій въ данное время къ партіи мира и союза съ Россіей, нашелъ, что дѣло сдѣлано плохо. Убійцы, капитанъ Кутлеръ и майоръ Левицкій, имѣли форменное порученіе отъ Миниха, паспортъ отъ резидента императора въ Варшавѣ,

Кюнера, и приказъ объ арестѣ (Stekbrief), выданный изъ совѣта Верхней и Нижней Силезіи. Посолъ Августа III въ Дрезденѣ, Брюлле, и русскій посланникъ въ Варшавѣ, Кейзерлингъ, переписывались по этому поводу, при чемъ послѣдній увѣрялъ перваго, что императрица будетъ довольна всѣмъ, что содѣйствуетъ предпріятію. Разумѣется, всѣ сваливали съ себя отвѣтственность, послѣ происшествія. Остерманъ притворялся страшно изумленнымъ и полнымъ искренняго негодованія, называя поступокъ гнуснымъ и требуя колесованія убійцъ. Брюль прикинулся совершенно ничего не подозрѣвавшимъ и увѣрялъ въ полнѣйшей непричастности Кейзерлинга, который „питалъ такое отвращеніе къ подобнымъ злодѣяніямъ, что заболѣлъ отъ огорченія". На самомъ дѣлѣ, ни въ перепискѣ обоихъ дипломатовъ, ни въ другихъ однородныхъ документахъ, по крайней мѣрѣ, какіе мы имѣемъ, нѣтъ никакихъ указаній на предполагаемое убійство. Сенъ-Клеръ долженъ былъ только быть арестованъ и у него отобраны бумаги, а такъ какъ, повидимому, онъ не оказывалъ никакого сопротивленія нападавшимъ, то убійство является непонятнымъ. Однако, нельзя допустить, чтобы Куттлеръ и Левицкій, дѣйствовали безъ приказаній, тѣмъ болѣе, что, вернувшись въ Петербургъ, послѣдній, по крайней мѣрѣ (мы не знаемъ, что сталось съ первымъ), не только не былъ колесованъ, но спокойно жилъ съ хорошей пенсіей. Въ Петербургѣ и въ Дрезденѣ согласились взвалить вину на Миниха; все-таки мы должны помнить, что первоначальная мысль была русскаго происхожденія, исходя отъ Бестужева.

Послѣднему пришлось раскаиваться за это въ Стокгольмѣ. Офицеры гвардіи угрожали ему кровавой расправой. Онъ сжегъ свой архивъ, съ отчетностью о подкупахъ, окружилъ свой домъ охраной, послалъ шведскому правительству офиціальную декларацію въ духѣ чувствъ, высказанныхъ Остерманомъ, все-таки вынужденъ былъ объявить, что безъ рѣшительной побѣды Миниха, война неизбѣжна. Битва при Ставучанахъ и договоры Бѣлградскій и Константинопольскій, вывели его изъ тревоги. Партія войны обвинила Францію въ измѣнѣ, и русская дипломатія имѣла право праздновать новую побѣду, дешево купивъ неоцѣненный нейтралитетъ.

V.

Съ неменьшимъ успѣхомъ затрачены были деньги и въ Польшѣ. При небольшихъ расходахъ, Кейзерлингъ образовалъ тамъ могущественную партію, во главѣ которой стояли Понятовскіе и Чарторыжскіе, въ то время, какъ сто тысячъ червонцевъ, одолженные Августу III, лучше саксонскаго оружія помогли разсѣять конфедерацію въ Дзиковѣ. Примасъ, Теодоръ Потоцкій, брошенный въ тюрьму, сопротивлялся до изъявленія покорности своего кузена, Іосифа Потоцкаго, военнаго начальника партіи Лещинскаго, затѣмъ послѣдовалъ его примѣру, прибылъ въ Варшаву представиться королю и писалъ Аннѣ, увѣряя ее въ своемъ „преклоненіи“ *). Въ январѣ 1736 г., одинъ изъ Огинскихъ доставилъ Августу предложеніе польскихъ и ливонскихъ магнатовъ, ушедшихъ съ Станиславомъ въ Кенигсбергъ: они соглашались возвратиться на „умиротворительный сеймъ“ подъ условіемъ, что за нихъ уплатятъ сдѣланные ими долги. Новый король отдѣлался десятью тысячами червонцевъ **), и Станиславъ тотчасъ же отказался отъ престола. Въ мартѣ онъ вернулся въ Лотарингію. Въ іюнѣ „умиротворительный сеймъ“, подъ предсѣдательствомъ партизана Лещинскаго, Венцеслава Ржевусскаго, окончился благополучно, благодаря раздачѣ вакантныхъ должностей, при которой германскій жезлъ достался Іосифу Потоцкому, а Люблинское воеводство вождю конфедератовъ, Адаму Торло. И когда король поѣхалъ въ Дрезденъ, его сопровождалъ длинный поѣздъ польскихъ магнатовъ, чтобы принять участіе въ ожидавшихъ тамъ празднествахъ. Между прочимъ, курляндскій вопросъ былъ улаженъ постановленіемъ сейма, уполномочившаго Августа отдать инвеституру послѣ смерти Фердинанда кандидату, по собственному выбору. Итакъ, проектъ анексіи былъ оставленъ, и Кейзерлингу достигнуть такого результата болѣе всѣхъ содѣйствовалъ Оза-

---

*) Шуйскій, *Исторія Польши*, IV, 311; *Исторія Россіи*, XX, 329.

**) Соловьевъ, *Ibid*, XX, 381.

ровскій, вернувшійся изъ Франціи *). Герцогъ Фердинандъ умеръ въ слѣдующемъ году, и извѣстно, что сталось съ герцогствомъ! Польша не нашла ничего сказать при подобныхъ обстоятельствахъ. Новый коронный гетманъ могъ бы сказать кое-что по поводу пребыванія русскихъ войскъ въ Польшѣ, гдѣ Минихъ расположился, какъ дома; но кромѣ полученной должности, этотъ магнатъ имѣлъ другія, болѣе сильнѣйшія причины молчать: часы въ семьсотъ червонцевъ и обѣщаніе двадцати тысячъ червонцевъ, съ незначительными еще подарками для жены, урожденной Мнишекъ, и тещи. А онъ обладалъ милліоннымъ состояніемъ! Тогдашніе поляки считали за честь получать подачки, какъ Озаровскій гордился доступомъ въ министерскія переднія. Свобода, перешедшая въ распущенность, приноситъ такое моральное вырожденіе. Примасъ Потоцкій получалъ тоже пенсію въ 3,166 червонцевъ **) и тѣмъ обязывался противиться проектамъ союза съ Турціей и новой конфедераціи, которую подготовлялъ одинъ изъ его родственниковъ, Антоній Потоцкій, воевода Бѣльцскій, по соглашенію съ прусскимъ посломъ въ Варшавѣ, Гофманомъ. Въ 1739 г., по предложенію послѣдняго, Потоцкій отправился въ Берлинъ, гдѣ Фридрихъ Вильгельмъ оказалъ ему блестящій пріемъ и обѣщалъ дать конфедератамъ пятьдесятъ тысячъ рублей ***).

Это было послѣдствіе избранія Бирона въ Митавѣ; оно все же не помѣшало королю при смерти совѣтовать сыну поддерживать союзъ съ Россіей. Въ дѣйствительности, у Пруссіи не было выбора. Переговоры о новомъ договорѣ были уже начаты и казались близкими къ концу, когда пришло извѣстіе о кончинѣ императора Карла VI (20 октября 1740 года). Въ это время, замѣтивъ, что ея удаленіе отъ дѣлъ слишкомъ много способствовало возвышенію Франціи, Англія сама пошла навстрѣчу Петербургу. Туда прибылъ Финчъ, съ званіемъ посланника, тогда какъ Кантемиръ, напрасно добивавшійся союза и признанія императорскаго титула, былъ

*) Соловьевъ, *Ibid.*, XX, 382; Шуйскій, *Ibid.*, IV, 314.
**) Соловьевъ, *Ibid.*, XX, 387.
***) *Ibid.*, XX, 391.

замѣщенъ въ Лондонѣ княземъ Щербатовымъ *). Просвѣтлѣвшій, такимъ образомъ, дипломатическій горизонтъ затянулся вдругъ тучами, скоплявшимися надъ Вѣной въ то время, какъ миръ съ Турціей, доставшійся столь дорогой цѣной, дѣлалъ положеніе вещей затруднительнымъ и прискорбнымъ.

Среди иллюминацій, баловъ и маскарадовъ, устраивавшихся по этому поводу, чтобы создать иллюзію несуществующей радости, мрачные люди спрашивали, не ожидается ли празднествъ по случаю разрушенія укрѣпленій Азова! Транспарантъ, на которомъ огненными буквами было написано: „Возвращенное спокойствіе", вызывалъ насмѣшки. Было извѣстно, что Порта ведетъ съ Швеціей переговоры о возобновленіи враждебныхъ дѣйствій по случаю событій, подготовлявшихся въ центрѣ Европы. На придворномъ балу новая личность вызвала всеобщее вниманіе и дала поводъ къ тревожнымъ толкамъ. Съ Елизаветой танцовалъ менуэтъ кавалеръ, присутствіе котораго казалось страннымъ, настолько отъ него отвыкли. То былъ новый французскій посланникъ, маркизъ де-ла-Шетарди. Было извѣстно, что, во время войны, онъ горячо возставалъ въ Берлинѣ противъ русскихъ интересовъ. Зачѣмъ онъ явился въ Петербургъ? Нѣкоторые оптимисты льстили себя надеждой, что онъ хлопочетъ о предотвращеніи конфликта со Швеціей. Но недовѣріе брало верхъ и было слишкомъ справедливо. Близкое будущее должно было раскрыть тайну новаго пришельца, среди внутреннихъ кризисовъ, гдѣ онъ намѣревался сыграть роль, въ то время, какъ сметаемые бурею исчезали люди, сохранившіе до сихъ поръ въ неприкосновенности наслѣдіе, случаемъ порученное ихъ охранѣ.

Испытанія и промахи зависѣли отъ массы обстоятельствъ, совсѣмъ ускользавшихъ отъ ихъ контроля. Огромная машина, еще плохо налаженная, которой они должны были руководить, не была ихъ созданіемъ, тѣмъ болѣе, что они не могли остановить опасное направленіе, какое принялъ ея бѣгъ.

---

*) Шишко, *Новые документы къ біографіи князя Кантемира*, 1891, стр. 74: Александренко, *Русскіе дипломатическіе агенты*, 1897, I, 293.

Они сдерживали ее, подмазывали колеса и старались обходить рытвины. Большаго съ нихъ нельзя требовать. Они сами падали въ пропасть, благодаря соблазну власти. Но, чтобы нестись такимъ образомъ навстрѣчу полнымъ опасностей приключеніямъ, развѣ сами они не должны быть авантюристами? И въ этой роли Остерманъ—потому что, въ сущности, онъ завѣдывалъ всѣмъ въ дѣлахъ внутреннихъ, какъ и внѣшнихъ,—развѣ не стоилъ Меншикова?

VI.

Вообще, въ дѣлахъ внутреннихъ и во внѣшнихъ, старанія его и старанія его сотрудниковъ были направлены къ упроченію пріобрѣтеннаго, въ предѣлахъ достигнутыхъ результатовъ и границахъ, существовавшихъ во время великаго царствованія. Такъ, въ Малороссіи, послѣ нѣсколькихъ колебаній, система чистой и простой анексіи, принятоя Петромъ I, восторжествовала надъ стремленіями автономистовъ. Въ январѣ 1734 г., воспользовались смертью гетмана Апостола, чтобы отдать управленіе страной временной комиссіи, состоявшей изъ трехъ великороссовъ и трехъ малороссовъ. И, само собой подразумѣвается, что временность продолжилась безконечно. Мѣстное населеніе дало усыпить себя обѣщаніями и не шевельнуло пальцемъ. Сначала много стараній было приложено для сохраненія наружнаго вида. Жителямъ Кіева было предоставлено выбирать себѣ голову; хотя принимались необходимыя предосторожности, чтобы выборъ палъ на русскаго, преданнаго правительству. Иногда истина проскальзывала, какъ въ 1739 г., изъ устъ Миниха, который во время засѣданія верховнаго суда, происходившаго въ Глуховѣ, угрожалъ судьямъ Сибирью, кнутомъ, висѣлицею, а когда ему указали на законъ, воскликнулъ: „Плуты его выдумали, и плуты имъ пользуются!“ Дѣло шло объ одномъ изъ его помѣстій. Но коллеги фельдмаршала вообще держались скромнѣе.

Труднѣе была задача на востокѣ обширной имперіи, на границѣ Урала. Тамъ столкнулись съ упорнымъ сопротивле-

ніемъ дикихъ инородцевъ, одинаково непокорныхъ силѣ и убѣжденію. Пробовали завладѣть ими, вооруживъ киргизовъ противъ башкиръ, и эта политика нѣкоторое время удавалась Кириллову, присланному построить крѣпость на берегахъ Оры—будущій Оренбургъ. Въ 1735 г. этотъ энергичный, но жестокій начальникъ края мечталъ уже покорить Ташкентъ съ будущимъ русскимъ Туркестаномъ и открыть Россіи дорогу въ Индію. Возмущеніе башкировъ положило конецъ этимъ честолюбивымъ мечтамъ. Въ сраженіи съ драгунскимъ полкомъ они убили полковника и захватили обозъ. Для ихъ усмиренія прислали А. И. Румянцева, который, какъ сторонникъ гуманныхъ мѣръ, поссорился съ Кирилловымъ, и мятежъ, на время подавленный, снова вспыхнулъ, благодаря этимъ несогласіямъ. Въ Петербургѣ оправдывали Кириллова, но карательная и разрушительная экспедиція, произведенная въ 1736 г. съ неумолимой суровостью, не помѣшала опаснымъ выступленіямъ со стороны побѣжденныхъ. Послѣ новой попытки, предпринятой съ нѣкоторымъ успѣхомъ Татищевымъ, въ 1737 г., князь Урусовъ въ 1740 г. столкнулся съ новымъ возстаніемъ.

Еще далѣе, на востокъ, царствованіе Анны принесло новое торжество политики распространенія: первое китайское посольство, въ отвѣтъ на посольство Владиславича (см. выше). Оно было отправлено къ Петру II, но прибыло въ Москву только въ февралѣ 1731 г., послѣ смерти царя. Повидимому, его миссія была простой любезностью. Тредьяковскій, въ одной изъ своихъ одъ, приписывалъ ему, правда, намѣреніе просить Россію, чтобы она не смотрѣла на Небесную имперію какъ на данницу. Это было забѣганіемъ впередъ! Но мысль поэта—любопытный признакъ полноты, какой достигли въ національномъ сознаніи понятія подобнаго рода.

Нельзя упрекать нѣмцевъ, называвшихся Остерманомъ или Минихомъ, въ препятствованіи такимъ стремленіямъ. Эмиссаръ, поддерживавшій въ это время сообщеніе между Петербургомъ и Пекиномъ, наблюдая за ходомъ каравановъ по теперешнему Средне-Азіатскому пути, не былъ русскимъ. Его фамилія была Лингъ. Имя говоритъ само за себя.

ГЛАВА XI.

Дворъ и общество.—Смерть Анны I.

I. Утро при дворѣ Анны Іоанновны.—Картина живописца Якоби.—Двѣ стороны царскаго жилища. — Интимная внутренность. — Обитатели.— „Звѣринецъ“.—Слуги и шуты.—Придворные шуты во Франціи и въ Россіи.—Шико и Балакиревъ.—Князь Квасникъ.—Его свадьба.—Ледяной домъ.—Наружное убранство.—Разрывъ съ традиціями.—Подражаніе западнымъ образцамъ. — Организація двора. — Пріемы. — Балы.— Театръ.—Новая роскошь.—Остатки грубости нравовъ подъ европейскимъ лоскомъ.—Нравы и чувства. II. Общественный строй.—Простой народъ и аристократія.—Переходная эпоха.—Старые и новые типы.— Василій Головинъ.—Его карьера и удаленіе.—Наслѣдственная эксцентричность.—Причины непосредственныя и отдаленныя.—Нарушеніе моральнаго равновѣсія.—Вѣковая отчужденность. — Отсутствіе общенія между слоями общества.—Ихъ антагонизмъ.—Отсутствіе руководящаго принципа.—Преобразовательный ферментъ, введенный реформой.— Стремленіе къ эмансипаціи.—Дѣйствіе въ обратномъ смыслѣ законодательныхъ мѣропріятій.—Окончательное установленіе крѣпостного права.— Какъ оно содѣйствовало развитію мѣстнаго самоуправленія въ народной средѣ.—Общій балансъ.—Болѣзнь Анны Іоанновны.—Вопросъ о престолонаслѣдіи и регентствѣ.—Интриги Бирона.—Двусмысленное поведеніе Остермана.—Вмѣшательство Миниха.—Объявленіе фаворита регентомъ.—Смерть императрицы.

I.

Художникъ Якоби выставилъ въ Петербургѣ, лѣтъ тридцать тому назадъ, очень любопытную картину, изображавшую утро при дворѣ Анны Іоанновны въ 1740 г. Уже страдавшая болѣзнью, которая вскорѣ свела ее въ могилу, императрица лежитъ въ постели. Жена Бирона подходитъ къ ней съ лѣкарствомъ. Фаворитъ стоитъ у изголовья въ небрежной позѣ, чистя ногти. Ушаковъ нагнулся къ уху государыни, со-

общая новости тайной канцеляріи. Калмычка-карлица, Буженинова, сидя на полу, около кровати, слѣдитъ глазами за придворными шутами, играющими посреди комнаты въ чехарду. На спину согнувшагося пополамъ старика, князя А. М. Голицына, вспрыгнулъ его товарищъ по колпаку, князь Волконскій, который, въ свою очередь, служитъ подставкой для веселаго лица Балакирева, между тѣмъ какъ другой играющій, графъ Апраксинъ, неловко растянулся на полу. Около двери одинъ изъ соперниковъ Балакирева, Педрилло, упражняется на скрипкѣ, другой, д'Акоста, подбодряетъ играющихъ ударами кнута, и въ этомъ ему помогаетъ маленькій Биронъ. Анну, повидимому, зрѣлище не веселитъ, но окружающее ее общество хохочетъ во все горло. Мы видимъ здѣсь красавицу Наталію Лопухину, предназначенную въ близкомъ будущемъ такой ужасной участи, а около нея графа Левенвольде, ея любовника, а также принцессу Гессенъ-Гомбургскую. Она оторвалась отъ картъ, чтобы похлопать въ ладоши, а далѣе, въ глубинѣ, другая группа,—гдѣ видны будущая регентша Анна Леопольдовна, маркизъ де-ла-Шетарди и Лестокъ, раздѣляющіе ихъ восторгъ. Въ сторонѣ графъ Минихъ и князь Трубецкой одни сохраняютъ важный видъ, очевидно бесѣдуя о дѣлахъ. Въ углу, рядомъ съ клѣткой съ попугаями, съ скромнымъ, терпѣливымъ видомъ, поэтъ Тредьяковскій ожидаетъ слушателей для новой оды, рукопись которой онъ держитъ. Но даже сидящіе съ нимъ рядомъ: черемиска въ національномъ костюмѣ и негритенокъ, не обращаютъ никакого вниманія на его тщедушную особу. Однако, она, повидимому, не ускользнула отъ остраго взгляда послѣдняго лица, которое, остановившись на порогѣ, окидываетъ все собраніе неодобрительнымъ взглядомъ. Это Волынскій.

Обстановка довольно точная и требуетъ отъ меня лишь нѣсколько пояснительныхъ словъ. Дѣйствіе происходитъ въ новомъ Зимнемъ дворцѣ. Послѣ коронаціи Анна сначала жила въ Кремлѣ, въ довольно комфортномъ помѣщеніи стариннаго Потѣшнаго дворца, расположеннаго тамъ. Съ наступленіемъ лѣта она переѣхала въ Измайлово, а въ это время въ Кремлѣ же, по сосѣдству съ арсеналомъ, итальянскій архитекторъ, Растрелли, выстроилъ новый деревянный дворецъ,

названный Анненгофомъ. Императрица поселилась въ немъ въ октябрѣ 1730 г Но скоро Головинскій домъ съ Петровскимъ паркомъ, гдѣ она иногда устраивала празднества, такъ ей понравился, что она приказала Растрелли построить по сосѣдству другой деревянный Анненгофъ, который былъ готовъ къ лѣту слѣдующаго года и гдѣ она провела даже зиму, до переѣзда въ Петербургъ, въ 1732 г., потомъ она въ Москву уже не возвращалась. Въ Петербургѣ она поселилась въ домѣ графа Апраксина, подаренномъ адмираломъ Петру II. Она сильно его расширила и превратила въ дворецъ, названный новымъ Зимнимъ дворцомъ, а старый, гдѣ умерли Петръ I и Екатерина I—современный Эрмитажъ,—былъ предоставленъ придворному штату *).

Оба жилища вскорѣ наполнились многочисленными обитателями. Частный штатъ императрицы, установленный по образцу тогдашняго барскаго обихода, только въ большемъ размѣрѣ, удвоился по европейскому образцу. Въ первомъ больше всего мѣста занимали животныя, въ особенности птицы, воспитываемыя и дрессируемыя нѣмцемъ Варлендомъ. Иногда для ея величества вдругъ требовалась сотня соловьевъ, пятьдесятъ зябликовъ, пятьдесятъ овсянокъ, пятьдесятъ снегирей, пятьдесятъ лѣсныхъ канареекъ, пятьдесятъ чижей и двѣсти коноплянокъ. Попугаи, менѣе многочисленные, пользовались особымъ уваженіемъ. Клѣтки виднѣлись почти во всѣхъ покояхъ дворца, а въ одномъ изъ внутреннихъ садовъ, въ „звѣринцѣ", содержалось еще большее количество пернатыхъ, которыхъ иногда выпускали на свободу и въ которыхъ императрица стрѣляла изъ ружья или изъ лука. Подъ угрозой каторжныхъ работъ была воспрещена охота на пространствѣ тридцати верстъ въ окрестностяхъ столицы. Для придворныхъ охотъ собирали со всей Россіи медвѣдей, волковъ, кабановъ, оленей, лисицъ. Въ 1740 г. Москва выслала Петербургу шестьсотъ живыхъ зайцевъ, и въ томъ же году князь Кантемиръ купилъ въ Парижѣ для государыни тридцать четыре пары таксъ, за тысячу сто рублей, тогда какъ князь Щербатовъ пріобрѣлъ въ Лондонѣ шестьдесятъ три

---

*) Забѣлинъ, *Историческіе очерки*, 1873, II, 419.

пары собакъ гончихъ, борзыхъ и лягавыхъ. Съ 10 іюня по 26 августа въ спискѣ добычи, убитой только ея величествомъ, значилось: девять оленей, шестнадцать козуль, четыре кабана, волкъ, триста семьдесятъ четыре зайца, шестьдесятъ восемь дикихъ утокъ и шестнадцать морскихъ птицъ *). Мечтая всегда произвести въ Россіи революцію или возложить на свою голову корону, Волынскій, по должности оберъ-егермейстера, не отказывался отъ заботъ о царской псарнѣ.

Въ покояхъ сука Цитринка пользовалась уходомъ родовитаго князя, а придворный уставъ перечислялъ качества и количества блюдъ, приготовляемыхъ для нея царскими кухнями и отпускаемыхъ подъ квитанцію.

Что касается людского персонала, то штатъ мужской и женскій принадлежалъ ко всѣмъ слоямъ общества. Карлики и карлицы, горбуны и калѣки обоего пола, въ большомъ количествѣ, на что указываютъ ихъ прозвища (Безножка, Горбушка), жили рядомъ съ шутами и шутихами, дураками и дурами, калмыками, черемисами, неграми. Всѣ эти лица держали себя съ большой развязностью съ лицами, посѣщавшими дворъ, но были подчинены по отношенію къ императрицѣ довольно строгому этикету. Послѣ болтовни, длившейся нѣсколько часовъ, Чернышевой, самой болтливой, а потому пользовавшейся особой благосклонностью, случалось такъ уставать, что она не могла держаться на ногахъ. „Облокотись на столъ, Авдотья Ивановна“,—скажетъ тогда ей милостиво государыня,—„эта дѣвка тебя закроетъ вмѣсто ширмъ, и я ничего не увижу“.

Игра въ чехарду составляла, какъ извѣстно, часть обычныхъ развлеченій, въ которыхъ участвовали даже во Франціи царедворцы XVI вѣка, а съ точки зрѣнія нравовъ, здѣсь должно постоянно подразумѣваться отступленіе назадъ, по крайней мѣрѣ на два столѣтія. Шико былъ настоящимъ джентльменомъ. Выходки, которыя выдѣлывали его русскіе собратья при дворѣ Анны Іоанновны, даже разсматриваемыя въ такой исторической перспективѣ, поражаютъ особенно грубымъ и пошлымъ характеромъ. Шико, можетъ быть, обязанъ

---

*) Карновичъ, *Разсказы,* 284 стр.

легендѣ или Дюма-отцу доброй частью ума, проницательнаго и остроумнаго. Я не воображаю, чтобы Генрихъ IV восхищался проказами, какими Балакиревъ и его сотоварищи умѣли потѣшать Анну Іоанновну. Одна изъ самыхъ обычныхъ состояла въ томъ, чтобы сѣсть на корточки при проходѣ государыни въ церковь и кудахтать, какъ курица, снесшая яйцо. Случалось также, что императрица приказывала нѣкоторымъ дуракамъ стать вдоль стѣнъ, повернувшись спиной, а другіе должны были награждать своихъ товарищей пинками. Результатомъ этого часто бывали кровопролитныя драки. Кровь Шико лилась на иномъ полѣ брани. Подражая богохульнымъ фантазіямъ своего дяди, государыня придумала для членовъ шутовского братства орденъ св. Венедикта, значки котораго напоминали знаки отличія Александра Невскаго. Несмотря на свое еретическое происхожденіе, Генрихъ IV не дошелъ до этого.

Офиціально шутовъ было шесть: Балакиревъ и д'Акоста, составлявшіе часть наслѣдства Петра Великаго; новый чужеземный шутъ, Педрилло, и три представителя высшей мѣстной аристократіи: Апраксинъ, Волконскій и Голицынъ. Шико былъ только гасконскимъ дворяниномъ, но въ Россіи ту же должность занимали члены княжескихъ фамилій. У Іоанна Грознаго былъ дуракомъ князь Гвоздевъ, котораго онъ убилъ забавляясь, и вполнѣ естественно, въ виду общей тенденціи своей политики, что Анна, въ этомъ отношеніи, еще болѣе подчеркивала традиціи. Тѣмъ болѣе, что, какъ вездѣ, въ должности этой, по мѣстнымъ понятіямъ, не заключалось ничего унизительнаго. Нѣкій Иванъ Андреевичъ Жировой-Засѣкинъ даже получилъ дворянство въ 1676 г. за услуги. оказанныя въ этой должности *).

Балакиревъ принадлежалъ по происхожденію къ мелкому дворянству. Ранѣе онъ былъ послушникомъ въ монастырѣ, а въ 1718 г. прибылъ въ Петербургъ учиться инженерному искусству, но сумѣлъ только пристроиться къ челяди Екатерины I, гдѣ Монсъ пользовался его посредничествомъ, для

*) Ровинскій, *Словарь гравированныхъ портретовъ*, 1889, IV, стр. 510.

обдѣлыванія своихъ дѣлишекъ. Отмѣтивъ его за его веселый нравъ, Петръ I отправилъ его въ застѣнокъ, гдѣ ему пришлось подъ кнутомъ расплачиваться за свои услуги прекрасному камергеру. Екатерина I вернула его съ каторги, а Анна I назначила на должность, гдѣ ему предстояло прославиться. Но большинство анекдотовъ, циркулирующихъ на его счетъ, вымышлены или заимствованы изъ исторіи шутовъ польскаго двора.

Д'Акоста, португальскій еврей, началъ свою карьеру маклеромъ въ Гамбургѣ, потомъ перешелъ на службу русскаго посла въ этомъ городѣ, который увезъ его съ собой при возвращеніи въ Россію. Какъ большинство своихъ соотечественниковъ, онъ говорилъ на многихъ европейскихъ языкахъ, чѣмъ обратилъ на себя вниманіе Петра. Приблизивъ его къ своей особѣ, царь развлекался съ нимъ диспутами о сравнительномъ достоинствѣ ветхаго и новаго завѣта.

Педрилло, дѣйствительное имя котораго Петръ Мира, уроженецъ Неаполя, прибылъ въ Петербургъ въ качествѣ комическаго пѣвца и первой скрипки итальянской оперы. Поссорившись съ капельмейстеромъ, онъ нашелъ убѣжище въ толпѣ шутовъ, и Анна, кромѣ того, сдѣлала его своимъ любимымъ партнеромъ за игорнымъ столомъ. Онъ обыкновенно держалъ банкъ для государыни, нажилъ при этомъ состояніе и воспользовался имъ, чтобы удалиться. У него была очень некрасивая жена. „Правда ли, что ты женатъ на козѣ?“,—спросилъ у него однажды Биронъ.—„Правда, и на-дняхъ ей предстоитъ родить. Надѣюсь, что ваша свѣтлость удостоитъ ее своимъ посѣщеніемъ и не забудетъ обычнаго подарка на зубокъ новорожденному“. Анна пожелала, чтобы къ нему отправился весь дворъ, и, въ назначенный день, застали Педрилло въ постели, рядомъ съ козой въ пышномъ нарядѣ, въ кружевахъ и лентахъ. Шутъ исполнялъ также порученія императрицы: приглашеніе итальянскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ, покупку драгоцѣнностей и дорогой мебели за-границей. Въ 1735 г., когда итальянцы заняли Тоскану, онъ написалъ, от имени императрицы, Гастону Медичи, обѣщая ему пятнадцатитысячный отрядъ, съ авангардомъ изъ казаковъ и калмыковъ, въ обмѣнъ на соотвѣт-

ствующее количество данцигской водки, „самой крѣпкой“ — добавляетъ онъ,—„той самой, которою ваша свѣтлость имѣли обыкновеніе напиваться въ Богеміи“. Въ то же время, чтобы помочь въ денежныхъ затрудненіяхъ, угрожавшихъ свергнутому герцогу, онъ предлагалъ ему продать крупный бриліантъ, который желала имѣть императрица, и, по крайней мѣрѣ, эта часть переписки была абсолютно серьезной.

Я остановился на минуту на этихъ фигурахъ, потому что онѣ составляютъ одно съ умственной и нравственной средой, въ которой онѣ развились. Фигуры трехъ остальныхъ тогдашнихъ шутовъ въ этомъ отношеніи еще болѣе поучительны.

Князь Никита Федоровичъ Волконскій занималъ видное положеніе при Петрѣ I и Екатеринѣ I, благодаря своей женѣ, Аграфенѣ Петровнѣ Бестужевой, умной, честолюбивой и энергичной личности, о которой я уже упоминалъ. Въ то время послѣдняя возбудила противъ себя неудовольствіе Анны Іоанновны, въ чемъ ей пришлось такъ сильно раскаиваться, послѣ неожиданнаго возвышенія бывшей герцогини Курляндской, что она умерла съ горя въ 1732 г. Анна тогда заставила вернуться въ Петербургъ ея мужа, который жилъ въ деревнѣ, гдѣ по своему слабоумію онъ дѣлалъ массу сумасбродствъ, и въ видѣ милости, назначила его для увеселенія себя. Такъ какъ онъ старательно исполнялъ свои обязанности, она поручила ему еще надзоръ за Цитринкой, не лишая камергерскаго сана.

Графъ Алексѣй Петровичъ Апраксинъ, племянникъ адмирала, соратника по оружію Петра I, былъ обязанъ милости такого рода соединеніемъ въ себѣ камеръ-юнкера, полученнаго имъ еще при дворѣ Екатерины I, съ должностью, въ которой онъ блисталъ рядомъ съ Педрилло. Повидимому, онъ весьма хорошо здѣсь освоился, получая довольно значительныя щедроты изъ суммъ Преображенскаго полка, переносившаго съ своей стороны дѣлежъ безропотно. Женатый на Голицыной, онъ имѣлъ тестемъ князя Михаила Алексѣевича, внука несчастнаго возлюбленнаго Софіи. Петръ I разжаловалъ послѣдняго въ рядовые, и онъ съ большимъ трудомъ добился чина маіора. Овдовѣвъ въ 1729 г., послѣ своей первой жены, урожденной Хвостовой, Михаилъ Алексѣевичъ Го-

лицынъ получилъ разрѣшеніе на заграничное путешествіе, влюбился въ итальянку низкаго происхожденія и перешелъ въ католичество. По возвращеніи въ 1732 г., онъ незамѣтно проживалъ въ Москвѣ, скрывая жену и свое возвращеніе. Его приключеніе въ концѣ-концовъ получило огласку, и Голицыны разразились криками возмущенія. Изъ простого любопытства Анна пожелала видѣть виновнаго, пришла въ умиленіе отъ его глупости и вручила ему пальму первенства среди своихъ патентованныхъ забавниковъ. „Онъ всѣхъ ихъ побилъ!"—писала она съ энтузіазмомъ Салтыкову, благодаря его за присылку такого безподобнаго экземпляра. „Если вамъ попадется второй такой же, не забудьте меня извѣстить!" Женитьба и совращеніе новаго шута были объявлены недѣйствительными, и онъ никогда больше не видѣлъ свою итальянку. Въ 1735 г. послѣдняя находилась въ Москвѣ, въ крайней бѣдности, не имѣя трехъ рублей, чтобы заплатить за квартиру въ годъ, и говорила одному посѣтителю: „Если бы чортъ далъ мнѣ денегъ, я отдала бы ему душу". Черезъ годъ чортъ явился подъ видомъ Ушакова, и она безслѣдно исчезла. Сынъ, котораго она имѣла отъ мужа, вѣроятно умеръ ребенкомъ, потому что о немъ нѣтъ упоминанія ни въ одной генеалогіи. Отецъ же исполнялъ двойную обязанность при дворѣ Анны Іоанновны, подавая государынѣ квасъ. Отсюда прозвище „Князь-квасникъ", которое дали ему еще даже въ офиціальныхъ документахъ.

Эти профессіональные шуты находили себѣ многочисленныхъ подражателей и соперниковъ среди лицъ, посѣщавшихъ дворъ. Генералъ-лейтенантъ П. С. Салтыковъ отличался своимъ искусствомъ дѣлать изъ пальцевъ фигуры и вертѣть правой рукой въ одну сторону, а правой ногой въ другую. Анна Ивановна, прозванная Бужениновой, благодаря ея любимому кушанью буженинѣ, старая калмычка, страшно уродливая, не имѣла соперницъ по гримасамъ и кривляньямъ. Однажды въ шутку она выразила желаніе выйти замужъ. На слѣдующій день Голицынъ былъ предупрежденъ, что императрица нашла ему жену и что государыня принимаетъ на себя расходъ по церемоніи. По этому случаю возникла мысль о знаменитомъ Л е д я н о м ъ д о м ѣ, принадлежащая, кажется, Татищеву,

надъ исполненіемъ которой трудилась спеціальная комиссія, подъ предсѣдательствомъ Волынскаго.

Зданіе изъ ледяныхъ глыбъ, поливаемыхъ горячей водой, было поставлено на Невѣ, между Зимнимъ дворцомъ и адмиралтействомъ. Длина его равнялась десяти саженямъ, ширина тремъ саженямъ и высота пяти саженямъ. На вершинѣ его была сквозная галлерея, украшенная колоннами и статуями. Крыльцо съ перилами, вырѣзанными изо льда, вело въ прихожую, освѣщенную четырьмя окнами, которая раздѣляла домъ на двѣ части: съ одной стороны находилась спальня съ большой кроватью, на которой занавѣски, матрацъ, одѣяло и подушки были также изо льда. Въ каминѣ пылали глыбы льда, облитыя **керосиномъ**.

Любопытно, что минеральное масло, какъ показываютъ современныя описанія этой царской фантазіи, употреблялось уже въ то время, хотя въ обыденный обиходъ оно вошло лишь въ половинѣ XIX вѣка.

Уборцая, обставленная такъ же, довершала эту часть аппартаментовъ. Въ другой была гостиная, гдѣ часы съ просвѣчивающимъ механизмомъ сквозь прозрачныя ледяныя стѣнки, игральный столикъ съ картами и марками, статуи и разнообразная мебель тоже вырѣзанная изо льда, создавали иллюзію роскошнаго убранства. Далѣе слѣдовала столовая, съ богато изукрашеннымъ поставцемъ: съ посудой, чайнымъ сервизомъ и наборомъ всевозможныхъ блюдъ, сдѣланныхъ также искусно изо льда и выкрашенныхъ въ натуральные цвѣта. Передъ домомъ шесть ледяныхъ пушекъ и двѣ мортиры, на такихъ же лафетахъ, стрѣляли шестифунтовыми бомбами и шестидесятичетырехфунтовыми деревянными ядрами. Два дельфина извергали потоки горѣвшей нефти. Слонъ выбрасывалъ струю воды въ двадцать четыре фута высоты и рычалъ, для чего внутри его былъ спрятанъ человѣкъ. Двѣ пустыя, освѣщенныя изнутри пирамиды служили для показыванія комичныхъ и непристойныхъ картинъ, и такія же картины показывались въ окнахъ дома, блестяще освѣщеннаго вечеромъ. Наконецъ, въ сосѣднемъ

строеніи, также выстроенномъ изо льда, была баня, куда допускалась публика *).

Этому дому предстояло служить брачнымъ помѣщеніемъ Голицына и невѣсты, назначенной ему государыней. По приказу ея величества, всѣ національности, составляющія населеніе имперіи, были приглашены прислать своихъ представителей на свадьбу, которая состоялась 6-го февраля 1740 г. Послѣ брачнаго обряда, совершеннаго, какъ всегда, въ церкви, двинулся кортежъ ряженыхъ, наподобіе того. какимъ любилъ забавляться Петръ I. Азіаты, черемисы, самоѣды, камчадалы, якуты, киргизы, калмыки, финны, одѣтые въ свои національные костюмы, сидя на лошадяхъ, оленяхъ, быкахъ, собакахъ, козлахъ, свиньяхъ и играя на всевозможныхъ инструментахъ, ѣхали впереди клѣтки, укрѣпленной на спинѣ слона, въ которой находились молодые. Подъ предводительствомъ Татищева, процессія прошла передъ царскимъ дворцомъ, по главнымъ улицамъ города и остановилась въ манежѣ герцога Курляндскаго, гдѣ былъ приготовленъ обѣдъ изъ напитковъ и кушаній, въ соотвѣтствіи съ національностью гостей. Тредьяковскій прочелъ сцену въ стихахъ; передъ императрицей и ея дворомъ всевозможныя пары исполняли свои народные танцы; потомъ, съ наступленіемъ ночи, вновь составленный поѣздъ направился къ Ледяному дому, горѣвшему огнями, окруженному пламенемъ. Съ большими церемоніями, молодыхъ уложили спать. а у дверей была поставлена стража, чтобы помѣшать имъ уйти до разсвѣта **).

Князь-квасникъ и его супруга пережили это испытаніе. Послѣ смерти Анны, въ 1741 г., они получили разрѣшеніе уѣхать за-границу, гдѣ калмычка вскорѣ умерла, давъ своему мужу двухъ сыновей: князя Алексѣя, не оставившаго потомства, и князя Андрея, женатаго на Хитрово и сдѣлавшагося родоначальникомъ многочисленной семьи. Женатый самъ въ четвертый разъ на Хвостовой, отъ которой имѣлъ

---

*) Крафтъ, *Описаніе ледяного дома*, 1741.

**) Шубинскій, *Историческіе наброски*, 120—128; Нащекинъ, *Воспоминанія*, *Русскій Архивъ*, 1883, 2-я часть, стр. 288.

трехъ дочерей, Квасникъ дожилъ до глубокой старости (1778 г.).

Таковъ былъ московскій видъ двора и удовольствій, которымъ тамъ отдавались,—прямое продолженіе старинной жизни Кремля, только въ болѣе широкихъ размѣрахъ и съ отпечаткомъ развращенности, чему Преобразователь подалъ примѣръ.

Другая сторона, благодаря естественному довершенію реформы, знаменовала окончательный разрывъ съ обычаями, отвергнутыми Петромъ, но которыхъ нельзя было избѣжать въ царствованіе женщины, вдовы нѣмецкаго принца. Въ Митавѣ Анна стремилась подражать въ широкомъ образѣ жизни современнымъ нѣмецкимъ дворамъ, въ свою очередь сходившимъ съ ума отъ Версаля. Въ Москвѣ Лиріа увѣрялъ, конечно, не безъ преувеличиванія, что роскошь, воспоминанія о которой у него осталось отъ французскаго двора, была превзойдена празднествами, безпрерывно устраиваемыми государыней, со дня ея восшествія на престолъ. Но ни у Петра II, ни даже у Екатерины I не было двора, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, съ его сложной организаціей и декоративной пышностью, принятой въ странахъ Запада. Петръ I уничтожилъ до послѣдней возможности все, что составляло величіе и помпу его предшественниковъ, и ничего не далъ вмѣсто этого. Онъ жилъ въ маленькомъ домикѣ и совершалъ свои поѣздки въ одноколкѣ. За исключеніемъ нѣсколькихъ должностей камергеровъ, все надо было создавать, и Анна не преминула это сдѣлать. Она назначила множество придворныхъ чиновъ и пріемы въ опредѣленные дни; она давала балы и устроила театръ, какъ у короля. На празднества, по случаю ея коронаціи, Августъ II прислалъ ей изъ Дрездена нѣсколько итальянскихъ актеровъ, и она поняла, что ей необходимо имѣть постоянную итальянскую труппу. Она ее выписала въ 1735 г., и два раза въ недѣлю „интермедіи“—чередовались съ балетами. Тамъ фигурировали воспитанники кадетскаго корпуса, обучавшіеся подъ руководствомъ француза, учителя танцевъ, Ландэ. Потомъ появилась итальянская опера съ семидесятью пѣвцами и пѣвица-

ми, подъ управленіемъ композитора, француза Арагліа *). Такъ какъ императрица не понимала по-итальянски, Тредьяковскій переводилъ для нея текстъ, и государыня слѣдила за спектаклемъ съ книжкой въ рукѣ. Но даже эта помощь не пріохотила ее къ театру. Ея голова, какъ и воспитаніе, мало подходили къ художественнымъ формамъ развлеченій. Бирону пришла счастливая мысль пригласить еще изъ Лейпцига нѣмецкую труппу, грубые фарсы которой пользовались успѣхомъ у императрицы, какъ онъ и ожидалъ. Особенно она смѣялась, когда на сценѣ появлялись розги. Но завязалась борьба между этимъ новымъ элементомъ и франко-итальянскимъ, покровительствуемымъ Рейнольдомъ Левенвольде, который хвастался своимъ изящнымъ вкусомъ. Смерть Анны упрочила окончательную побѣду за послѣдними.

Въ то же время въ высшихъ слояхъ общества начинала развиваться и распространяться необычайная роскошь. Одѣяніе древнихъ бояръ было богато, но служило нѣсколькимъ поколѣніямъ. Введя европейскій костюмъ, Петръ I подалъ примѣръ чрезвычайной простоты. При Аннѣ появилась мода. Такъ какъ Биронъ любилъ только свѣтлые цвѣта, а Левенвольде—золотыя вышивки, то начали разоряться, заказывая ихъ въ Ліонѣ. Было запрещено пріѣзжать ко двору два раза въ одномъ и томъ же платьѣ. Старики, въ родѣ Остермана, появлялись въ розовыхъ камзолахъ. Тратя три тысячи въ годъ на платье, человѣкъ выглядывалъ убогимъ, а платья г-жи Биронъ оцѣнивали въ пятьсотъ тысячъ рублей. Въ столѣ была также введена невиданная до тѣхъ поръ утонченность. При Петрѣ Великомъ простая (т.-е. водка) употреблялась въ обильномъ количествѣ. Во время царствованія Анны сцены пьянства были рѣдки при дворѣ. Онѣ вызывали у нея слишкомъ непріятныя воспоминанія. Но французскія вина—шампанское и бургундское—начали чаще появляться на столѣ, вмѣстѣ съ болѣе деликатными блюдами. Во многихъ домахъ былъ введенъ обычай держать открытый столъ, и странно, что эта форма гостепріимства, будучи новой и западнаго происхожденя, приняла видимость

*) Карабановъ, *Происхожденіе русскаго театра*, 1849, стр. 5—6.

національной оригинальности. Дома постепенно дѣлались обширнѣе, обставлялись англійской мебелью краснаго дерева, зеркалами и обоями. Роскошные экипажи, золоченыя кареты съ бархатной обивкой стали появляться чаще. Петръ I запретилъ игру даже въ арміи. Анна, не любившая карты, считала необходимымъ имѣть свою партію, какъ королева имѣла въ Версалѣ. Она старалась проигрывать немного и никогда не брала выигранныхъ денегъ; но на сосѣднихъ столахъ рисковали цѣлыми состояніями. Въ концѣ своего царствованія она сама была испугана результатами, которые произвело внезапное вторженіе чужеземныхъ нравовъ, и старалась бороться съ нимъ издаваемыми законами. Золото и серебро были изгнаны изъ мужского и женскаго туалета. Но привычка уже усвоилась, и неумолимая мода находила остроумные способы не выпускать своихъ жертвъ.

Впрочемъ, изъ-подъ западнаго лоска проглядывали черты необразованности, грубости и дикости. На придворныхъ балахъ, несмотря на стараніе Ландэ, національная пляска чередовалась съ менуэтомъ. Гвардейскіе унтеръ-офицеры, съ своими молодыми женами, и даже нѣкоторые придворные отличались въ ней *). На февральскихъ празднествахъ 1740 г., о которыхъ я упоминалъ выше, во время фейерверка, ракеты нарочно пускали въ ряды зрителей, и офиціальныя С.-Петербургскія Вѣдомости говорили объ этомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Слѣпой страхъ овладѣлъ толпой; она заколыхалась и обратилась въ бѣгство, что послужило къ радости и забавѣ высокопоставленныхъ лицъ двора ея величества, присутствовавшихъ на празднествѣ".

Датскій путешественникъ Хавенъ упоминаетъ о привычкѣ, которую имѣли русскія дамы того времени,—умываться растворомъ сандальнаго дерева въ водкѣ... и выпивать остатки. Разсказываютъ, что даже женщины изъ простонародья любили румяниться, и нерѣдко на улицахъ встрѣчались нищія, просившія двѣ копейки на румяна. Подражаніе французскимъ модамъ стало всеобщимъ, но лѣтомъ можно было встрѣтить „мадамъ", поднимающую обшитую

*) Забѣлинъ, *Историческіе этюды*, II, 447.

позументомъ юбку, надъ голыми ногами*). Этотъ путешественникъ не принадлежитъ къ числу хулителей всего. Такъ, онъ защищаетъ русскихъ крестьянокъ отъ обычнаго обвиненія въ неопрятности, которое дѣлалось тогда такъ же, какъ и теперь. Напротивъ, онъ находитъ ихъ болѣе опрятными, чѣмъ крестьянъ другихъ странъ. Очень лѣнивы, спятъ послѣ обѣда, но красивы, крѣпки, преданы и послушны. Вообще о русскихъ онъ составилъ мнѣніе, которое довольно точно выражено въ слѣдующемъ анекдотѣ: французъ, нѣмецъ и русскій пили вмѣстѣ, и въ стаканы ихъ попали мухи; французъ вылилъ свое вино; нѣмецъ вынулъ муху пальцами; русскій выпилъ все, чтобы ничего не пропало. Русскій, добавляетъ Хавенъ, болѣе еврей, чѣмъ всѣ евреи, въ томъ смыслѣ, что въ немъ больше, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ народѣ развита коммерческая жилка. Дайте два рубля крестьянину, онъ тотчасъ откроетъ лавочку и въ нѣсколько дней удесятеритъ этотъ капиталъ.

Въ этомъ отношеніи его свидѣтельству противорѣчитъ одинъ современникъ, авторъ очень интересныхъ записокъ. Во время пребыванія русскихъ войскъ въ Польшѣ, послѣдній былъ пораженъ неопрятностью солдатъ. Ихъ внѣшній видъ, ихъ одежда и пища показались ему въ одинаковой мѣрѣ „отталкивающими", и низшіе офицеры въ этомъ отношеніи мало отличались отъ своихъ подчиненныхъ**). Я допускаю со стороны поляка нѣкоторую пристрастность; но наблюденія за послѣднее время дадутъ возможность моимъ читателямъ рѣшить этотъ вопросъ самимъ. Роскошь рядомъ съ нищетой и внѣшній блескъ, скрывающій грязь, до сихъ поръ еще остаются характеристическими чертами соціальной жизни въ славянскихъ странахъ. Въ царствованіе Анны, интимные нравы даже въ наиболѣе высшихъ кругахъ были далеки отъ утонченности, какъ и отъ всякаго дѣйствительнаго комфорта. Въ имѣніи своего свекра, Наталія Долгорукая спала съ своимъ молодымъ мужемъ на сѣновалѣ.

---

*) Haven, *Voyage en Russie*, 1744, нѣмецкій переводъ, стр. 98.

**) Котовичъ, *Воспоминанія*, 1839; Ср. Кочубинскій, *ук. соч.*, стр. 424.

Императрица не любила, чтобы напивались въ ея присутствіи. Но въ другихъ мѣстахъ празднества обычно переходили въ попойки, какъ прежде, и пьянство иногда становилось даже обязательнымъ. Въ маѣ 1732 г., описывая праздникъ, данный въ царскомъ московскомъ дворцѣ, въ годовщину коронаціи ея величества, Салтыковъ говоритъ, что все сошло хорошо, если не считать упрямства одного генерала, который отказывался пить, тогда какъ большая часть гостей, между которыми фигурировала вся высшая мѣстная знать, военные, гражданскіе и духовные, со своими женами, была вынесена безъ сознанія *).

Чувства, надо добавить, были одинаковы съ нравами. И этимъ объясняется покорность массы, съ которой переносилась дерзость какого-нибудь Бирона. Князь Шаховской возмущался казнью Волынскаго, но фаворитъ назначилъ его полицеймейстеромъ, любезно его принялъ, предложилъ кофе, и благородное негодованіе исчезло какъ по волшебству. Послѣ смерти Бирона, постъ начальника полиціи занялъ Наумовъ, а Шаховской согласился стать его подчиненнымъ. Самъ Татищевъ при случаѣ исполнялъ обязанности полицейскаго и почти палача, когда не руководилъ маскарадами **). И тотъ, и другой принадлежали къ избранному обшеству.

II.

Мы знаемъ очень мало о нравахъ простого народа въ эту эпоху. Свидѣтельства рѣдкихъ современниковъ, обратившихъ свое вниманіе въ эту сторону, противорѣчивы; а самъ онъ, будучи неграмотнымъ, не оставилъ никакого памятника, указывающаго на его жизнь, взгляды и чувства. Мы думаемъ, что они очень походили на то, что есть и сейчасъ въ губерніяхъ, наиболѣе отдаленныхъ отъ центровъ цивилизаціи, т.-е. народъ стоялъ на весьма низкой ступени интеллектуальнаго развитія и нравственно былъ очень грубъ; всюду

*) Соловьевъ, XX, 221.

**) Гольцевъ, *ук. соч.*, стр. 18.

дикъ, ограниченъ и суевѣренъ. Въ 1737 г., когда въ Москвѣ вспыхнула заразная болѣзнь, народъ приписалъ ее присутствію слона, котораго ночью ввели въ городъ *); и Локателли, письма котораго считались отголоскомъ кружка Волынскаго, такъ объясняетъ эту черту: „Представьте себѣ жителей этого большого города (Москвы) недавней колоніей лапландцевъ, самоѣдовъ и остяковъ, считающихся самыми глупыми народами сѣвера. Однако, не думайте, что такая параллель вѣрна во всѣхъ отношеніяхъ; московиты безконечно ниже всѣхъ этихъ народовъ".

Принужденное Петромъ Великимъ стать грамотнымъ, т.-е. выучиться по крайней мѣрѣ читать и писать, дворянство того времени, напротивъ, завѣщало намъ многочисленныя записки, гдѣ искренно отразились его умъ и характеръ. Для этого класса царствованіе Анны было переходнымъ періодомъ. Въ его рядахъ мы видимъ еще старинныхъ вельможъ, носителей титуловъ, имѣющихъ послѣ реформъ лишь историческое значеніе—стольниковъ и окольничьихъ,—не согласившихся пожертвовать своими бородами, не знающихъ какъ будто ничего о Полтавѣ, но разсказывающихъ о походѣ на Чигиринъ, въ которомъ они принимали участіе при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Они жили въ дворахъ, обыкновенно состоявшихъ изъ нижняго этажа, гдѣ помѣщались кухня и кладовая, и второго этажа съ двумя только комнатами, раздѣленными сѣнями. Въ одной изъ нихъ стольникъ жилъ лѣтомъ, а въ другой—зимой. Менѣе зажиточные довольствовались еще болѣе скромнымъ жилищемъ, состоявшимъ изъ двухъ комнатъ—кухни и жилого покоя. Болѣе молодое поколѣніе состояло, безъ исключенія, изъ лицъ, служившихъ въ арміи при Петрѣ. Они брились, одѣвались по-французски, были образованы и имѣли болѣе широкіе взгляды, но не были менѣе грубыми. Они болѣе выносливы и закалены. Одинъ изъ нихъ былъ подъ Нарвой и вспоминаетъ, что царь соблаговолилъ отрѣзать ему ножницами два пальца на рукѣ, оторванные шведскимъ ядромъ и повисшіе только на кожѣ.

Придать характерамъ и всему складу человѣка подобный

*) Даниловъ, *Воспоминанія*, стр. 52.

особенный отпечатокъ могла только одна война! Прочтите записки Василія Васильевича Головина. Шестнадцати лѣтъ онъ долженъ былъ отправиться въ Петербургъ, чтобы тамъ подвергнуться со многими другими молодыми людьми того же званія какъ бы къ экзамену или смотру, подъ предсѣдательствомъ самого царя. Вслѣдствіе этого смотра, „меня грѣшнаго,—пишетъ онъ,—на мою бѣду отправили въ заморскіе края", т.-е. въ Амстердамъ. Четыре года спустя, поучившись у голландцевъ, онъ поступилъ въ морскую академію, только что основанную въ Петербургѣ. Дисциплина тамъ была суровая. Строгій интернатъ. Въ классъ надзиратель приходилъ съ бичемъ. Дневные и ночные караулы. За малѣйшій проступокъ розги или кнутъ, смотря по возрасту провинившагося. Въ случаяхъ вины болѣе важной—прогнаніе сквозь строй—два, три раза по всему полку, а въ полку было три тысячи человѣкъ. Ученіе не трудное, но затруднявшееся схоластическими пріемами и новизной офиціальнаго языка, который сами профессора понимали только наполовину. Василій Васильевичъ заболѣлъ отъ всего этого, получилъ отпускъ на годъ, женился, а затѣмъ снова долженъ былъ вернуться въ школу и пробыть тамъ еще пять лѣтъ. Въ 1720 г., благодаря неусыпнымъ хлопотамъ и вліянію родственниковъ, онъ получилъ должность камеръ-юнкера при Екатеринѣ I. Но вскорѣ, будучи замѣшанъ въ одну придворную интригу, онъ былъ арестованъ, подвергнутъ пыткѣ, потомъ до 1725 г. сосланъ. Восшествіе на престолъ Екатерины I вернуло ему свободу, но въ 1736 г. онъ попалъ снова въ руки Ушакова. Онъ познакомился съ дыбой, кнутомъ, горячими угольями, прикладываемыми къ окровавленному тѣлу, и чисткой ногтей раскаленными булавками. „Такого-то числа,—записалъ онъ,—мнѣ грѣшному почистили ногти и искалѣчили меня". Послѣ чего прибавляетъ: „Слава Богу, теперь мы спасены". Это значитъ, что за огромную сумму его женѣ удалось получить для него разрѣшеніе уѣхать въ его имѣніе, Новоспасское.

Въ этомъ мирномъ уголкѣ, гдѣ теперь протекала его жизнь, онъ представлялъ любопытную смѣсь европейской культуры, суевѣрной набожности, подозрительной трусости

и вспышекъ дикости, граничившей съ помѣшательствомъ. Поднявшись до разсвѣта, онъ служилъ съ слугой утреню, затѣмъ выслушивалъ отчеты домоправителя, ключника, бурмистра и старосты, о которыхъ старая служанка должна была докладывать по неизмѣнному церемоніалу.—„Во имя Отца, Сына и Святого Духа",—говорила она, отворяя дверь имъ, а они должны были отвѣчать: „Аминь". Она продолжала: „Входите съ кротостью, смиреніемъ, осторожностью и осмотрительностью, съ чистымъ сердцемъ и молитвою на устахъ, чтобы дать отчетъ и получить приказанія господина. Кланяйтесь пониже его милости и смотрите въ оба".

— Слушаемъ, матушка.

Они переступали порогъ, согнувшись вдвое, желали добраго здравія барину и каждый день слышали въ отвѣтъ:

— Добро пожаловать, други, не знавшіе пытки, казни, испытаній и наказаній. Все ли благополучно?

Тогда начинались доклады соотвѣтствующими выраженіями библейскаго оборота. Надо было, напр., доложить о любимой кошкѣ, затянувшейся въ петлѣ, тянувшись къ рыбѣ, предназначавшейся для барскаго стола. Говорили о ея преступленіи, скрывая ея смерть, и баринъ, подумавъ и снова, и снова вспомянувъ свое тяжелое прошлое, приказывалъ сослать виновную. Затѣмъ одна женщина была приговорена къ тому же наказанію за то, что по ея неосторожности произошелъ пожаръ. Вслѣдствіе этого происшествія, Василій Васильевичъ приказалъ, чтобъ впредь вся дворня готовила себѣ обѣдъ въ одной общей кухнѣ. Такъ какъ дворни насчитывалось до трехсотъ человѣкъ, то приказаніе было невыполнимо, но онъ ничего не хотѣлъ знать. Когда оканчивались доклады, подавали чай съ новыми, не менѣе сложными церемоніями; потомъ Василій Васильевичъ отправлялся къ обѣднѣ, плотно завтракалъ, а скоро послѣ того садился за столъ обѣдать. Торжественно благословленная священникомъ, эта семейная трапеза иногда состояла изъ сорока блюдъ и часто продолжалась три часа и болѣе. Каждое блюдо готовилось особымъ поваромъ, который подавалъ свое произведеніе самъ, съ глубокими поклонами. Прислуживали лакеи въ красныхъ камзолахъ и напудренные. По выходѣ изъ-за сто-

ла, Василій Васильевичъ ложился спать до слѣдующаго утра. Но укладываніе тоже было сложнымъ дѣломъ. Прежде всего онъ приказывалъ закрыть ставни, и во время этой операціи должны читаться молитвы; тѣ, кто былъ занятъ снаружи, отвѣчали помогавшимъ имъ въ комнатахъ. При словѣ аминь занавѣски спускались съ страшнымъ шумомъ. Тогда появлялись четыре утреннихъ докладчика, чтобы получить новыя приказанія, которыя были всегда одни и тѣ же:

— Слушайтесь барина: сторожите, не спите до зари; обходите домъ; прилежно стучите въ колотушку, трубите въ рогъ, трещите трещотками, бейте въ набатъ; по угламъ не зѣвайте; смотрите, чтобъ птицы не летали, чтобъ не кричали, маленькихъ дѣтей не пугали, чтобъ барской штукатурки не клевали, на крышахъ не сидѣли и по червякамъ не летали. Смотрите же, ребята!

— Слушаемъ, батюшка!

Особыя распоряженія касались кошекъ Василія Васильевича. Ихъ было семь, и на ночь ихъ привязывали къ столу со столькими же ножками, и къ каждой кошкѣ была приставлена особая женщина. Напомнивъ этимъ служанкамъ ихъ обязанность, которая состояла въ томъ, чтобы не дать ввѣреннымъ имъ питомцамъ нарушить барскій покой, Василій Васильевичъ закрывалъ глаза. Минуты, когда онъ задремлетъ, поджидали, и тотчасъ снаружи подымался страшный шумъ трещетокъ и колотушекъ, который обыкновенно будилъ его. Часто ему не удавалось уже заснуть болѣе и онъ проводилъ ночь въ чтеніи жизнеописанія Александра Великаго, или его катали въ креслѣ на колесахъ, и онъ повторялъ громко, переходя отъ фортиссимо къ піанисcимо: „Братъ сатаны, отыди отъ мене; удались въ мѣста пустынныя, въ лѣса дремучіе, въ пучины, куда свѣтъ Божій не достигаетъ!“ Въ то же время онъ махалъ гусинымъ крыломъ, чтобы отогнать нечистыхъ духовъ.

Такъ продолжалось больше сорока лѣтъ. Василій Васильевичъ дожилъ до 1781 г., никогда не нуждаясь въ очкахъ при чтеніи и разгрызая орѣхи зубами, пока въ одинъ прекрасный день его не поразилъ ударъ. Онъ оставилъ восемь сыновей и десять дочерей.

Такія эксцентричныя личности были обычнымъ явленіемъ въ той средѣ. Встрѣчаясь до позднѣйшаго времени, онѣ воплощають въ себѣ кастовыя черты. Демидовъ, или Демидычъ, какъ запросто называлъ его Петръ Великій, знаменитый тульскій оружейникъ, разбогатѣвшій и получившій дворянство въ царствованіе Преобразователя, былъ человѣкъ очень ловкій и безъ претензій. Сынъ еще походилъ на отца. Внукъ его, уже ставшій въ ряды аристократіи, перенялъ тотчасъ отъ нея склонность къ чудачествамъ. Онъ пригласивъ къ обѣду одно высокопоставленное лицо, бывшее проѣздомъ въ Москвѣ, и когда это лицо въ послѣднюю минуту прислало извиненіе, онъ приказалъ посадить на мѣсто неявившагося гостя свинью и самъ съ поклонами прислуживалъ ей*). Это не помѣшало ему имѣть свой портретъ въ одномъ изъ ученыхъ учрежденій императрицы Екатерины II, какъ благотворителя учрежденія, а московскій университетъ считалъ его однимъ изъ своихъ ревностныхъ покровителей.

Подобное явленіе отчасти объясняется нарушеніемъ нравственнаго равновѣсія, вызваннымъ слишкомъ быстрымъ поглощеніемъ плохо согласованныхъ между собою цивилизующихъ элементовъ; но есть причины болѣе отдаленныя и болѣе глубокія: прежде всего, въ деспотизмѣ, выносимомъ съ одной стороны и проявляемомъ съ другой однимъ и тѣмъ же классомъ; потомъ, въ вѣковомъ отчужденіи, въ которомъ этотъ классъ жилъ. Что бы ни говорили, не однѣ только преобразованія произвели это отчужденіе между высшими и низшими слоями общества, такъ рѣзко бросающееся въ глаза еще и теперь. Оно, конечно, усилилось въ ту эпоху подъ вліяніемъ поверхностной быстронахватанной культурности, когда только верхніе слои общества получили отпечатокъ взглядовъ и нравовъ Запада. Но оно существовало всегда. Задолго до преобразованій, внутренній слой этого общества создалъ пропасть между бариномъ и мужикомъ. Раздѣленное между церковью, гдѣ онъ проводилъ половину дня, и пирами, и охотой, существованіе перваго было совершенно чуждо второму, причемъ очень своеобразныя экономическія и общественныя условія исключали всякое обще-

---

*) Шубинскій, *ук. соч.*, стр. 215.

ніе между владѣльцемъ земли, являвшейся единственнымъ источникомъ богатства, и обрабатывающимъ эту землю. Баринъ съ одной стороны, рабъ—съ другой. Свободныхъ профессій не было. Не было третьяго сословія, которое, касаясь своимъ основаніемъ народныхъ массъ, а верхушкой высшихъ слоевъ общества, служило бы связующимъ звеномъ съ рабами. Привязанный къ землѣ, впряженный въ соху, приравненный къ рабочей скотинѣ, мужикъ не имѣлъ времени ходить къ обѣднямъ и вечернямъ, что составляло еще новую привилегію барина, и внесенное такимъ образомъ даже въ храмъ, это раздѣленіе и придавало ему еще больше рѣзкости.

Замѣтьте, что до XVII вѣка, среди постоянной политической и соціальной анархіи, это раздѣленіе соціальныхъ классовъ строго опредѣлялось правомъ сильнаго. Относящаяся къ IX вѣку, уже Русская Правда допускала, чтобы неоплатный должникъ дѣлался рабомъ заимодавца, чтобы человѣка неспособнаго прокормить самого себя постигала та же участь: на него надѣвали ключъ, какъ знакъ слуги. Въ XVII вѣкѣ, когда укрѣпившаяся прочно центральная власть справилась съ анархіей, законъ о податяхъ ввелъ, или, скорѣе, подкрѣпилъ тѣ же результаты. Чтобы владѣлецъ куска земли могъ платить слѣдуемый съ него налогъ государству, надо было, чтобы этотъ кусокъ земли былъ обработанъ—и явилось крѣпостное право, прикрѣпленіе къ землѣ со всѣми его послѣдствіями.

Здѣсь не было никакого принципа, способнаго смягчить, ослабить создавшійся антагонизмъ. На Западѣ, церковь въ теченіе вѣковъ имѣла въ этомъ отношеніи, по меньшей мѣрѣ, умѣряющее вліяніе. Въ древней Московіи, какъ и въ современной Россіи, церковь до послѣдняго времени была только собраніемъ священниковъ и монаховъ, крупныхъ земельныхъ собственниковъ, а слѣдовательно, владѣльцевъ массы крѣпостныхъ. Она никогда не представляла изъ себя ни интеллектуальнаго элемента, ни возвышающаго принципа. Священникъ Сильвестръ, самый просвѣщенный изъ духовныхъ лицъ своего времени, сводилъ религію къ исполненію богослужебныхъ обрядовъ. Загляните въ Домострой. Прочтите въ классическомъ романѣ Лѣскова описаніе сильно идеализированнаго современнаго священника Туберозова: вы не найдете ни

единаго порыва къ добрымъ дѣламъ! *). Другіе источники нравственности, ума, свободы, сильно развившіеся за послѣднее время въ Западной Европѣ, отсутствовали въ Россіи до начала XIX вѣка. Не было школъ. Не было литературныхъ теченій. Безмолвіе и мракъ.

Въ это, такъ построенное, общество реформа Петра Великаго, конечно, внесла сверху ферментъ экономическаго, умственнаго и соціальнаго переворота; но только черезъ полтора вѣка, въ 1861 г., созрѣли плоды освобожденія: процессъ шелъ чрезвычайно медленно. Уже съ того времени въ общемъ опредѣлилась эволюція, результатомъ которой должно было быть освобожденіе сословій; но одно только дворянство сначала воспользовалось ей, а положеніе крестьянина сначала только ухудшилось. Возложивъ на земельныхъ собственниковъ сборъ подушной подати, указъ 1731 г. противорѣчилъ освободительной тенденціи, благодаря которой пять лѣтъ спустя дворянство должно было избавиться отъ вѣчной военной службы. Помѣщики могли оставаться дома; но, будучи отвѣтственными за уплату податей, они требовали, какъ необходимаго противовѣса, болѣе полнаго подчиненія тѣхъ, кто, работая, позволялъ бы имъ выполнять ихъ новыя обязанности. И послѣдовательные указы доставили имъ побѣду, все болѣе и болѣе ставя крестьянина въ зависимость отъ земли, въ внѣшній знакъ богатства, въ ходячую монету. Достояніе людей считалось душами крѣпостныхъ. Душами платили взятки. Но, даже и это, съ извѣстной точки зрѣнія, было прогрессомъ: создался движимый капиталъ. До тѣхъ поръ само государство платило своимъ слугамъ землями, за неимѣніемъ свободныхъ денегъ, а владѣльцы, въ свою очередь, раздавали ихъ монастырямъ, чтобы получить царствіе небесное. Но скоро на путь этого прогресса появилась скоро сознанная необходимость прикрѣпить элементъ богатства, подвижность котораго грозила отнять у земли цѣнность, получаемую ею только отъ него. И крѣпостное право приняло, благодаря новымъ законодательнымъ мѣрамъ, ту отвратительную физіономію, которую мы ви-

---

*) Валишевскій, *Русская литература*, стр. 397. Ср. Дитятинъ, Статьи по исторія русскаго права, 1895, стр. 497—530.

дѣли въ дѣтствѣ и которую Радищевъ такъ краснорѣчиво отмѣтилъ въ своемъ разговорѣ съ крестьяниномъ, встрѣтившимся ему по дорогѣ изъ Петербурга въ Москву:

— Какъ же ты успѣваешь доставать хлѣбъ, коли только праздникъ имѣешь свободнымъ?

— Не одни праздники, и ночь наша.

Картина очень похожа на ту, изображеніе которой даетъ одинъ современникъ войнъ Лиги, въ XVI в., во Франціи: „Недалеко отъ городовъ и укрѣпленныхъ мѣстъ, крестьяне, которымъ посчастливилось раздобыть нѣкоторое количество ржи, собирались по трое и по четверо ночью, какъ совы, впрягались въ соху и, въ темнотѣ и молча, точно тати, сѣяли этотъ скудный посѣвъ“ *).

Но тогда было военное положеніе. Перенося въ нормальную жизнь происходившіе отъ этого условія существованія и распространяя ихъ на самый многочисленный классъ, въ то время, какъ привиллегированное меньшинство привыкало къ наиболѣе утонченнымъ формамъ современной жизни, Россія XVIII и XIX вѣка представляла вполнѣ возмутительное зрѣлище.

Всемірная поговорка: „Нѣтъ худа безъ добра“, повидимому, получила въ этомъ случаѣ неожиданное подтвержденіе. Изолируя крестьянина еще болѣе, чѣмъ былъ изолированъ самъ его баринъ,—потому что государство и дворъ заставляли послѣдняго приходить въ соприкосновеніе съ внѣшними вліяніями—этотъ режимъ способствовалъ созданію въ народной средѣ привычки къ самоуправленію и сравнительной независимости, подобныхъ которымъ не встрѣчается нигдѣ, ни въ какое время, ни въ одной странѣ Европы. Кромѣ барщины, военной службы и податей въ сферѣ своихъ личныхъ или общественныхъ интересовъ крѣпостной былъ вполнѣ предоставленъ самому себѣ, хозяиномъ устраивать эту часть своей жизни по своему усмотрѣнію, и демократическій строй сельскихъ обществъ, представляющій одно изъ любопытныхъ явленій современной Россіи, происходитъ отъ этой исторической особенности, точно такъ же, какъ развитіе въ средѣ этихъ малень-

*) Hanotеaux, *Tableau de la France en 1614*, 1898, стр. 332.

кихъ республикъ нѣкоторыхъ добродѣтелей, духа иниціативы и здоровой оригинальности національнаго характера, которымъ высшіе классы, повидимому, не одарены въ такой же степени *).

Трудно приписывать Аннѣ Іоанновнѣ этотъ косвенный, отдаленный результатъ. Съ общественной и экономической точки зрѣнія итогъ этого царствованія Анны Іоанновны скорѣе выражается такъ: по ревизіи 1722 г. изъ шести милліоновъ жителей Великороссіи 172 тысячи, т.-е. 2,9%, принадлежали къ промышленному и торговому классу. Перепись 1742 и 1747 годовъ указываетъ 195 тысячъ человѣкъ этой категоріи на шесть милліоновъ четыреста тысячъ, или 3%; т.-е прогресса почти никакого.

Я уже говорилъ, это царствованіе, вслѣдствіе причинъ, которыя я пытался выяснить, было періодомъ топтанія на мѣстѣ.

III.

Анна слегла 5 октября 1740 г., чтобы больше не вставать. Вопросъ о престолонаслѣдіи въ принципѣ былъ рѣшенъ въ 1731 г. высочайшимъ манифестомъ, назначившимъ наслѣдникомъ престола будущаго сына ея племянницы, имѣвшей всего тринадцать лѣтъ и еще не выданной замужъ. Всѣ подданные имперіи должны были присягать этому, еще не существовавшему наслѣднику. Мать его перешла въ православіе только черезъ два года послѣ этого, перемѣнивъ свое имя Елизавета-Екатерина, а Христина, которое носила раньше, на Анну Леопольдовну. Въ то же время шталмейстеръ Карлъ Левенвольде, которому было поручено отыскать заграницей подходящаго жениха для нея, объѣзжалъ германскіе дворы и, вернувшись, предложилъ маркграфа Карла прусскаго или принца Антона-Ульриха Бевернскаго изъ Брауншвейгскаго дома, зятя наслѣднаго принца Прусскаго. Его

---

*) Ср. Von-der-Bruggen, *Wie Russland Europaeisch wurde*, 1885, стр. 449 и сл.

предпочтеніе было на сторонѣ второго, и его мнѣніе взяло верхъ, несмотря на Остермана, который предпочиталъ прусскаго принца.

Сношенія России съ Брауншвейгскимъ домомъ, какъ извѣстно, тогда раздѣлявшимся на четыре вѣтви: Бевернскую, Бланкенбургскую, Вольфенбюттельскую и Люксенбургскую— восходятъ къ браку Алексѣя Петровича (въ 1709 г.) съ принцессой Вольфенбюттельской. Петръ I, Петръ II и сама Анна давали пособія съ того времени нѣкоторымъ членамъ этой семьи, очень нуждавшейся. Въ Антонѣ-Ульрихѣ не было ничего соблазнительнаго — ни ума, ни внѣшности. Анна, увидавъ его, такъ была недовольна, что совсѣмъ не думала спѣшить осуществленіемъ плана, превлекшаго этого мало подходящаго принца въ Россію. Она содержала его, назначила его командиромъ кирасирскаго полка, съ которымъ онъ сдѣлалъ турецкую кампанію и отличился подъ Очаковымъ, но не говорила о замужествѣ съ нимъ племянницы, а послѣ смерти Левенвольде его шансы, кажется, совсѣмъ пали. Биронъ относился къ Антону съ открытой враждебностью, что именно и способствовало возникновенію слуховъ о соперничествѣ, о которыхъ я уже упоминалъ. Дѣло приняло еще худшій оборотъ, когда австрійскій дворъ, желая положить конецъ ходившимъ въ этомъ отношеніи слухамъ и пріобрѣсти несчастному Антону-Ульриху поддержку фаворита, задумалъ женить молодого Бирона; нашлась подходящая Вольфенбюттельская принцесса; предложили ее и получили отказъ. Очевидно, фаворитъ мѣтилъ выше!

Впослѣдствіи, въ своей автобіографіи *) онъ отрицалъ, чтобы домогался для сына руки Анны Леопольдовны, и когда въ іюлѣ 1739 г. Анна Іоанновна почувствовала впервые приступы недуга—болѣзни почекъ, осложнившейся критическимъ возрастомъ,—который унесъ ее въ могилу, онъ, кажется, не препятствовалъ такъ долго жданному счастью принца Брауншвейгскаго. Онъ оставался въ натянутыхъ отношеніяхъ съ молодой четой; но такъ какъ императрица желала заключенія этого союза—

*) Buschings Magazin, vol. 9.

вѣроятно, за неимѣніемъ лучшаго—то онъ не препятствовалъ, скрывая про себя истинные мотивы, руководившіе имъ.

Такимъ образомъ Анна Леопольдовна вышла замужъ за человѣка, не пользовавшагося ея симпатіей и неимѣвшаго опредѣленнаго положенія. Одинъ Остерманъ стоялъ за то, чтобы ему сейчасъ же дали титулъ великаго герцога, но его мнѣніе не прошло. Входя въ возрастъ, сама Анна Леопольдовна много теряла въ глазахъ своей тетки, не находившей въ ней ни красоты, ни ума. Это была толстая нѣмка, довольно ограниченная, чувственная и апатичная, но безъ тѣни злобности. Въ сущности Анна Іоанновна выбрала ее, чтобы устранить Елизавету, которую она терпѣть не могла; и этой причины было достаточно, чтобы она не измѣнила ничего въ своемъ первоначальномъ рѣшеніи. Она только не торопилась привести его въ исполненіе. Въ 1740 г. родился сынъ, окрещенный Иваномъ Антоновичемъ, которому, повидимому, суждено было со временемъ сдѣлаться царемъ въ Россіи. Императрица очень радовалась его рожденію и очень заботилась о немъ *). Русскіе имѣли право спросить, почему этотъ чистокровный нѣмецъ, брауншвейгецъ по отцу, мекленбуржецъ по матери, связанный съ Романовыми только по бабкѣ, былъ призванъ управлять ими, и по какому праву Анна Іоанновна, сама царствовавшая по милости Голицына и четырехъ Долгорукихъ, могла назначить себѣ преемника. Но кто бы могъ оспаривать это? Итакъ, Иванъ Антоновичъ будетъ императоромъ. Но кто будетъ управлять за него? Ему было всего девять мѣсяцевъ. Анну Іоанновну, повидимому, это не озобочивало ни раньше, ни теперь. Она боялась смерти и избѣгала всего, что могло напомнить ей объ этой мрачной развязкѣ. Однако, вокругъ нея всѣ занимались этимъ вопросомъ. Вы легко себѣ представите страхъ, охватившій всѣхъ, когда болѣзнь императрицы внезапно усилилась. Былъ поспѣшно отправленъ верховой къ оберъ-гофмаршалу Левенвольде отъ Бирона. Оба нѣмца спрашивали другъ друга: „Что дѣлать?“ Не зная, что предпринять, они рѣшили немедленно собрать Кабинетъ. Но Остерманъ былъ по своему

---

*) Хмыровъ, *Графиня Головкина*, стр. 189.

обыкновенію боленъ. Левенвольде бросился къ „оракулу“ и привезъ совѣтъ, который не могъ удовлетворить фаворита. Какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, вице-канцлеръ говорилъ долго, но невозможно было догадаться, что онъ хотѣлъ сказать, и, наконецъ, закончилъ: „Если быть царемъ Ивану Антоновичу, такъ матери его надо быть правительницей, а при ней быть Совѣту, въ которомъ можетъ присутствовать и герцогъ“. Тутъ пріѣхалъ Черкасскій, а за нимъ новый членъ Кабинета, замѣнившій тамъ Волынскаго. То былъ креатура фаворита, Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ, уже награжденный за доносъ въ дѣлѣ Милашевича мѣстомъ посланника въ Копенгагенъ. Тѣмъ временемъ фаворитъ говорилъ съ императрицей, но далеко не ушелъ. Государыня, которой онъ предложилъ назначить Анну Леопольдовну наслѣдницей, въ виду малолѣтія ея сына, не хотѣла видѣть свою племянницу регентшей, говоря, что тогда тотчасъ же явится ея отецъ, который перевернетъ всю Россію вверхъ ногами. Объ Антонѣ-Ульрихѣ не могло быть и рѣчи. Она считала его глупымъ. Однако, регентъ былъ нуженъ. Кого же выбрать?

Снова сочли нужнымъ обратиться къ Остерману за совѣтомъ, и на этотъ разъ къ нему отправились Черкасскій съ Бестужевымъ. Дорогой они разсуждали о нерѣшительности фаворита. Не значитъ ли это, что онъ желаетъ, чтобы выборъ палъ на него самого?—Отчего бы и не такъ?—сказалъ Черкасскій.—На самомъ дѣлѣ,—отвѣтилъ Бестужевъ. Однако, Остерманъ взглянулъ на это иначе. Назначеніе маленькаго Ивана было дѣломъ рѣшеннымъ, потому что онъ былъ объявленъ манифестомъ, и императрица хочетъ придерживаться его. Оставалось, слѣдовательно, только сдѣлать путемъ документа рѣшеніе оффиціальнымъ, и вице-канцлеръ брался его составить. А вопросъ о регентствѣ долженъ быть рѣшенъ волею государыни. Подданные, а особенно нѣмцы, не могутъ въ это вмѣшиваться.

Продолженіе этой путаницы передается разнорѣчиво. Вотъ, повидимому, наиболѣе достовѣрный разсказъ. Вернувшись изъ дворца, Черкасскій и Бестужевъ нашли Бирона и Левенвольде еще спорящими, но съ Минихомъ въ качествѣ третьяго лица. Бестужевъ тотчасъ же передалъ, на какомъ рѣшеніи онъ и

Черкасскій остановились по дорогѣ къ Остерману; но какъ будто бы имя Бирона обожгло ему губы, и онъ поспѣшилъ добавить: „Разумѣется, не безъ ненависти будетъ въ другихъ государствахъ, ежели обойти мать и отца“. „Разумѣется“,— повторилъ фаворитъ и ждалъ. Но никто не осмѣлился произнести и слова. Видя затрудненіе Бестужева и боясь быть скомпрометированнымъ, Черкасскій началъ шептать на ухо Левенвольде.

— Что вы шепчетесь, говорите громко!—сказалъ Биронъ.

И Черкасскій въ одно мгновеніе рѣшился. Регентство Бирона представляется ему желательнымъ со всѣхъ точекъ зрѣнія. Минихъ могъ только одобрить, и дѣло было рѣшено этими тремя нѣмцами и двумя русскими иностраннаго происхожденія, которые распоряжались будущностью страны, какъ будто послѣдняя была ихъ собственностью, и которые всѣ пятеро говорили на иностранномъ языкѣ—единственномъ понятномъ будущему регенту.

Они должны были собраться на слѣдующій день, чтобы составить новый манифестъ, и для этого совѣщанія они рѣшили посовѣтоваться съ другими знатнѣйшими людьми. Бестужевъ привезъ Ушакова, Трубецкого и Куракина. Но за ночь всѣ передумали. Самъ Биронъ теперь полагалъ, что надо приготовить императрицу къ мысли объ регентствѣ. Онъ чувствовалъ со стороны Миниха глухую враждебность, которая была еще опаснѣе. А „оракулъ“ все молчалъ. Такъ что, наконецъ, вовсе и не стали говорить о немедленномъ рѣшеніи этой части вопроса и составили только манифестъ о назначеніи наслѣдникомъ престола Іоанна Антоновича.

Документъ представили Аннѣ Іоанновнѣ. Она подписала его, знакомъ отпустила всѣхъ и удержала Бирона. Но въ этотъ моментъ произошелъ театральный выпадъ. Выходя изъ спальни и держась за ручку двери, Минихъ повернулся и сказалъ рѣшительнымъ тономъ:

— Милостивая императрица, мы согласились, чтобъ Биронъ былъ нашимъ регентомъ,—мы просимъ о томъ.

Одинъ изъ врачей императрицы, португалецъ Рибейра, только что увѣрилъ ее, что ей гораздо лучше и что она можетъ выздоровѣть. Какъ ловкій дипломатъ, онъ придумалъ

эту демонстрацію, чтобы выйти изъ двусмысленнаго положенія и подладиться къ фавориту, не обязывая себя ни къ чему.

Анна Іоанновна хранила молчаніе, но когда фельдмаршалъ вышелъ, она спросила:

— Что онъ сказалъ?

— Я не слышалъ,—отвѣчалъ Биронъ.

Онъ прекрасно видѣлъ, что плодъ не созрѣлъ. Но онъ не терялъ времени. Въ тотъ же день одинъ изъ его довѣренныхъ, баронъ Менгденъ, отправился къ Бестужеву. „Мы всѣ пропали, если Биронъ не будетъ регентомъ,—увѣрялъ онъ,—а самъ онъ просить объ этомъ не можетъ". Бестужевъ всю ночь составлялъ проектъ указа, удовлетворявшій фаворита, а такъ какъ на другой день діагнозъ Рибейры, повидимому, подтверждался, то самъ Остерманъ отправился во дворецъ и горячо поддерживалъ проектъ. Но на этотъ разъ Анна Іоанновна не спѣшила дать своей подписи. Она положила бумагу подъ подушку, отослала вице-канцлера и его коллегъ, ничего не сказавъ имъ о своихъ намѣреніяхъ, потомъ, оставшись съ глаза на глазъ съ Бирономъ, спросила его, какъ наканунѣ:

— Тебѣ это нужно?

Онъ молчалъ, и она не прибавила ничего. Прошло нѣсколько дней, а она не возвращалась къ этому вопросу. Однако, временное улучшеніе ея здоровья прекратилось. По настоянію фаворита, Бестужевъ еще сочинилъ декларацію, въ которой Сенатъ и Военный Совѣтъ просили государыню обезпечить миръ странѣ, поручивъ регентство Бирону. Его стараніями, лица первыхъ двухъ классовъ приглашались небольшими группами, и Минихъ подалъ имъ примѣръ, первымъ подписавъ прошеніе, тогда какъ главный заинтересованный дѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ.

— Что имъ всѣмъ надо?—спрашивалъ онъ.

Но и вторая бумага ушла подъ подушку императрицы, какъ первая. Анна Іоанновна не чувствовала приближенія смерти. Племянницѣ, спросившей ее, не желаетъ ли она пособороваться, она отвѣчала сердито: „Не пугай меня!" Напрасно Менгденъ пытался выдвинуть самого Антона-Уль-

риха или его жену, чтобъ они поддержали это якобы „всеобщее желаніе“. Но и тотъ и другой отказались, говоря, что они никогда не вмѣшивались въ государственныя дѣла. Самыя нелѣпыя извѣстія и предположенія ходили по городу. Мардефельдъ доносилъ своему государю, что регенство будетъ составлено по крайней мѣрѣ изъ двѣнадцати человѣкъ; что фаворитъ, не попадя въ ихъ число, удалится въ Курляндію, и что Россія, къ великой выгодѣ своихъ сосѣдей, не будетъ имѣть возможности вмѣшиваться въ дѣла Европы. Онъ уже видѣлъ новую Польшу на берегахъ Невы, и наслѣдникъ Фридриха-Вильгельма раздѣлялъ его радость.

Такимъ образомъ настало 16 октября, когда Рибейра и его товарищи объявили, что положеніе государыни безнадежно. Она послала за Остерманомъ, долго совѣщалась съ нимъ, потомъ позвала Бирона и показала ему подпись, которую онъ дожидался. Нѣкоторые говорятъ, что она въ то же время не скрыла отъ него, что она по ея мнѣнію подписала его погибель. По словамъ другихъ, будто она, напротивъ, сказала ему: „не бойся!“ Слова, которыми обмѣниваются любовники, обыкновенно ускользаютъ отъ историка, и я не ручаюсь за безусловную достовѣрность приведеннаго на основаніи свидѣтельства одного изъ дѣйствующихъ лицъ. Если онъ не привелъ словъ: „не бойся“, то это, можетъ быть, потому, что онъ не зналъ по-русски; но это обстоятельство могло быть также причиной того, что такихъ словъ ему вовсе не было сказано.

Отдавъ наслѣдіе Петра Великаго иностранцамъ, какъ она уже это дѣлала въ теченіе своего царствованія, Анна Іоанновна доказала въ послѣдній часъ, что въ ея жилахъ текла русская кровь. Она сумѣла умереть лучше, чѣмъ жила. На другой день послѣ разговора съ фаворитомъ, она позвала духовенство и просила читать отходную. Высокая фигура Миниха привлекла между присутствующими ея уже затуманившійся взоръ. Какъ будто желая примирить съ будущимъ регентомъ этого опаснаго врага, она обратилась къ нему въ послѣдній разъ со словами: „Прощай, фельдмаршалъ!“— „Простите всѣ!“—добавила она и испустила духъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ДВА ЦАРСТВОВАНІЯ.

ГЛАВА XII.

Паденіе Бирона.

I. Возвышеніе бывшаго фаворита.—Мирное начало его регентства.—Мнѣніе современниковъ.—Мардефельдъ. II. Первыя мѣропріятія регента.—Милости.—Попытки сдѣлаться популярнымъ.—Враждебныя манифестаціи.—Борьба съ Брауншвейгской фамиліей.—Столкновеніе.—Видимая побѣда регента.—Сближеніе съ Елизаветой.—Проекты союза съ Голштинскимъ домомъ.—Катастрофа. III. Минихъ у Анны Леопольдовны.—Подготовляемое покушеніе.—Ужинъ у регента.—Ночная неожиданность.—Заключеніе Бирона въ Шлиссельбургъ.—Его процессъ.—Смертная казнь, замѣненная пожизненной ссылкой.—Въ Польшѣ.—Въ Ярославлѣ.—Переходъ Гедвиги Биронъ въ православіе.—Судьба Курляндскаго герцогства.—Возвращеніе Бирона въ Митаву.—Его отреченіе.—Смерть.—Его потомство.

I.

„Семнадцать лѣтъ деспотизма и девятимѣсячный ребенокъ, который можетъ умереть кстати, чтобы уступить тронъ регенту!“ Такъ характеризовалъ Мардефельдъ положеніе, созданное возвышеніемъ, показавшимъ, какъ невѣрны были его предположенія *). Онъ ничего не зналъ, и это еще больше возбуждало его досаду. Онъ сравнивалъ Бирона съ Кули-Ханомъ, но, однако, находилъ въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его возвышеніе, нѣчто утѣшительное и возбуждающее надежды. „Принимая въ соображеніе, что онъ оскорбилъ

*) 29 октября 1740, *Тайные берлинскіе архивы.*

императорскую фамилію и принца Брауншвейгскаго въ частности, которому не позволилъ видѣть Ея Императорское Величество во время болѣзни больше одного раза; что нація его ненавидитъ; что тѣ, кто, повидимому, держитъ его сторону и способствовали его возвышенію, дѣлали это только по личному расчету, желая возстановить республиканскій образъ правленія, свергнувъ своего благодѣтеля, къ чему война со Швеціей доставитъ возможность... можно предположить, что онъ только потому вознесенъ фортуной такъ высоко, чтобы потомъ очутиться тѣмъ ниже... Всѣ возстановлены противъ узурпатора, и гвардейскіе солдаты открыто заявляютъ, что будутъ сносить регенство только до похоронъ ихъ матушки, а многіе говорятъ, что лучше передать (власть) оставшимся потомкамъ Петра I; всѣ простые солдаты стоятъ за царевну Елизавету".

Если вѣрить этому пророку, предсказанный имъ такимъ образомъ переворотъ могъ совершиться тотчасъ же, по крайней мѣрѣ, въ пользу Антона-Ульриха, если бы, будучи лучше освѣдомленнымъ, принцъ догадался воспользоваться расположеніемъ къ себѣ гвардейскихъ офицеровъ. Но по совѣту императорскаго посла онъ слишкомъ скромно отказался воспользоваться имъ *).

Безъ сомнѣнія, надо считать, что такая досада, высказанная человѣкомъ, еще недавно мечтавшимъ о превращеніи Россіи въ другую Польшу, стоитъ панегирика новому правительству. Очевидно, Мардефельдъ считалъ его мало подходящимъ для осуществленія возложенныхъ на него надеждъ. Но, если дипломатъ и оказался болѣе дальновиднымъ въ своихъ настоящихъ предположеніяхъ о будущемъ столь неожиданно установленнаго правительства, то начинанія послѣдняго, повидимому, ничѣмъ еще не оправдали его предсказаній. Биронъ принялъ власть самымъ мирнымъ образомъ. Когда императрица испустила послѣдній вздохъ, онъ какъ бы погрузился на мгновеніе въ глубокую печаль, затѣмъ, выпрямившись, распорядился достать указъ о регенствѣ. Покойница приказала запереть его со своими брилліантами въ ларецъ,

---

*) 29 октября и 19 ноября 1740 г. *Ibid.*

стоявшій возлѣ ея постели и ключъ отъ котораго былъ у одной изъ ея приближенныхъ. Вице-канцлеру было поручено прочесть его; но такъ какъ слезы застилали ему глаза, то князь Трубецкой, генералъ-прокуроръ, долженъ былъ замѣнить чувствительнаго старика, находившаго возможность хитрить даже со смертью. Его окружили, только одинъ принцъ Брауншвейгскій съ женой остались въ сторонѣ, какъ бы относясь безучастно къ происходившему.

— Значитъ, вы не желаете выслушать послѣднюю волю императрицы!—громко сказалъ Биронъ, обращаясь къ четѣ.

Антонъ-Ульрихъ вздрогнулъ, хотѣлъ было возразить, потомъ покорно присоединился къ слушавшимъ.

На слѣдующій день малютку-Ивана перевезли съ большимъ торжествомъ въ Зимній дворецъ. Шествіе открывали эскадронъ гвардіи и регентъ, пѣшкомъ шедшій впереди кресла, на которомъ несли кормилицу съ ребенкомъ на колѣняхъ. Принцесса-мать слѣдовала въ парадной каретѣ съ Юліей Менгденъ, фрейлиной, сдѣлавшейся скоро ея фавориткой. И самъ Мардефельдъ долженъ былъ написать: „Всѣ русскіе отправились (въ Зимній дворецъ) поздравить регента, цѣлуя у него руку или мантію. Онъ заливался слезами и не могъ произнести ни одного слова... Спокойствіе настолько полное, что такъ сказать, ни одна кошка не шелохнется“ *). Новый англійскій посолъ Фингъ съ своей стороны писалъ, что полкъ, проѣзжая по Гайдъ-парку, производилъ больше шума, чѣмъ эта перемѣна правленія **). Что такъ происходило, это вполнѣ естественно. Со времени Екатерины I верховная власть, какъ и царское жилище, казались доступными всѣмъ. Туда входили, какъ на мельницу. Сенатъ назначилъ 500,000 рублей годичнаго жалованья регенту, постановивъ именовать его высочествомъ. Впрочемъ, онъ пожелалъ, чтобы этотъ титулъ былъ данъ и Антону-Ульриху. Отецъ и мать императора должны были довольствоваться 200,000 рублей въ годъ. На ектеніяхъ былъ установленъ слѣдующій порядокъ: императоръ, принцесса-мать, цесаревна Елизавета и регентъ. Елизавета

---

*) 1 ноября 1740 г. *Ibid.* Ср. *Архивъ Воронцова,* XXV, 84.

**) Сборникъ, LXXXV, 236.

напрасно протестовала. Нѣкоторые удивлялись, почему въ манифестѣ о назначеніи наслѣдникомъ Анны Іоанновны Іоанна Антоновича братья послѣдняго, родившіеся отъ того же брака, имѣли преимущество передъ дѣтьми, которыхъ могла имѣть Анна Леопольдовна отъ другого брака. Такимъ образомъ, потомство Антона Брауншвейгскаго имѣло преимущество надъ потомствомъ его жены, такъ что порывалась послѣдняя связь, связующая династію съ домомъ Романовыхъ. Но развѣ не дѣлалось это въ продолженіи 15 лѣтъ? Предусмотрѣнъ былъ и случай, если бы регентъ отказался отъ своихъ обязанностей, и тогда члены Сената, Кабинета и Военнаго Совѣта должны были замѣстить его. О Синодѣ не упоминалось ни слова. Однако, пришлось обратиться къ нему, чтобы онъ подтвердилъ титулъ высочества, данный регенту *). Этотъ вопросъ о титулахъ озабочивалъ Мардефельда. „Называйте ихъ, какъ имъ вздумается", рѣшилъ Фридрихъ, написавъ на поляхъ; Подевильсъ же придалъ этому выраженію болѣе дипломатическую форму**). Императоръ оффиціально назывался Иваномъ III, какъ третій царь съ этимъ именемъ, такъ какъ его предшественники до Ивана Васильевича носили титулъ великихъ князей. Впослѣдствіи его неправильно называли Іоанномъ VI.

II.

Сомнительный курляндскій дворянинъ, такимъ образомъ, сдѣлавшійся на семнадцать лѣтъ, по вычисленію Мардефельда, неограниченнымъ властелиномъ Россіи, болѣе полнымъ и законнымъ, чѣмъ Меншиковъ, вчерашній фаворитъ и сегодняшній регентъ не обладалъ ничѣмъ, чтобы оправдать свою судьбу способностями послѣдняго. Единственнымъ его правомъ былъ позоръ Анны, безнаказанно возведенный до подножія престола, чѣмъ она загрязнила колыбель, въ которой покоилась будущность имперіи. Его считали способнымъ, но онъ до сихъ

*) Соловьевъ, *Исторія Россіи*, XXI, 9.

**) Рескриптъ отъ 19 ноября 1740. *Тайные берлинскіе архивы.*

поръ доказалъ это только въ придворныхъ интригахъ. Говорили, что онъ жестокъ; и, можетъ быть, преувеличивали его долю отвѣтственности въ кровавыхъ драмахъ только что окончившагося царствованія. Передъ нимъ преклонялись, потому что онъ соединялъ два элемента—самовластіе и грубую силу, сдѣлавшіяся со смерти Петра Великаго принадлежностью верховной власти. Анна согласилась накинуть на плечи этого авантюриста порфиру, скроенную изъ занавѣсей ея алькова; гвардія не думала противорѣчить. И не безразлично ли было для этого войска, гдѣ офицера были нѣмцы, что нѣмецъ, по имени Биронъ, станетъ во главѣ правительства, изъ-за котораго спорили въ продолженіе десяти лѣтъ четыре или пять нѣмцевъ? Бирона не любили; но откуда можно было взять человѣка любимаго? Елизавету? Уже въ продолженіи десяти лѣтъ она еженедѣльно мѣняла любовниковъ, выбирая ихъ въ такихъ низкихъ слояхъ, что сама затруднялась бы сдѣлать ихъ оффиціальными фаворитами. И чтобы обратить на себя вниманіе, ей надо было проявить энергію и честолюбіе. Она же, повидимому, отдавалась удовольствіямъ, забывала обо всемъ, и ее забывали. Между Остерманомъ, Минихомъ, Левенвольдомъ и другими, составлявшими противовѣсъ его вліянію, Биронъ не всталъ во весь свой ростъ. Теперь его увидятъ за работой.

Онъ началъ милостивыми актами, отмѣняя приговоры о смертныхъ актахъ, смягчая наказанія, призвавъ обратно ко двору князя Александра Черкасскаго. Дальше слѣдовали распоряженія, клонившіяся къ исканію популярности: манифестъ, предписывавшій строгое соблюденіе законовъ, и строгая справедливость въ примѣненіи правосудія; уменьшеніе налоговъ (на 17 коп. съ души); раздача шубъ въ зимнее время часовымъ. Бирона-фаворита упрекали въ развитіи роскоши, которая при Аннѣ разоряла придворное дворянство; Биронъ-регентъ запретилъ носить матеріи дороже 4 рублей за аршинъ *).

Болѣе серьезныя задачи требовали его вниманія, какъ извнѣ, такъ и внутри, и неизвѣстно, оправдалъ ли бы онъ,

---

*) Сводъ Законовъ, п. 8266.

занявшись ими, лестную характеристику Мардефельда. Онъ едва успѣлъ прикоснуться къ нимъ. Когда смерть Карла VI вызвала во всѣхъ европейскихъ канцеляріяхъ оживленную дипломатическую дѣятельность, онъ попался на приманку въ видѣ гарантированнаго наслѣдства Курляндіи, предложеннаго ему Пруссіей, и вступилъ съ послѣдней въ переговоры объ оборонительномъ союзѣ, но оставилъ дѣло неоконченнымъ. Онъ думалъ о преобразованіи гвардіи, и мысль перевести дворянъ, служившихъ въ ней простыми солдатами, офицерами въ пѣхотные полки, замѣнивъ ихъ простымъ народомъ, нельзя назвать неудачной. Выполненіе плана, вѣроятно, предупредило бы государственные перевороты. Тѣмъ временемъ, въ Петербургъ были призваны шесть пѣхотныхъ батальоновъ и нѣсколько драгунъ, какъ противовѣсъ гвардейцамъ—при чемъ Минихъ объяснялъ послѣднимъ, что это сдѣлано для нихъ самихъ, чтобы облегчить ихъ службу. Регентъ чувствовалъ необходимость оградить себя. И скоро онъ весь ушелъ въ эту заботу и мало-по-малу вступилъ на путь репрессій. Черезъ недѣлю Мардефельдъ имѣлъ удовольствіе видѣть, что „кошки" зашевелились, особенно среди офицеровъ. Гвардейскій полковникъ Пустошкинъ пріѣхалъ къ Михаилу Гавриловичу Головкину, сыну бывшаго канцлера, находившемуся въ давнишней ссорѣ съ Бирономъ, и предложилъ ему стать во главѣ группы недовольныхъ, чтобы просить Анну Леопольдовну взять въ свои руки власть. Головкинъ отговорился подагрой, удерживавшей его въ постели, и послалъ офицера къ Алексѣю Черкасскому. „Можетъ быть, что-нибудь и выйдетъ",—думалъ онъ. Но эта группа существовала только въ воображеніи Пустошкина. По крайней мѣрѣ, она не имѣла ни организаціи, ни программы. Нѣсколько инвалидовъ конституціонной партіи 1730 г., нѣсколько избѣгнувшихъ участи Волынскаго, глухо роптали, подыскивая человѣка, который повелъ бы ихъ неизвѣстно куда. Черкасскій замѣтилъ это, оцѣнилъ предпріятіе по достоинству, назначилъ заговорщикамъ свиданіе и—предалъ ихъ. Пустошкинъ съ нѣкоторыми сообщниками были наказаны кнутомъ, и объ этой попыткѣ замолчали. Одинъ морякъ, Максимъ Толстой, взбудоражилъ еще публику, отказавшись отъ присяги регенту и смѣло высказавъ свое предпочтеніе Ели-

заветѣ. Биронъ просто отправилъ его въ Оренбургъ. Онъ очень искусно берегъ царевну, чтобы противупоставить ее матери императора. Думали, что онъ намѣревался женить на ней своего сына. Онъ отказывался принимать доносы, касавшіеся ея, и совершенно неожиданно назначилъ ей пенсію въ 50,000 рублей. Но судебныя слѣдствія по дѣлу Пустошкина или Толстого бросали тѣнь и на Антона-Ульриха, и между принцемъ и регентомъ началась борьба, скоро перешедшая въ смертельный поединокъ.

Было доказано, что отецъ императора благосклонно выслушивалъ нѣкоторыхъ офицеровъ, говорящихъ ему, что регентство могло бы быть предназначено ему. Эти офицеры заявляли, что на указѣ, которымъ власть отдавалась въ руки Бирона, не было подписи императрицы. Кабинетскій секретарь, Яковлевъ, какъ и всѣ, бывшіе при императрицѣ 10 октября,—число документа, утверждали, что она ничего не подписывала въ этотъ день. Мардефельдъ узналъ объ этомъ и торжествовалъ *). Но и Биронъ также объ этомъ узналъ и поспѣшилъ дѣйствовать рѣшительно. Отправившись къ Антону-Ульриху и его женѣ, онъ настоятельно потребовалъ объясненій. Принцъ все отрицалъ и извинялся. Принцесса клялась, что ничего не слыхала, и, чтобъ лучше успокоить регента, даже проводила его до дома и посидѣла у него два часа. Онъ этимъ не успокоился. На слѣдующій день, 24 октября, созвавъ Сенатъ и Военный Совѣтъ, онъ принудилъ Антона-Ульриха явиться на это собраніе и выслушать новый выговоръ. Принцъ залился слезами; но когда бывшій фаворитъ сталъ говорить, все повышая тонъ, онъ вспомнилъ о висѣвшей у него на боку шпагѣ и положилъ на нее руку.

— Готовъ и этимъ путемъ съ вами объясниться!—воскликнулъ внѣ себя Биронъ.

Исходя изъ такихъ устъ, вызовъ былъ настолько оскорбителенъ, что мужъ Анны Леопольдовны забылъ свою обычную робость, какъ и осторожность и далъ волю своимъ чувствамъ. „Да, ему говорили о низверженіи Бирона, и онъ съ удовольствіемъ слушалъ эти рѣчи; да, онъ съ удовольствіемъ привѣт-

---

*) Мардефельдъ, 8 ноября 1740. *Тайные берлинскіе архивы.*

ствовалъ бы возстаніе, направленное къ тому, чтобы вернуть ему власть, захваченную низкимъ авантюристомъ...“ Но его остановилъ Ушаковъ:

— Еще одно слово, и вы заставите насъ, принцъ, поступить съ вами, какъ съ первымъ встрѣчнымъ.

Биронъ вызвалъ эту сцену только для того, чтобы получить отъ собранія, гдѣ она произошла, подтвержденіе своего авторитета, что казалось необходимымъ въ виду предшествовавшихъ событій. Онъ продолжалъ болѣе спокойнымъ тономъ:

— Волею покойной императрицы я всегда воленъ отказаться отъ дарованной ею мнѣ власти, и если присутствующіе полагаютъ, что принцъ Антонъ-Ульрихъ достоинъ ея болѣе меня, я сейчасъ же имъ подчинюсь.

Затѣмъ онъ обратился къ Остерману:

— Скажите принцу, та ли эта бумага, которую вы сами относили къ государынѣ для подписи?

Впослѣдствіи было доказано, что документъ былъ подписанъ просто заднимъ числомъ, и Биронъ приказалъ отпечатать его тайно раньше, чѣмъ онъ былъ подписанъ. Остерманъ подтвердилъ что онъ скрѣпленъ императорской подписью, и, быстро приспособляясь къ обстоятельствамъ, предложилъ присутствующимъ подписать бумагу, что и было исполнено *). Собраніе засѣдало еще и на слѣдующій день. Тѣмъ временемъ Биронъ, черезъ посредство Миниха, предложилъ Антону-Ульриху сложить съ себя чины генерала и гвардейскаго полковника, и принцу пришлось подписать уже заготовленную просьбу объ отставкѣ. Но этого было мало. Регентъ сдѣлалъ видъ, что не ожидалъ этой отставки и не придаетъ ей значенія.

— Я вамъ не давалъ никакихъ чиновъ, и дѣло не въ томъ, а въ спокойствіи имперіи. Совѣтую вамъ нѣсколько времени посидѣть дома **).

Антонъ-Ульрихъ понялъ, что его сажаютъ подъ арестъ, и всѣ понимали, что регентъ на этомъ не остановится. Отца и мать императора отправятъ вскорѣ за границу или въ какую-нибудь отдаленную губернію.

---

*) Мардефельдъ, 19 ноября 1740 г. *Ibid.*

**) Соловьевъ, *Исторія Россіи*, XXI, 21.

Въ то же время въ отношеніи Елизаветы Биронъ проявлялъ почти рабскую угодливость, и можно было догадаться, что у него было много причинъ поступать такъ въ этой борьбѣ, первые шаги которой были удачны для него. Онъ поспѣшно возобновилъ старинные переговоры, начатые герцогомъ Голштинскимъ, Фридрихомъ-Карломъ. Этотъ зять Елизаветы письмомъ просилъ въ займы сто тысячъ рублей, соглашаясь на то, чтобы эти деньги шли въ приданое за единственной дочерью Бирона, Гедвигой, некрасивой и горбатой, какъ ея мать, руку которой онъ въ то же время просилъ для своего сына, будущаго мужа Екатерины II. Постоянно относившаяся враждебно ко всему, что исходило изъ Голштиніи, Анна разсердилась, разорвала письмо въ клочки и запретила говорить съ ней объ этомъ дѣлѣ. Но регентъ помнилъ объ этомъ. Какъ только онъ почувствовалъ себя свободнымъ, онъ отказалъ князю Саксенъ-Мейнингенскому, сдѣлавшему ей предложеніе, и бракъ, отвергнутый покойной императрицей, былъ рѣшенъ въ нѣсколько дней. Какъ драгоцѣнно было для семьи Бироновъ это—хотя бы и косвенное—родство съ Романовыми! Никто въ тотъ моментъ еще не предвидѣлъ катастрофы, которая черезъ нѣсколько часовъ должна была помѣшать осуществленію этого проекта, принеся неожиданное рѣшеніе конфликту, грозившему гибелью Брауншвейгскому дому. 8 ноября послѣ бала у князя Черкасскаго, Гедвига Биронъ, вернувшись поздно домой, едва успѣла уснуть съ мечтами объ ожидавшемъ ее величіи, какъ была разбужена криками, доносившимся изъ спальни родителей. Она бросилась туда и увидала отца, полуобнаженнаго, оборонявшагося противъ нѣсколькихъ гвардейцевъ, бившихъ его прикладами и, наконецъ, унесшихъ его безъ чувствъ.

Событіе это извѣстно. Вотъ подробности о немъ, очищенныя отъ фантастическихъ разсказовъ, исказившихъ дѣйствительность.

III.

Въ тотъ же день, 8 ноября, Минихъ былъ у Анны Леопольдовны и казался очень растроганнымъ печалью и безпокой-

ствомъ, въ которомъ она находилась. Фельдмаршалъ самъ едва скрывалъ свое разочарованіе и свою досаду, такъ какъ въ интригѣ, въ которой онъ участвовалъ, онъ самъ оказался обманутымъ и помогъ своему сопернику. Разсказывали позже, что по дорогѣ во дворецъ онъ встрѣтился съ регентомъ, который тотчасъ же остановилъ карету и велѣлъ вести его къ его брату Густаву. Въ этомъ инцидентѣ Минихъ увидѣлъ угрозу себѣ. Поэтому, а, можетъ быть, и почему другому, онъ высказалъ передъ Анной Леопольдовной свои чувства къ бывшему фавориту.

— Если бы вашему высочеству было угодно, я бы избавилъ васъ въ одинъ часъ отъ этого зловреднаго человѣка.

— Какимъ образомъ?

Онъ развилъ свой планъ. Чтобы удержаться у власти, Биронъ разсчитывалъ на вѣрность Измайловскаго и Конногвардейскаго полковъ, въ одномъ изъ которыхъ командиромъ былъ его братъ Густавъ, а въ другомъ его сынъ. Напротивъ, Преображенскій полкъ, въ которомъ онъ, Минихъ, былъ генералъ-поручикомъ, совсѣмъ не находился подъ вліяніемъ регента, и какъ разъ была очередь этого полка дежурить, какъ при Зимнемъ дворцѣ, мѣстопребываніи императорской фамиліи, такъ и при Лѣтнемъ дворцѣ, гдѣ жилъ „зловредный человѣкъ". Съ горстью выбранныхъ преображенцевъ, Минихъ легко могъ овладѣть Бирономъ во время сна и отдать во власть принцессѣ.

Анна Леопольдовна испугалась; но больше ей уже нечего было терять. Все предвѣщало ея близкое изгнаніе. Она попросила только, чтобы ея мужъ ничего не зналъ. Она боялась его щепетильности и предоставляла ему, какъ и себѣ, въ случаѣ неудачи, средство отъ всего отпереться. Рисковалъ одинъ Минихъ. Для большей осторожности, проводивъ фельдмаршала, она уговорила Антона-Ульриха попросить свиданія съ регентомъ. Она сама, дрожа, какъ листъ, была съ нимъ почтительна, и, польщенный, онъ былъ любезнѣе, чѣмъ обыкновенно, позвалъ принца съ собою въ манежъ, потомъ, отправляясь обѣдать, разстался съ нимъ очень ласково. Однако, грустныя мысли безпокоили его. Онъ нѣсколько разъ замѣчалъ, что улицы не имѣютъ своего обычнаго вида. Рѣдкіе прохожіе

имѣли озабоченныя лица. Его адъютантъ замѣтилъ, что въ городѣ опасаются революціи въ пользу принца Брауншвейгскаго. Онъ пожалъ плечами. Съ этимъ молодымъ человѣкомъ дѣло покончено!

Минихъ долженъ былъ обѣдать у него въ этотъ день со всей своей семьей; онъ не отказался отъ этого и имѣлъ совершенно спокойный и веселый видъ. Онъ ужиналъ съ Левенвольде, много говорилъ, разсказывалъ о своихъ походахъ. Биронъ слушалъ разсѣянно и мрачно. Вдругъ онъ спросилъ:

— Приходилось вамъ во время вашихъ походовъ ночью дѣлать важныя операціи?

Несмотря на свое самообладаніе, Минихъ не могъ не вздрогнуть; но тотчасъ овладѣвъ собой, съ самымъ естественнымъ видомъ отвѣтилъ:

— Не помню никакого особеннаго случая, но мое правило всегда пользоваться всякимъ благопріятнымъ случаемъ.

Вернувшись отъ регента, онъ пошелъ спать, велѣлъ разбудить себя въ два часа утра. Тогда, взявъ съ собой самаго преданнаго и самаго энергичнаго изъ своихъ адъютантовъ, полковника Манштейна, онъ отправился въ Зимній дворецъ, гдѣ, бывшая въ заговорѣ, Юлія Менгденъ была на сторожѣ. Она отправилась предупредить герцогиню, которая спала съ мужемъ.

— Что такое?—спросилъ Антонъ-Ульрихъ.

— Ничего, оставайтесь въ постели.

Минихъ хотѣлъ, чтобы она сопровождала его, но она отказалась, согласившись только на то, чтобы собрать караульныхъ офицеровъ и объявить имъ о событіи. Она поцѣловала при нихъ фельдмаршала, прося ихъ поддержать его. Всѣ объявили себя готовыми слѣдовать за нимъ. Онъ выбралъ тридцать гренадеровъ и трехъ офицеровъ. Стража въ Лѣтнемъ дворцѣ состояла изъ трехсотъ человѣкъ, которымъ былъ данъ приказъ стрѣлять при приближеніи болѣе двухъ человѣкъ; но Минихъ разсчитывалъ избѣгнуть столкновенія. Онъ остановилъ свой маленькій отрядъ въ нѣсколькихъ стахъ шаговъ и послалъ парламентера. Послѣдній привелъ съ собой безъ шума двухъ офицеровъ, которые, узнавъ своего командира и узнавъ, въ чемъ дѣло, увѣрили ихъ, что ни они, ни ихъ

люди не шелохнутся. Тогда Минихъ двинулся впередъ и приказалъ Манштейну съ двѣнадцатью гренадерами проникнуть въ покои регента. Часовые, стоявшіе у дверей, дали имъ войти. Остальное извѣстно.

Когда уносили ея мужа, Бенигна Биронъ выбѣжала за ними на улицу въ одной рубашкѣ. Манштейнъ приказалъ одному солдату вернуть ее во дворецъ. Гренадеръ взялъ на руки хрупкое и безобразное созданье, посмотрѣлъ на него, плюнулъ и бросилъ ношу на кучу снѣга. Она замерзла бы тамъ, если бъ болѣе человѣчный капитанъ не постарался одѣть ее и проводить въ квартиру, куда вошло уже разореніе.

Возвращаясь, маленькій отрядъ, подъ командой Миниха, завладѣлъ еще дорогой Густавомъ Бирономъ, который отчаянно защищался, и Бестужевымъ, подумавшимъ, что, несмотря на его преданность регенту, онъ арестованъ по его приказанію. Въ Зимнемъ дворцѣ Антонъ-Ульрихъ спалъ, а Анна Леопольдовна, обезумѣвъ отъ страха, искала убѣжища у сына Миниха, который, какъ камергеръ, спалъ въ передней маленькаго Ивана. Открывъ глаза, онъ увидѣлъ сидѣвшую на его постели герцогиню и, такимъ образомъ, понялъ, что произошло. Послали предупредить Остермана, который встрѣтилъ посланнаго стонами и сказалъ, что находится при смерти. Къ нему привели людей, которые увѣрили, что видѣли регента въ рукахъ преображенцевъ. Тогда онъ соскочилъ съ постели и побѣжалъ во дворецъ. По освидѣтельству Манштейна, можно было арестовать регента, выходившаго всегда съ однимъ только адъютантомъ, и днемъ. „Но маршалъ, любившій придавать всѣмъ своимъ поступкамъ извѣстный блескъ, выбралъ путь самый трудный“. Какъ бы то ни было, онъ вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы между нѣмцами, въ которой не фигурировали національные элементы и которые не имѣли интереса для націи. „Минихъ и Биронъ вырывали другъ у друга русское государство, какъ кружку пива“,—говоритъ Герценъ.

Раннимъ утромъ бывшаго регента посадили въ возокъ и отправили въ Шлиссельбургскую крѣпость. Въ то же время Анна Леопольдовна была объявлена регентшей при напускной радости, въ которой только армія была искренна. Такъ какъ приказъ Бирона, запрещавшій солдатамъ и унтеръ-офицерамъ

входъ въ кабаки, былъ отмѣненъ новымъ правительствомъ, то кабаки переполнились. Бывшій регентъ провелъ вмѣстѣ со своей семьей шесть мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, пока шло слѣдствіе. На слѣдствіи онъ послѣ долгаго отрицанія, призналъ свое участіе въ составленіи и редактированіи акта, которымъ Анна Іоанновна вручила ему власть. По Мардефельду, въ его бумагахъ нашли также доказательства, что еще при жизни императрицы онъ самовольно вмѣшивался въ самыя важныя дѣла государства и безъ согласія министровъ заключилъ съ дрезденскимъ дворомъ тайный договоръ, въ которомъ обѣщалъ послѣднему двѣнадцать тысячъ человѣкъ войска противъ Австріи, а саксонское правительство давало гарантію, что поможетъ Аннѣ въ упроченіи престолонаслѣдія. Среди обвиняемыхъ вмѣстѣ съ нимъ, Бисмаркъ выдѣлился циническимъ стремленіемъ отягчить участь своего благодѣтеля и подладиться къ Аннѣ Леопольдовнѣ унизительными письмами. Этотъ предокъ желѣзнаго канцлера не былъ рыцаремъ!

Обвиненный, между прочими злодѣяніями, въ покушеніи на жизнь покойной императрицы, заставивъ ее поѣхать верхомъ въ дурную погоду (sic!), Биронъ 8 апрѣля 1741 года былъ приговоренъ къ смерти. Его должны были четвертовать. Манифестомъ отъ 15 апрѣля это наказаніе было замѣнено вѣчной ссылкой. Обвинительный актъ содержалъ длинное историческое изслѣдованіе, въ которомъ осужденный сравнивался съ Борисомъ Годуновымъ. Мѣстомъ ссылки былъ избранъ Пелымъ, сибирская деревня, за три тысячи верстъ отъ Петербурга. Тамъ наскоро выстроили домъ, состоявшій изъ четырехъ комнатъ и обнесенный высокимъ тыномъ. Минихъ сдѣлалъ планъ этого дома,—не подозрѣвая, что онъ самъ скоро займетъ его и проведетъ въ немъ двадцать лѣтъ жизни. Густавъ Биронъ, его братъ, Карлъ и Бисмаркъ, были также сосланы въ Сибирь, за Тобольскъ, а Бестужевъ остался въ тюрьмѣ въ Копорьѣ.

Бывшій регентъ, съ которымъ обращались лучше, чѣмъ въ свое время съ Долгорукимъ, получалъ содержаніе 15 рублей въ день и имѣлъ довольно значительное число прислуги, между которой были два лакея, два повара, негритянка и горничная турчанка. Но все его имущество было конфиско-

вано. Когда адъютантъ Миниха, Вольфродъ, отправился въ Шлиссельбургъ потребовать у обвиненныхъ ихъ драгоцѣнности, онъ сдѣлался свидѣтелемъ такой сцены отчаянія, что не могъ удержаться отъ слезъ, хотя, по его словамъ, не плакалъ, даже когда умерли его отецъ и мать. Первое время настроеніе и здоровье того, кого еще называли герцогомъ Курляндскимъ, безпокоило его близкихъ. Онъ переходилъ отъ полной апатіи къ припадкамъ бѣшенства и серьезно захворалъ. Въ началѣ 1742 г. извѣстіе о восшествіи на престолъ Елизаветы поставило его на ноги, вернувъ ему надежду.

Дѣйствительно, вскорѣ сенатскій курьеръ сообщилъ ему, что онъ получаетъ свободу и имѣніе Вартембергъ. Хотя еще довольно слабый, онъ тотчасъ отправился въ путь, направляясь въ Курляндію. Но онъ былъ остановленъ на дорогѣ приказомъ поселиться въ Ярославлѣ, куда получили разрѣшеніе пріѣхать его братья и Бисмаркъ. Густавъ Биронъ вскорѣ умеръ, а Карлъ и Бисмаркъ, повидимому, поступили въ военную службу. Бывшій регентъ теперь поселился въ болѣе роскошномъ помѣщеніи съ чуднымъ садомъ на берегу Волги. Изъ Петербурга ему прислали его библіотеку, мебель, посуду, даже лошадей и ружья, съ позволеніемъ охотиться на двадцать верстъ вокругъ. Онъ жилъ довольно комфортабельно; но его дочь, Гедвига, до того скучала, что ей пришла въ голову мысль представиться государынѣ во время ея посѣщенія Троицкой лавры, около Москвы, и просить государыню, очень набожную, какъ она знала, позволить ей принять православіе. Она была перекрещена и получила мѣсто надзирательницей надъ фрейлинами, съ которыхъ, какъ говоритъ молва, она брала взятки, смотря сквозь пальцы на ихъ ночныя похожденія. Въ 1753 году, 33-хъ лѣтъ, она вышла замужъ за лейтенанта гвардіи, барона Александра Черкасова, и жила до 1787 г.

Герцогство Курляндское оставалось безъ хозяина до 1758 г. Въ этомъ году, по желанію Елизаветы, былъ избранъ герцогомъ Карлъ Саксонскій, сынъ Августы III, къ величайшему неудовольствію курляндцевъ, предпочитавшихъ протестанта, поляковъ, мечтавшихъ объ аннексіи, и мужа будущей Екатерины II, желавшаго предоставить герцогство своимъ

родственникамъ. Въ 1762 г. послѣдній, сдѣлавшись императоромъ, вернулъ Бирона ко двору, возвратилъ ему нѣкоторые остатки его состоянія, но объявилъ, что назначаетъ Курляндію своему дядѣ, Георгу-Людвигу Голштинскому.

Бывшій регентъ долженъ былъ отречься въ пользу этого принца, но случился государственный переворотъ, передавшій власть изъ рукъ Петра III въ руки его жены, а послѣдняя рѣшила вопросъ въ смыслѣ наибольшей пользы для интересовъ Россіи. Биронъ, сдѣланный герцогомъ по желанію русскаго правительства и поддержкѣ арміи, казался наиболѣе подходящимъ кандидатомъ. Она велѣла ему ѣхать въ Митаву, куда онъ съ соотвѣтствующей охраной прибылъ 14 (25) января 1763 г. Русскій резидентъ, Симолинъ, пригрозилъ муниципалитету военнымъ судомъ, если вновь прибывающій не будетъ принятъ съ должными почестями, и 10 (21) февраля сеймъ призналъ законность его правъ *).

Въ 1769 г. бывшій регентъ отрекся въ пользу своего сына, Петра, и умеръ черезъ три года. Этотъ второй герцогъ изъ семьи Бироновъ былъ и послѣднимъ Курляндскимъ герцогомъ. Въ 1795 г. онъ въ свою очередь отрекся, получивъ пенсію въ двадцать пять тысячъ дукатовъ, но на этотъ разъ въ пользу русскаго губернатора, графа Палена, того самого, который впослѣдствіи принималъ, какъ извѣстно, участіе въ воцареніи Александра I.

Будучи раньше женатъ сначала на принцессѣ Вальдекской, которая умерла, не оставивъ ему дѣтей, потомъ на княжнѣ Юсуповой, съ которой развелся, Петръ Курляндскій въ третій разъ женился на умной графинѣ Доротеѣ Медемъ, отъ которой имѣлъ четырехъ дочерей. Старшая, выйдя замужъ за герцога Рогана, продолжала носить, какъ говорятъ англичане, по личному праву, титулъ герцогини Саганской, по имѣнію, купленномъ ея отцомъ въ Силезіи. Вторая была герцогиней Гогенцоллернъ-Гетинngенской, а третья принцессой Ачеренца изъ дома Бельмонтъ-Пиньателли. Онъ долго отказывался отъ четвертой дочери, отцомъ которой по общему

---

*) Документы, опубликованные Бартеневымъ, *Восемнадцатый вѣкъ*, I, 466—480.

мнѣнію былъ красивый полякъ Батовскій, и которая, выйдя замужъ за графа Едмонда де-Перигоръ, впослѣдствіи герцога Талейрана, сдѣлалась герцогиней Дино, оставила Францію послѣ смерти своего дяди, князя Талейрана, купила вновь Саганъ и сдѣлалась второй герцогиней съ такимъ именемъ.

Братъ Петра, герцогъ Карлъ-Эрнестъ, родившійся въ 1728 г., былъ родоначальникомъ нынѣшнихъ герцоговъ Курляндскихъ, которые этимъ титуломъ напоминая о минувшей власти, соединяются съ именемъ Биронъ.

ГЛАВА XIII.

Анна Леопольдовна.

I. Нравственный обликъ новой регентши.—Политическая бездарность.—Интимная жизнь.—Юлія Менгденъ.—Сплетни по поводу этой дружбы.—Графъ Линаръ.—Возобновленіе прежняго романа.—Портретъ графа, сдѣланный Екатериной II.—Новый бракъ втроемъ.—Криптографическая переписка.—Безполезное вмѣшательство Антона-Ульриха.—Въ перспективѣ новый фаворитъ. II. Преобразованіе высшихъ должностей послѣ паденія Бирона.—Минихъ—первый министръ.—Попытки къ диктатурѣ.—Опозиція Остермана.—Тяжелая болѣзнь фельдмаршала.—Отставка.—Паденіе. III. Значеніе этого новаго переворота.—Личное управленіе Анны Леопольдовны.—Результаты внутренней политики. — Непослѣдовательность.—Продажность высшихъ сановниковъ.—Болѣе важныя послѣдствія въ внѣшней политикѣ.—Противорѣчивые союзы.—Между Пруссіей и Австріей.—Необходимость принять рѣшеніе.—Склонность Анны Леопольдовны къ Австріи.—Оптимизмъ Мардефельда.—Весь міръ можно купить.—Угроза разрыва со Швеціей.—Напрасное воззваніе къ Фридриху II.—Объявленіе войны.—Первыя неудачи русскаго оружія.—Плохія надежды въ будущемъ.—Союзъ съ Англіей и разочарованіе имъ.—Двусмысленное отношеніе Даніи.—Опасность конфликта съ Турціей и Персіей.—Настоящая опасность.

I.

Не было никакого сомнѣнія въ значеніи только что совершившагося переворота: одинъ нѣмецкій авантюристъ смѣнялся другимъ нѣмецкимъ авантюристомъ, Биронъ—Минихомъ. По тому, что было извѣстно объ ея умѣ и характерѣ, Анна Леопольдовна не могла взять въ руки бразды правленія. Изъ современниковъ, приближенныхъ къ этой принцессѣ людей, кажется, только сынъ фельдмаршала приписывалъ ей серьезныя умственныя, сердечныя качества, видѣлъ преданность дѣламъ. Остальные рисуютъ ее ограниченной

въ умственномъ отношеніи и лѣнивой въ физическомъ, цѣлый день проводящею въ постели въ мечтахъ или за чтеніемъ романовъ. Одно воображеніе ея рано развилось вслѣдствіе чтенія. Однако, очень набожная, новая регентша ставила образа во всѣ углы своихъ комнатъ, слѣдила за тѣмъ, чтобъ вездѣ передъ иконами были зажжены лампады, а впослѣдствіи, въ ссылкѣ, предавалась благочестивымъ занятіямъ, въ сообществѣ двухъ пѣвчихъ и пономаря *). Какъ всѣ лютеранскія принцессы, перешедшія въ православіе, она выказывала большое благочестіе и строго слѣдила за религіознымъ воспитаніемъ своихъ дѣтей, хотя ея супругъ продолжалъ ходить въ лютеранскую церковь.

Не любя показываться публично, она уменьшила насколько возможно придворные выходы, рѣдко являлась на пріемахъ и отпустила большую часть служащихъ, въ такомъ изобиліи окружавшихъ ея тетку. Во дворцѣ скоро водворилась пустота и безлюдіе. Регентши почти не было видно, такъ какъ она не любила одѣваться и обѣдала обыкновенно вдвоемъ съ Юліей Менгденъ. Объ этомъ много болтали, увѣряя, что фаворитка запрещала Антону-Ульриху входить въ спальню жены. Мардефельдъ, однако, опровергаетъ толки, ходившіе между его товарищами по дипломатическому корпусу.

„Такъ какъ никто не можетъ понять причины сверхъестественной привязанности великой княжны къ Юліи, я не удивляюсь, что публика обвиняетъ эту дѣвушку въ пристрастіи къ вкусамъ знаменитой Сафо; но я не могу простить маркизу Ботта, облагодѣтельствованному регентшей, что онъ приписываетъ склонность этой принцессы къ Юліи тому, что послѣдняя—женоложица со всѣми необходимыми для того качествами... Это черная клевета, потому что она никогда такой не была: покойная императрица, изъ-за такихъ обвиненій, повелѣла тщательно освидѣтельствовать эту дѣвушку, и донесеніе комиссіи было благопріятно для нея: она была настоящей дѣвушкой, безъ малѣйшихъ мужскихъ признаковъ.

Значитъ подозрѣнія существовали давно. Однако, можно

*) Карновичъ, *Разсказы*, стр. 265; ***Внутренняя жизнь Россійской Имперіи,*** I, 76.

допустить, что они были лживы и что комиссія, о которой говорить агентъ Фридриха, по совѣсти исполнила свой долгъ. Вскорѣ на самомъ дѣлѣ уединенная жизнь Анны Леопольдовны подала поводъ къ новымъ злобнымъ предположеніямъ, и могло казаться даже, что побѣдившій Минихъ встрѣтилъ новаго соперника. Въ 1735 году, когда ей искали жениха, принцесса, 17-ти лѣтъ въ то время, имѣла романическую склонность къ саксонскому посланнику графу Линаръ. Ея гувернантка, m-lle Адеркасъ, пруссачка, близкая родственница Мардефельда, помогала этой интригѣ. Предупрежденная объ этомъ, императрица отослала виноватую воспитательницу въ Германію, потребовала отозванія слишкомъ предпріимчиваго дипломата и, казалось, успѣла вернуть свою племянницу къ чувствамъ болѣе приличнымъ ея сану. Однако, едва только послѣдняя получила неограниченную власть и свободу, Линаръ снова появился въ Петербургѣ. Происходя изъ итальянской семьи, съ шестнадцатаго вѣка поселившейся въ Германіи, онъ теперь имѣлъ около сорока лѣтъ и былъ вдовъ послѣ жены, которой онъ былъ обязанъ своей дипломатической карьерой. Она была урожденная Флеммингъ. Красивый мужчина, хорошо сложенный, очень занимающійся своей особой, онъ выглядѣлъ молодымъ. Екатерина II, видѣвшая его девять лѣтъ спустя, такъ въ шуточномъ тонѣ рисуетъ его портретъ:

„Это былъ человѣкъ, соединявшій въ себѣ, какъ говорятъ, большія знанія съ такими же способностями. По внѣшности это былъ въ полномъ смыслѣ фатъ. Онъ былъ большого роста, хорошо сложенъ, рыжевато-бѣлокурый, съ цвѣтомъ лица нѣжнымъ, какъ у женщины. Говорятъ, что онъ такъ ухаживалъ за своей кожей, что каждый день передъ сномъ покрывалъ лицо и руки помадой и спалъ въ перчаткахъ и маскѣ. Онъ хвастался, что имѣлъ восемнадцать дѣтей и что всѣ ихъ кормилицы могли заниматься этимъ дѣломъ по его милости. Этотъ, такой бѣлый, графъ Линаръ имѣлъ бѣлый дамскій орденъ и носилъ платья самыхъ свѣтлыхъ цвѣтовъ, какъ, напримѣръ, небесно-голубого, абрикосоваго, лиловаго, тѣлеснаго“ *).

---

*) *Записки*, 136 стр.

Роль, которую этотъ творецъ кормилицъ былъ теперь призванъ играть на берегахъ Невы, обрисовалась въ апрѣлѣ 1741 г., о чемъ Мардефельдъ даетъ слѣдующія объясненія:

„Графъ Линаръ, недавно изобразившій искусственный обморокъ, играя съ регентшей въ карты, идетъ впередъ, такъ что объ немъ уже поговариваютъ въ народѣ. Собственно, ничего дѣйствительнаго между ними не было, и они никогда не оставались одни. Кажется, и фаворитка и фельдмаршалъ покровительствуютъ этой интригѣ“.

И черезъ нѣсколько недѣль онъ пишетъ:

„Графъ Линаръ не пропускаетъ ни одного случая показать великой княгинѣ, какъ онъ безумно влюбленъ въ нее. Она выноситъ это безъ признаковъ неудовольствія... Онъ нанялъ домъ около самаго царскаго сада, и съ тѣхъ поръ великая герцогиня-регентша, противъ своего обыкновенія, стала очень часто прогуливаться“ *).

Не могу сказать, дошли ли за лѣто возобновленныя отношенія княгини къ ея прежнему возлюбленному до той близости и того безстыдства, о которыхъ говоритъ Герценъ:

„Регентша Анна Брауншвейгская лѣтомъ спала со своимъ любовникомъ на освѣщенномъ балконѣ дома“... **).

На глазахъ публики возобновлялась та жизнь втроемъ, примѣръ которой подала Анна Іоанновна, и ожидалось, что пришелецъ займетъ привилегированное мѣсто, на подобіе Бирона. На самомъ дѣлѣ по совѣту Ботты, продолжая свою любовную интригу съ регентшей, Линаръ въ іюнѣ попросилъ руки Юліи Менгденъ, чѣмъ увеличилась милость къ нему. Онъ получилъ орденъ Андрея Первозваннаго, и Анна Леопольдовна, родившая въ іюлѣ, захотѣла, къ великому негодованію Антона-Ульриха, встать на десятый день, чтобы возложить орденскіе знаки на жениха своей любимицы. Въ то же время Мардефельдъ, предсказывавшій окончательную побѣду „новаго Париса“ послѣ родовъ княгини, рѣшилъ, что его разсчеть вѣренъ.

Въ сентябрѣ Линаръ уѣхалъ привести въ порядокъ свои

---

*) 14 апрѣля, 9 мая, 24 іюня 1741. *Тайные берлинскіе архивы.*

**) *О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи*, 1853, стр. 39.

дѣла въ Германію, куда не думалъ возвращаться. Отношенія, въ какихъ онъ былъ съ регентшей, были таковы, что онъ при другихъ говорилъ ей: „Вы сдѣлали глупость“ *). Къ его возвращенію хотѣли совершенно очистить домъ, устранивъ отъ дѣлъ даже Антона-Ульриха. Русскіе уже кланялись Линару такъ же низко, какъ и герцогу Курляндскому; а новый фаворитъ, со своей стороны, бралъ примѣръ съ прежняго, точно подражая ему въ его высокомѣрныхъ манерахъ и требуя даже отъ дамъ тѣ же доказательства „почтенія“ **).

Онъ взялъ много драгоцѣнныхъ камней, чтобы сдѣлать имъ оправу въ Дрезденѣ, и большія суммы денегъ, назначеніе которыхъ осталось тайной, хотя Мардефельдъ подозрѣвалъ,—и не безъ основанія, какъ мы увидимъ потомъ,—что Анна Леопольдовна намѣревалась объявить себя императрицей и что деньги были нужны для коронаціи ***). Въ дорогѣ и по прибытію въ Дрезденъ, путешественникъ получалъ отъ регентши многочисленныя письма, изъ которыхъ нѣкоторыя дошли до насъ. Влюбленная великая княгиня употребляла остроумный способъ переписки „условными цифрами“, дающій понятіе о роли, предназначенной въ ихъ общемъ сожительствѣ будущей графинѣ Линаръ. Корреспонденція переписывалась начисто секретаремъ, при чемъ Анна Леопольдовна добавляла своей рукой надъ строчками разныя шифрованныя замѣчанія, которыя я расшифрировываю:

„Поздравляю васъ съ пріѣздомъ въ Лейпцигъ, но я буду довольна тогда, когда узнаю, что вы возвращаетесь сюда... Что касается до Юліи, то какъ вы можете хотя минуту сомнѣваться въ ея (моей) любви и въ ея (моей) нѣжности, послѣ всѣхъ доказательствъ, данныхъ вамъ ею (мною). Если вы ее (меня) любите, то не упрекайте ее, если ея (мое) здоровье дорого вамъ. У насъ будетъ 19-го и 20-го маскарадъ; но не думаю, что я смогу (безъ васъ, мое сердце) участвовать въ немъ; такъ какъ я предчувствую

---

*) Мардефельдъ королю, 7 ноября 1741. Тайныя берлинскіе архивы.

**) Мардефельдъ Подевильсу, 16 сентября 1741. *Ibid.*

***) Онъ же королю, 3 декабря 1741. *Ibid.* Ср. Ла-Шетарди, 1 сентября 1741 г.

уже, что и Юлія не будетъ веселиться, такъ какъ и сердце и душа ея заняты инымъ. Пѣсня говоритъ вѣрно: „не нахожу ничего похожаго на васъ, и однако, все заставляетъ меня вспоминать о васъ“. Назначьте время вашего возвращенія и будьте увѣрены въ моей благодарности. (Цѣлую васъ и остаюсь вся ваша) Анна“ *).

Но что думалъ объ этомъ Антонъ-Ульрихъ? По свидѣтельству Мардефельда, онъ былъ нѣсколько недоволенъ, но нашелъ утѣшеніе въ новомъ чувствѣ свободы и хотя скромной долѣ власти. Супруги по послѣднему поводу часто ссорились. Объ одной изъ этихъ ссоръ, особенно бурной, упоминаетъ Мардефельдъ въ 1741 году: назначеніе безъ его вѣдома нѣсколькихъ сенаторовъ показалось герцогу болѣе обиднымъ, чѣмъ почести, публично оказываемыя графу Линаръ. Но онъ изъ этихъ пререканій выходилъ не чаще побѣдителемъ, чѣмъ въ прежнихъ столкновеніяхъ съ Бирономъ:

„Такъ какъ этотъ разговоръ начался случайно и такъ какъ герцогъ не имѣлъ времени переговорить со своимъ менторомъ, Остерманомъ, то великая княгиня взяла верхъ. Герцогъ подчинился. Съ тѣхъ поръ онъ мягокъ какъ перчатка... Его счастіемъ было до сихъ поръ, что она по лѣности предоставила ему дѣла, чтобы самой заниматься удовольствіями, что такимъ образомъ дѣлало его необходимымъ. Увидимъ, продолжится ли это, когда у нея будетъ опредѣленный фаворитъ. Вообще она его не любитъ; онъ получилъ разрѣшеніе спать съ ней только послѣ отъѣзда Нарцисса (Линара)“ **).

Къ чести Антона-Ульриха надо добавить, что причиной вышеупомянутой семейной ссоры было главнымъ образомъ назначеніе на должность оберъ-прокурора Сената нѣкоего Брылкина, темной личности, который отличился въ 1735 году въ двусмысленной роли, покровительствуя интригѣ, героемъ которой былъ Линаръ, и, какъ увѣряютъ, имѣлъ личный

---

*) 13 октября 1741. Опубликовано Соловьевымъ, *Исторія Россіи*, XXI, 361.

**) Мардефельдъ, 17 октября 1741. *Тайные берлинскіе архивы.*

успѣхъ у Анны Леопольдовны, что не соотвѣтствуетъ его некрасивой наружности *).

Чтобы противостоять своей супругѣ, Антонъ-Ульрихъ требовалъ помощи Остермана. Но развѣ Минихъ не былъ главнымъ лицомъ въ наслѣдствѣ Бирона? Онъ былъ имъ безъ сомнѣнія на другой день послѣ своего ночного подвига, но, и безъ содѣйствія будущаго мужа Юліи, онъ ощущалъ нетвердость положенія, основаннаго на дворцовой революціи.

II.

Манифестъ, опубликованный на другой день послѣ ареста Бирона, назначалъ счастливаго организатора государственнаго переворота первымъ министромъ и вторымъ лицомъ послѣ отца императора. Въ то же время ему была дана сумма въ сто тысячъ рублей, потому что знали, что онъ жаденъ до денегъ, потомъ еще семьдесятъ тысячъ рублей, на постройку дома на Васильевскомъ Островѣ—нынѣшній Морской корпусъ, который онъ кончалъ, при чемъ обращалъ вниманіе на то, чтобы скульпторы побольше изобразили на немъ его военныхъ трофеевъ и закованныхъ турокъ **). Надо было, однако, подумать и о притязаніяхъ противниковъ. Не будучи въ состояніи взять себѣ все, фельдмаршалъ по крайней мѣрѣ постарался устроить такъ, чтобъ они не мѣшали ему. По его указаніямъ, постъ канцлера, незанятый послѣ смерти стараго Гаврилы Головина въ 1734 г., былъ предоставленъ князю Черкасскому, а чтобы такое назначеніе не показалось Остерману немилостью, подъ предлогомъ его случайныхъ занятій флотскими дѣлами его назначили генералъ-адмираломъ. Черкасскій былъ ничтожество, и ему дали въ товарищи такое ничтожество, Михаила Головина, въ дожности вице-канцлера. Такимъ образомъ, распоряженіе иностранными дѣлами оставалось празднымъ, и Минихъ рѣшилъ заняться ими.

Не остроумно было предполагать, что генералъ-адмиралъ

---

*) Ла-Шетарди, 22 сентября 1741.

**) Буряновъ, *Прогулка по С.-Петербургу,* 1838, стр. 175.

останется доволенъ такой комбинаціей. Иностранныя дѣла были областью, въ которой „оракулъ“ уже давно пустилъ корни. Новый источникъ для конфликта, при чемъ бывшій вице-канцлеръ нашелъ себѣ драгоцѣннаго союзника въ лицѣ Антона-Ульриха. Послѣдняго Минихъ ожесточилъ тѣмъ, что предоставилъ ему титулъ генералиссимуса, принадлежавшій, какъ извѣстно, короткое время Меншикову, но присовокупилъ при этомъ нѣкоторыя выраженія, показавшіяся ему оскорбительными; на самомъ дѣлѣ, въ указѣ было сказано, что, имѣя право на этотъ титулъ по своимъ заслугамъ, фельдмаршалъ уступаетъ его изъ уваженія къ его высочеству. Кромѣ того Антонъ-Ульрихъ понималъ, что Минихъ предоставлялъ ему быть начальникомъ только по имени и давалъ только тѣнь власти.

Точно также было оскорблено самолюбіе и другихъ лицъ. Левенвольде, тѣсно связанный съ Остерманомъ, и Михаилъ Головкинъ, недовольный подчиненнымъ положеніемъ, стали на сторону генералъ-адмирала. Противъ столькихъ враговъ фельдмаршалъ могъ противупоставить только самую непрочную поддержку: благодарность женщины, характеръ которой онъ хорошо зналъ. И какъ разъ Остерманъ рѣшился взять эту плохо защищенную крѣпость. Бросивъ свои привычки, онъ сталъ вдругъ часто посѣщать дворецъ. Каждый день онъ велъ разговоры съ Анной Леопольдовной, указывая ей, что опасно оставлять и ея, и государственные интересы въ рукахъ столь надменнаго человѣка, который теперь одинъ вѣдалъ ихъ. При своихъ блестящихъ военныхъ качествахъ, побѣдитель при Ставучанахъ не былъ хорошимъ администраторомъ. Турецкая война, какъ и польская, служитъ прекраснымъ доказательствомъ этого. Это были удачные аргументы, и самъ Мардефельдъ, хотя у него и были причины быть довольнымъ новымъ порядкомъ, раздѣлялъ мнѣніе худшихъ враговъ фельдмаршала о его талантахъ.

„Онъ красивъ собой“,—писалъ онъ въ это время,— „очень трудолюбивъ и краснорѣчивъ; къ тому же у него большой талантъ къ воинскому дѣлу, но къ тому, которымъ онъ занимается теперь, ни малѣйшаго; вообще его умъ болѣе поверхностенъ, чѣмъ глубокъ. Его скупость, настоящая

splendida avaritia, заставила его продавать иностраннымъ государствамъ свою дружбу и свои намѣренія на вѣсъ золота. Такъ какъ онъ полный невѣжда, онъ обращается за совѣтами къ своему брату, который, несмотря на педантическую эрудицію, лишенъ и тѣни здраваго смысла“ *).

Къ его несчастію, идя по слѣдамъ Меншикова, новый премьеръ-министръ заболѣлъ, какъ онъ, въ декабрѣ и этимъ тотчасъ же воспользовались. Январскимъ указомъ, изданнымъ въ его отсутствіе, былъ назначенъ пересмотръ министерскихъ должностей, при чемъ фельдмаршалу предоставлялись военныя дѣла, а внутреннія передавались Остерману. Онъ сначала подчинился, но чувствовалъ, что и та данная ему малая власть ускользаетъ изъ его рукъ. Когда онъ являлся къ регентшѣ, она никогда не могла принимать его и отсылала его къ генералиссимусу, съ которымъ онъ могъ говорить только, какъ подчиненный съ начальникомъ. Въ мартѣ онъ попробовалъ послѣднее средство, просьбу объ отставкѣ, и одну минуту могъ льстить себя надеждой, что оно помогло. Испуганная мыслью быть покинутой человѣкомъ, помогшимъ ей сразить Бирона, Анна Леопольдовна воскликнула: она не можетъ обойтись безъ его услугъ! Но Остерманъ тотчасъ же успокоилъ ее: бывшій регентъ въ Польшѣ! И отставка была принята, дарована, въ формѣ указа, по просьбѣ фельдмаршала, ввиду его лѣтъ и болѣзни. Посланникамъ Франціи и Австріи регентша объяснила, что уволенный министръ, слишкомъ склонный покровительствовать Пруссіи, препятствовалъ ея твердому намѣренію притти на помощь вѣнскому двору **).

Торжествующій Антонъ-Ульрихъ хотѣлъ, чтобы указъ былъ объявленъ при барабанномъ боѣ; но фельдмаршалъ сильно на это разсердился и произвелъ переполохъ во дворцѣ. Вспомнили ночь 8-го ноября, и въ то время какъ, по приказанію регентши, три сенатора отправились къ раздраженному солдату съ униженными извиненіями, цѣлый полкъ шпіоновъ слѣдилъ за каждымъ его шагомъ; регентша и генералисси-

---

*) Королю, 17 декабря 1740. *Тайные берлинскіе архивы.*

**) Ла-Шетарди, 21 марта 1741; Ср. Соловьевъ, *Исторія Россіи*, XXI, 38.

мусъ каждый день мѣняли свою спальню. Они успокоились только, когда былъ готовъ домъ на Васильевскомъ Островѣ и его хозяинъ поселился въ немъ, покинувъ помѣщеніе, занимаемое имъ рядомъ со дворцомъ, и когда рѣка Нева отдѣлила его отъ тѣхъ, кто его такъ боялся. Если бы не Юлія Менгденъ, покровительствовавшая своему соотечественнику, его, можетъ быть, и совсѣмъ удалили бы.

Это тоже была революція, третья менѣе чѣмъ въ годъ: на этотъ разъ она имѣла болѣе важное значеніе, чѣмъ простые внутренніе безпорядки. Ссора двухъ нѣмцевъ была связана съ другой распрей, разыгрывавшейся между двумя Германіями—Германіей Маріи-Терезіи и Германіей Фридриха II.

Преданный Пруссіи изъ-за звонкихъ аргументовъ, Минихъ на самомъ дѣлѣ поспѣшилъ въ короткое время своего всемогущества закончить договоръ, набросанный Бирономъ. Онъ даже хотѣлъ безъ настояній со стороны Мардефельда и даже противъ его желанія послать въ помощь Фридриху двѣнадцатитысячное войско. Король ничуть не думалъ объ этомъ! Онъ не хотѣлъ командовать казаками! Минихъ считалъ честь Россіи въ томъ, чтобы одолѣть общихъ враговъ общими силами. Но какихъ враговъ? Биронъ не предвидѣлъ послѣдствій смерти Карла VI, нанесшей въ скоромъ времени сюрпризъ всей Европѣ: нашествіе прусской арміи на Силезію. И Минихъ думалъ объ этомъ не больше. Остерманъ, одинъ. въ разговорахъ съ Анной Леопольдовной упоминалъ о томъ. что теперь случилось. У Россіи было два союзника, которымъ она обязалась помогать и которые воевали другъ съ другомъ! Надо было выбирать, и паденіе Миниха и возвышеніе Остермана, главнаго устроителя союза съ Австріей, показывали. какой сторонѣ будетъ дано предпочтеніе.

Однако, Мардефельдъ не очень смутился этимъ, и обстоятельства подтвердили его оптимизмъ.

III.

Побѣдитель Бирона, Минихъ былъ побѣжденъ Остерманомъ. Ни тотъ, ни другой не имѣлъ диктаторскихъ способностей:

оба были одинаково неспособны энергично взяться за власть, даже тогда, когда эта власть колебалась въ слабыхъ рукахъ женщины безъ ума и воли. Въ произошедшемъ кризисѣ, какъ и въ предыдущихъ Анна Леопольдовна сама оказалась совсѣмъ неумѣлой въ дѣлахъ управленія, однако, ей хотѣлось управлять или по крайней мѣрѣ показывать видъ, что правитъ; ея близкіе, съ Юліей Менгденъ во главѣ, также хотѣли помогать ей, хотя бы для того, чтобы создать себѣ право на вниманіе иностранныхъ посланниковъ; въ такомъ положеніи вещей было достаточно основаній для спокойствія Мардефельда и его владыки, какъ и серьезныя опасенія за будущность Россіи.

Внутри дворца царствовала непослѣдовательность, о которой даетъ понятіе слѣдующій случай. Едва Остерманъ сумѣлъ устранить своего соперника, какъ самъ сдѣлался предметомъ серьезнаго обвиненія, исходившаго изъ спальни Юліи Менгденъ. Статскій совѣтникъ, Темирязевъ, неизвѣстно какъ проникнувъ туда, обратилъ вниманіе фаворитки на тотъ фактъ, что въ манифестѣ, составленномъ „оракуломъ" на принятіе власти регентшей, не было упомянуто о правахъ на престолонаслѣдіе ея дочерей. Важное упущеніе! Возможное указаніе на преступныя намѣренія! Въ то время, когда будущая графиня Линаръ бесѣдовала съ доносчикомъ, Анна Леопольдовна вошла неожиданно и тутъ же повелѣла Темирязеву тайно составить два манифеста, изъ которыхъ въ одномъ будетъ сказано, что по смерти царствующаго императора, въ случаѣ отсутствія братьевъ, престолонаслѣдницами должны быть его сестры, а въ другомъ, что въ такомъ же случаѣ престолонаслѣдницей будетъ его мать. Несчастный статскій совѣтникъ чуть не сошелъ съ ума, но тѣмъ не менѣе долженъ былъ заняться составленіемъ двухъ противорѣчащихъ другъ другу документовъ, выбрать между которыми помѣшало Аннѣ Леопольдовнѣ событіе, положившее конецъ ея регентству *).

Когда она не вмѣшивалась въ вопросы высшей политики или второстепенныя задачи администраціи такого рода рѣ-

---

*) Соловьевъ, *Исторія Россіи*, XXI, 56.

шеніями, она предоставляла ихъ служащимъ разныхъ ранговъ ихъ собственному вдохновенію, по поводу чего Мардефельдъ пишетъ своему государю слѣдующее:

„Нынѣшнее правительство самое мягкое изъ всѣхъ, бывшихъ въ этой монархіи. Русскіе злоупотребляютъ этимъ. Они крадутъ и грабятъ со всѣхъ сторонъ и все-таки крайне недовольны, отчасти потому, что регентша не разговариваетъ съ ними, а отчасти изъ-за того, что герцогъ Браунштейгскій слѣпо слѣдуетъ совѣтамъ нѣкоего Граматина, управляющаго его канцеляріей... и еще болѣе корыстнаго, чѣмъ отвратительный Фенинъ, бывшій секретарь Миниха“ *).

Россія Петра Великаго имѣла средства переносить такой режимъ нѣсколько времени, надѣясь на будущее. Анна и ея сообщники совсѣмъ не думали о внутренней политикѣ, тѣмъ не менѣе дѣлая видъ, что слѣдуютъ политикѣ Петра Великаго. Они дѣлали видъ, что ихъ озабочиваетъ плачевное состояніе національной промышленности, и назначили комиссію для изслѣдованія причинъ. Они посылали молодыхъ людей заграницу, чтобъ пріобрѣсти тамъ большую культурность. Но кандидаты отсутствовали. За это царствованіе удалось отыскать только трехъ, изъ которыхъ двое были нѣмцы **).

Внѣ, Европа, съ которой, имъ казалось, они живутъ на равную ногу, была болѣе требовательна. По поводу договора, подписано 16 (27) декабря 1740 г. съ Пруссіей, Минихъ получилъ кольцо въ шесть тысячъ талеровъ для жены, пятнадцать тысячъ талеровъ для сына и имѣніе въ Браденбургѣ, въ то же время какъ Юліи Менгденъ прислали изъ Берлина портретъ королевы, осыпанный брилліантами. Благодаря фельдмаршала собственноручнымъ письмомъ, Фридрихъ называлъ его „великимъ человѣкомъ“, „героемъ“ и „близкимъ другомъ“ ***); онъ, конечно, совершалъ это не даромъ. Статья о наслѣдованіи Курляндіей была измѣнена, послѣ паденія Бирона, въ томъ смыслѣ, что оставляла этотъ вопросъ открытымъ *†). На что рѣшится Анна Леопольдовна?

*) 27 іюня 1741. *Тайные берлинскіе архивы.*

**) Соловьевъ, *ук. соч.*, XXI, 50.

***) *Pol. Correspondenz*, I, 135, 186.

*†) Мартенсъ, *Сборникъ трактатовъ*, V, 317.

Ея личныя симпатіи клонились къ Австріи, особенно съ того времени, какъ Линаръ началъ руководить ими. И паденіе Миниха было встрѣчено въ Вѣнѣ, какъ побѣда, тѣмъ болѣе, что оно открывало дорогу Вельилю, который какъ разъ въ эту минуту мчался по Германіи, въ роскошномъ экипажѣ, чтобы предложить Фридриху помощь Франціи. Извѣстно, однако, что отважный соперникъ Маріи Терезіи долго заставлялъ себя просить заключить такой союзъ, ибо изъ Петербурга Мардефельдъ все посылалъ ему утѣшительныя извѣстія. Остерманъ принялъ номинально управленіе иностранными дѣлами, но Анна Леопольдовна, любившая во все вмѣшиваться, слушала Михаила Головкина, котораго можно было купить за пятьдесятъ тысячъ рублей, и Юлію Менгденъ, особу, съ которой можно было сдѣлать все, что угодно, за половину этого. Самъ генералъ-адмиралъ не былъ настолько австрійцемъ, чтобъ нельзя было надѣяться извлечь изъ него пользу, найдя только подходящія мѣры. Деньгами здѣсь нельзя было помочь, но портретъ короля и нѣсколько любезностей къ его роднымъ въ Вестфаліи чудесно подѣйствовали бы, тѣмъ болѣе, что причиной давнишней его приверженности къ Австріи было только желаніе привлечь герцога Брауншвейгскаго въ свой лагерь и уничтожить Миниха*). Въ концѣ года, агентъ Фридриха считалъ свое дѣло почти выиграннымъ. Деньги, данныя въ его распоряженіе, такъ помогли при помощи Юліи Менгденъ и другихъ ея товарищей, цѣна которыхъ была теперь хорошо извѣстна Фридриху, Анна Леопольдовна такъ запутала нити иностранныхъ дѣлъ, что правительство регентши не могло уже слѣдовать своимъ желаніямъ или дѣйствовать въ пользу Россіи. Оно не послало на помощь побѣдителю Мольвица двѣнадцатитысячнаго войска, но не могло предоставить его и въ распоряженіе Маріи Терезіи, потому что нуждалось въ немъ для собственной защиты.

Изъ Стокгольма Бестужевъ давно извѣщалъ о военныхъ приготовленіяхъ, для которыхъ, какъ онъ думалъ, присылались пособія изъ Франціи и, можетъ быть, даже изъ Прус-

---

*) 14 апрѣля и 31 октября 1741. *Тайные берлинскіе архивы.*

сіи *). Но при своемъ обычномъ оптимизмѣ, онъ считалъ ихъ слишкомъ ничтожными, чтобы возбуждать серьезныя опасенія. Онъ видѣлъ, что шведы не очень торопятся начать войну, но ошибался въ причинѣ этого. На самомъ дѣлѣ, въ Стокгольмѣ ждали новой внутренней революціи въ Россіи, которую считали благопріятной для плановъ, составленныхъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Самыя противорѣчивыя вѣсти ходили по этому поводу тогда и принимались на вѣру. Предсказывали военную демонстрацію Леси въ пользу Елизаветы! Говорили о скоромъ пріѣздѣ въ Стокгольмъ Морица Саксонскаго, который, помолвленный уже съ царевной, во главѣ русской и шведской партіи, встанетъ за ея права! Вслѣдствіе долгаго ожиданія и внѣшнихъ вліяній, настроеніе такъ разгорѣлось, что въ іюнѣ 1741 года Бестужевъ долженъ былъ сознаться, что онъ ошибся и разрывъ неизбѣженъ.

Предупрежденная своимъ агентомъ, Анна Леопольдовна могла только обратиться къ тому изъ двухъ своихъ союзниковъ, на котораго она могла разсчитывать менѣе всего, такъ какъ сама дала ему поводъ думать, что онъ не можетъ разсчитывать на нее. Она послала въ Берлинъ жалобы на будто бы оказанныя Швеціи субсидіи и даже на тѣ, которыя приписывались Франціи. Находясь наканунѣ союза съ этой последней державой, не долженъ ли былъ Фридрихъ помѣшать дѣйствіямъ ея, клонившимся къ ущербу его другой союзницы? Конечно, король говорилъ, что онъ не при чемъ. Его оскорбляли такими низкими „клеветами". Онъ хотѣлъ, чтобы „талеръ, который данъ шведамъ, сжегъ мою душу", и почти гарантировалъ такой же нейтралитетъ со стороны версальскаго двора **). Мы знаемъ теперь, что надо объ этомъ думать. Открытіе военныхъ дѣйствій между Россіей и Швеціей было однимъ изъ условій, предъявленныхъ Фридрихомъ, для осуществленія союза съ Франціей. Въ іюнѣ 1741 г. онъ категорически объявилъ Валори, что не исполнитъ своего обѣщанія, если шведы сейчасъ же не начнутъ кампанію ***), и

---

*) См. его донесенія у Соловьева, *Исторія Россіи*, XXI, 80—5.

**) Браккель, русскій посолъ въ Берлинѣ, 13 сентября 1741. См. Мартенсъ, *Сборникъ трактатовъ*, V, 335.

***) *Pol. Correspondenz*, I, 265, примѣчаніе.

угроза подѣйствовала, война была объявлена 28 іюля. Предлогомъ къ разрыву было несоблюденіе Россіей статьи 7-й Нейштадтскаго трактата, заключавшей обѣщаніе не вмѣшиваться во внутреннія дѣла сосѣдки, убійство Сенъ-Клера и нѣсколько менѣе важныхъ вещей.

Хотя вполнѣ застигнутая врасплохъ, Россія, благодаря слабости и неподготовленности враговъ, побѣдоносно вынесла первый натискъ. Далеко не сочувствуя ихъ предпріятію, какъ они думали, Леси, вмѣстѣ съ Кейтомъ, побѣдилъ въ виду Вильманстранда генерала Врангеля и взялъ его въ плѣнъ. Но тотчасъ же, возвратившись въ Петербургъ, оба русскихъ генерала объявили, что не могутъ предпринять зимній походъ, который собирался начать главнокомандующій шведскими войсками, Левенгауптъ. Какъ въ Крыму, недостатокъ провіанта составлялъ препятствіе для продолжительныхъ кампаній. Мѣры Петра Великаго, по устройству складовъ, оставались мертвой буквой. Не было даже провіантмейстера *).

Анна Леопольдовна снова обратилась въ Берлинъ; наивно она напомнила объ обязательствахъ новаго договора—помогать другъ другу, чѣмъ дала поводъ Фридриху посмѣяться надъ ея агентомъ. Великая Россія можетъ легко справиться съ маленькой Швеціей, утверждалъ король. Когда русскій посланникъ, Браккель, заговорилъ о заключеніи мира съ Австріей и выпадѣ противъ Франціи, такъ какъ въ Петербургѣ не предполагали, что Пруссія питаетъ къ ней искреннія симпатіи, Фридрихъ сказалъ:

„Да, да, я поневолѣ въ союзѣ съ Франціей, но не могу бросить ее теперь, не подвергая опасности мои владѣнія въ Клевѣ и Вестфаліи“.

Неудовлетворенные съ этой стороны, регентша и ея совѣтники не могли разсчитывать на союзъ съ Австріей. Марія Терезія была очень занята борьбой со своимъ ужаснымъ противникомъ. Оставалась Англія. Послѣ вторженія Фридриха въ Силезію, настроеніе этой державы стало болѣе благопріятно для Россіи. Главнаго препятствія къ политическому сближенію, заключавшагося прежде въ симпатіяхъ петербург-

---

*) Соловьевъ, *Исторія Россіи*, XXI, 90.

скаго двора къ Стюартамъ, болѣе не существовало. „Шевалье Сенъ-Жоржъ“ поддерживалъ тайную корреспонденцію, на которую онъ возлагалъ большія надежды, но получаемые имъ отвѣты становились все безцвѣтнѣе *). Постоянныя колебанія внутренней политики Россіи помѣшали переговорамъ, начавшимся было при пріѣздѣ въ іюнѣ 1740 года Финча. Послѣ паденія Миниха, поднимался проектъ союза Англіи, Россіи, Австріи и Саксоніи. Стремительность Фридриха и его первые успѣхи заставили Англію отступить назадъ, хотя она уже соглашалась подписать договоръ, связывавшій ее съ Австріей. Тѣмъ болѣе, она была склонна заключить союзъ съ Россіей и 3 (14) апрѣля 1741 г. Финчъ подписалъ дружескій договоръ объ оборонительномъ союзѣ, который долженъ былъ продолжаться двадцать лѣтъ и обязывалъ заключившія его державы помогать другъ другу двѣнадцатью военными кораблями съ одной стороны, на другой—двѣнадцатитысячнымъ войскомъ. Тайная статья обязывала Россію доставить эту помощь даже въ настоящую войну съ Испаніей, если другія державы въ нее вмѣшаются **).

Итакъ, въ Петербургѣ надѣялись получить помощь этой эскадрой, которую третья союзница не преминетъ послать къ шведскимъ берегамъ. Князь Щербатовъ получилъ приказъ просить ея немедленной отправки. Его вѣжливо отослали къ статьямъ недавняго договора который, впрочемъ, русское правительство забыло ратифировать. Мы до сихъ поръ не знаемъ, состоялась ли когда-нибудь эта ратификація,—столько было безпорядка въ царствованіе Анны въ дипломатической канцеляріи, какъ, впрочемъ, и въ другихъ вѣдомствахъ ***)! Англійское правительство было право: оно говорило Щербатову: „Прочтите статьи! Вы увидите въ нихъ, что мы ни къ чему не обязаны во время нашей войны съ Испаніей“. Все, чего могъ добиться русскій посланникъ, такъ только обѣщанія посредничества въ Версалѣ о томъ,

---

*) Мартенсъ, *Сборникъ трактатовъ*, IX, 62 и сл.

**) Мартенсъ, *ibid.* IX, 93. Корреспонденція Финча, Сборникъ, LXXXV, 469 и сл.

***) *Ibid.*

чтобъ Францiя такъ же воздержалась отъ посылки флота въ Балтiйское море.

Развѣ Россiя воевала съ Францiей? Нѣтъ. Ла-Шетарди оставался въ Петербургѣ и Кантемиръ искренне предлагалъ Флери сговориться относительно осуществленiя договора.

— Но мы его не гарантировали!

— А вашъ октябрьскiй трактатъ 1735 года съ Карломъ VI?

— Императоръ не ратифировалъ этотъ трактатъ и даже старался помѣшать ему на Ратисбонскомъ сеймѣ.

Кардиналъ подражалъ Фридриху, мистифицируя бѣднаго дипломата. Но въ iюнѣ 1741 г. Анна Леопольдовна и его поставила въ тяжелое положенiе, серьезно приказывая ему предложить Флери оборонительный союзъ *).

Она стучалась во всѣ двери. Въ своемъ незнанiи окружающей ее дѣйствительности, она разсчитывала даже на Данiю, которая была тоже союзницей! Весной 1741 г. Корфъ, ея посланникъ въ Копенгагенѣ, утверждалъ, что этотъ дворъ тайно побуждалъ стокгольмскiй къ войнѣ, какъ по ненависти къ Россiи, такъ и изъ-за подчиненiя Францiи. А когда война разразилась, онъ слышалъ только извиненiя: „Все было сдѣлано, чтобы предупредить конфликтъ; ничего нельзя сдѣлать, чтобы измѣнить его послѣдствiя; шведскiй флотъ занималъ Балтiйское море, а французская армiя находилась у границъ Ольденбурга“! **)

Кругъ враждебныхъ элементовъ расширялся, сжимая со всѣхъ сторонъ бѣдную регентшу. Даже въ Константинополѣ Францiя и Швецiя не безъ успѣха старались возбудить враждебное настроенiе. Россiя запоздала съ исполненiемъ мирнаго договора, заключеннаго Вильневымъ, который обязывалъ ее уничтожить Азовъ. Румянцевъ, замѣнившiй Неплюева на берегахъ Босфора, правда, просилъ не торопиться. У Порты были другiя заботы; она дрожала передъ ужаснымъ персидскимъ шахомъ, Надиромъ, завоевателемъ Индiи. Но вдругъ отношенiя послѣдняго, казалось, сдѣлались угрожающими для

---

*) Соловьевъ, *ук. соч.*, XXI, 113.

**) *Ibid.*, XXI, 104.

самой Россіи. Калушкинъ, представитель при его дворѣ маленькаго Ивана III, доносилъ, что тамъ извѣстны внутренніе безпорядки и внѣшнія опасности, съ которыми сражались наслѣдники Петра Великаго, и хотятъ ими воспользоваться. „Скверная страна“,—будто бы сказалъ онъ,—„ты не стоишь такого государя, какъ я! Если-бъ мы подняли оружіе, намъ легко было бы завоевать теперь всю Россію“.

Анна Леопольдовна и ея совѣтники испугались и, по строгому приказанію, Румянцевъ долженъ былъ подписать 27 августа 1741 г. конвенцію, въ силу которой, за признаніе императорскаго титула, Россія обязывалась немедленно уничтожить Азовъ *).

Это былъ еще почти успѣхъ. Другихъ уже не было въ царствованіе Ивана III. Уже само по себѣ опасное, столкновеніе съ Швеціей, на самомъ дѣлѣ, представляло для правленія регентши, не сознававшаго этого, большую опасность внутренняго порядка, грозившую его существованію, и дѣйствительно, вскорѣ уничтожившую его.

---

*) Соловьевъ, XXI, 99.

ГЛАВА XIV.

Елизавета.

I. Легенда и исторія.—Предполагаемое участіе Франціи и національнаго элемента въ декабрьскомъ переворотѣ 1741. г.—Дѣйствительность.—Молодость Елизаветы.—Воспитаніе.—Крылья подрѣзаны.—Первая любовь.—Венера и Минерва.—Первое тщеславіе.—Удаленіе.—Одиночество.—Темныя связи.—Предполагаемый бракъ.—Алексѣй Разумовскій.—Видимый упадокъ. II. Движеніе въ казармахъ въ пользу царевны.—Причины его.—Его агенты.—Салтыкова.—Преобладаніе иностранныхъ элементовъ въ организаціи заговора.—Шварцъ.—Грюнштейнъ.—Роль хирурга Лестока.—Цитерскія тайны.—Переписка Мардефельда и Фридриха II по этому поводу. III. Сношенія Елизаветы съ Франціей и Швеціей.—Призывъ къ помощи первой.—Уклончивый отвѣтъ Ла-Шетарди, одобренный его правительствомъ.—Попытки Нолькена.—Онъ предлагаетъ помощь шведской арміи.—Перемѣна въ Версалѣ, основанная на союзѣ противъ Австріи.—Приказъ Ла-Шетарди способствовать этому.—Нолькенъ проситъ у Елизаветы письменнаго приказа и отказа отъ завоеваній Петра Великаго.—Нерѣшительность царевны.—Отступленіе.—Отъѣздъ Нолькена.—Отставка Ла-Шетарди.—Швеція неожиданно объявляетъ войну Россіи.—Отсутствіе единенія.—Ни плана, ни направленія.—Скупость Ла-Шетарди.—Елизавета считаетъ себя покинутой.—Попытка сватовства принца Конти.—Отказъ Елизаветы.—Неудача заговора. IV. Неожиданное совпаденіе обстоятельствъ ускоряетъ развязку.—Бурныя встрѣчи въ Зимнемъ дворцѣ.—Лестокъ, покинутый Елизаветой.—Приказъ объ отправленіи, данный гвардейцамъ.—Рѣшительный поступокъ.—Новыя просьбы о деньгахъ у Ла-Шетарди.—Отказъ.—Революція „*безъ Франціи*“ V. Ночь 4 декабря.—Собраніе въ домѣ Елизаветы.—У Преображенцевъ.—По дорогѣ къ Зимнему дворцу.—Покушеніе.—Бывшій императоръ на рукахъ новой императрицы.—Заключеніе.

I.

Событіе, о которомъ я упомянулъ, считается однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ въ исторіи и дало поводъ къ массѣ ком-

ментаріевъ. Малѣйшія подробности его установлены по такимъ достовѣрнымъ свидѣтельствамъ и такъ подробно обрисованы, что мое намѣреніе разсказать здѣсь о немъ покажется напраснымъ. Тѣмъ болѣе, что у меня нѣтъ новыхъ документовъ. Берлинскіе архивы, которые я могъ осмотрѣть въ этомъ отношеніи первымъ, вполнѣ согласуются съ парижскими архивами или исчерпаны до меня. Мое извиненіе въ томъ, что мои предшественники не вполнѣ примѣнили свои знанія. По крайней мѣрѣ, въ двухъ случаяхъ: во-первыхъ—въ участіи Франціи и ея представителя въ Петербургѣ Ла-Шетарди въ переворотѣ въ декабрѣ 1741 г., положившемъ конецъ царствованію Ивана III, возведя на престолъ дочь Петра Великаго, и во-вторыхъ—въ роли національнаго элемента въ этомъ событіи,—я думаю, они вполнѣ ошибаются. Я даже увѣренъ въ этомъ именно, въ виду отсутствія противорѣчащихъ данныхъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія. Истина очевидна! Но почему же ее затемняли?

Откуда идутъ всѣ легенды? Созданіе адюльтера, онѣ обыкновенно не имѣютъ ни отца, ни матери. Однако, кое-какія предположенія можно сдѣлать. Имѣвшій выгоду отъ переворота, былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы придать этому, самому обыкновенному заговору—между спальней и казармой, болѣе торжественный и приличный видъ, и для этого воспользоваться престижемъ Франціи и русскими патріотическими чувствами. Нѣкоторые современники были обмануты, другіе сознательно поддерживали выдумку, и легенда появилась на свѣтъ Божій. Она шла своимъ путемъ; въ настоящее время получила гражданское существованіе: „Легенда такая пріятная! Молодая, прекрасная и страстная цесаревна, возведенная на престолъ народнымъ теченіемъ, при поддержкѣ тридцатилѣтняго посла и восьмидесятилѣтняго кардинала“,—богатая тема! Но въ этомъ уголкѣ прошедшаго, куда мы собираемся проникнуть, не кажется ли вамъ, что романъ игралъ уже достаточную роль? Къ тому же легенды живучи. Я, вѣроятно, не убью и эту. Поэтому позвольте мнѣ окончить мою книгу, какъ я ее началъ, съ единственной заботой объ истинѣ.

Родившаяся 19 декабря, 1709 года,—въ памятный день

для ея отца, который, возвращаясь въ Москву послѣ Полтавы, велъ за собой длинный кортежъ шведскихъ плѣнниковъ, Елизавета была въ тѣхъ лѣтахъ, когда, если оно не получила удовлетвореніе, честолюбіе имѣетъ обыкновеніе засыпать навсегда.

Она, дѣйствительно, давно дала ему заснуть. Дѣятельная или, по крайней мѣрѣ, оживленная при Петрѣ II, при Аннѣ Іоанновнѣ она должна была сдерживать свою живость и постепенно дошла до равнодушія, которому способствовало злоупотребленіе удовольствіями. Образованія она не получила. Ея мать, „по важнымъ причинамъ“, какъ она говорила, заботилась о томъ, чтобъ она говорила по-французски и хорошо танцовала менуэтъ. Причины эти извѣстны. Менуэтъ долженъ былъ произвести впечатлѣніе въ Версалѣ, а Екатерина думала, что большаго и нельзя требовать отъ принцессы. Предоставленная себѣ, царевна не думала восполнить это воспитаніе. Она никогда не читала, проводила время въ охотѣ, верховой и лодочной ѣздѣ и въ заботахъ о своей красотѣ, хотя и дѣйствительной, но грубоватой. Ея лицо, съ нѣсколько неправильными чертами, украшали прекрасные глаза, раздѣленные короткимъ, толстымъ и приплюснутымъ носомъ, который она не выносила на своихъ портретахъ. Шмидтъ, знаменитый граверъ, долженъ былъ поэтому измѣнить его на картинѣ Токэ *), и по этой же причинѣ она никогда не позволяла рисовать себя въ профиль. Но она была хорошо сложена, у нея была хорошенькая ножка, свѣжее тѣло, цвѣтъ лица ослѣпительный, волосы, которые она не пудрила, прекраснаго, рыжаго оттѣнка, отъ всей ея особы вѣяло любовью и сладострастьемъ. Въ юности, въ костюмѣ итальянской рыбачки,—въ бѣломъ лифѣ, въ очень короткой красной юбкѣ, въ маленькой шляпкѣ, съ крыльями за плечами—молодыя дѣвушки тогда носили ихъ до 18 лѣтъ, и позже, когда надѣвала мужской костюмъ, который она любила, такъ какъ онъ выдѣлялъ ея полную, изящную фигуру, она была неотразима. Она возбуждала мужчинъ, очаровывала ихъ своей живостью и веселостью. „Всегда въ движеніи“,

---

*) Ровинскій, *Словарь гравированныхъ портретовъ*, IV, 377.

говорилъ саксонскій уполномоченный Лефортъ, „безпечная, остроумная, насмѣшливая. Казалось, что она родилась для Франціи“, добавлялъ онъ, „ибо любила фальшивый блескъ“ *).

Въ январѣ 1722 г. въ день ея совершеннолѣтія, по обычаю, передъ большимъ собраніемъ, Петръ ножницами обрѣзалъ ей крылья **). Ангелъ сталъ женщиной. Мужчинамъ не нуженъ былъ символъ, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Заранѣе, какъ увѣряютъ, сойдясь со своимъ женихомъ, бѣднымъ Карломъ Августомъ Голштинскимъ, она развратила Петра II и обманывала его съ красавцемъ Бутурлинымъ. Ее называли „Венерой“, въ противоположность сестрѣ царя, серьезной и долгое время добродѣтельной, Наталіи Алексѣевнѣ, которую звали „Минервой“. Покинутая племянникомъ, которому она на это дала много поводовъ, „Венера“ стала просто равратничать, „дѣлая“,—какъ писалъ Лирія,—„съ безстыдствомъ вещи, которыя заставляютъ краснѣть даже наименѣе скромныхъ“ ***), собравъ въ своемъ домѣ въ Александровской слободѣ (знаменитой уже со временъ Іоанна Грознаго, производившаго тамъ ужасныя вещи), самое дурное общество; потомъ когда Анна заставляла ее слѣдовать за ней въ Петербургъ, она продолжала дѣлать то же въ отдаленной окраинѣ города, въ домикѣ совсѣмъ маленькомъ. Она тамъ жила тихо, почти бѣдно, въ постоянной нуждѣ, окруженная шпіонами. Въ 1735 г., заключили въ тюрьму одну изъ ея прислужницъ, обвинивъ въ томъ, что она дурно говорила о Биронѣ. Слѣдствіе, наказаніе кнутомъ и ссылка въ монастырь. Было одно время намѣреніе подвергнуть тому же и царевну. Она одѣвалась очень просто, обыкновенно въ платье изъ бѣлой тафты, на темной подкладкѣ, „чтобы не дѣлать долговъ“,—говорила она впослѣдствіи Екатеринѣ II, „потому что если бы я дѣлала долги, я могла погубить свою душу; если-бъ я умерла, никто не заплатилъ бы моихъ долговъ и я попала бы въ адъ, а этого я не хотѣла“. Но платье изъ бѣлой тафты, съ черной подкладкой, должно было напоми-

---

*) Weber, *Graf von Sachsen*, 92.

**) Михневичъ, *Русская женщина въ XVIII вѣкѣ*, 1895, стр. 121.

***) *Восемнадцатый вѣкъ*, II, 103.

нать также о вѣчномъ траурѣ и служить знаменемъ. Ея родственники, эта ужасная семья литовскихъ мужиковъ,—три дяди, двѣ тетки,—присвоившіе себѣ аристократическія имена и титулы, но нуждавшіеся и испытывавшіе презрительное отношеніе Анны, доставляли ей заботы и огорченія. Она воспитывала на свой счетъ двухъ дочерей Карла Скавронскаго, старшаго брата Екатерины I, и хотѣла выдать ихъ замужъ *). Аристократія презирала ее, какъ за незаконность ея рожденія, такъ и за ея привязанности. Чтобы имѣть какое-нибудь общество, она принуждена была опускаться все ниже и ниже, слѣдуя въ этомъ, какъ дочь скромной служанки, своимъ природнымъ наклонностямъ.

Вотъ что называли ея популярностью.

Въ Александровской Слободѣ она обращалась, какъ съ подругами, съ деревенскими дѣвушками, каталась съ ними на саняхъ, или, между двумя оргіями, угощала ихъ орѣхами и маковниками, принимала участіе въ ихъ пляскахъ и пѣсняхъ. Въ Петербургѣ она открыла свой домъ гвардейскимъ солдатамъ. Она дѣлала имъ мелкіе подарки, крестила у нихъ дѣтей и кружила имъ головы вызывающими улыбками и „глазками". „Ты кровь Петра Великаго!"—говорили они ей; но она давала имъ понять, что въ ея жилахъ течетъ кровь бывшей прачки, служившей утѣхой старымъ солдатамъ подъ стѣнами Маріенбурга.

Она очень рѣдко показывалась въ публикѣ, въ торжественныхъ случаяхъ, и держала себя тогда серьезно и грустно, съ видомъ молчаливаго протеста, ясно показывавшаго, что она не отреклась отъ своихъ правъ. Это можно было угадать и по нѣкоторымъ поступкамъ, внушеннымъ ей, безъ сомнѣнія, окружающими, потому что у нея никогда не было инидіативы. Она посѣтила несчастнаго Лопатинскаго, извлеченнаго Анной Леопольдовной изъ тюрьмы, гдѣ его уже считали умершимъ.

— Узнаешь ты меня?

Разбитый долгимъ заключеніемъ, старикъ нѣкоторое вре-

---

*) *Архивъ Воронцова*, I, 27.

мя старался припомнить, затѣмъ выпрямился съ радостнымъ выраженіемъ.

— Ты искра Петра Великаго!

Она оставила ему триста рублей, и объ этомъ говорили по церквамъ и монастырямъ *).

Тѣмъ не менѣе она оказалась покинутой и уже полузабытой. Она оставалась красивой, но полнѣла, и англійскій посолъ Финчъ говорилъ, вспоминая слова Цезаря у Шекспира, что „Елизавета слишкомъ полна, чтобы быть заговорщицей“ **). Ее считали уже замужемъ за Алексѣемъ Разумовскимъ, крестьяниномъ-малороссомъ, замѣченнымъ ею въ хорѣ Анны Іоанновны, въ которомъ онъ пѣлъ. И, очевидно, послѣдній не былъ человѣкомъ, который былъ ей нуженъ, чтобы выйти изъ пассивной, лѣнивой неподвижности, благодаря которой, она, по словамъ Ла-Шетарди, „была робка въ самыхъ простыхъ поступкахъ“ ***). Красавецъ, послѣ выпивки, иногда буйствовалъ, но это ограничивалось только сокрушеніемъ мебели. Входя вмѣстѣ съ нимъ въ близкій кружокъ царевны, братья Шуваловы, Александръ и Иванъ, тоже значили не больше, а Михаилъ Воронцовъ, женатый на одной изъ Скавронскихъ, былъ олицетворенная сдержанность и вмѣстѣ съ тѣмъ осторожность.

Во время своего всемогущества, регентъ Биронъ какъ будто хотѣлъ приблизить свое солнце въ этой затуманившейся звѣздѣ, и это произвело нѣкоторое волненіе, какъ между приверженцами, такъ и между врагами цесаревны. Послѣ, казалось, она искала сближенія съ находившимся въ немилости Минихомъ, и сторонники Антона-Ульриха получили приказъ арестовать эксъ-министра, если увидятъ его выходящимъ отъ Елизаветы. Говорятъ, онъ посѣщалъ ее переодѣтымъ. Но свиданія не имѣли видимыхъ послѣдствій. Минихъ прежде совѣтовалъ Бирону заточить цесаревну; она, повидимому, не забыла этого, и всѣ понимали, что съ этой стороны нечего бояться и не на что надѣяться. А однако, го-

---

*) Соловьевъ, *Исторія Россіи*, XXI, 52.

**) Сборникъ, XCI, 107.

***) 19 ноября 1740.

товилось событіе, которому суждено было разсѣять эти предположенія,—впрочемъ не въ кабинетѣ Ла-Шетарди.

II.

При отсутствіи среди приближенныхъ цесаревны человѣка, способнаго дать ей вмѣстѣ съ сознаніемъ роли, которую она можетъ играть, и средства для осуществленія этихъ стремленій, въ болѣе отдаленныхъ сферахъ было много людей, волновавшихся и возмущавшихся ея бездѣятельностью. Гвардейскія казармы волновались. Уже нѣсколько мѣсяцевъ, испытавъ ихъ мужество и готовность служить, устроители государственныхъ переворотовъ и своихъ дѣлъ пробудили ихъ собственное честолюбіе, но не удовлетворяли ему. Гвардейцы готовы были помочь, потому что дѣло нравилось имъ само по себѣ, придавая имъ значеніе и случай требовать наградъ; но каждый разъ у нихъ было чувство, что было бы безконечно лучше, если бы ими пользовались не Биронъ, Минихъ или Антонъ-Ульрихъ. И не потому, чтобы среди нихъ было сильно развито національное чувство. Между гвардейцами было очень много иностранцевъ—даже простыхъ солдатъ. Но тѣ иностранцы, которые, ссорясь между собой, проявляли притязанія командовать ими и управлять Россіей, не имѣли въ ихъ глазахъ ничего симпатичнаго и внушительнаго. Биронъ и Минихъ оплошали, первый попался какъ дуракъ въ западню, а второго прогнали, какъ лакея, а самъ Антонъ-Ульрихъ, отецъ императора и генералиссимусъ, покрылъ себя позоромъ между Юліей Менгденъ и Линаромъ. Анна Леопольдовна не была зла; они легко простили бы ей ея интимную жизнь: но они никогда не видали ее. Она запиралась съ фаворитомъ и фавориткой. Такъ какъ теперь государя мѣняли, какъ сорочку, они предпочли бы Елизавету, не потому, что она была „искрой Петра Великаго", но потому, что она оставалась доступна всѣмъ, привѣтлива и снисходительна; потому что та мрачная жизнь, которою другіе заставляли жить Россію, безъ сомнѣнія, стала бы веселой, какъ глаза царевны, не говоря о томъ, что эти глаза сулили

наиболѣе предпріимчивымъ. Воспоминаніе о Шубинѣ преслѣдовало воображенія, и разсказы, ходившіе о немъ, больше сдѣлали для успѣха дочери побѣдителя при Полтавѣ, чѣмъ его слава.

Здѣсь образовался очагъ страстныхъ желаній и горячихъ домогательствъ, распространяя свое пламя даже въ нѣкоторые полки. Слышались крики: „Развѣ никто не хочетъ предводительствовать нами въ пользу матушки?“ Они такъ фамильярно звали Елизавету *). Одна ея пріятельница, Салтыкова, урожденная Голицына, по своему служила въ этой же средѣ дѣлу цесаревны. Казармы Преображенскаго полка касались ея дома, и она такъ усердно посѣщала ихъ, по свидѣтельству Мардефельда, что ей случалось уносить оттуда ощутительныя воспоминанія **).

Такимъ образомъ родился заговоръ, если можно дать это имя опрометчивому стремленію нѣсколькихъ лицъ сойтись для общей цѣли, но безъ яснаго выработаннаго плана, безъ опредѣленной программы дѣйствія. Чтобы установить это необходимое единеніе, два темныхъ агента—одинъ изъ числа слугъ цесаревны, другой изъ войска—воспользовались послѣднимъ моментомъ; но уже однихъ ихъ фамилій достаточно, чтобы судить о національномъ и патріотическомъ характерѣ, который мѣстные историки до сихъ поръ придаютъ дѣлу, которое они затѣяли: они оба были иностранцы! Даже самую Елизавету не считали сторонницей чувствъ, приписываемыхъ по этому поводу. Въ сентябрѣ 1727 г., желая выдать ее замужъ за маркграфа Бранденбургскаго, Мардефельдъ писалъ: „Она вполнѣ нѣмка по духу и хочетъ только уѣхать отсюда“ ***). Двое посредниковъ, роль которыхъ я долженъ выяснить, не имѣли никакого отношенія къ французскому посольству. Благодаря нѣсколькимъ разговорамъ, которые она могла поддержать на языкѣ Расина, Елизавета тотчасъ же оказалась находящейся съ королевскимъ посломъ на короткой ногѣ. Разъ Анна Леопольдовна имѣетъ поддержку въ Австріи,

---

*) Соловьевъ, *Исторія Россіи*, XXI, 126.

**) Королю, 6 февраля 1742. *Тайные берлинскіе архивы.*

***) Сборникъ, XV, 383.

не должна ли была Францiя поддержать царевну, которую гвардейцы выставляли соперницей правительницы? Съ тактомъ и ловкостью, которые наименѣе способныя женщины умѣютъ вносить въ подобныя дѣла, царевна старалась поддержать и развить это впечатлѣнiе,—такъ какъ это создавало декорацiю, вызывало уваженiе. Но надзоръ надъ нею и ея робость, преувеличивавшая опасности, помѣшали ей, какъ мы увидимъ, продолжать это сближенiе, между тѣмъ какъ болѣе или менѣе основательныя опасенiя со стороны Ла-Шетарди помѣшали ей извлечь больше выгоды. Важнѣе, дѣйствительнѣе и рѣшительнѣе въ подготовкѣ государственнаго переворота была роль Шварца и Лестока. Въ осуществленiи его на первомъ планѣ фигурируетъ третiй иностранецъ. Дрезденскiй еврей, бывшiй маклеръ и ювелиръ, а теперь гвардейскiй солдатъ, по имени Грюнштейнъ.

Шварцъ былъ нѣмецъ, капитанъ пѣхотнаго полка, который, поступивъ на русскую службу, выдалъ себя за инженера и работалъ въ качествѣ таковаго на докахъ. Я уже упоминалъ о Лестокѣ. Онъ уже давно состоялъ врачомъ при Елизаветѣ. Отецъ его, уроженецъ Шампаньи, называлъ себя двoряниномъ: Л'Эстокъ Л'Эльвекъ. Покинувъ Францiю при отмѣнѣ Нантскаго эдикта, онъ поселился въ Германiи, гдѣ сначала былъ цырюльникомъ, затѣмъ лѣкаремъ при дворѣ Георга-Вильгельма, послѣдняго герцога Брауншвейгъ-Цемескаго. Родившiйся въ 1692 г., сынъ его прiѣхалъ искать въ 1713 г. счастья въ Россiю. Петръ Великiй оцѣнилъ его хирургическiя способности и живой умъ, но онъ имѣлъ несчастiе не понравиться Крамеръ, которая приписала ему нехорошiя рѣчи объ отношенiяхъ царя къ его денщику Бутурлину. Лестокъ отдѣлался ссылкой въ Казань, откуда его поспѣшила вернуть Екатерина I, назначивъ его къ шестнадцатилѣтней Елизаветѣ, хотя и знала его глубокую безнравственность. Положенiе, которое онъ занималъ около царевны, выяснилось только послѣ декабрьскихъ событiй 1741 г., когда Мардефельдъ послалъ своему государю результатъ лично добытыхъ имъ свѣдѣнiй по этому поводу, которыя онъ собиралъ очень усердно и съ удовольствiемъ. Мы не имѣемъ возможности раздѣлить это удовольствiе, такъ какъ авторъ сообщенiя,

гарантируя себя отъ позднѣйшаго разоблаченія, просилъ, чтобы получившій его письмо „отдать въ жертву Вулкану“ подробности, которыя онъ находилъ нужнымъ послать ему „о жертвахъ, принесенныхъ на другихъ алтаряхъ, благодаря стараніямъ франко-нѣмецкаго хирурга“. Фридрихъ II не исполнилъ этой просьбы; можетъ быть, мнѣ слѣдовало бы принять ее къ свѣдѣнію—изъ уваженія къ моимъ читателямъ. Но можетъ быть, меня не извинили бы, если бы я не познакомилъ ихъ съ этимъ образчикомъ дипломатической переписки, содержавшей, вполнѣ вѣрно, всю квинтъ-эссенцію современной исторіи. Тѣмъ не менѣе я все же счелъ необходимымъ сдѣлать кое-какія купюры, оставляя все прочее на совѣсти писавшаго. Вотъ текстъ:

„Особа, о которой идетъ рѣчь (Елизавета), соединяетъ въ себѣ большую красоту, чарующую грацію и необыкновенно много пріятнаго ума и набожности, при чемъ исполняетъ внѣшніе обряды съ безпримѣрной точностью. Но, зачатая подъ роковымъ созвѣздіемъ, т. е. въ самую минуту нѣжной встрѣчи Марса съ Венерой... она ежедневно по нѣсколько разъ приноситъ жертву на алтарь матери любви и значительно превосходитъ набожными дѣлами супруга императора Клавдія и Сигизмунда. Первымъ жрецомъ, отличеннымъ ея, былъ подданный Нептуна, простой матросъ прекраснаго роста... Теперь эта важная должность не занята въ продолженіи двухъ лѣтъ; до того ее исполняли жрецы, не имѣвшіе особаго значенія. Наконецъ, ученикъ Аполлона съ громовымъ голосомъ, уроженецъ Украйны... былъ найденъ, и должность засіяла съ новымъ блескомъ. Не щадя силъ и слишкомъ усердствуя, онъ сталъ страдать обмороками, что побудило однажды его покровительницу отправиться въ полномъ дезобилье къ Гипократу просить его оказать быструю помощь больному. Заставъ лѣкаря въ постели, она сѣла на постель и упрашивала его встать. Онъ, напротивъ, сталъ приглашать ее... позабавиться. Въ своемъ нетерпѣніи помочь другу сердца, она отвѣчала съ гнѣвомъ: „Самъ знаешь, что не про тебя печь топится!..“ „Ну“,—отвѣтилъ онъ грубо, — „развѣ не лучше бы тебѣ заняться со мной, чѣмъ съ такими подонками?“ Но разговоръ этимъ ограничился. Онъ повиновался.

Я узналъ эти подробности отъ человѣка присутствовавшаго при этомъ фарсѣ!..“ *).

Націонализмъ или патріотизмъ всѣхъ этихъ людей—нелѣпость, какую рѣдко можно встрѣтить даже въ тайныхъ углахъ, гдѣ живутъ всякія сказки.

Я перехожу къ организаціи заговора,—если таковой существовалъ,—основываясь для возстановленія фактовъ на донесеніяхъ маркиза Ла-Шетарди, контролируемыхъ донесеніями,—до сихъ поръ оставляемыхъ безъ вниманія—получавшимся въ то же время версальскимъ кабинетомъ изъ Стокгольма. Ихъ вполнѣ достаточно для провѣрки достовѣрности фактовъ; именно чтобы доказать, что участіе Франціи въ этой авантюрѣ существовало только въ проектѣ, и что—вопреки господствующему мнѣнію—этотъ самый проектъ не исходилъ отъ молодого представителя французской дипломатіи въ Петербургѣ.

III.

Маркизъ Ла-Шетарди прибылъ на свой настоящій постъ въ 1739 г. въ качествѣ представителя, что, кажется, подходило къ нему. Ограничившіяся первоначально обмѣномъ любезностей, его отношенія къ Елизаветѣ приняли болѣе близкій характеръ только въ ноябрѣ 1740 г., послѣ паденія Бирона, унесшаго у царевны нѣсколькихъ новыхъ иллюзій. Тогда она послала къ нему Лестока, подъ большимъ секретомъ, чтобы выразить ему сожалѣніе, что не можетъ принимать его у себя. Тогда съ недовѣріемъ относились къ ней и къ лицамъ, бывавшихъ у нея. Ла-Шетарди отвѣтилъ уклончиво. Ему казалось, что онъ имѣетъ причины недовѣрять царевнѣ, такъ какъ считалъ ее въ хорошихъ отношеніяхъ съ Анной Леопольдовной, сторонницей Австріи. Но, къ великому его изумленію, Лестокъ говорилъ съ нимъ о паденіи Бирона съ сожалѣніемъ. Цесаревна лишилась всего съ потерей его. И тотчасъ же онъ обратилъ вниманіе на тѣ на-

---

*) Мардефельдъ королю, 28 декабря 1742. *Секретнѣйше.*

дежды, которыя могла возбуждать могущественная партія, которой располагала въ народѣ дочь Петра Великаго и ея племянникъ, герцогъ Голштинскій. Маркизъ не былъ ни убѣжденъ, ни даже не спѣшилъ узнать мнѣніе своего двора о подобномъ намекѣ. Онъ не посылалъ курьера. Еще менѣе желалъ онъ завести съ самой Елизаветой разговоръ о такомъ щекотливомъ предметѣ *). Онъ удовольствовался тѣмъ, что сообщилъ объ этомъ въ очередномъ докладѣ и ждалъ событій, по его мнѣнію, вовсе не обѣщавшихъ осуществленія рискованныхъ надеждъ Лестока или его возлюбленной.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ шведскій посолъ, Нолькенъ, въ свою очередь, озадачилъ его открытіемъ еще болѣе щекотливаго свойства. Онъ говорилъ, что получилъ приказаніе покровительствовать, по своему выбору, партіи герцога Курляндскаго, партіи Анны Леопольдовны или партіи Елизаветы и располагалъ для этого ста тысячами червонцевъ. Онъ рѣшилъ ихъ употребить въ пользу царевны и обратился къ своему французскому коллегѣ, спрашивая, какъ ихъ наиболѣе выгодно употребить въ соотвѣтствующемъ направленіи.

Сначала Ла-Шетарди испугался. Теперь дѣло шло уже не объ однѣхъ надеждахъ, но и о заговорѣ, для осуществленія котораго Нолькенъ возлагалъ надежды на переговоры, возникшіе между царевной и нѣсколькими гвардейцами и нѣсколькими незначительными чиновниками. И представителю всехристіаннѣйшаго короля предлагали сдѣлаться сообщникомъ? Это безуміе! Однако, сто тысячъ червонцевъ заставляли задуматься. Не въ обычаяхъ, да и не въ средствахъ Швеціи было производить такіе расходы. Откуда взялись деньги? Деньги, расходившіяся въ Стокгольмѣ на предметы внѣшней политики, часто исходили изъ французской казны. Въ виду случаевъ, употребляемыхъ современной дипломатіей, предположеніе объ интригѣ, косвенно поощряемой версальскимъ кабинетомъ, безъ вѣдома своего прямого агента, не было ничуть невѣроятно. Все взвѣсивъ, маркизъ рѣшилъ дать уклончивый отвѣтъ, написать еще разъ, испрашивая инструкцій, и ждать, держась въ сторонѣ. Прошло болѣе мѣсяца, и лишь

---

*) Ср. Vandal, *Louis XV et Elisabeth*, p. 138.

по настойчивому приглашенію Елизаветы онъ согласился видѣться съ ней; однако, и тутъ онъ заботливо старался ничѣмъ не нарушать своей сдержанности.

Впрочемъ, царевна въ этомъ отношеніи избавила его отъ всякаго затрудненія, ограничиваясь сѣтованіями на настоящее состояніе вещей, „уже предвидѣнному Петромъ Великимъ“,—и взволнованно упомянула о привязанности, выказываемой гвардіей, „къ памяти царя и его крови“. Имя Людовика XV ни разу не было упомянуто во время этого разговора, хотя и говорили это, а тѣмъ болѣе не возбуждалось воспоминаній, скорѣе унизительныхъ для царевны, о проектѣ брака, гдѣ отказъ исходилъ не съ ея стороны. По крайней мѣрѣ, Ла-Шетарди совсѣмъ не говоритъ объ этомъ въ своихъ депешахъ, и, безъ сомнѣнія, ему не простили бы въ Версалѣ слишкомъ рискованныхъ намековъ на чувства, постоянство которыхъ, у всякой другой, кромѣ Елизаветы, могло бы польстить королю, но у возлюбленной красавца Шубина поставило бы его въ слишкомъ дурное общество. Также, вопреки всякой истины, по этому поводу кардинала Флери обвиняли въ нерѣшительности, а его агента въ склонности къ интригамъ. Ла-Шетарди никогда не думалъ выступать защитникомъ плановъ, сообщенныхъ ему Нолькеномъ и считавшихся имъ дерзкими, и его сдержанность встрѣтила полнѣйшее одобреніе. При первыхъ донесеніяхъ, государственный секретарь смѣло такъ отвѣчалъ посланнику: „Надо думать, что не можетъ быть вопроса о ея (Елизаветы) притязаніяхъ на русскую корону при жизни царя. Въ настоящее время всѣ разсужденія по этому поводу излишни“.

Это былъ категорическій и полный отказъ.

Только шведъ продолжалъ свое дѣло, и въ январѣ Ла-Шетарди узналъ, что при его содѣйствіи заговоръ начинаетъ осуществляться. Теперь поднимался вопросъ о вооруженномъ вмѣшательствѣ Швеціи, войска которой поддержали бы возстаніе гвардіи въ пользу дочери Петра Великаго.

Дѣло принимало серьезный оборотъ. Все еще сдерживаясь, Ла-Шетарди уклонился отъ совмѣстнаго свиданія со своимъ коллегой, предлагавшагося Елизаветой, но на слѣдующій день долженъ былъ повиноваться настойчивому зову царевны, ока-

завшейся на этотъ разъ болѣе откровенной. Она говорила о положеніи вещей, достигшемъ той точки, когда „дальнѣйшее ожиданіе уже невозможно“, о преданности войскъ, о самоотверженности заговорщиковъ, и собирались подойти къ самому деликатному вопросу, выразивъ свою увѣренность въ „дружбѣ Франціи“, когда доложили объ англійскомъ посланникѣ. Жестомъ Елизавета предложила Ла-Шетарди остаться и дождаться ухода нежелательнаго посѣтителя. Финчъ понялъ, что мѣшаетъ, и сократилъ свой визитъ. „Наконецъ, мы отъ него отдѣлались!“ — вздохнула царевна. Но Ла-Шетарди, тотчасъ же, коротко оборвалъ признанія, къ которымъ она хотѣла перейти, указалъ на невозможность продолжать свиданіе, чтобы его не замѣтили. Она только успѣла ему сказать, что такъ какъ ей нѣтъ больше надобности сдерживаться, онъ можетъ посѣщать ее, когда ему будетъ угодно *).

Онъ далъ себѣ слово не злоупотреблять этимъ позволеніемъ. Но въ Версалѣ теперь находили, что онъ проявляетъ чрезмѣрную осторожность. Извѣстія, получаемыя тамъ изъ Стокгольма, рисовали заговоръ въ болѣе серьезномъ видѣ, чѣмъ позволяли предполагать донесенія, посылаемыя изъ Петербурга; въ то же время проектъ коалиціи противъ Австріи, нарождавшійся между Версалемъ и Берлиномъ, сдѣлалъ болѣе желательнымъ комбинацію, благодаря которой Вѣна лишилась бы своего послѣдняго союзника. Слѣдствіемъ этого явились рѣшительныя приказанія, рисующія въ дѣйствительности въ совершенно обратномъ свѣтѣ роли, приписываемыя легендами кардиналу Флери и его агенту. Но послѣдній убѣждалъ министра, а министръ руководилъ имъ съ начала и до конца, предписывая ему впредь не колебаться помогать готовившемуся перевороту и сказать Елизаветѣ, что, „если король можетъ оказать ей услугу, и она пожелаетъ предоставить ему на то возможность, она можетъ разсчитывать, что его величеству доставитъ удовольствіе способствовать ожидаемому ею успѣху“ *).

---

*) Ла-Шетарди, 3 января 1741. Иностр. Дѣла.

**) Амло къ Ла-Шетарди, 12 и 16 февраля 1741; онъ же Сенъ-Севарену, посланнику въ Стокгольмѣ, 16 февраля 1741.

Итакъ, вслѣдъ за Швеціей, Франція обѣщала свое содѣйствіе. Но въ этотъ самый моментъ предпріятіе наткнулось со стороны первой державы на камень преткновенія, на которомъ оно рисковало потерпѣть крушеніе. Когда дѣло коснулось главной пружины заговора, Нолькенъ неожиданно обнаружилъ ея тайную причину. Онъ предлагалъ немедленно ввести на русскую территорію значительный военный отрядъ, но требовалъ со стороны царевны письменной просьбы, въ которой заключалось бы обязательство возвратить Швеціи завоеванія Петра Великаго. Онъ ссылался на обѣщанія, подлинность которыхъ Елизавета впослѣдствіи оспаривала, и бывшія, дѣйствительно, кажется, неопредѣленными. Въ перепискѣ съ французскимъ посланникомъ въ Стокгольмѣ, Нолькенъ утверждаетъ, что царевна сама признала за Швеціей право требовать обратно часть своихъ потерянныхъ владѣній въ награду за услугу, оказываемую дочери Петра Великаго, и что она почти соглашалась на просьбу *). Но даже самъ Амло считалъ, что это слишкомъ много **), а Елизавета обнаружила неопреодолимое нежеланіе что-либо признавать или обѣщать письменно. Довольно ея слова. Такъ какъ шведъ оказался несговорчивымъ, она обратилась къ французу.

Проведя нѣсколько дней въ деревнѣ, чѣмъ она воспользовалась, чтобы дать обѣдъ офицерамъ армейскаго полка, расположеннаго поблизости, она вызвала къ себѣ Ла-Шетарди, сообщая ему, какихъ трудовъ ей стоило сдерживать горячность своихъ приверженцевъ, тогда какъ Нолькенъ своими непріемлемыми условіями задерживалъ исполненіе условленнаго плана. Такъ какъ, согласно полученнымъ инструкціямъ, онъ долженъ былъ дѣйствовать заодно со своимъ шведскимъ коллегою, маркизъ вынужденъ былъ, помимо воли, поддерживать требованіе, которое онъ тоже считалъ безосновательнымъ, добавивъ, что „его личнымъ желаніемъ было бы, чтобы дѣло уладилось, такъ какъ связи, существовавшія между Франціей и Швеціей, можетъ быть, доставили бы королю

---

*) Сенъ-Северенъ къ Амло, 14 апрѣля 1741. Иностр. Дѣла, Швеція.

**) Амло къ Сенъ-Северену, 4 іюля 1741. Иностр. Дѣла, Швеція.

случай доказать цесаревнѣ тѣмъ или инымъ способомъ свою дружбу“ *).

Большаго она не могла добиться. Онъ самъ терялъ почву подъ ногами и такъ убѣдительно оправдывалъ свое поведеніе передъ своимъ начальствомъ, что поколебалась даже ихъ рѣшимость. Подозрѣнія закрались въ голову Амло. Чистосердечно ли дѣйствовала Елизавета, выказывая такое мужество послѣ столькихъ проявленій робости? Не являлась ли она орудіемъ западни, разставленной правительствомъ Анны Леопольдовны Швеціи и Франціи? „Я нахожу такъ мало соотвѣтствія,—писалъ онъ Ла-Шетарди,—между рѣшительнымъ и смѣлымъ планомъ этой царевны и всѣмъ тѣмъ, что вы писали мнѣ о легкомысліи и слабости ея характера, что не могу воздержаться отъ нѣкотораго недовѣрія“. Но подобное впечатлѣніе было непродолжительно, и со слѣдующей почтой маркизъ получилъ предписаніе выйти изъ замкнутости, въ которую онъ заперся. Онъ долженъ былъ сказать Елизаветѣ, что военныя приготовленія шведовъ происходили съ согласія короля и что его величество „дастъ имъ возможность содѣйствовать перевороту, когда она совершитъ его при ихъ участіи“ **).

Въ концѣ мая государственный секретарь сдѣлался еще настойчивѣе. Валоръ и Бель-Иль сообщили ему о цѣнѣ, которую давалъ Фридрихъ обязательствамъ, которыхъ отъ него добивались. Надо было во что бы то ни стало заставить шведовъ перейти въ наступленіе! Ла-Шетарди получилъ приказаніе вмѣшаться, чтобы Елизавета дала удовлетвореніе Нолькену. Онъ предложилъ ей сохранить письменный договоръ въ своихъ рукахъ. Прижатая къ стѣнѣ, она рѣшительно отказала. „Она всегда боялась навлечь на себя упрекъ народа, если бы ей пришлось въ чемъ-нибудь пожертвовать его правами, чтобы добиться для себя престола“. Въ то же время, возвращаясь къ принятому ею правилу „болѣе не стѣсняться“, она рѣшила временно прекратить свои сношенія съ французскимъ посланникомъ. Она только что совершила крупную

*) Ла-Шетарди къ Амло, 3 февраля 1741. Иностр. Дѣла, Россія.

**) Амло къ Ла-Шетарди, 22 февраля и 16 марта 1741г. Иностр. Дѣла, Россія.

ошибку, вообразивъ, что сумѣетъ привлечь на свою сторону ужаснаго Ушакова, отклонившаго ея предложенія самымъ невѣжливымъ образомъ. Она догадалась, что онъ предупрежденъ; можетъ быть, даже снабженъ доказательствами. Въ то же время она узнала, что одинъ капитанъ Семеновскаго полка, ея убѣжденный сторонникъ, находясь на караулѣ въ императорскомъ дворцѣ, былъ предметомъ лестнаго вниманія со стороны герцога Брауншвейгскаго, а Антонъ-Ульрихъ наговорилъ ему тысячу любезностей и вручилъ триста червонцевъ *). Значитъ, Анна Леопольдовна и ея супругъ также знали о заговорѣ и хотѣли употребить всѣ усилія, чтобы помѣшать его осуществленію. Цесаревна уже видѣла себя съ обстриженными волосами, и свое прекрасное тѣло облеченнымъ въ монашеское одѣяніе. „Ho, she has not one bit nuns flesh about her“,—утверждалъ Финчъ. Изъ опасенія, она вернулась къ своимъ прежнимъ привычкамъ замкнутой жизни. Самъ Нолькенъ долженъ былъ звать Лестока подъ предлогомъ пустить себѣ кровь, чтобы узнать о положеніи дѣлъ!

Въ маѣ лѣкарь посѣтилъ Ла-Шетарди, но могъ только обнаружить снѣдавшее его безпокойство. При малѣйшемъ раздававшемся шумѣ, онъ быстро подбѣгалъ къ окну и считалъ себя погибшимъ **). И сама царевна, замѣтивъ маркиза въ садахъ Лѣтняго Дворца, благоразумно избѣгала встрѣчи что ставила себѣ въ заслугу передъ регентшей.

Въ концѣ іюня Нолькенъ былъ отозванъ своимъ дворомъ, склонявшимся къ войнѣ безъ участія Елизаветы, стараясь, однако, внушить царевнѣ, что его рѣшимость зависитъ отъ ея намѣреній и желанія ихъ поддержать. Въ дѣйствительности шведы медлили взяться за оружіе, лишь добиваясь отъ Франціи болѣе крупной субсидіи, а также потому, что не были готовы. И колебанія царевны благопріятствовали ихъ планамъ въ этотъ моментъ, давая болѣе времени для переговоровъ и приготовленій ***). Разставаясь съ Елизаветой, ихъ посланникъ все же настаивалъ на полученіи п и с ь м е н н а г о о б ѣ щ а н і я, безъ котораго ничто не можетъ быть сдѣлано. Она сдѣ-

*) Соловьевъ, *Исторія Россіи*, XXI, 123.

**) Ла-Шетарди къ Амло, 30 мая 1741 г. Инстр. Дѣла, Россія.

***) Сенъ-Северенъ къ Амло, 10 апрѣля 1741. Иностр. Дѣла, Швеція.

лала видъ, что не понимаетъ, о чемъ идетъ рѣчь, указала движеніемъ руки, что присутствіе камергера мѣшаетъ ей высказаться; затѣмъ шепотомъ кинула Нолькену слѣдующія слова: „Я только жду лишь вашего выступленія, чтобы самой начать дѣйствовать. Завтра Лестокъ будетъ у васъ". И шведъ вообразилъ, что побѣда осталась за нимъ. Но лѣкарь принесъ ему лишь письмо царевны къ герцогу Голштинскому, заключавшее, увѣряетъ онъ, „доказательство обязательствъ, принятыхъ его повелительницей относительно Франціи и Швеціи". Онъ обѣщалъ вернуться, но больше не приходилъ.

Въ іюлѣ и Ла-Шетарди рѣшилъ послѣдовать примѣру своего коллеги и удалиться. Возникли затрудненія въ церемоніалѣ по поводу вѣрительныхъ грамотъ, которыя маркизъ желалъ лично вручить императору. По совѣту Остермана регентша нашла въ этомъ предлогъ отдѣлаться отъ посланника, который своими свиданіями съ Елизаветой и Нолькеномъ навлекъ на себя ея подозрѣніе. Онъ встрѣтилъ окончательный отказъ, переставалъ являться при дворѣ, и отозваніе его было рѣшено.

Елизавета не подавала ему больше признаковъ жизни. Только въ августѣ она послала къ нему одного изъ своихъ камергеровъ, можетъ быть Воронцова, который, проникнувъ ночью въ садъ посланника, разсказывалъ ему басни о попыткахъ, которыя часто принимала царевна, чтобы увидаться съ нимъ. Такъ какъ садъ маркиза выходилъ на Неву, она три раза проѣзжала тамъ на лодкѣ, приказывая трубить въ рогъ, чтобы привлечь его вниманіе. Она даже предполагала купить домъ по-сосѣдству, но, когда этотъ проектъ получилъ огласку, она должна была отъ него отказаться. Теперь она предлагала свиданіе на Петербургской дорогѣ, по которой она поѣдетъ въ восемь часовъ вечера. Вооружившись перомъ „съ невысыхающими чернилами" и копіей съ „обѣщанія", требуемое Нолькеномъ, Ла-Шетарди явился аккуратно на указанное мѣсто и въ условленное время, прождалъ до одиннадцати часовъ, и долженъ былъ убѣдиться, что царевна смѣялась надъ нимъ *).

---

*) 8 августа 1741. Иностр. Дѣла. Ср. Vandal, *ук. соч.*, 143.

Въ горести онъ готовился къ отъѣзду, когда записка Остермана, содержавшая важное сообщеніе, нарушила его предположенія. Швеція рѣшила не ожидать долѣе согласія Елизаветы.

— Это происшествіе не поразитъ васъ,—замѣтилъ вице-канцлеръ при встрѣчѣ съ маркизомъ.—Вы могли быть подготовлены къ нему.

Онъ имѣлъ важный видъ, но „не вращалъ болѣе яростно глазами, такъ что виднѣлись одни бѣлки", какъ во время предыдущихъ разговоровъ. Напротивъ, самымъ любезнымъ образомъ онъ возвѣстилъ посланнику, что вопросъ о церемоніалѣ получилъ разрѣшеніе въ желательномъ для него смыслѣ, и что императоръ вскорѣ приметъ его „на аудіенціи особенной и секретной". Безъ сомнѣнія, онъ вспомнилъ Константинополь и Вильнева, а объявленіе войны, на которую представитель Франціи въ Стокгольмѣ выдалъ десять милліоновъ, не считая щедротъ, расточаемыхъ крестьянамъ и духовенству *)—мѣстной демократіи—послужило причиной неожиданнаго возврата благоволенія ея представителю на берегахъ Невы!

Въ свою очередь Елизавета сочла для себя обязательнымъ выразить свое вниманіе. При посредствѣ на этотъ разъ секретаря шведскаго посольства она объявила Ла-Шетарди, что только боязнь скомпрометировать себя помѣшала ей подписать знаменитое „обѣщаніе", но что она сохраняетъ оригиналъ и подпишетъ его, „когда дѣла примутъ благопріятный для нея оборотъ". Въ то же время она выражала готовность возмѣстить Швеціи ея военныя издержки, выплачивать ей потомъ постоянныя субсидіи, даже втайнѣ ссудить ей всю необходимую денежную сумму, и не имѣть другихъ союзниковъ, кромѣ нея и Франціи. Она называла это „итти далѣе своихъ прежнихъ обѣщаній", не проговариваясь ни словомъ о возвратѣ взятыхъ владѣній.

Не считаясь съ недавнимъ опытомъ, маркизъ поспѣшилъ попросить у нея новаго свиданія на слѣдующій день. По пути на обѣдъ къ графу Линару онъ пройдетъ передъ двор-

---

*) Сенъ-Северенъ къ Амло, 28 іюля 1741. Иностр. Дѣла, Швеція.

цомъ царевны, которая должна быть на крыльцѣ около половины перваго. Къ несчастію, на другой день шелъ дождь; свиданіе снова не состоялось, и человѣкъ, котораго считали въ это время руководителемъ сложныхъ политическихъ интригъ, военныхъ и революціонныхъ, ставившихъ на карту вмѣстѣ съ будущностью Россіи успѣхи внушительной европейской коалиціи, направленной противъ Австріи, „несчастный Ла-Шетарди" вынужденъ былъ признать въ нижеслѣдующемъ письмѣ къ своему коллегѣ въ Стокгольмѣ свое полное безсиліе.

„Я не могу понять, почему дворъ хочетъ, чтобы я оставался здѣсь" *).

Очевидно, пружины, приводившія въ дѣйствіе коалицію, здѣсь, по крайней мѣрѣ, ускользали отъ всякаго руководства, какъ и отъ согласованія, такъ какъ препоны между двумя главными сторонами сообразовались съ колебаніями барометра!

Соглашеніе было невозможно, потому что царевна попрежнему ограничивалась заигрываніями съ гвардейцами, періодической раздачей денегъ, безъ которыхъ ихъ приверженность къ „отпрыскамъ Петра Великаго" ежеминутно грозила остыть. Въ оправданіе своей дѣятельности, она жаловалась, что, объявляя войну, шведы не заявили, что воюютъ за нее, и отказались поставить во главѣ своихъ войскъ герцога Голштинскаго, какъ обѣщалъ Нолькенъ. Въ сентябрѣ, черезъ посланца, назначавшаго теперь Ла-Шетарди свиданія въ лѣсу, она заявила, что ея денежныя средства изсякли. Ей нужно пятнадцать тысячъ червонцевъ. Маркизъ поморщился и по настойчивой просьбѣ согласился дать двѣ тысячи, занявъ ихъ у пріятеля, выигравшаго въ карты значительную сумму **).

Это означало предоставить въ распоряженіе цесаревны „казну и кредитъ Франціи!" ***).

Амло одобрилъ ссуду, но выразилъ опасенія, какъ бы она „не пошла даромъ". Онъ вернулся къ прежнимъ сомнѣ-

*) Сенъ-Северену, 26 августа 1741. Ср. Vandal, 145.

**) Ла-Шетарди къ Амло, 2 сентября 1741. Иностр. Дѣла.

***) Vandal, ук. соч., 1399. Ср. Соловьевъ, XXI, 137.

ніямъ въ силѣ и преданности партіи, которой располагала царевна. Что касается жалобъ ея по поводу герцога Голштинскаго, онъ находилъ ихъ неумѣстными и противорѣчащими ея собственнымъ интересамъ. Что могъ сдѣлать этотъ нѣмецкій принцъ въ національномъ движеніи? Къ тому же король и королева шведскіе не могли его выносить *).

Въ октябрѣ, несмотря на двѣ тысячи червонцевъ и на обѣщанія, которыя Ла-Шетарди великодушно прибавлялъ къ нимъ, Елизавета находила поддержку своихъ чужеземныхъ друзей слишкомъ недостаточной и менѣе чѣмъ когда-либо была расположена приступать къ дѣйствіямъ, тѣмъ болѣе, что война принимала для шведовъ неблагопріятный оборотъ. Манифестъ, который они въ концѣ концовъ согласились издать по требованію царевны и въ которомъ они объявляли себя поборниками ея правъ, не помѣшалъ Леси дать побѣдоносный отпоръ, и ничто не предвѣщало, что Версальскій дворъ пожелаетъ вступиться, чтобы возстановить нарушенное равновѣсіе. Амло писалъ Ла-Шетарди: „До сихъ поръ со стороны этой царевны я не вижу ничего, что давало бы возможность надѣяться, что усилія его величества приведутъ къ должнымъ результатамъ. Я замѣчаю лишь неувѣренность, вмѣсто всякаго опредѣленнаго плана“.

При случайномъ свиданіи съ Елизаветой въ ту минуту, когда она выходила изъ саней, она показалась Ла-Шетарди настолько „преисполненной неувѣренности“, что онъ испугался, какъ бы она совсѣмъ не отказалась отъ своихъ намѣреній, чѣмъ причинила бы Швеціи крупныя непріятности, и рѣшилъ попробовать ее подбодрить, сказавъ наудачу, что слышалъ, будто ее хотятъ постричь въ монастырь.

Этимъ пугаломъ пользовалися съ ней Лестокъ и Шварцъ, какъ пугаютъ дѣтей лѣшимъ, и маркизу было знакомо это средство.

Сильно взволнованная, она объявила, что если ее доведутъ до крайности, она не покроетъ позоромъ „отпрыскъ Петра Великаго“. Разговоръ оживился и перешелъ къ обсужденію государственнаго переворота, какъ вопроса возмож-

*) Амло къ Ла-Шетарди, 8 октября 1741. Ср. Vandal, 146.

наго и осуществимаго. Былъ составленъ списокъ лицъ, подлежащихъ опалѣ; Ла-Шетарди указывалъ, что первымъ дѣломъ необходимо арестовать: Остермана, Миниха, сына фельдмаршала, барона Менгдена, графа Головкина и Левенвольде съ ихъ завѣдомыми приверженцами. Условились послать гонца въ Стокгольмъ. Необходимо дождаться вѣрныхъ послѣдствій этого мудраго рѣшенія. Да кромѣ того, въ Петербургѣ, повидимому, еще ничего не подготовлено. Елизавета сама въ этомъ созналась безъ всякаго труда. Не существовало никакого плана, никакой организаціи. Такова была дѣйствительность. Они такъ и разстались, не сговорившись ни на чемъ *).

IV.

На слѣдующій день былъ пріемъ при дворѣ, куртагъ, какъ еще и сейчасъ говорятъ тамъ. Елизавета появилась на немъ. Ея отношенія съ регентшей оставались любезными и даже дружественными. Разбросившись между любовью къ Линару, возвращенія котораго она ждала съ нетерпѣніемъ, своей нѣжностью къ Юліи Менгденъ, которой она приготовляла приданое, заботами о дѣтяхъ, какъ добрая нѣмецкая мать, и своею любовью къ беззаботной лѣности, которая у нея все возрастала, Анна Леопольдовна выслушивала хладнокровно или съ досадой предостережнія о поведеніи царевны. И только этимъ можно объяснить парадоксальную безнаказанность этого заговора, который велся въ казармахъ совершенно открыто и уже давно проявлялся въ ежедневныхъ инцидентахъ. Своему возлюбленному, который передъ отъѣздомъ уговаривалъ ее заточить Елизавету въ монастырь, регентша только отвѣчала: „Къ чему? Чортушка останется“. Она говорила про юнаго герцога Голштинскаго. Когда Остерманъ, котораго предупреждалъ Финчъ, сообщалъ ей о подозрительныхъ поступкахъ Лестока, она перебила его, съ гордостью показывая ленты, которыя она хотѣла пришить къ

---

*) Ла-Шетарди къ Амло, 26 сентября 1741. Иностр. Дѣла.

платью юнаго императора. Впрочемъ, она въ глубочайшей тайнѣ подготовляла театральный ударъ, который по ея мнѣнію положитъ предѣлъ намѣреніямъ „чортушки“ или его тетки. Мардефельдъ угадалъ вѣрно: 9 декабря, въ день своего рожденія, она собралась объявить себя императрицей и поручила Бестужеву выработать третій манифестъ на этотъ предметъ, въ добавленіе къ тѣмъ, которые приготовилъ Тимирязевъ *).

Однако, она рѣшила воспользоваться куртагомъ, чтобы имѣть объясненіе съ царевной. Она только что получила отъ Линара очень настойчивое письмо по этому поводу съ довольно точными указаніями на маневры Ла-Шетарди и Лестока. Оборвавъ партію въ карты, которымъ Елизавета повидимому отдавалась съ величайшимъ удовольствіемъ, она увлекла ее въ отдаленный салонъ и повторила ей слово въ слово содержаніе посланія. Елизавета была поражена. Черезъ одну грузинку изъ слугъ регентши и черезъ лакея Антона-Ульриха, которые каждый день дѣлали доклады Шварцу, она вообще бывала въ курсѣ всего, что происходило во дворцѣ, такъ какъ оба шпіона знакомились съ корреспонденціей, получавшейся тамъ и валявшейся по столамъ **). Письмо Линара, видимо, ускользнуло отъ ихъ вниманія, такъ какъ царевна не была предупреждена и такимъ образомъ не приготовилась къ защитѣ. Она увѣряла въ своей невиновности. Пусть только велятъ Ла-Шетарди не видѣться съ ней! Что касается Лестока, его можно арестовать и поступить съ нимъ, какъ онъ этого заслуживаетъ, если окажется виновнымъ. Она спокойно выдала своего сообщника, наконецъ, съ плачемъ бросилась къ ногамъ регентши, заставила и ее заплакать, и, выплакавъ свое волненіе и слезы, обѣ женщины разстались въ довольно хорошихъ отношеніяхъ ***).

Черезъ день, 23 ноября, рано утромъ Лестокъ прибѣжалъ

---

*) Соловьевъ, *Исторія Россіи,* XXI, 153.

**) Мардефельдъ, 9 декабря 1741. Тайные берлинскіе архивы. Ср. *Архивъ Воронцова,* XXV, 104.

***) *Русскій дворъ сто лѣтъ тому назадъ,* стр. 85; Ла-Шетарди, 7 декабря 1741.

къ Ла-Шетарди въ страшномъ волненіи. Все погибло, если не дѣйствовать немедленно же! Посланникъ выслушалъ разсказъ о случаѣ, объяснявшемъ это безпокойство, и отказался раздѣлить его. Въ другое время, когда, такъ какъ онъ не могъ представить своихъ вѣрительныхъ грамотъ, онъ не чувствовалъ себя подъ покровомъ дипломатической неприкосновенности, онъ тоже забилъ тревогу и довелъ свое опасеніе до того, что, зная свою причастность къ заговору, превратилъ свой домъ въ крѣпость. Теперь чувствуя себя подъ двойнымъ покровительствомъ, благодаря своему оффиціальному положенію и благодаря впечатлѣнію, которое, казалось ему, должна была произвести на Остермана война со Швеціей, онъ не видѣлъ въ томъ, что ему разсказалъ лѣкарь, ничего, что могло бы его интересовать—слово въ одной изъ его депешъ *)—или волновать. Были ли извѣстія отъ Левенгаупта? Нѣтъ. Ну, надо ждать. Онъ заговорилъ о томъ, чтобы отложить дѣйствіе на мѣсяцъ, довольно откровенно высказывая свою единственную заботу — беречь интересы только Швеціи и также Франціи въ этомъ дѣлѣ, успѣхъ котораго ему казался всегда проблематичнымъ и даже мало возможнымъ, но существованіе котораго на руку обѣимъ державамъ, ослабляя общаго врага.

Лестокъ покинулъ его въ унынiи. У него были другія заботы. Отъ своихъ шпіоновъ онъ зналъ, что его арестъ рѣшенъ еще наканунѣ, только Остерманъ потребовалъ, чтобы раньше удалили изъ Петербурга Преображенскій полкъ, въ которомъ, онъ боялся, поднимется волненіе по этому поводу. Предлогомъ должно быть объявленіе похода на шведовъ. Отправившись въ ресторанъ, несомнѣнно Иберкампера, на Милліонной, гдѣ продавались флессингенскія устрицы, парижскіе парики и вѣнскія кареты и гдѣ онъ имѣлъ обыкновеніе встрѣчаться со своими друзьями, лѣкарь узналъ, что приказъ о выступленіи отданъ всѣмъ гвардейскимъ полкамъ. Это было крушеніе заговора и гибель для него. Онъ уже чувствовалъ на спинѣ кнутъ. Онъ поспѣшилъ къ Елизаветѣ. Рисуя въ часы досуга, онъ начертилъ карандашемъ аллего-

*) 7 декабря 1741. Ср. Vandal, 154 стр.

рическую картину, на которой царевна фигурировала въ двухъ видахъ: съ одной стороны сидящей на тронѣ, съ короной на головѣ, а съ другой одѣтой монахиней и окруженной орудіями пытки. Онъ показалъ ей рисунокъ, внизу котораго она прочла: „Выбирайте!“ Такъ какъ она еще колебалась, явилось нѣсколько гвардейцевъ. Они тоже были того мнѣнія, что надо совершить ударъ немедленно или отказаться отъ него. Говорившій отъ ихъ имени сержантъ Грюнштейнъ выказалъ особенное краснорѣчіе. А Лестокъ подкрѣпилъ его рѣчь типичнымъ аргументомъ: „Чувствую, что подъ кнутомъ я все разскажу“ *).

Она рѣшилась, и исполненіе было назначено на слѣдующую ночь. Вечеромъ обойдутъ казармы и, если настроеніе въ нихъ покажется благопріятнымъ, приступятъ къ дѣлу. Такъ какъ Грюнштейнъ считалъ послѣднюю раздачу денегъ необходимой, то Елизавета обшарила всѣ свои ящики: у нея было только триста рублей. Лестокъ снова побѣжалъ къ Ла-Шетарди, но не могъ ничего добиться. Ведя широкій образъ жизни, расходуя безъ счета, маркизъ самъ всегда бѣдствовалъ. По крайней мѣрѣ, онъ жаловался на недостатокъ средствъ, что, по правдѣ, можетъ показаться невѣроятнымъ. Онъ обѣщалъ на завтра двѣ тысячи рублей, полагаясь на любезность снисходительнаго кредитора, выигравшаго въ карты. Поэтому-то принцъ де-Конти и могъ писать впослѣдствіи: „Революція совершилась (въ Россіи) безъ насъ: добавляя, что нельзя простить королевскому посланнику того, что онъ не извлекъ большой пользы изъ даннаго положенія, а въ другихъ обстоятельствахъ выказывалъ себя такимъ предпріимчивымъ“ **).

Мардефельдъ, говорившій въ своихъ донесеніяхъ о шестистахъ тысячахъ червонцевъ и о „драгоцѣнностяхъ и уборахъ“ на тридцать шесть тысячъ, подаренныхъ Франціей царевнѣ, долженъ былъ послѣ происшествія признать свою ошибку. Когда Лестокъ вернулся съ пустыми руками, Ели-

*) Мардефельдъ, 19 декабря 1741. Ср. *Русскій Вѣстникъ,* 1842, апрѣль.

**) Флери, 25 и 30 января 1742.

завета увидѣла себя принужденной заложить свои драгоцѣнности *).

V.

Въ одиннадцать часовъ вечера Грюнштейнъ и его товарищи снова явились къ принцессѣ съ очень утѣшительнымъ донесеніемъ: гвардейцы только рвались впередъ, особенно послѣ того, какъ поднялся вопросъ объ оставленіи ими столицы и посылкѣ ихъ въ зимній походъ. Рискъ за рискъ, они предпочитали революцію. Лестокъ послалъ двоихъ людей къ Остерману и Миниху, чтобы удостовѣриться, что подозрѣнія никакого нѣтъ: они не видѣли ничего подозрительнаго. Самъ онъ пошелъ къ Зимнему Дворцу и не замѣтилъ свѣта въ окнахъ, которыя онъ считалъ окнами въ спальнѣ регентши. Какъ мы видѣли, она перемѣнила ее. Вернувшись, онъ нашелъ Елизавету за молитвой передъ образомъ Богородицы.

Послѣ говорили, что въ этотъ моментъ она дала обѣтъ отмѣнить смертную казнь, если успѣхъ увѣнчаетъ ея опасную попытку.

Въ сосѣдней комнатѣ были всѣ ея близкіе: Разумовскій, Шуваловы, Петръ, Александръ и Иванъ, Михаилъ Воронцовъ, князь Гессе-Гомбургскій съ женой и родственники царевны: Василій Салтыковъ, дядя Анны Іоанновны, Скавронскіе, Ефимовскіе и Гендриковы. Они должны были успокаивать ее, а Лестокъ удвоить краснорѣчіе и энергію, потому что въ послѣдній моментъ она оказалась лишенной рѣшительности и смѣлости. Онъ надѣлъ ей на шею орденъ Св. Екатерины, вложилъ въ руку серебряный крестъ и вытолкнулъ наружу. Сани ожидали у дверей. Она сѣла въ нихъ съ лѣкаремъ; Воронцовъ и Шуваловы встали сзади, и они галопомъ промчались по пустыннымъ улицамъ города, направляясь къ помѣщенію преображенцевъ, гдѣ сейчасъ находится церковь Преображенія. Алексѣй Разумовскій и Салтыковъ слѣдовали во вторыхъ саняхъ съ Грюнштейномъ и его товарищами.

---

*) Королю, 6 февраля 1742. *Тайные берлинскіе архивы.*

Мало вѣроятія, что маленькій кортежъ останавливался въ этотъ моментъ передъ домомъ Ла-Шетарди и что Елизавета позаботилась предупредить посланника, что „она мчится къ славѣ". Первое донесеніе маркиза о происшествіи, хотя и очень подробное, не дѣлаетъ никакого указанія на этотъ эпизодъ, совершенно безполезный, но и страшно рискованный. Посланникъ былъ у себя дома не одинъ; не подозрѣвая ни о чемъ, онъ не могъ принять предосторожностей прстивъ тревоги, которая, взбудораживъ его близкихъ, несомнѣнно разнесется дальше. Дневникъ секретаря посольства, Мaремберга, и еще болѣе обстоятельная историческая записка, составленная въ 1754 г. для французскаго правительства*), тоже молчатъ по этому поводу. Ла-Шетарди упоминаетъ объ этомъ только въ послѣдующемъ письмѣ, чтобы объяснить, почему, захваченный врасплохъ быстрымъ ходомъ заговора, онъ не могъ во-время доставить сумму, назначенную для его выполненія.

Однако, можетъ быть, ночное посѣщеніе посольства, какъ оно ни было неблагоразумно, входило въ декораціи, которымъ Елизавета всегда, и правильно, придавала большую цѣну. Она летѣла къ славѣ, подъ эгидой Франціи, которая только что отказала ей въ двухъ тысячахъ рубляхъ на завоеваніе ея!

Сани остановились передъ съѣзжей избой полка, гдѣ непредупрежденный часовой—настолько заговоръ не былъ подготовленъ—тотчасъ же забилъ тревогу. Лестокъ прорвалъ его барабанъ кинжаломъ, въ то время какъ тринадцать гренадеровъ, посвященныхъ въ дѣло, разсѣялись предупредить своихъ товарищей. Здѣсь были только солдаты, жившіе въ отдѣльныхъ деревянныхъ домахъ, образовывавшихъ казарму. Всѣ офицеры жили въ городѣ и только одинъ изъ нихъ по очереди оставался на дежурство. Нѣсколько сотъ человѣкъ были собраны въ нѣсколько минутъ. Большинство еще не знали, въ чемъ дѣло.

Елизавета вышла изъ саней.

---

*) *Мемуары и документы, Россія,* vol. I, fol. 192; vol. IX, fol. 38.

— Узнаете меня? Знаете, чья я дочь?

— Да, матушка!

— Меня хотятъ заточить въ монастырь. Хотите вы слѣдовать за мной, чтобы помѣшать этому?

— Говори, матушка; мы всѣхъ ихъ убьемъ!

— Если вы говорите объ убійствѣ, я покидаю васъ; я не хочу ничьей смерти.

Солдаты стояли въ недоумѣніи. Но она видѣла, что держитъ ихъ въ своихъ рукахъ. Она подняла крестъ.

— Клянусь умереть за васъ. Клянитесь и вы умереть за меня, но не проливать безполезно кровь.

— Клянемся!

Они бросились цѣловать крестъ, въ то же время арестовали дежурнаго офицера, который, проснувшись, прибѣжалъ съ обнаженной шашкой, но не оказывалъ сопротивленія.

Разсказывая объ этой вступительной части государственнаго переворота, современники, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ пунктахъ и прикрасили; но эта версія, почти одинаковая во всѣхъ разсказахъ, вообще соотвѣтствуетъ характеру дѣйствующихъ лицъ и нравамъ эпохи, и я считаю ее правдоподобной.

Когда кончилась церемонія присяги, Елизавета сказала: „Идемъ!“ Программа была указана предыдущими переворотами, нѣкоторымъ образомъ установлена революціоннымъ протоколомъ, детали котораго сообщаются Минихомъ. Около трехсотъ человѣкъ послѣдовали за матушкой по Невскому проспекту, и сейчасъ ведущему къ Зимнему дворцу.

На Адмиралтейской площади она рѣшила выйти изъ саней и итти съ ними. Но такъ какъ ея маленькія ножки утопали въ снѣгу, то гренадеры скоро зароптали:

— Мы идемъ не очень скоро, матушка!

Она позволила двумъ солдатамъ взять себя на руки и нести. Около дворца Лестокъ отдѣлилъ двадцать пять человѣкъ, которые должны были арестовать Миниха, Остермана, Левенвольде и Головкина. Восемь другихъ гренадеръ двинулись впередъ. Зная пароль, они сдѣлали видъ, что идутъ съ ночнымъ обходомъ, и неожиданно бросились на четырехъ стражей, охранявшихъ главный входъ. Окоченѣвшіе отъ хо-

лода и путавшіеся въ своихъ широкихъ шинеляхъ, послѣдніе легко дали себя обезоружить. Войдя, прошли прямо въ кордегардію. Офицеръ крикнулъ: „На караулъ!“ Его повалили на землю,—говорятъ, что при этомъ Елизавета отвела направленный на него штыкъ, — и вошли въ помѣщеніе регентши. Такъ какъ Линара не было, она спала рядомъ съ мужемъ, хотя и была съ нимъ въ этотъ моментъ въ плохихъ отношеніяхъ, если вѣрить Мардефельду. Они не разговаривали, но точно исполняли супружескія обязанности *).

Въ тотъ моментъ, когда они ложились въ постель, Левенвольде, говорятъ, предупредилъ Анну Леопольдовну объ угрожавшей ей опасности; но она сочла его безумцемъ и спала въ это время глубокимъ сномъ. Одинъ гренадеръ, который позже былъ замѣшанъ въ заговоръ противъ самой Елизаветы, — по имени Ивинскій, — грубо разбудилъ несчастныхъ. Елизавета запретила безпокоить маленькаго Ивана III; но вскорѣ шумъ, происходившій вокругъ него, разбудилъ его. Тогда кормилица снесла его въ кордегардію, гдѣ, взявъ его на колѣни, дочь Петра Великаго растрогалась.

— Бѣдный малютка! Виноваты одни твои родители...

Она взяла его въ сани и поѣхала назадъ по Невскому проспекту, уже заполненному народомъ, который при ея проѣздѣ кричалъ „ура!“ И слыша это веселое восклицаніе, ребенокъ тоже развеселился и, улыбаясь той, которая только что отняла у него корону, прыгалъ у нея на рукахъ.

Здѣсь я прекращаю свой разсказъ, предполагая вернуться къ нему въ слѣдующемъ томѣ. Въ этомъ томѣ я останавливался на пятомъ или шестомъ государственномъ переворотѣ— потому что и въ восшествіи Петра II не все было правильно,— совершенныхъ за 15 лѣтъ по волѣ нѣсколькихъ честолюбивыхъ лицъ, опиравшихся на поддержку нѣсколькихъ солдатъ. Съ причиной этихъ періодическихъ кризисовъ, по-моему, я указалъ и то, что давало странѣ возможность перенести это испытаніе: огромная сила сопротивленія въ формирующемся

---

*) Королю, 19 декабря 1741. *Тайные берлинскіе архивы.*

организмѣ, которая сопровождала его развитіе, какъ и болѣзнь рожденія, не остановивъ его. По своимъ составнымъ элементамъ, призыву къ неповиновенію, помощи иностранцевъ, всевозможнымъ подкупамъ, декабрьскій переворотъ 1741 года былъ, конечно, въ принципѣ самымъ предосудительнымъ, какъ и самымъ угрожающимъ національной будущности. Что можно было ожидать отъ императрицы, сдѣлавшей ступеньку къ трону изъ своей кровати, открытой развратнымъ гвардейцамъ,—отъ этой дочери Петра Великаго, основавшей подготовку заговора на походѣ шведской арміи, оффиціально начавшей войну, чтобы облегчить его выполненіе?

Однако, мы видимъ, что честолюбіе Елизаветы и безхарактерность Анны Леопольдовны останавливаются въ границахъ, за которыми наслѣдіе великаго мужа дѣйствительно оказалось бы въ опасности. Несмотря на всю жажду власти, царевна отвергла торгъ, въ которомъ это наслѣдіе невозвратно погибло бы. Съ плохими начальниками, еще съ худшимъ провіантомъ, армія Ласси отразила непріятеля. Такимъ образомъ, среди наихудшихъ случайностей, съ бандой авантюристовъ и авантюристокъ, озлобленно споровшихъ за власть, страна не пала, обошла всѣ пропасти, испила самые опасные яды, но выбросила ихъ смертоносныя части.

Такая тайная пружина встрѣчается у всѣхъ народовъ въ раннюю пору ихъ исторіи. Съ XV по XVI вѣкъ Польша знала болѣе ужасные кризисы анархіи, чѣмъ тѣ, которые черезъ два вѣка должны были привести ее къ могилѣ. Она была молода. Въ своемъ немного болѣе длинномъ развитіи, Россія въ XVIII вѣкѣ переживала только весну, которая не кончилась еще и сейчасъ. Ея молодость спасала ее съ 1725 по 1742 годъ. Она воспрепятствовала отравленію главныхъ органовъ ея могучаго тѣла и позволила здоровымъ частямъ сохранить свою мощь и побѣдить въ продолжительной борьбѣ генія и національнаго патріотизма, чудесные успѣхи которой мы видимъ и сейчасъ.

Ведя переговоры съ Нолькеномъ, Елизавета руководствовалась—какъ она это позже широко доказала—не болѣе деликатнымъ отношеніемъ къ интересамъ своей родины, чѣмъ отношенія польскихъ магнатовъ, уже прибывшихъ въ Петер-

бургъ заключить подобный же договоръ. У нея были опасенія, которыхъ они никогда не знали, и она говоритъ, откуда они происходятъ: изъ боязни отвѣтственности передъ общественнымъ мнѣніемъ.

Ласси былъ только наемникомъ, но онъ командовалъ людьми, которые разорвали бы его, если бы онъ не исполнилъ своего долга, пойдя на врага. И такъ, не участвуя прямо въ движеніи, которое привело къ Зимнему дворцу сообщницу Лестока, Шварца и Грюнштейна, національное чувство, т. е. совѣсть, темное и безсознательное здѣсь, но могучее, вмѣшалось здѣсь, чтобы сгладить кое-что, и смѣло можетъ требовать своей доли въ торжествѣ воцаренія новаго режима.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Польский историк, писатель и публицист Казимир Валишевский родился в 1849 году. Он учился в гимназии в Варшаве, затем в иезуитской школе в Меце во Франции. Свое образование К. Валишевский продолжил в школе права в Нанси, а завершил в Парижской школе права, где получил степень доктора права. С конца 70-х годов прошлого века К. Валишевский начал публиковать статьи, сборники документов, книги, посвященные экономическим, политическим и правовым проблемам. Они включают: «Экономические обычаи во Франции», «Общественное воспитание во Франции», проблемы отношений Польши с Францией и другими европейскими странами, работы по польской истории. Некоторые его книги этого периода были переведены на русский язык, например, «Польша и Европа во 2-й половине 18 в» (Петербург, 1892 г.).

Однако широкую известность К. Валишевскому принесла серия произведений, посвященных истории России 17—19 вв.— периода, когда отношения России и Польши оказывали существенное влияние на их развитие. К. Валишевский издает во Франции на французском языке, начиная с 1892 года, одну за другой книги о русских царях и императорах, об их окружении — «Роман одной императрицы» (1893); «Вокруг трона. Екатерина II» (1894); «Петр Великий» (1897); «Елизавета Петровна» (1902); «Иван Грозный» (1904); «Смутное время» (1911); и др. Более тридцати лет К. Валишевский посвятил изучению России. Он работал в архивах Парижа и Лондона, Берлина и Вены, а также Петербурга, где пользовался покровительством Великого князя Николая Михайловича. Последняя его книга, посвященная Александру I, вышла в Париже в 1925 году, когда К. Валишевскому было 76 лет. Он умер в Париже в 1935 году.

Как писал К. Валишевский, «до 1905 года строгость цензуры не допускала выхода» его работ на русском языке. Но после революционных событий 1905 года и либерализации режима для книг К. Валишевского начался настоящий бум. Несколько издательств в Петербурге и Москве («Сфинкс», «Современные проблемы», «Наука

и жизнь», «Образование», «Новое время») выпускают одну за другой книги К. Валишевского. Книгоиздательство «Сфинкс» готовит полное собрание его сочинений (вышло 4 тома).

Издание работ К. Валишевского продолжалось до начала мировой войны. Затем наступил длительный перерыв до конца 80-х годов, когда его книги вновь приходят к нашему читателю.

Русская печать откликнулась на работы К. Валишевского широкой гаммой оценок — от одобрения до резко негативных суждений. К. Валишевский внимательно следил за реакцией печати и в своем предисловии к одной из книг отвечает критикам. «Как ни снисходительно встретило большинство мою скромную попытку, я все же вызвал споры, т. е. довольно резкие упреки, впрочем, в достаточной степени противоречивые. Если одни обвиняют меня в том, что я очернил, даже оклеветал прошлое России, то другие назвали меня низким куртизаном. Эти маленькие неприятности,— пишет К. Валишевский,— не удивили и не расстроили меня... В них я нашел доказательство того, что я, по крайней мере, приблизился... к тому идеалу исторического беспристрастия, который является нашей общей честолюбивой мечтой... Как ни суровой,— продолжает К. Валишевский,— может показаться моим русским читателям моя оценка роли их страны в истории европейской цивилизации, ничто лучше не подтверждает ее правильности, как самая острота протестов, мною возбужденных. Неосновательная гордость, убеждение в своем превосходстве над окружающим миром, служат столько же доказательством и малого культурного развития, по крайней мере, в некоторых отношениях». К. Валишевский далее говорит о своем стремлении сделать доступным историю на основе свободного от всяких предвзятостей исследования.

Современный читатель получает теперь возможность самостоятельно судить о работах К. Валишевского. Познакомим его с оценкой творчества К. Валишевского в справочной и энциклопедической литературе в дореволюционных изданиях и в Большой Советской энциклопедии, резюмирующих мнение критики своего времени.

Обнаруживается определенная общность некоторых оценок и вместе с тем каждый период накладывает на характеристику К. Валишевского свою печать. Работы К. Валишевского по своему жанру ставят в затруднительное положение людей, которые предпочитают однозначность определений: кто он — писатель или историк?

Первая справка о К. Валишевском содержится в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона», в т. 9, изданном в 1891, где говорится, что ему принадлежит множество ценных статей и книг исторического, экономического и социального содержания. Более обширную статью помещает «Большая энциклопедия», выходившая под редакцией С. Н. Южакова и П. Н. Милюкова, где в 4 томе (1894 год) сказано, что К. Валишевский «Блестящий стилист, усвоивший себе манеру французских писателей. Сочинения его не отличаются особой основательностью и глубиной, но автор знаком с литературой предмета и умело пользуется ею для характеристик, всегда остроумных, часто односторонних. Выходя из сферы этих характеристик, суждения автора становятся шаткими. Истинно научную ценность имеют собственно только труды, представляющие собой издания исторических материалов». Напомним, что это 1894 год, когда еще не было многих работ К. Валишевского о российской истории. Энциклопедия братьев Гранат (т. 7, II стереотипное издание) называет К. Валишевского польским писателем (в отличие от «Большой энциклопедии», считающей К. Валишевского историком), перечисляет его книги, цель которых — ознакомить с русской историей «французскую большую публику». Эти работы «живо написанные и изобилующие бытовыми подробностями в научном отношении оцениваются как крайне легковесные, часто не возвышающиеся над уровнем заурядного исторического романа».

В первом издании «Большой советской энциклопедии» в 8 томе (1927 г.) К. Валишевский определяется как историк и публицист. Названы его работы по русской истории, отличающиеся «живым изложением и массой бытовых подробностей» и «лишенные ценности в научном отношении». Здесь, как мы видим, практически воспроизводятся предшествующие характеристики. Но далее вносятся новые аспекты: «Сосредоточивая свое внимание исключительно на личной жизни царствующих особ, Валишевский дает лишь историю придворных интриг и любовных похождений и анекдотов; какой-либо социальный анализ в сочинениях Валишевского совершенно отсутствует». К этому добавляется, что «монархист по своим воззрениям», К. Валишевский был постоянным сотрудником газеты «Новое время» А. С. Суворина.

Второе издание «Большой советской энциклопедии» (т. 6, вышедший в 1951 г.) явно обнаруживает время

написания статьи. К. Валишевский определяется как буржуазный польский историк, писатель и публицист и консерватор по своим политическим взглядам. Сообщается, что «масса бытовых деталей из жизни царствующих особ привлекла к работам Валишевского внимание буржуазной публики», а также, что он «не придавал никакого значения социальному анализу явлений и научному аппарату», и труды его «не имеют никакой научной ценности». Вероятно, эти оценки стали причиной исключения статьи о К. Валишевском в 4-м томе 3-го издания «Большой советской энциклопедии», вышедшей в 1971 году.

Читателю, наверное, будет интересно узнать, что думал о К. Валишевском Лев Николаевич Толстой. Упоминание об этом мы находим у личного врача и биографа Л. Н. Толстого Д. П. Маковицкого в «Яснополянских записках». Так, например, в книге 2-й (стр. 136) говорится: «Оболенские привезли книги Валишевского, те, которых у Льва Николаевича нет. Л. Н.: «Валишевский немногими штрихами живо передает главное, характерное. Соловьев, наоборот, заваливает материалом». В этой же книге (стр. 156) читаем: «...Когда Беляев прощался, Лев Николаевич сказал ему: «Кланяйтесь от меня Суворину, советуйте ему прочесть Хомякова «Самодержавие»... и спросите, не издаст ли Валишевского — книги интересные. В таком порядке, как он писал, начать с Екатерины...»

Наше время отбрасывает или подвергает сомнению многие суждения прошлого, связанные с вульгарно-социологическим подходом к истории, со значительным перекосом в ее анализе в сторону социально-экономических проблем.

В современной исторической науке как выраженная тенденция обозначилось нарастание внимания к истории частной жизни и быта различных эпох. Современный человек все больше испытывает потребность в знании живой жизни всех слоев общества. Немалый интерес проявляется и к образу жизни и быту людей, осуществляющих реальную власть. В этом следует видеть не обывательское любопытство, а естественный человеческий интерес. Увлекательно написанные книги К. Валишевского будут несомненно полезны в постижении широким кругом читателей истории России во всех ее проявлениях.

Кандидат философских
наук *Л. Наумов.*

К. ВАЛИШЕВСКИЙ

ПРЕЕМНИКИ ПЕТРА

Репринтное воспроизведение издания 1912 года

Редактор *А. А. Волков.*
Художник *Ф. Н. Буданов.*
Технический редактор *Н. А. Посканная.*

Подписано к печати 16.01.90. Формат 60×90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 22,5+0,4 вкл. Усл. кр.-отт. 24,8. Уч.-изд. л. 18,6.
Тираж 220 000 экз. (1-й завод 1—100 000 экз.). Зак. 79. Цена 13 руб.

Совместное советско-финское предприятие «ИКПА»
103050, г. Москва, ул. Горького, 23.

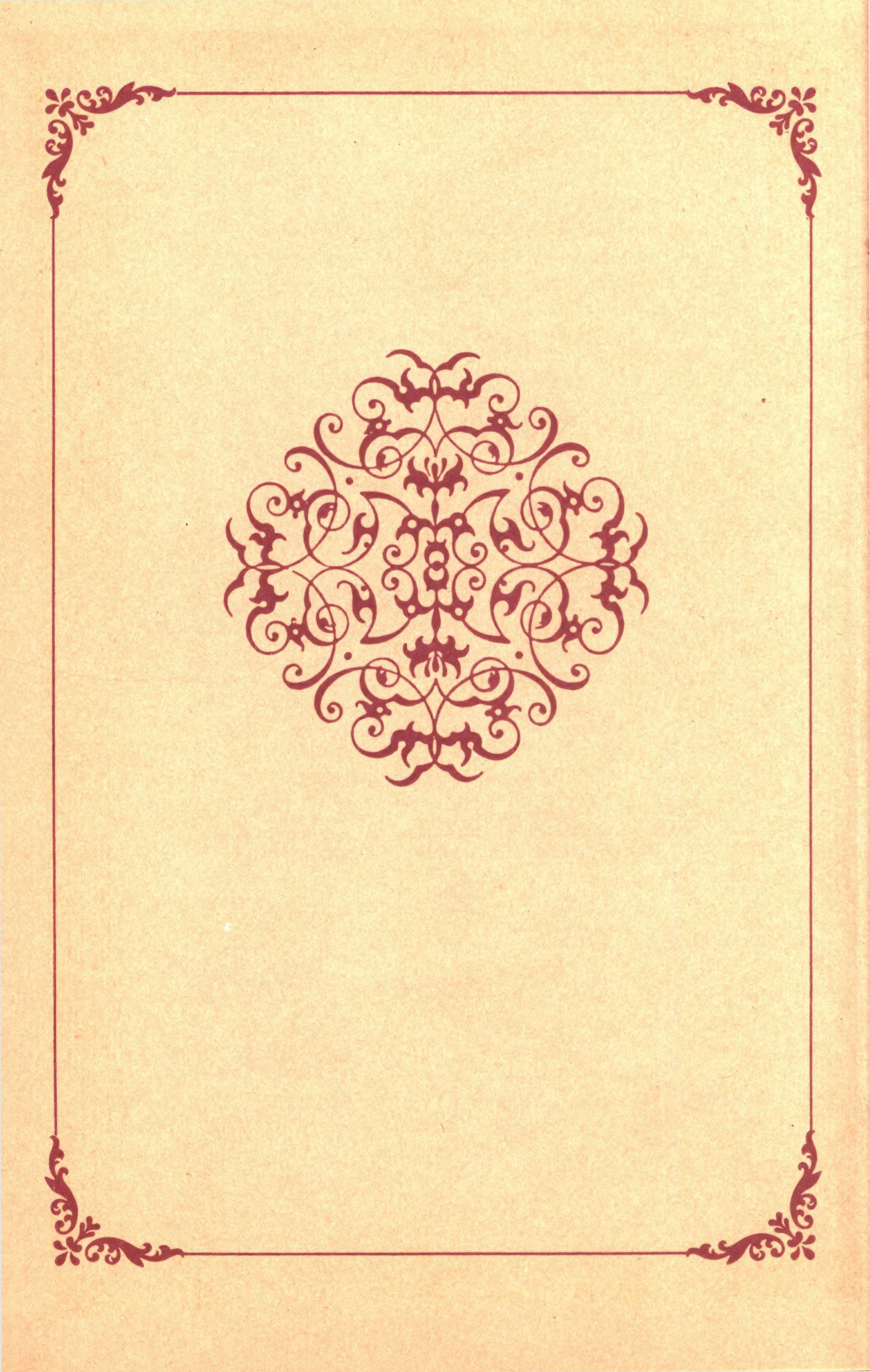
Текстовые диапозитивы изготовлены
во 2-й типографии издательства «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский пер., 6.

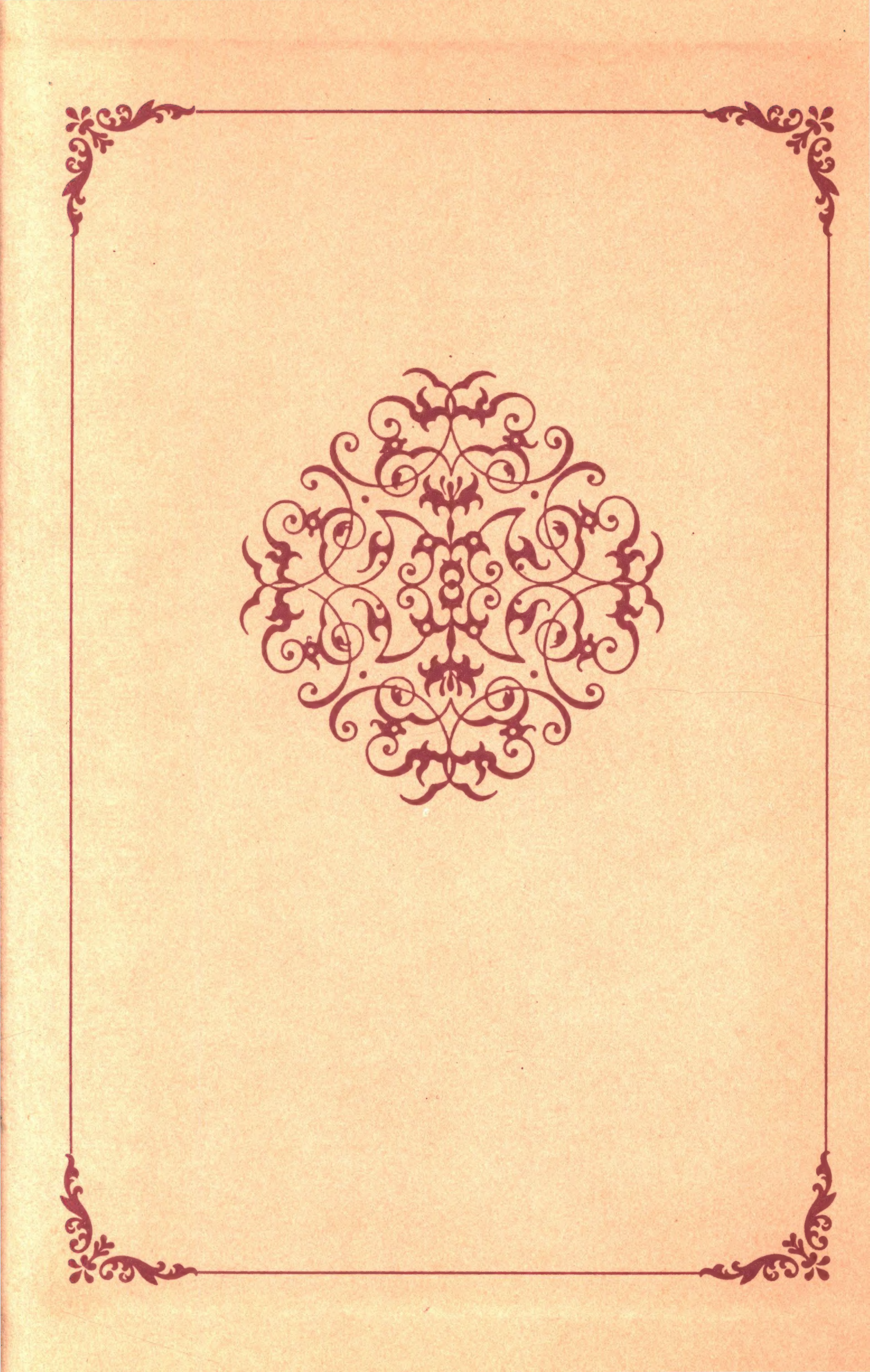
Отпечатано с диапозитивов
на Калининском ордена Трудового
Красного Знамени полиграфкомбинате
детской литературы им. 50-летия СССР Госкомиздата РСФСР.
170040, г. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

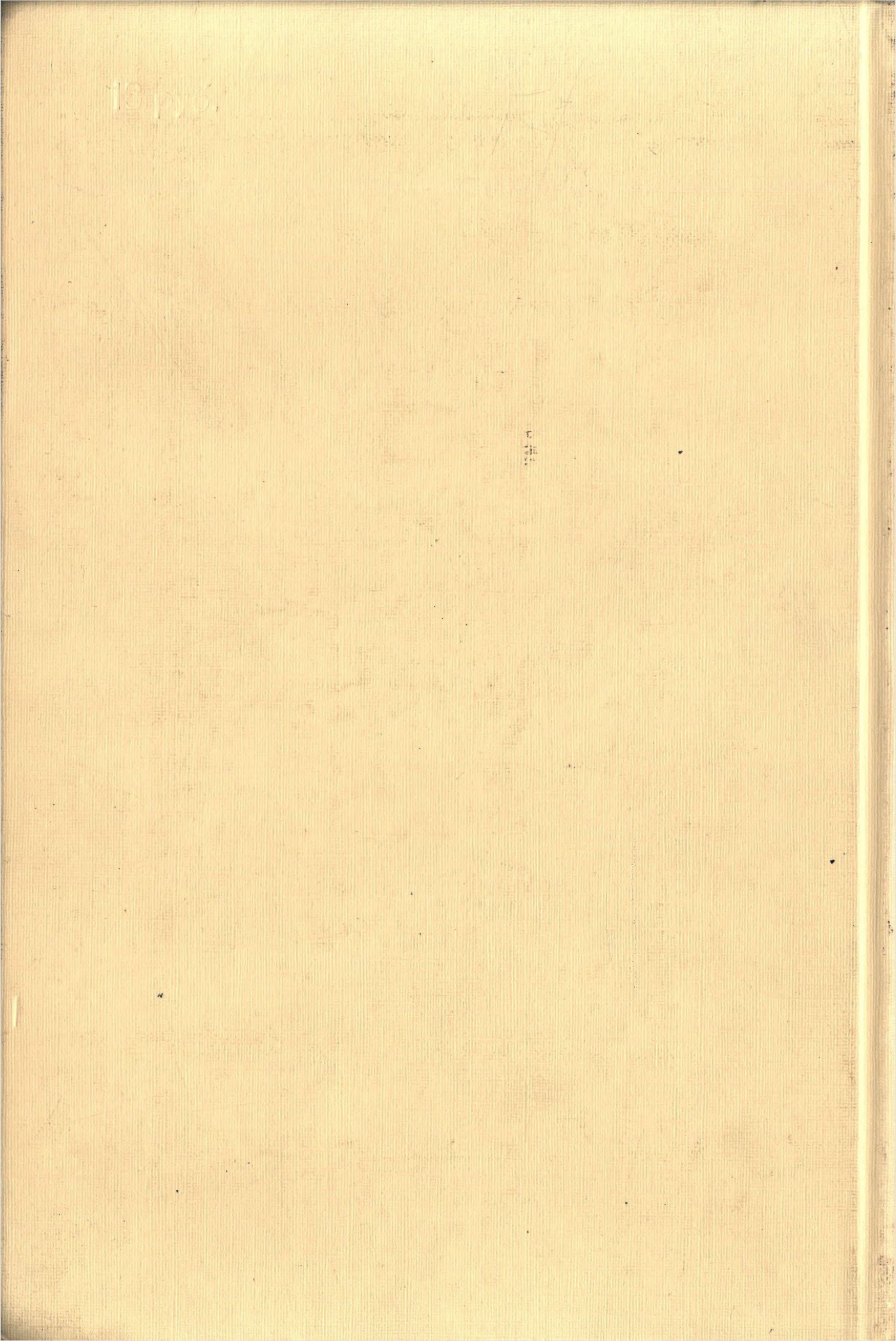

В $\frac{4702010104\text{-}07}{939\text{-}90}$ — без объявл.

ISBN 5—85202—022—2

10 руб.

К. Валишевский
ПРЕЕМНИКИ ПЕТРА